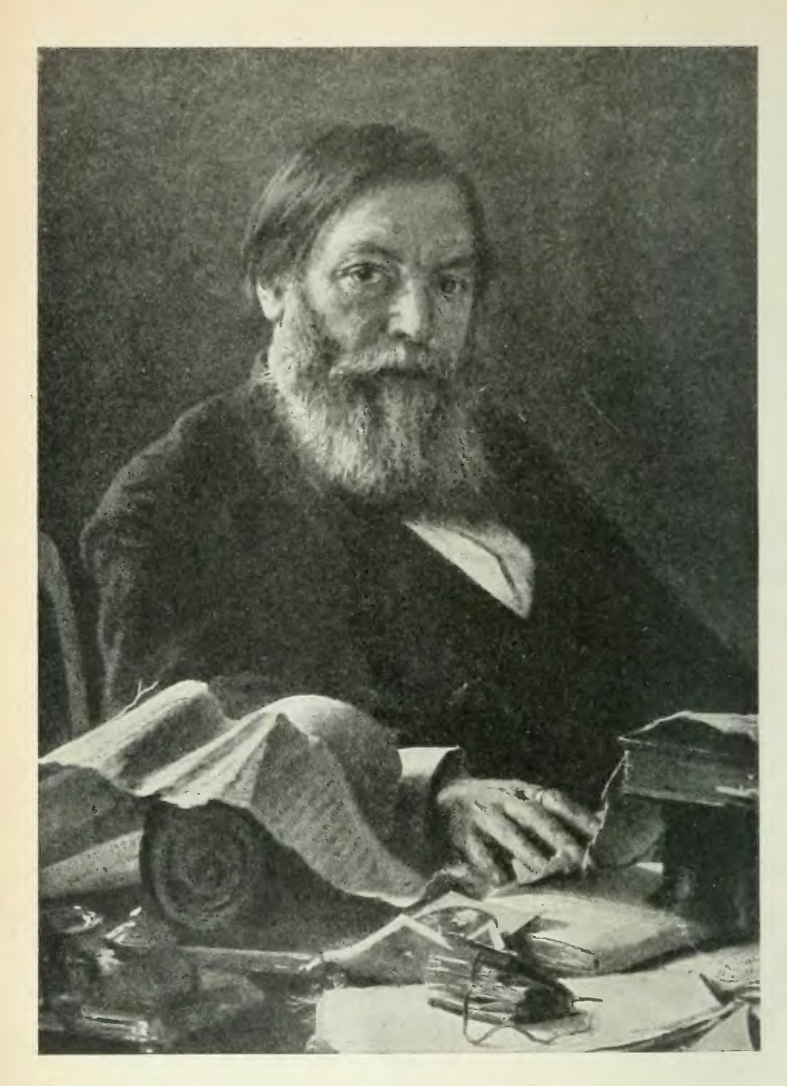

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306510 9

Павелъ Мельниковъ

Арт. зав. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

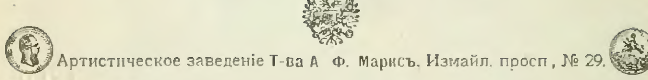
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова (и съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1909.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ. Измайл. просп., № 29.

П. И. Мельниковъ-Печерскій.

(Критико-біографическій очеркъ).

I.

Въ портретной галлереѣ русскихъ писателей трудно воздержаться отъ нѣкоторыхъ параллелей, идущихъ глубже внѣшняго сходства. Отъ страдальческаго лица Салтыкова васъ невольно тянетъ къ портрету Достоевскаго. Вы смотрите на этотъ „комокъ нервовъ" и вспоминаете роднившій обоихъ писателей страстный пылъ писательства и трибунства. Есть что-то общее въ барски-аристократическихъ лицахъ Алексѣя Толстого, Гончарова, Тургенева, какъ есть нѣчто явно общее и въ ихъ спокойномъ, нѣжномъ и ласковомъ писательствѣ. „На одно лицо" Чернышевскій и Добролюбовъ. Одна печаль у Глѣба Успенскаго и Гаршина — въ лицѣ и въ книгахъ.

Еще два лица напрашиваются на такую же неизбѣжную, можетъ-быть, не до конца ясную и поддающуюся точной формулировкѣ параллель. И то и другое — чисто-русскія, широкія, съ крупными чертами лица, лишенныя красоты въ прямомъ ея пониманіи, но одухотворенныя красотой умныхъ, прекрасныхъ глазъ, внимательно всматривающихся изъ-подъ слегка взброшенныхъ бровей, какъ бываетъ у „бывалыхъ", „себѣ на умѣ" купцовъ.

Русская борода широко опушила все лицо и, скравъ черты рта и подбородка, какъ бы оттѣнила большой и благородный лобъ. И на всемъ этомъ — на манерѣ смотрѣть, на складѣ губъ, на этомъ высокомъ лбѣ — природа положила печать высокой интеллигентности и въ то же время чего-то типично-русскаго, какого-то добродушнаго юмора, живой и беззлобной усмѣшки, которая вотъ-вотъ слегка поведетъ губу подъ густымъ усомъ и пробѣжитъ мгновеннымъ огонькомъ въ этихъ умныхъ, чуткихъ, хоть и немолодыхъ глазахъ...

Эти два лица — лица Островскаго и Мельникова-Печерскаго.

Что-то таинственно сближаетъ даже внѣшне людей одного труда, одних настроеній. Очень вѣрно сказалъ одинъ изъ нынѣшнихъ нашихъ философовъ-публицистовъ, что мы къ старости выслуживаемъ свое лицо, какъ солдаты — Георгія. Если бы Мельникову-Печерскому пришлось подыскивать въ русской литературѣ логическую параллель, — пришлось бы остановиться именно на столь близкомъ къ нему по портретному сходству Островскомъ.

Въ великолѣпной картинной галлереѣ русскаго бытописательнаго искусства Мельникову принадлежитъ единственное и чудесное созданіе, имѣющее право быть поставленнымъ непосредственно за холстомъ Островскаго, изображающимъ „темное царство". Огромное, можно даже сказать, необъятное полотно Мельникова посвящено тому же „темному царству", и однако оно не тускнѣетъ, не вянетъ отъ близости къ вдохновенному созданію автора „Грозы".

Авторъ „Грозы" и авторъ „Лѣсовъ" и „Горъ" (такъ Мельниковъ для краткости самъ называлъ иногда свои „Въ лѣсахъ" и „На горахъ") какъ бы размежевали область своего изслѣдованія. Островскій взялъ городъ и село, Мельниковъ—лѣсную дремучину. Островскій тронулъ всю широту „мірскихъ" настроеній „темнаго царства", — Мельниковъ часто проходилъ тамъ же, но преимущественно, спеціально взялъ на себя миссію изучить и показать темную душу въ ея религіозномъ самоопредѣленіи, бросающемъ жутко-мерцающій отсвѣтъ на всякое ея дѣло, слово и мысль.

Островскому выпало счастье найти критика-художника, который прочувствовалъ весь ужасъ его „темнаго царства" и далъ философскій синтезъ всей его работы. Послѣ Добролюбова даже маловнимательному читателю стали ясны всѣ точки надъ i, которыхъ не могъ и не хотѣлъ поставить Островскій, какъ художникъ.

Такого счастья не зналъ Мельниковъ. Его романы появились уже тогда, когда русская критика оскудѣла. Большинство критиковъ не разсмотрѣло ничего дальше внѣшнихъ формъ и внѣшнихъ фактовъ мельниковскаго разсказа. Она слѣдила за ними и преклонялась предъ рѣдкимъ даромъ бытописательскаго мастерства Мельникова, предъ его изумительною памятливостью на жизненныя впечатлѣнія, предъ сочною красочностью, исключительною мѣткостью наблюдательности и колоссальнымъ запасомъ знаній.

Она не хотѣла постигнуть синтеза работы Печерскаго и не могла точными словами уяснить читающей публикѣ, почему онъ ей такъ нравится и такъ врѣзается въ память,—почему, по прочтеніи „Въ лѣсахъ" и „На горахъ", ей становится въ такой мѣрѣ *понятна* русская душа.

Въ этомъ было еще новое доказательство положенія, что наша критика послѣдняго 25-лѣтія не опережала чуткаго читателя, но шла по его слѣду.

II.

По своему духовному складу Мельниковъ — писатель - однолюбъ. Такимъ былъ, напримѣръ, Грибоѣдовъ, всего себя вложившій въ одну безсмертную пьесу. Такими были позднѣе многіе изъ менѣе славныхъ, уходившіе всецѣло въ одну, вѣдомую имъ область жизни и не пытавшіеся черпать изъ незнакомыхъ источниковъ.

Умственныя симпатіи и весь складъ жизни, включительно до избраннаго впос. ѣдствіи рода службы, — устремили Мельникова въ изслѣдованіе русской старины и людей живущихъ по старинѣ, — въ изслѣдованіе русскаго сектантства. И Мельниковъ вылилъ себя всего въ свой капитальный трудъ — романъ о людяхъ, „взыскующихъ града грядущаго".

Двѣ огромныхъ четырехтомныхъ хроники его „Въ лѣсахъ" и „На горахъ", въ сущности, дѣйствительно составляютъ одинъ романъ, какъ потому, что дѣйствіе послѣдняго начинается съ той минуты, какъ кончается первый, при общности отчасти и героевъ, такъ и по однородности изображаемой тамъ и здѣсь среды, — и по колориту, и по манерѣ письма.

Для самого автора созданіе этой огромной всесторонней эпопеи было въ значительной мѣрѣ неожиданностью. Скромная повѣсть на пару журнальныхъ книжекъ подъ названіемъ „За Волгой", по мѣрѣ работы надъ нею, стала превращаться въ грандіозное художественное созданіе, захватывать все большее число лицъ, осложняться переплетомъ событій, какой едва въ силахъ было удержать творческое воображеніе.

Любимое дѣтище Мельникова, его эпопея, и требуетъ къ себѣ прежде всего вниманія читателя и критика. Здѣсь онъ сказался во весь ростъ. Здѣсь ярче и полнѣе выразились всѣ особенности его творчества и его философія, чѣмъ въ его обличительно - бытовыхъ разсказахъ первой поры или полуисторическихъ повѣстяхъ о старорусскомъ дворянствѣ и крѣпостномъ народѣ.

„Въ лѣсахъ" и „На горахъ" давно стали однимъ изъ тѣхъ фундаментальныхъ для русскаго человѣка сочиненій, безъ которыхъ не можетъ быть полнаго литературнаго образованія. Страницы изъ него давно вошли въ хрестоматіи. Еще при жизни Мельникову было сдѣлано министромъ народнаго просвѣщенія предложеніе издать „Въ лѣсахъ" въ видѣ народной хрестоматіи, съ устраненіемъ мѣстъ, какихъ не хотѣлось бы давать въ руки крестьянскимъ дѣтямъ. Только случайныя обстоятельства помѣшали осуществленію этого намѣренія. Таково офиціальное засвидѣтельствованіе серьезности и цѣнности труда Мельникова, столь рѣдко выпадающее на долю русскаго писателя не только при жизни, но даже и по смерти.

„Въ лѣсахъ" и „На горахъ" — бытовая хроника жизни русскаго люда, придерживающагося „старой вѣры" и разбросаннаго по обоимъ

берегамъ Волги въ нижегородскихъ и костромскихъ краяхъ. Вы начинаете читать эту эпопею и съ первыхъ же главъ чувствуете себя въ своеобразной атмосферѣ быта, опредѣляемаго особыми понятіями о вѣрѣ, вѣковыми, священно хранимыми обрядами, повѣрьями и преданіями.

Это „государство въ государствѣ“ — „страна отцовъ“, гдѣ люди не дѣлаютъ жизнь, но покорно несутъ на себѣ оброкъ жизни, начертанной во всѣхъ мелочахъ старшими поколѣніями. Церковная служба со своимъ „благочиніемъ“ врѣзалась въ эту жизнь настолько властно, что и обыденному, будничному укладу передала тѣ же основы серьезности, степенности, уставнаго порядка и благообразія. Здѣсь все предначертано и вылилось въ обрядъ, — и свадьбы, и „умыканья“ молодыми людьми дѣвушекъ, и прощенія отцами дочерей — все совершается по разъ заведенному „обычаю“, по тому исконному „правилу“, по какому служатъ въ „моленныхъ“ молебны и всенощныя.

Главный интересъ Мельникова и главная его заслуга, которая въ глазахъ большинства его критиковъ такъ и не освѣтилась, — именно въ томъ, что онъ начерталъ жизнь русской души подъ угломъ зрѣнія и въ окраскѣ религіознаго уклада. То, что онъ съ изумительнымъ знаніемъ и мастерствомъ воспроизвелъ *бытъ* русскаго старовѣрія и потомъ („Въ горахъ“) сектантства, далеко не такъ важно, какъ уясненіе имъ *психологіи* этихъ людей, такъ близко подпустившихъ къ своему сердцу законъ преданія, законъ обычая, что личная жизнь этого сердца оказалась смятой, задавленной и заглушенной.

Вотъ центральная точка въ писательствѣ Печерскаго, въ которую должны бить всѣ лучи философской критики и которая осталась въ тѣни, потому что наша критика была какою угодно — исторической, гражданской, эстетической, но не философской.

Первое — красочный бытъ, удивительное своеобразіе внѣшнихъ формъ народной жизни — видѣли. Второе — трагедію душъ, лишенныхъ счастья или отказавшихся отъ него во имя гнѣвнаго и немилостиваго Бога, запрещающаго всякую земную радость, — просмотрѣли. Видѣли черную рясу матери Манефы или вчера еще беззаботной Фленушки, но прислушаться къ біенію ихъ сердецъ подъ этою, на одинъ у всѣхъ образецъ рясою, — не сумѣли.

И это было огромной критической ошибкой, потому что выводы Мельникова просятся подъ обобщенія. Они уясняютъ нѣчто — и многое — не только въ ограниченной сравнительно области „людей древняго благочестія“.

Они знаменательны для постиженія русской души вообще. И въ литературныхъ типахъ русской интеллигенціи, и въ подлинной жизни можно многое понять при свѣтѣ этого подсказа Мельникова о религіи, умерщвляющей земное счастье и дѣлающей изъ людей мертвыя и унылыя „машины долга“.

III.

Художественная эпопея Мельникова отразила во весь ростъ жизнь поволжанъ. По своей канвѣ это такой же характерно-русскій романъ, какъ и по всѣмъ бытовымъ краскамъ. Иностранный читатель, можетъ-быть, оказался бы разочарованъ отсутствіемъ здѣсь изысканной фабулы, замысловатыхъ приключеній, занимательныхъ неожиданностей. Нѣтъ здѣсь ни револьверныхъ выстрѣловъ, ни таинственныхъ масокъ, ни жуткихъ подземелій. Все повѣствованіе Мельникова льется ровно и неторопливо, какъ ручей въ долинѣ, съ тихимъ журчаньемъ, — идетъ, такъ сказать, слегка волнистою линіей, не дѣлающею рѣзкихъ зигзаговъ ни вверхъ ни внизъ.

Проходятъ передъ вами волжскіе „богатѣи", въ родѣ Патапа Чапурина, съ ихъ домами — „полными чашами", съ плотными обѣдами и шумными пирами, милыя дѣвушки Насти и Параши, скучающія по старобоярскому обычаю въ своихъ одинокихъ свѣтелкахъ, подъ монотонный сказъ нянекъ и бабушекъ, томятся по нимъ добрые молодцы, въ родѣ Алексѣя Лохматаго или Петра Самоквасова. Неподкрашенная, неретушированная, переливается передъ вами неторопящаяся русская жизнь, въ которой, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ того бурнаго кипѣнія, той внѣшней вычурности, какія даютъ такую живость заграничному бульварному роману.

Тысячники Чапурины торгуютъ и наживаются. Авантюристы Стуколовы или елейные отцы-игумны Михаилы мошенничаютъ около нихъ, втягивая ихъ въ остроумно придуманную ловушку золотопромышленности, — и попадаются. Сладкогласые „начетчики" и „уставщики" кружатъ головы молоденькимъ скитскимъ „бѣлицамъ". Практическіе выходцы изъ крестьянства, въ родѣ Алексѣя, ведутъ умную атаку на дочерей богатѣевъ. Переплетаются дѣло съ бездѣльемъ, пирушки съ днями труда, любовь съ равнодушіемъ и ненавистью, — словомъ, растетъ и ширится прихотливый узоръ нѣсколько монотонной русской жизни.

Въ обрисовкѣ русской обыденщины и обыденнаго чувства Мельниковъ идетъ не одиноко, но рядомъ съ другими русскими писателями, освѣщавшими бытъ купечества и крестьянства, и прежде всего съ Островскимъ. Критика не разъ указывала, что здѣсь, въ постиженіи народныхъ типовъ, онъ близокъ къ бытописателю Титовъ Титычей, Дикихъ или Кабаниxъ. Это дѣйствительно можно видѣть, напримѣръ, на фигурѣ Чапурина.

Только не связанный стѣсняющими рамками драматическаго произведенія, Мельниковъ могъ освѣтить фигуру Чапурина во всей полнотѣ человѣческихъ слабостей и красотъ при основной чертѣ самоволія.

Онъ могъ быть и былъ совершенно самостоятельнымъ въ частностяхъ. Въ критикѣ считается прочно установленнымъ фактъ, что писатель рисовалъ Чапурина съ натуры, и оригиналомъ былъ для него нижегород-

скій милліонеръ Н. Е. Бугровъ, покровитель заволжскаго раскола. Черты типично-русскаго человѣка были крѣпки въ Бугровѣ не менѣе, чѣмъ въ Чапуринѣ. Многократный милліонеръ, онъ, по разсказамъ, не отказался отъ прежняго простого образа жизни до самой смерти. Такъ, на пароходахъ онъ ѣздилъ третьимъ классомъ, буфета не признавалъ, бралъ съ собою ржаной каравай съ огурцами и лукомъ и носилъ самую скромную одежду.

Всегдашній даръ объективности сослужилъ здѣсь писателю огромную службу. Сквозь налетъ деспотизма и самодурства на васъ смотритъ изъ Чапурина славная русская душа, талантливая и богатая, широкая въ щедрости и любви и органически неспособная ни на что низкое. Гроза служащихъ, хозяинъ, не сносящій возраженій, Патапъ Максимычъ мѣтко и сразу чувствуетъ дѣльнаго человѣка и готовъ безъ всякаго сторонняго побужденія самъ оцѣнить и отблагодарить усердіе работника. Весь замкнувшійся въ завѣтахъ и преданіяхъ благочестивой старины, онъ чуждъ ея суетныхъ предразсудковъ и безроднаго человѣка, въ которомъ увидѣлъ умную голову и порядочность, готовъ ввести въ свой домъ и въ свою семью, не считаясь съ тѣмъ, что это „невмѣстно“ ему, какъ „тысячнику“, и съ тѣмъ, что̀ объ этомъ „скажутъ“.

IV.

Крѣпко и грозно несетъ онъ власть надъ своими подчиненными, какъ и надъ своей семьей, но ничто человѣческое ему не чуждо. И Мельниковъ умѣетъ показать въ этомъ кряжистомъ и могучемъ человѣкѣ всего лишь несчастнаго отца, когда Чапуринъ узнаётъ о паденіи своей дочери Насти съ имъ же обласканнымъ и пригрѣтымъ Алексѣемъ.

Сцена, гдѣ Чапуринъ вызываетъ къ себѣ соблазнителя покойной дочери и одѣляетъ его ассигнаціями, не имѣя силъ дольше жить вмѣстѣ съ своимъ обидчикомъ и, можетъ-быть, виновникомъ дочерней смерти,— полна глубокаго трагизма и жизненной правды. Восклицаніе: „тяжелы ваши милости!“ — вырывающееся изъ устъ подлинно подавленнаго его великодушіемъ Алексѣя, позволяетъ почувствовать дѣйствительную душевную „тугу“ того, кто долженъ принять это великодушіе отъ человѣка, въ которомъ до тѣхъ поръ видѣлъ только „хозяина“ и грозу.

Въ параллель этому мѣсту изъ романа „Въ лѣсахъ“ по выразительности можно поставить еще одну сцену изъ того же романа, гдѣ Чапуринъ прощаетъ свою дочь Парашу, вѣнчавшуюся самокруткой съ полюбившимся ей Васильемъ Борисычемъ.

Съ неспокойнымъ сердцемъ читатель слѣдитъ за этой сценой, гдѣ молодыхъ людей ждетъ неминуемая кара за ослушаніе родительской волѣ. Только-что обвѣнчавшаяся чета, которая могла бы быть счастливой своей молодой радостью, стоитъ ни жива ни мертва передъ грознымъ отцомъ.

Старикъ топаетъ ногами, подбираетъ самыя злыя, „послѣднія“ слова. Вотъ наконецъ плетка его пошла гулять по виноватымъ спинамъ.

„— Мамынька! Прости меня, окаянную,—голоситъ Параша, валяясь у ногъ матери: — благослови свое дѣтище!..

„— Я те прощу!.. Я те благословлю! — кричитъ Патапъ Максимычъ, уже уставшій и браниться и работать плетью, и вдругъ обращается къ женѣ съ ясной улыбкой:

„— Простить, что ли, ужъ ихъ, старуха?

„— Какъ знаешь, кормилецъ. Ты — въ дому голова. Какъ ты, — такъ и я...

— Ну, такъ и быть... Прощать такъ прощать, миловать такъ миловать! Вставайте! Богъ васъ проститъ! — говоритъ онъ, стегнувъ зятя въ послѣдній разъ и бросая въ сторону плетку“.

И черезъ минуту уже веселымъ голосомъ онъ отдаетъ приказъ о свадебномъ столѣ, о яствахъ и винахъ, и дѣло кончается разливаннымъ пиромъ, если не на весь міръ, то на всю округу, съ загуломъ на цѣлыя полторы недѣли.

„Обрядъ справлялъ Патапъ Максимычъ“,—дѣлаетъ ремарку Мельниковъ, описывая чапуринскій наигранный гнѣвъ, и вы точно видите, какъ спокойное лицо разсказчика поводитъ благодушная улыбка „въ усъ“.

Купецъ-тысячникъ на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ золъ, а если хотите, и вовсе не сердитъ на дочку и зятя, взявшихъ на себя самихъ заботу о своей судьбѣ. Но какъ измѣнить старому обычаю дѣдовъ, которые въ такихъ случаяхъ въ своемъ исконномъ преданіи завѣщали обойденному отцу „малость поучить“ самоволовъ, прежде чѣмъ дать имъ свое родительское прощеніе и благословеніе!

Въ этой сценѣ сказался настоящій художникъ и настоящій наблюдатель живого русскаго человѣка

V.

Одна изъ самыхъ интересныхъ и значительныхъ сторонъ писательства Мельникова — именно въ показаніи страшной и порою сокрушительной власти этого „стараго закона“ надъ душою людей новыхъ временъ. Трагизмъ большинства его героевъ въ томъ, что они, живые, жаждущіе счастья, молодые и сильные, опередили то „уложеніе“ жизни, которому должны подчиняться.

Этотъ исконный, старый укладъ, почивающій на Домостроѣ и продиктованный далекою стариной, старыми закоптѣлыми и закапанными воскомъ церковными книгами въ тяжелыхъ дубовыхъ крышкахъ, — такъ же негоденъ для нихъ, какъ младенческое платье взрослому. Но судьба заставляетъ ихъ щеголять въ этомъ тришкиномъ кафтанѣ, считать выше всего въ мірѣ постановленія какихъ-нибудь отцовъ лаодикійскаго собора и подчиняться непреклонной волѣ какой-нибудь старой

игуменьи Манефы, своими понятіями сближающей вѣкъ Алексѣя Михайловича съ вѣкомъ Николая.

Мельниковъ отмежевалъ себѣ область быта и нравовъ, въ которой поразительно рельефно можно было показать эту практическую неприменимость стараго идеала къ новой жизни. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно было ярче почувствовать деспотію стараго уклада, какъ не въ жизни людей, взыскавшихъ на землѣ „ангельскаго образа“?

По особенностямъ того жанра, въ которомъ работалъ Островскій, ему было совершенно невозможно показать убіеніе живой души вѣрою въ грознаго и всеосуждающаго Бога. То, что было невозможно для Островскаго, невозможно даже и для современнаго драматурга по условіямъ повышенной сценической цензуры.

Это оказалось возможнымъ для Мельникова и потому, что онъ избралъ такую просторную литературную форму, какъ романъ, и потому, что въ своемъ романѣ онъ ни на минуту не переступилъ границъ объективнаго художника, не ввелъ ни одной страницы тенденціозной публицистики, рисковавшей оказаться подъ краснымъ крестомъ цензорскаго карандаша.

И можно сказать съ совершенною увѣренностью, что Добролюбовъ былъ бы счастливъ, если бы въ ту пору, когда онъ писалъ свою замѣчательную критику на „Грозу“, подъ его рукою оказалась первая половина эпопеи Печерскаго. Здѣсь со старинныхъ, до-никоновскихъ иконъ „правильнаго“ старирннаго письма глянулъ бы на него ликъ того немилостиваго, страшнаго, вѣчно гнѣвнаго Бога, который заставлялъ бѣдныхъ Катеринъ искать избавленія отъ душевныхъ мукъ на днѣ Волги, а милыхъ, веселыхъ, жизнерадостныхъ Фленушекъ — сознательно отказываться отъ счастья съ любимымъ человѣкомъ и накрывать свой пылающій мозгъ клобукомъ монахини.

Мельниковъ никогда не былъ „бунтаремъ“ ни въ какомъ смыслѣ. Въ своемъ писательствѣ онъ былъ, если можно такъ выразиться, ортодоксаленъ не менѣе, чѣмъ въ своей чиновничьей службѣ. Всего менѣе онъ писалъ свою поволжскую хронику съ цѣлью что-нибудь опротестовать.

Онъ не хотѣлъ ни революціи ни бунта въ изображаемой имъ средѣ, да наконецъ и всего менѣе онъ писалъ свои книги для людей „старой вѣры“. Можетъ-быть, только теперь, когда его сочиненія становятся достояніемъ милліоновъ, его „Въ лѣсахъ“ прочтутъ и тѣ, о комъ романъ писанъ. Его скорѣе можно было бы заподозрѣть даже въ нѣкоторомъ любованіи тѣми формами жизни, какія онъ описывалъ.

Какъ коренному русскому человѣку, съ прирожденною любовью къ старинѣ, съ живымъ ощущеніемъ ея умирающей красоты, притомъ же съ несомнѣннымъ складомъ ума консерватора, — ему невозможно было отрѣшиться отъ нѣкотораго обаянія этихъ формъ, увлекавшихъ мысль въ красивое руское прошлое.

И тѣмъ не менѣе, когда теперь, черезъ призму болѣе чѣмъ четверти

вѣка, смотришь на книги Печерскаго, — видишь, что никто другой не далъ такихъ убѣдительныхъ данныхъ для того, чтобы осудить тиранію стариннаго русскаго уклада. Это часто наблюдается въ литературѣ. Самые спокойные и объективные писатели иногда прочнѣе всѣхъ утверждаютъ знамя бунта.

Такъ прихотливая жизнь часто повторяетъ библейскую исторію Валаама, вышедшаго на проклятіе Израилю, но изрекшаго ему благословеніе. Художники иногда творятъ безотчетно, можетъ-быть, сами не видя во всю величину своей исторической миссіи. Можно вспомнить Чехова, который, никогда не будучи трибуномъ, громче всѣхъ сказалъ, что можно задохнуться и нельзя больше жить въ безвоздушномъ пространствѣ русской реакціи.

VI.

Страшную философію русской темной души, не только боящейся Бога, но смертельно „испуганной“ Богомъ, Мельниковъ показалъ съ такою силою, какъ никто другой.

Значительная доля людей, укрывшихся въ скитахъ подъ широкою темною рясой — изъ тѣхъ обойденныхъ жизнью, которымъ въ міру не нашлось мѣста. Отрекшіеся отъ него и всѣхъ его сладостей, они пришли сюда искать „страстей умиренія“. Богъ и міръ въ ихъ понятіяхъ — полюсы, контрасты, взаимно-уничтожающіяся величины. Гдѣ міръ, тамъ нѣтъ Бога, и Богъ начинается тамъ, гдѣ умеръ міръ. Всякая земная радость — „вражда Богу“, „прелесть бѣсовская“, „сѣть сатанина“. Одна мысль о мірскомъ вызываетъ на устахъ благочестиваго скитника неизмѣнное восклицаніе: — „Охъ, искушеніе!“.

Такъ вычеркнуто изъ жизни этою жестокою вѣрою все, что̀ есть прекраснаго и радостнаго въ жизни, — женская улыбка, женская любовь, рожденіе дѣтей, дѣтская ласка, тихое счастье семьи. Передъ вами какое-то царство заживо умерщвленныхъ людей. Покойницкая тихость сердца, полнѣйшее „умертвіе“ для міра — здѣсь мечтаемый и мучительно искомый идеалъ.

Все прошлое безповоротно забыть, привести волю въ безстрастіе, погасить мысль вѣчною „умною“ молитвой, которая бы теплилась въ бодрствованіи и снѣ, какъ неугасимая лампада предъ иконой — вотъ предѣлъ здѣшнихъ желаній и молитвъ. Темная, длинная, бревенчатая моленная, съ низкимъ потолкомъ и съ закопченными стѣнами типа тѣхъ, какія вы еще теперь встрѣтите въ какомъ-нибудь Новозыбковѣ или Стародубѣ... Трепетное, замирающее мерцаніе тоненькихъ восковыхъ свѣчекъ и слабый, слегка сладковатый запахъ горящаго воска... Темнѣющіе строгіе лики изсохшихъ и испостившихся угодниковъ на иконахъ... Вотъ атмосфера этой жизни, уподобляющейся „житію“. Безжизненныя, тихія, какъ тѣни, блѣднолицыя, съ заостривишимися носами, переходятъ отъ клироса къ клиросу старыя матери Иларіи и Евпраксіи... Звучатъ

похороннымъ напѣвомъ, проклятіемъ всему міру отчаянныя слова церковной пѣсни:

„— Гдѣ есть мірская красота? Гдѣ есть временныхъ мечтаніе? Не же ли видимъ землю и пепелъ? Что убо труждаемся всуе?“

Пришли въ келіи, но и тамъ не легче отъ причитаній старухъ-монахинь, у которыхъ на устахъ „только антихристъ да антихристъ да вся супротивная сила“, или отъ заунывныхъ стиховъ — все о смерти, гробѣ, червѣ, подобранныхъ точно нарочно для того, чтобы терзать и мытарить душу:

„— И слезы убожества, и гордость завистная — на семъ вольномъ свѣтѣ все минетъ... И ляжемъ мы въ гробы, прижмемъ руки къ сердцу. Кости наши пойдутъ землѣ на преданіе. Тѣлеса наши пойдутъ червямъ на съѣденіе. А богатство, гордость, слава куда пойдутъ?“

А жизнь не сдается, сердце не хочетъ умирать, міръ претъ назойливо, дерзко, властно въ каждую дверь, въ каждую щелочку. Его заманчивый гулъ доносится и сюда, въ скитскую дремучину, и въ этомъ гулѣ слышится искусительный разсказъ о томъ, какъ тамъ пировали и пили сладкія вина, тамъ плясали на веселой свадьбѣ, тамъ цѣловались, любились и рождали чудесныхъ, смѣющихся и тепленькихъ дѣтей, и жили душа въ душу, покупали и продавали, гадали въ крещенскій вечеръ, справляли честной Семикъ или Ивана Купалу, и красныя дѣвицы плели вѣнки и бросали ихъ въ рѣку, слѣдя, къ какому берегу они пристанутъ...

Старые критики иногда ставили Мельникову въ упрекъ, будто бы онъ повертывалъ скитскую жизнь передъ читателями преимущественно свѣтлою ея стороной. Живутъ здѣсь сытно и покойно, подъ прикрытіемъ и „заступленіемъ“ старовѣровъ-богатеевъ, пересуживаютъ мірянъ, разсказываютъ сказки, собравшись на своеобразныя „засидки“, поютъ молодыми голосами пристойныя пѣсни. Казалось бы, не житье, а рай!..

Этотъ упрекъ не очень убѣдителенъ для тѣхъ читателей Печерскаго, которые хоть на минуту задумались надъ только-что намѣченной нами трагедіей душъ, раздавленныхъ безрадостной вѣрой. Не одинъ разъ Мельниковъ показалъ, что таитъ сердце, прикрытое черной рясой. Онъ часто заглядываетъ въ сердце главной начальницы скитовъ, игуменьи Манеоы, этого чудеснѣйшаго изъ своихъ созданій.

Ей ли, казалось бы, не рай жить здѣсь и властвовать! И однако передъ вами въ существѣ своемъ глубоко несчастная женщина, избравшая „ангельскій образъ“ отнюдь не по вольному влеченію сердца, а подъ тѣмъ же давленіемъ страха „вѣчной гибели“, „зубовнаго скрежета“ и „огня геенскаго“.

Когда-то, въ далекой юности, молодая, только-что расцвѣтшая для счастья Матреша полюбила свободнаго, какъ она сама, Стуколова. И молодой человѣкъ полюбилъ дѣвушку. Жить бы да радоваться, но

страшный Богъ отцовъ требуетъ Матрешу себѣ въ жертву. Надъ постелью забеременѣвшей и рождающей дѣвушки сидитъ и каркаетъ страшная жрица этого страшнаго Бога, мать Платонида. Съ какимъ-то безчеловѣчнымъ сладострастіемъ она поддразниваетъ изнемогающую въ корчахъ дѣвушку карой Божьей за ея грѣхъ на томъ свѣтѣ. Съ какимъ-то отвратительнымъ захватомъ она твердитъ ей о кромѣшной тьмѣ, червѣ безконечномъ, огнѣ негасимомъ, которыхъ ей не избѣжать...

Скудная, темная, юная душа совершенно раздавлена физической мукой и этой нравственной пыткой. Она мечется, какъ крыса въ ловушкѣ, истязуемая раскаленнымъ прутомъ. Дѣвушка готова на все, и палачъ въ черной рясѣ, пользуясь случаемъ, вырываетъ отъ нея обѣтъ принятія иночества.

„— Обѣщаешься ли Христу?

„— Обѣщаюсь.

„— Принять ангельскій образъ иночества?..

„— Обѣщаюсь..."

И, достигшая своего, мучительница Платонида съ радостнымъ вздохомъ шлетъ молитву къ небесамъ:

„— Боже, сильный, милостію вся строяй! Посѣти рабу Твою сію Матрону..."

Казнь совершена. Славной, веселой дѣвушки уже нѣтъ. Вмѣсто нея будетъ двигающійся покойникъ — мать Манеоа.

Если эта сцена, которую нельзя читать безъ волненія, не создаетъ основаній для протеста, то не знаю, какія нужны для этого основанія. Если помнить эту страницу изъ жизни Манеоы, то въ какую минуту мельниковскаго повѣствованія можно повѣрить въ возможность счастья для нея, хотя бы и сытой, и богатой, и начальственно-вознесенной?

VII.

А между тѣмъ рана, какую носитъ въ душѣ Манеоа, довольно обычная рана скитницъ. И имъ, какъ Манеоѣ, никогда не забыть той капли земного блаженства, какая выпала на ихъ долю, и ничѣмъ не избыть тоски безсонныхъ ночей, наполненныхъ кошмарнымъ образомъ когда-то любимаго.

Въ огромной эпопеѣ Мельникова есть другая, столь же блестящая иллюстрація „погрома женской души" этимъ „страхомъ Божіимъ" или, точнѣе, „испугомъ Бога". Это исторія пострига славной хохотушки и затѣйницы Фленушки, трагедію которой вы воспринимаете еще болѣе впечатлительно, такъ какъ она проходитъ передъ читателемъ не въ короткомъ очеркѣ въ три страницы, а развивается во всей полнотѣ въ цѣломъ рядѣ живописныхъ главъ.

Вы видите одну за другою милыя шалости этой общей монастырской любимицы, „огневой" дѣвки, которая не лазитъ въ карманъ за словомъ и устраиваетъ чужое любовное счастье во-время сказаннымъ сло-

вомъ или толчкомъ нерѣшительнаго вздыхателя въ объятія возлюбленной.

Только кузнецомъ собственнаго счастья Фленушкѣ не суждено быть. Въ роковую минуту она даетъ обѣщаніе любимой „матушкѣ-игуменьѣ“ — матери ея и по крови — принять „образъ ангельскій“. Приходитъ пора любить. Любитъ Фленушка, любитъ и ее выбранный ею человѣкъ. Доводится ей испытать и сладость его поцѣлуевъ и объятій.

Но страшный призракъ „огня геенскаго“ и „червя неусыпающаго“ срываетъ молодое счастье. Какъ обидѣть матушку? Какъ измѣнить Богу?

И вотъ, не предупреждая своего возлюбленнаго, она постригается въ монахини. Мельниковъ даетъ одну изъ лучшихъ по трагической силѣ картинъ, когда изображаетъ приходъ молодого, пылкаго любовника въ монастырь въ тотъ часъ, когда новопосвященная слышитъ надъ своимъ ухомъ рыдающіе звуки тропаря:

„— Объятія отча отверсти ми потщися. Блудно мое иждихъ житіе. На богатство погибающее уповахъ...“

Съ нетерпѣніемъ ждетъ ничего не подозрѣвающій Самоквасовъ конца службы, чтобы повидаться съ возлюбленной. Вотъ и конецъ...

„— Нѣтъ здѣсь никакой Флены Васильевны, — отвѣчаетъ на его вопросъ строгая старица Таифа: — здѣсь мать Филагрія пребываетъ“.

Счастье кончено. Флена стала Филагріей.

Въ параллель этой сценѣ вспоминается финалъ „Князя Серебрянаго“, гдѣ князь подобнымъ же образомъ узнаётъ страшную вѣсть о любимой женщинѣ отъ своего вѣрнаго слуги.

„— Нѣтъ болѣе Елены Дмитріевны, батюшка, есть только сестра Евдокія...“

Скажутъ, что это подстроенный эффектъ, предъ которымъ не могъ удержаться писатель. Но въ томъ царствѣ испуганныхъ Богомъ людей, которое живописалъ Мельниковъ, безъ всякаго сомнѣнія — эта драма не разъ разыгрывалась совершенно въ такой обстановкѣ. Беллетристовъ иногда напрасно обвиняютъ въ изысканности и выдумкѣ. Жизнь очень часто обгоняетъ своею прихотливостью и капризностью самое пылкое воображеніе романистовъ.

Читателю, сроднившемуся съ эпопеей Печерскаго и успѣвшему полюбить его героевъ, будетъ, безъ сомнѣнія, интересно знать, что образы и Манефы и Фленушки — такіе же несочиненные авторомъ, какъ и образъ Чапурина. Въ свое время въ „Русской Старинѣ“ были напечатаны воспоминанія объ этихъ двухъ лицахъ нѣкоей Коваленковой, со словъ ея бабки, лично знавшей мать Манефу (это было ея подлинное имя) и не разъ бывавшей у нея въ гостяхъ въ скитахъ со своимъ отцомъ.

Есть тамъ свѣдѣнія и о монахинѣ Александрѣ, Фленушкѣ то-жъ (имя Фленушки вымышленное). Судьба дочери игуменьи оказалась очень печальной: инокиня Александра была звѣрски умерщвлена въ своей

кельѣ тѣмъ лицомъ, какое въ романѣ Мельникова выступаетъ подъ именемъ Самоквасова.

Анализъ настроеній, толкающихъ живыя души въ мертвый склепъ, подъ черный клобукъ, былъ бы не полонъ, если бы мы не отмѣтили, что и толкающіе и толкаемые сюда считаютъ въ темнотѣ своей души это самоумерщвленіе „службою Богу“. Мать Платонида не отъ злости причитаетъ надъ рождающей Матрешей-Манеѳой. На ея взглядъ она водится самыми прекрасными и священными побужденіями. Она дѣйствительно и искренно хочетъ „спасти погибающую душу“ отъ червя и огня. И Фленушкѣ сквозь мутный ужасъ ея отказа отъ ослѣпительнаго земного счастья свѣтитъ далекій огонекъ награды „на томъ свѣтѣ“ отъ Небеснаго Жениха.

Сознаніе подчиненія долгу выше всего для всѣхъ этихъ жертвъ самоотреченія. Мельниковъ хорошо понималъ философію русской души, когда писалъ эти образы. Въ грустной русской жизни долгъ издавна сталъ чѣмъ-то тяжелымъ, извнѣ навязаннымъ, не вытекающимъ изъ внутренняго самоопредѣленія человѣка. И это засвидѣтельствовали всѣ образы русской литературы, начиная съ пушкинской Татьяны.

VIII.

Разумѣется, далеко не на всемъ душевномъ складѣ скитскихъ людей Мельниковъ чувствовалъ это смертоносное вѣяніе мрачной, аскетически безрадостно понятой религіозности. Прекрасно знакомый съ подлинными первообразами своихъ Манеѳъ или Таифъ, онъ не могъ не замѣтить и того тихаго сіянія мира и тѣхъ порывовъ свѣтлаго экстаза, какіе вѣра несла въ эти сердца, „прилѣпившіяся къ Богу“. „Сладость церковная“ неотразимо влекла души, дѣлая для вошедшихъ во вкусъ ея и „притерпѣвшихся“ лишнимъ и ненужнымъ міръ. Мельниковъ самъ могъ понять и почувствовать эту поэзію вѣры, изучая трогательныя церковныя пѣсни, внимая унылому, но не лишенному своеобразной, стильной красоты напѣву за скитскими всенощными, или слушая во время ночевокъ въ раскольничьихъ избахъ разсказы какого-нибудь захожаго начетчика или бродячаго монашка.

Тутъ-то не разъ слышалъ онъ сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ или чудесно прекрасномъ Опоньскомъ (Японскомъ) царствѣ — единственныхъ мѣстахъ во всемъ Божьемъ мірѣ, гдѣ сохранилась „правая вѣра“ и „истинное священство“. Мельниковъ передаетъ эти сказанія съ тою лирическою страстностью, какою они отличены въ старинныхъ раскольничьихъ рукописяхъ. Какая-то поэтическая дымка окутываетъ всѣ страницы книгъ Мельникова, гдѣ онъ останавливается на этихъ сказаніяхъ.

Даже самый языкъ ихъ впадаетъ въ языкъ молитвы, и стиль становится пѣвучимъ, какъ стиль чудеснаго „Запечатлѣннаго ангела“ Лѣскова.

Градъ Китежъ — „мѣсто злачное и покойное“. „Поистинѣ здѣсь царство земное — покой и тишина, веселіе и радость: а святіи отцы процвѣтоша, аки крини сельные, и яко финики, и яко кипарисы. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва къ Отцу Небесному — яко оиміамъ благоуханный, яко кадило избранное, яко миро добровонное. И егда нощь пріидетъ, тогда отъ устъ ихъ молитва бываетъ видима: яко столпы пламенные со искрами огненными къ небу поднимаются...“ и т. д.

Не менѣе заманчивы и краски, какими живописуется Опоньское царство:

„Есть за Сибирью христоподражательная древняя церковь асирскаго языка. Тамо, въ Опоньскомъ царствѣ, на Бѣловодьѣ, стоитъ сто восемьдесятъ церквей безъ одной церкви, да кромѣ того россійскихъ древляго благочестія церквей сорокъ. Имѣютъ тѣ россійскіе люди митрополита и епископовъ асирскаго поставленья. А удалились они въ Опоньское государство, когда въ Москвѣ измѣненіе благочестія стало. Тогда изъ честныя обители Соловецкія да изо многихъ иныхъ мѣстъ много народу удалилось. И свѣтскаго суда въ томъ Опоньскомъ государствѣ они не имѣютъ, — всѣми людьми управляютъ духовныя власти. Всякіе земные плоды тамъ въ обильѣ родятся: и виноградъ, и пшено сорочинское...“ и т. д.

И, конечно, не одно нѣмое отчаяніе живетъ въ душахъ отказавшихся отъ земной прелести скитницъ. Знакомы имъ и тихое удовлетвореніе, и „радость о Бозѣ“, и любятъ онѣ неистребимою любовью и унылый звонъ церковнаго „била“, и эти старыя церковныя книги въ восковыхъ капляхъ и въ ветхихъ дубовыхъ дщицахъ, по кожѣ которыхъ „червь книгожитель“ проложилъ свои тропы. Во многихъ сердцахъ давно перегорѣло „земное вожделѣніе“, и ничего ужъ этимъ сердцамъ не нужно, только бы не отнимали отъ нихъ этой неземной сладости и радости. Мельниковъ умѣетъ хорошо передать ту жуть тревоги монастырскихъ старицъ, которая овладѣваетъ ими при каждомъ новомъ слухѣ, что въ скиты ожидается „набольшій чиновникъ“ изъ Петербурга, и что ихъ „Матушку Казанскую“ опечатаютъ и увезутъ, а скиты „запечатлѣютъ“, поставивъ „мерзость запустѣнія, реченную пророкомъ Даніиломъ, на мѣстѣ святѣ“.

„— Красота-то гдѣ будетъ церковная! — съ искреннимъ паоосомъ тоскуетъ подъ такою угрозой мать Таисея. — Вѣдь безъ малаго двѣсти годовъ сіяла она въ нашихъ часовняхъ, двѣсти годовъ творились въ нихъ молитвы по древнему чину за всѣхъ христіанъ православныхъ... И того лишиться должны!.. Распудится наше словесное стадо, смолкнетъ пѣніе за вся человѣки, и къ тому не обновится... Древнее молчаніе настанетъ. Въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ за имя Христово придется намъ укрываться...“

И вы чувствуете, что это не наборъ красивыхъ, понатасканныхъ изъ церковныхъ книгъ „жалкихъ“ словъ, а настоящая тоска души,

отъ которой грозятъ отнять высшую и единственную ея радость на землѣ.

Благодаря тому, что Мельниковъ сумѣлъ приблизить къ читательскому пониманію эту психологію скитскихъ людей, — могучее впечатлѣніе производятъ послѣднія страницы „На горахъ", описывающія „скитское разоренье" по правительственному приказу. И это впечатлѣніе не теряетъ отъ того, что эти страницы писатель создавалъ уже за два года до смерти, больной и не имѣющій силъ держать перо, что онѣ не написаны, а уже продиктованы имъ женѣ.

Вы точно видите всѣхъ „матерей" изъ разныхъ обителей, съѣхавшихся въ скитъ, чтобы видѣть разрушеніе его казенными рабочими. Безъ плача и рыданій, съ выплаканными уже слезами, сидятъ онѣ возлѣ своихъ келій. Стучатъ топоры плотниковъ, сносятся знакомыя кровли излюбленной обители, гдѣ уже смолкло навѣкъ молитвенное пѣніе „за вся человѣки".

Если гдѣ Печерскій приближается къ Гомеру, то именно здѣсь. Онъ невольно впадаетъ даже въ его манеру, въ манеру первобытнаго былиннаго сказанія, и въ длинномъ рядѣ строкъ перечисляетъ читателю, въ какомъ порядкѣ и какъ сидѣли собравшіяся старицы, не боясь, что такой сухой перечень не рекомендуется современной беллетристической техникой и что онъ утомитъ читателя.

Въ чемъ Мельниковъ положительно не знаетъ себѣ соперниковъ, за исключеніемъ Лѣскова, — это въ обрисовкѣ бродячихъ монашковъ и странниковъ, этихъ народныхъ философовъ, извлекшихъ „медъ мудрости" изъ своей мужицкой души да изъ старопечатной святоотеческой книги.

Устами этихъ мудрецовъ-самоучекъ онъ даетъ намъ прямо философское обоснованіе всего міровоззрѣнія изображаемаго имъ люда, „отъ писанія" оправдавшаго весь существующій строй, съ властями и подчиненными, съ крѣпостниками и крѣпостными. Вотъ, напримѣръ, обоснованіе такой разумности и цѣлесообразности всего въ мірѣ въ устахъ древняго старца Іосифа, толкующаго церковный тропарь: „Гласъ Господень на водахъ".

„— То это означаетъ, что отъ Господа три жребія человѣкомъ дано: Симовъ жребій — Богу служити, Іафетовъ жребій — власть держати, Хамовъ жребій — страхъ имѣти. Оттого и поется, чтобы даровалъ Господь Симу, сирѣчь духовному чину, „премудрость" на поученіе людей, Іафету, сирѣчь дворянству, отъ него же и царскій корень изыде, послалъ „духа разума" людьми править, въ разумѣніи всякихъ вещей превыше всѣхъ стояти, а Хаму, сирѣчь черному народу, мужикамъ, мѣщанамъ и вашему брату, купцу, послалъ бы Господь „духъ страха Божія" на повиновеніе Симову жребію и Іафетову. Раби есте... Мы, Симовъ и Іафетовъ жребій, раби Божіи, а вы, Хамовъ жребій, первѣе раби Божіи, а потомъ раби наши, то-есть Симовы и Іафетовы. Вотъ какъ по-Божьему-то. А нынѣ не то, — нынѣ песья нога выше головы стала..."

IX.

По особенностямъ своего таланта Мельниковъ — художникъ чистаго эпоса. Можно указать немного писателей, которые возвышались бы до такой предѣльной художественной объективности, до такого спокойнаго повѣствовательнаго безстрастія, какое отличаетъ его и въ эпопеѣ и въ разсказахъ. Что-то поистинѣ гомеровское есть въ его манерѣ, и это сходство подкрѣпляется и нѣкоторыми частностями, въ родѣ готовности уйти всѣмъ своимъ вниманіемъ въ какую-нибудь бытовую частность, въ родѣ описанія, напримѣръ, пышнаго купеческаго обѣда. Нетороцливо льется повѣсть, и читаешь Мельникова — точно слушаешь стараго и бывалаго дѣда, — спокойнаго, безстрастнаго, привыкшаго ничему не удивляться.

Любезности извѣстнаго библіофила и владѣльца чудесной сокровищницы искусства, П. Я. Дашкова, мы обязаны тѣмъ, что имѣли подъ рукою два объемистыхъ тома, вмѣстившихъ писанный рукою самого Мельникова оригиналъ извѣстныхъ частей романа „На горахъ“, и раннія его рукописи, съ первоначальными планами романа-эпопеи. На самомъ почеркѣ писателя, изумительно мелкомъ, тончайшими штрихами намѣчающемъ буквы, нетороцливо выписывающемъ ихъ каждую раздѣльно по ровнымъ, плавнымъ линейкамъ, кажется, сказалась эта черта его писательскаго темперамента — его объективное спокойствіе, отсутствіе въ его творчествѣ взрыва, волненія, той судорожности, высшимъ представителемъ которой былъ у насъ Достоевскій.

Печерскій именно могъ „работать“ надъ своимъ сказаніемъ, какъ работаетъ спокойный, уравновѣшенный, все крѣпко сложившій въ головѣ лѣтописецъ. Можно съ большою основательностью предполагать, что въ собственномъ смыслѣ „наитія“, „вдохновенія“, того состоянія, когда нервная рука едва успѣваетъ запечатлѣвать слова, — онъ не зналъ, по крайней мѣрѣ, тогда, когда выливалъ на бумагу своимъ бисернымъ почеркомъ созданіе мозга. Можетъ-быть, это было въ первой стадіи его работы, — въ обдумываніи и „вынашиваніи“ образовъ и сценъ.

Характерна и показательна въ этомъ отношеніи и своеобразная манера писателя окончательно обработывать вещь въ корректурѣ. Мельниковъ иногда возвращалъ корректуру совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ она была набрана, и держалъ до шести корректуръ. Сохранившіеся листы его романа для „Русскаго Вѣстника“ испещрены его поправками до такой степени, что правка почти стоила второго набора. Получавшій въ послѣднее время отъ Каткова по 300 рублей за листъ, Мельниковъ разъ навсегда уступилъ 25 рублей съ листа въ пользу наборщиковъ за право держать корректуру такъ, какъ онъ привыкъ.

Самъ онъ придавалъ большое значеніе фактору памяти въ своемъ творчествѣ. На своемъ юбилейномъ торжествѣ, уклоняясь отъ общихъ похвалъ, Мельниковъ самъ отмѣтилъ эту сторону своего писательства.

— Богъ далъ мнѣ память, хорошую память. До сихъ поръ она еще не слабѣетъ. Что̀ ни видишь, что̀ ни слышишь, что̀ ни прочтешь, — все помнишь. Ка̀къ помнишь, — самъ не знаю. А на роду было написано довольно-таки поѣздить по матушкѣ по святой Руси. И гдѣ-то ни доводилось бывать? И въ лѣсахъ, и на горахъ, и въ болотахъ, и въ тундрахъ, и въ рудникахъ, и на крестьянскихъ полатяхъ, и въ тѣсныхъ кельяхъ, и въ скитахъ, и въ дворцахъ, — всего и не перечтешь. И гдѣ ни былъ, что̀ ни видѣлъ, что̀ ни слышалъ, — все твердо помню. Вздумалось мнѣ писать; ну, думаю, давай писать, и сталъ писать „по памяти, какъ по грамотѣ“.

Мельниковъ любуется всѣми подробностями русскаго быта, какъ любитель, соприкасаетъ ихъ съ русской стариной, попутно разсказываетъ всю исторію какого-нибудь обычая, уводя съ собою читателя въ далекія, почти доисторическія времена, на какой-нибудь праздникъ Ярилы. Всѣ, попутно разсказываемыя имъ повѣрья о кладахъ, картинки старинныхъ праздниковъ, приговоры и стихи отличаются точностью чисто-научной передачи.

Въ историческомъ прошломъ онъ былъ такимъ же увѣреннымъ хозяиномъ, какъ и въ современности, и рѣдко кто могъ бы, подобно ему, описать современный народный обычай — всѣ эти ярмарки у Макарья, жизнь золотоискателей или рыбопромышленниковъ, крестьянскія посидѣлки или хлыстовскія радѣнья. Любовь къ такимъ бытовымъ вставкамъ, какъ и къ этнографическимъ описаніямъ, даже нѣсколько вредитъ Мельникову, какъ художнику. Избытокъ этихъ вставокъ во второй половинѣ труда его нѣсколько отягощаетъ чтеніе.

Сохранились извѣстія, что въ послѣднихъ книгахъ „На горахъ“ редакція „Русскаго Вѣстника“ допускала уже сильныя сокращенія текста, подъ предлогомъ нецензурности, что̀ сильно огорчало и раздражало писателя.

Во всякомъ случаѣ два первые тома „Въ лѣсахъ“ остаются непревзойденными.

Преимущественно упирая въ бытовую сторону, Мельниковъ умѣлъ быть на высотѣ и въ чисто-драматическихъ сценахъ. Нужно прочитать въ „Лѣсахъ“ главы признанія Марьи Гавриловны Алексѣю, или любовныхъ горей и радостей Флены, чтобы увидѣть, какимъ мастеромъ могъ быть онъ въ области чистаго „романа“, какъ могъ схватывать зной и трепетъ молодой, долго сдерживаемой страсти.

Настоящимъ, неподграннымъ трагизмомъ вѣетъ отъ зарисованныхъ имъ картинъ смерти и похоронъ Насти, или смерти Оленушки, постриженія Фленушки, воровства кроткой красавицы Марьи Гавриловны милліонщикомъ-старикомъ изъ-подъ носа у любимаго ею человѣка, отъ психологіи Дуни, вступающей въ хлыстовскую общину.

Искусство живописать женскую душу — совсѣмъ особенное искусство, часто ускользавшее даже отъ очень талантливыхъ людей, было въ вы-

сокой мѣрѣ присуще Мельникову. Дѣвичью „кручину", дѣвичьи мечты онъ рисуетъ такими мягкими, нѣжными красками. Чутко понялъ онъ красоту души русской женщины съ ея вѣчною привязчивостью и всегдашнею готовностью на трогательное самоотреченіе. Вспомните Оленушку („На горахъ"), на смертномъ одрѣ завѣщающую своему мужу взять въ жены дѣвушку, которая — она вѣритъ — поддержитъ вдоваго мужа и подниметъ сиротку-дѣвочку. Вспомните самопожертвованіе Фленушки, утѣшающей покинутаго Самоквасова возможностью его счастья съ Дуней, или Груню, идущую за старика, чтобы поднять его дѣтей.

„— Какъ же такъ? Неито пойдешь за старика? — удивленно спрашиваетъ вскормившій Груню Чапуринъ.

„— Пойду, тятя. Онъ добрый... Да мнѣ не онъ... Мнѣ бы только сиротокъ призрѣть...

„— Да вѣдь онъ старый! Тебѣ не ровня!

„— Старъ ли онъ, молодъ, — по мнѣ все одно: не за него, — ради бѣдныхъ сиротъ".

Здѣсь писатель сумѣлъ подсмотрѣть самыя прекрасныя движенія русской женской души.

X.

Второе мѣсто въ литературномъ наслѣдствѣ Мельникова занимаютъ его разсказы. Ихъ немного, но сами по себѣ они давали бы право ихъ автору, если бы онъ ограничился только ими, на совершенно опредѣленное мѣсто въ нашей литературѣ.

Въ этой области Мельниковъ удивительно близко подходитъ къ Салтыкову, въ частности, къ его „Губернскимъ очеркамъ". Подобно Щедрину, Печерскій рисуетъ здѣсь дореформенную русскую кривду со всею открытостью честнаго писателя и освѣдомленностью человѣка, не по слуху, но лицомъ къ лицу видѣвшаго мрачныхъ героевъ русскаго разоренія. Характерно, что оба писателя выступили на это поприще обличенія одновременно.

Длинный рядъ мелкихъ администраторовъ - взяточниковъ, старыхъ „приказныхъ крючковъ", отпрысковъ „крапивнаго сѣмени", проходитъ здѣсь передъ читателемъ. Даръ высокой объективности и высокое чувство мѣры служатъ здѣсь Мельникову чудесную службу. Онъ и здѣсь такъ же, какъ всегда, спокоенъ, не возвышаетъ голоса, не поддается гнѣву или возмущенію. Отъ этого получается впечатлѣніе полнаго историческаго безпристрастія, и ни на минуту краски не кажутся сгущенными, а фактъ преувеличеннымъ.

Проходитъ тутъ передъ вами старый судъ съ своими „посулами" и „даяніями", приговаривающій непрактическаго человѣка къ пенѣ, разоряющей его на всю жизнь, а рядомъ другого, болѣе „предусмотрительнаго", отпускающій чуть ли не съ наградой, т.-е. съ такими „ограниченіями" въ правахъ, которыя для всякаго были бы благодѣяніемъ.

„— Не будутъ тебя въ свидѣтели брать, не станутъ на мірской сходъ пускать, ни въ головы, ни въ старшины, ни даже въ сотскіе аль въ десятскіе не станутъ тебя выбирать“.

Какъ послѣ такихъ „каръ“ счастливому Прошкѣ, совершенно уподобившемуся щукѣ, которую въ наказаніе бросаютъ въ воду, — не упасть въ ноги судьямъ и не возопить:

„— Отцы мои родные, ужъ *коли такія есть до меня ваши милости*, — нельзя ли приписать, чтобы и подводъ-то съ меня не брали!..“ („Дѣдушка Поликарпъ“).

Дальше передъ вами обиралы-пристава, сдѣлавшіе себѣ доходную статью изъ наѣздовъ на раскольничьи скиты, при чемъ каждый сопровождается хорошею взяткой за молчаніе и картинами безумнаго перепуга монашенокъ, хватающихъ антиминсы за пазуху или сосуды въ карманъ („Поярковъ“).

Еще дальше—произведенный въ фальшивомонетчика честный торговый человѣкъ, котораго по дьявольски подстроенному обвиненію готовы уже сослать въ Сибирь, и сослали бы, если бы не „сладились“ на выгодной „мздѣ“.

Вотъ „умный“ провинціальный администраторъ, положившій суммы, отпущенныя на ремонтъ моста, въ свои карманъ, а мостъ только постругавшій и закрывшій для проѣзда на три года („Медвѣжій уголъ“). Вотъ начальникъ почтовой конторы, собирающій съ бѣдняковъ гривенники за „почту“ и бросающій письма подъ полъ, даже не распечатывая ихъ, если они не денежныя („Непремѣнный“). Вотъ драма несчастнаго крестьянина, котораго чуть не ссылаютъ на каторгу за то, что онъ двѣнадцать лѣтъ „царскаго орла жегъ“, т.-е. не скрылъ, что въ его печкѣ оказался кирпичъ съ орломъ, взятый совершенно законнымъ образомъ съ дворцовой стройки („Бабушкины розсказни“).

Всѣ разсказы Печерскаго носятъ такой обличительный характеръ. Не рознятъ съ ними и такіе разсказы, какъ „Красильниковы“, рисующіе непроходимую „дремучину“ души купца-провинціала, разрушившаго счастье своего сына. Противъ своей воли давшій ему университетское образованіе, темный родитель губитъ его потомъ, когда тотъ женится на иновѣркѣ. Здѣсь вы сталкиваетесь опять съ тою же темною силой, съ тою же философіей Платонидъ и Манеоъ, какая разрушала счастье героинь скитскаго царства.

Духъ протеста противъ отвратительныхъ формъ отживающей старины властно вѣетъ надъ разсказами Печерскаго. Не удивительно, что, съ грѣхомъ пополамъ прошедшіе въ свое время цензуру, эти разсказы, собранные въ цѣльную книгу, дали въ свое время (1858 г.) настолько сгущенное впечатлѣніе, что томикъ, уже пропущенный московскимъ цензоромъ, подвергся запрещенію петербургскаго цензурнаго комитета. Въ автографахъ П. Я. Дашкова сохранилась подлинная, писанная рукой Мельникова, обложка сборника. Разрѣшеніе цензора Краузе и печать

его зачеркнуты. Вмѣсто этого поперекъ листка написана зловѣщая резолюція: — „Возвратить издателю безъ одобренія“.

Случай, почти безпримѣрный въ лѣтописяхъ даже нашей, видавшей виды цензуры!..

Въ смыслѣ изученія Мельникова очень любопытенъ разсказъ изъ раскольничьей жизни „Гриша“ — первое пророчество о будущей грандіозной эпопеѣ. Майковъ обдѣлалъ его въ стихотворную поэму. Психологически онъ очень интересенъ своимъ анализомъ религіозно-экстатической души простеца. Этотъ анализъ можетъ объяснить многое недоговоренное въ романахъ Печерскаго.

Если тамъ иногда читатель можетъ задуматься надъ вопросомъ, гдѣ же лежатъ корни рабскаго подчиненія человѣка волѣ „стараго закона“ и церковной книги, то здѣсь онъ видитъ воочію, какою иногда попаляющею лавой наполнено сердце русскаго человѣка, „взыскующаго града грядущаго“, какъ мучительно и пламенно можетъ быть въ немъ исканіе живого Бога и Его правды и страстенъ порывъ отъ земной „скверны“.

Нѣжная, кристально-чистая, хрупкая, какъ цвѣтокъ, душа юноши Гриши здѣсь вся охвачена тѣмъ религіознымъ горѣніемъ, которое устремляло Ѳеодосіевъ въ печерскія катакомбы и гонитъ сейчасъ темныя крестьянскія души въ сектантство, „на подвигъ“ и на готовность „пріять“ хоть смерть за свое исповѣданіе.

Благороднѣйшій матеріалъ, душа, которой мерещится небо и святость, брошена безпощадными условіями русской дѣйствительности въ руки грубаго хищника, и чистый, милый юноша, подвигу котораго, можетъ-быть, удивился бы міръ, — въ Россіи становится только соучастникомъ преступленія — во имя Бога и Божьей правды.

Мельниковъ одинъ изъ первыхъ подошелъ къ этой страшной, типично-русской трагедіи „богоискательства“ съ попаданіемъ на мертвую точку отчаянія въ условіяхъ страшной дѣйствительности, — той трагедіи, къ которой подходили всѣ наши большіе писатели, вплоть до Достоевскаго и Толстого, и послѣдняя страница въ которой для современности представлена „Исповѣдью“ Горькаго.

Особое мѣсто въ ряду повѣстей Мельникова занимаютъ его „Старые годы“, колоритная картина жизни стараго дворянства со всею разнузданностью его права и похоти, съ чудачествами и самодурствомъ, съ фарсами, близкими къ драмамъ. И по задачѣ своей, и по подробностямъ выполненія, и по яркости красокъ эта повѣсть вызываетъ въ памяти такую же поэму стародворянскаго разгула и прихоти, оставленную Лѣсковымъ („Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ“).

Это поистинѣ „глубоко-поэтическая панихида надъ нашими безпутными годами“, какъ выразился объ этой повѣсти одинъ изъ старыхъ критиковъ. Старыя „забавы“ необузданныхъ русскихъ феодаловъ, выпускавшихъ „шутки ради“ костолома-медвѣдя на злополучнаго одно-

дворца, одинъ-на-одинъ, или мазавшихъ медомъ пятки какого-нибудь приживальщика и прихлебателя, чтобы потомъ ихъ лизалъ козелъ до той минуты, пока несчастный чуть не умиралъ въ корчахъ щекотки, — проходятъ здѣсь передъ современнымъ читателемъ, какъ какой-то далекій, жуткій сонъ.

Вспомните, напримѣръ, сцену именинъ затѣйника-князя, когда, ради утѣхи званыхъ гостей, въ княжескія хоромы собираютъ красавицъ-крѣпостныхъ съ цѣлой вотчины. Разодѣтыя красавицы пляшутъ цѣлую ночь, потѣшая „господъ“.

„Заря въ небѣ зарумянится, а въ павильонѣ пѣсни, плясъ да попойка. Воеводы, губернаторъ и другіе большіе господа, — кто пляшетъ, кто поетъ, кто чару пьетъ, кто съ богиней въ уголку сидитъ. Самъ князь Алексѣй Юрьичъ напослѣдокъ съ Дуняшей казачка пойдетъ.

„— Эй, вы, римляне! — крикнетъ подъ конецъ: — похищай сабинянокъ, собаки!

„И схватитъ каждый гость по дѣвочкѣ: кто посильнѣй, тотъ на плечо красоточку взвалитъ, а кто въ охапку ее. А князь станетъ средь комнаты да ту, что̀ приглянулась, перстикомъ къ себѣ и поманитъ...“

То старина, то и дѣянье...

Несмотря на то, что надъ разсказами Печерскаго пронеслось уже полвѣка, они удивительно свѣжи и почти ничуть не устарѣли въ смыслѣ беллетристическихъ пріемовъ. Въ свое время они естественно являлись мастерскими по техникѣ и справедливо соперничали съ первыми обличительными разсказами Щедрина.

По сравненію съ этими ранними разсказами блѣдны и „Княжна Тараканова“, скорѣе конспектъ историческаго романа, чѣмъ романъ, и отрывки, извлеченные изъ бумагъ писателя. Онъ не успѣлъ придать этимъ вещамъ художественную форму.

Изслѣдованія Мельникова о поповщинѣ, безпоповщинѣ и тайныхъ сектахъ всегда высоко ставились знатоками. Извѣстно, что нашъ писатель создалъ въ литературѣ о расколѣ цѣлую школу, получившую имя „мельниковской“, въ противовѣсъ „щаповской“. Время доказало, насколько правѣе былъ Мельниковъ, видѣвшій въ расколѣ религіозно-бытовое, а отнюдь не политически-демократическое явленіе. Какимъ великолѣпнымъ знатокомъ раскола былъ Мельниковъ, можно видѣть уже изъ того, что такой мастеръ этого дѣла, какъ Лѣсковъ, гордился тѣмъ, что онъ „ученикъ Мельникова“.

Чуждыя сухости и высоко интересныя изслѣдованія эти любопытны еще какъ живой комментарій къ типамъ, выведеннымъ Мельниковымъ въ его романѣ и повѣстяхъ.

XI.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ жизни Печерскаго.

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ родился 22 октября 1819 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ его былъ сотеннымъ начальникомъ милиціи, а подъ конецъ жизни служилъ въ гарнизонѣ. Родъ Мельниковыхъ довольно старый, хотя и не значится въ разрядныхъ книгахъ.

Свое дѣтство писатель провелъ по большей части въ городѣ Семеновѣ. Еще въ ранней юности онъ потерялъ отца и мать. По окончаніи Нижегородской гимназіи онъ поступилъ въ Казанскій университетъ, не имѣя еще узаконенныхъ для поступленія шестнадцати лѣтъ. Въ 1837 году онъ кончилъ курсъ и былъ оставленъ при университетѣ. Какое-то бурное проявленіе молодости на одной изъ тогдашнихъ студенческихъ пирушекъ было причиною того, что онъ, по распоряженію казанскаго попечителя, какъ „за провинность“ былъ назначенъ уѣзднымъ учителемъ въ захолустный Шадринскъ, Пермской губерніи, и немедленно „при университетскомъ солдатѣ“ отправленъ въ Пермь.

Только благодаря „милости начальства“ онъ былъ оставленъ здѣсь учителемъ исторіи и статистики въ гимназіи. Это раннее увлеченіе, видимо, осталось памятнымъ для Мельникова на всю жизнь. Вся дальнѣйшая его біографія, вся служебная его дѣятельность говорятъ уже о совершенномъ отсутствіи съ его стороны какихъ-либо „увлеченій“.

Съ Перми начались добровольныя странствованія Мельникова по Руси, связанныя съ опредѣленною задачею изученія быта русскаго народа. Такъ, онъ ѣздилъ на Уральскіе заводы, ища сближенія съ народомъ.

Въ 1839 году онъ перевелся въ Нижегородскую гимназію, гдѣ пробылъ слишкомъ шесть лѣтъ. Здѣсь онъ сблизился съ мѣстнымъ архіепископомъ Іаковомъ, знатокомъ исторіи и раскола, и познакомился съ М. П. Погодинымъ и В. И. Далемъ. Это окончательно повернуло его въ область исторіи и литературы.

Любовь къ чтенію и литературѣ сказалась въ немъ вообще очень рано. Уже десятилѣтній, онъ переписывалъ въ свои тетради по линейкамъ стихи Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Дельвига. Теперь онъ дѣятельно принялся за изученіе старины. Къ 1839 г. относится помѣщеніе имъ въ „Отеч. Запискахъ“ перваго своего произведенія: „Дорожныя записки“.

Въ слѣдующемъ году въ „Литературной Газетѣ“ появилось первое беллетристическое его произведеніе: „О томъ, кто такой Елпидифоръ Перфильевичъ“, — совершенно юношеская попытка подражанія Гоголю.

Послѣ двѣнадцати лѣтъ молчанія, въ 1852 г. въ „Москвитянинѣ“ были напечатаны его „Красильниковы“, откуда, въ строгомъ смыслѣ, и начинается настоящая писательская дѣятельность П. И.

Разысканія въ нижегородскихъ архивахъ дали П. И. званіе члена-корреспондента археографической комиссіи, отчеты же его по исполненію нѣкоторыхъ порученій по дѣламъ раскола сдѣлали его имя извѣстнымъ министру внутреннихъ дѣлъ. Уже въ послѣдніе годы царствованія императора Николая онъ сталъ первымъ авторитетомъ по дѣламъ раскола.

Справедливость требуетъ сказать, что, сынъ своего вѣка, Мельниковъ раздѣлялъ взглядъ правительства на необходимость жестокихъ мѣръ въ отношеніи раскола. Практически осуществляя нѣкоторыя административныя порученія по обнаруженію и пресѣченію раскола, онъ являлся не болѣе, какъ строгимъ и, пожалуй, черезчуръ ревностнымъ чиновникомъ.

Въ началѣ новаго царствованія Мельникову было поручено составленіе всеподданнѣйшаго отчета. Въ запискахъ о расколѣ, поданныхъ имъ теперь, онъ предлагалъ мѣры широкой терпимости. Его секретное изслѣдованіе постановленій о расколѣ не стало достояніемъ свѣта. Позднѣе онъ завѣдывалъ внутреннимъ отдѣломъ офиціальной „Сѣверной Пчелы", сотрудничалъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ" и „Русскомъ Вѣстникѣ". Большая литературная извѣстность пришла къ нему съ появленіемъ первыхъ частей „Въ лѣсахъ". Романъ этотъ написанъ имъ въ отвѣтъ на предложеніе цесаревича Николая Александровича, которому однажды пришлось во время путешествія услышать увлекательный разсказъ П. И. о бытѣ и повѣрьяхъ Поволжья. Посвященъ онъ былъ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу. Это произведеніе принесло Мельникову славу и полное обезпеченіе.

Послѣднее десятилѣтіе жизни П. И. провелъ частью въ своемъ имѣніи подъ Нижнимъ, селѣ Ляховѣ, частью въ самомъ Нижнемъ. Уже съ 1882 г. онъ былъ разбитъ параличомъ, съ трудомъ произносилъ слова, постоянно забывался и не могъ держать въ рукѣ даже папиросу. Затѣмъ отнялся языкъ, явилась несвязность рѣчи, и 1 февраля 1883 г. творца „Въ лѣсахъ" и „На горахъ" не стало.

Погребенъ онъ на самомъ краю Нижняго, близъ Оки, въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ.

Четверть вѣка пронеслась надъ Мельниковымъ-Печерскимъ. Больше четверти вѣка надъ его сочиненіями. Это такой срокъ, за который умираютъ нѣкоторыя литературныя величины. Наслѣдіе Мельникова живо и цѣнно попрежнему, и если какая перемѣна произошла съ нимъ, то только та, чтò бываетъ съ крупными бытописателями: изъ беллетристовъ современности Мельниковъ сталъ писателемъ историческимъ.

Все то, чтò описывалъ онъ, уже отошло въ исторію. Уже нѣтъ скитовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли. Свистятъ локомотивы, и змѣею вьются поѣзда тамъ, гдѣ высились раскольническія часовни съ осьмиконечными крестами и стояли тихія кельи скитницъ. Уже не нравы Чапуриныхъ отличаютъ нынѣшнихъ поволжскихъ „богатеевъ", изъ которыхъ иные приблизились къ типу сумбатовскаго „Джентльмена". Еще дальше въ исторію отошли провинціальные взяточники и подьячіе, описанные въ его разсказахъ...

Все это уже стоитъ въ перспективѣ исторіи, все это „миновало". Но

спѣвшій всему этому „отходную" Мельниковъ живъ и красоченъ, интересенъ и поэтиченъ, и назвать его имя — значитъ проникнуться обаяніемъ красивой русской старины, вспомнить умершій бытъ русскаго купечества —

Раскольниковъ скиты заповѣдные,
Патріархальность мирныхъ ихъ семей,
Обряды ихъ; вдоль Волги вѣковые
Лѣса и ширь синѣющихъ степей,
Затворницъ юныхъ пѣсни хоровыя
И ихъ любовь въ тиши монастырей...

Немногіе изъ писателей неперворклассныхъ сохраняютъ въ исторіи такой цѣльный и своеобразный обликъ...

А. Измайловъ.

КРАСИЛЬНИКОВЫ.

Изъ дорожныхъ записокъ.

I.

Въ уѣздномъ городѣ С. остановились мы посмотрѣть на извѣстные кожевенные заводы Красильникова. Нетрудно было отыскать домъ богатаго заводчика, каменный двухъэтажный, лучшій во всемъ городѣ; стоитъ онъ недалеко отъ древняго собора, обезображеннаго пристройками въ «новѣйшемъ» вкусѣ.

Въ верхнемъ жильѣ, въ окнахъ съ цѣльными зеркальными стеклами, стояли незатѣйливыя гипсовыя изображенія Вольтера, Суворова, поднявшей чуть не выше головы правую ногу Тальони, зеленаго попугая съ коричневымъ носомъ и разноцвѣтной кошки, съ головой, качавшейся при малѣйшемъ прикосновеніи. Въ середнемъ окнѣ виднѣлись дорогіе бронзовые часы, а стекла другихъ затѣнены были вырѣзанными изъ цвѣтной бумаги подобіями лошади и чего-то въ родѣ буквы Ф, съ раздвоеннымъ нижнимъ концомъ и трехуголкой съ перьями наверху. Въ нижнемъ жильѣ въ окна вдѣланы были толстыя желѣзныя рѣшетки, а стекла сплошь выбиты. На цоколѣ краснымъ карандашомъ въ нѣсколько рядовъ писаны бирочные знаки: кресты, кружки, черточки — открытая на весь міръ расходная книга приказчика, отпускавшаго кому-то опойки.

Ворота были заперты. Я стукнулъ тяжелымъ желѣзнымъ кольцомъ о дубовое полотно калитки: раздался сильный лай цѣпной дворняжки, и въ подворотнѣ показались три собачьи морды, скаля зубы и заливаясь глухимъ ревомъ. Щеколда изнутри стукнула, и краснолицая, курносая дѣвка-чернавка, вершковъ одиннадцати въ отрубѣ, одѣтая въ засаленный московскій сарафанъ изъ ивановскаго ситца, просунулась до половины и опросила насъ:

— Кого вамъ надоть?

— Корнила Егорычъ дома?

— А отдыхаетъ: сейчасъ пообѣдамши.

— Когда его можно застать?

— А не знаю же я... Да вы откелева будете?

— Изъ Н...

Я назвалъ губернскій городъ.

— По кожу, аль по сало?

— Нѣтъ... Такъ нужно хозяина повидать. Когда застать-то?

— Не вѣду. Спрошать развѣ Марью Андревну, коль не заночивала.

Заперла дѣвка-чернавка калитку, ушла. Воротясь минутъ черезъ пять, сказала:

— Въ вечерню приходите, не то завтра послѣ ранней обѣдни.

— Ну, завтра такъ завтра.

Мы съ путевымъ товарищемъ хотѣли-было идти на постоялый дворъ, гдѣ остановились за неимѣньемъ въ С. гостиницы; но дѣвка-чернавка еще разъ спросила насъ, должно-быть, для удовлетворенія собственнаго любопытства:

— А сами-то вы изъ какихъ будете? Приказчики, что ли, чьи?

— Нѣтъ, не приказчики.

— Кто же вы?

— Чиновные.

— Изъ судовъ?

— Отъ губернатора.

Это слово имѣло чародѣйную силу: не прошли мы ста саженъ, какъ за нами послышались крики:

— Обождите-ка, воротитесь-ка! Корнила Егорычъ васъ кликнуть велѣлъ.

Босоногая дѣвка-чернавка бѣжала во всю прыть. Ее перегоняли собаки, одна вцѣпилась въ полу моего спутника.

— Лыска! Лыска! цыма-те! Экой пострѣлъ, кабанъ проклятый!—кричала изо всей мочи дѣвка-чернавка.

И, схвативъ валявшуюся на улицѣ слегу, принялась колотить направо и налѣво косматыхъ стражей Корнилы Егорыча. Собаки завизжали и побѣжали домой. Путеводимые спасительницей отъ ихъ ярости, вошли мы на дворъ Красильникова, обошли парадное крыльцо, гдѣ обглоданные мослы и сбитое сѣно указывали на жительство враговъ нашихъ, и теперь еще неподтишка бросавшихся подъ ноги. Обогнувъ уголъ дома, по заднему крыльцу вошли мы наверхъ, нагибаясь подъ протянутыми веревками, развѣшанными для просушки бѣлья. По всему двору крѣпко пахло дегтемъ и кожей.

Темными закоулками провела насъ дѣвка-чернавка въ обширную комнату — въ «залу» и, молвивъ, что хозяинъ сейчасъ выйдетъ, ушла.

По убранству комнаты видно было, что Корнила Егорычъ — человѣкъ домовитый и, разбогатѣвъ, изъ кожи лѣзъ, чтобъ на славу украсить жилище свое: денегъ не жалѣлъ, все покупалъ безъ разбору, платилъ втридорога. и все невпопадъ. Отдѣлавъ стѣны подъ мраморъ, раззолотилъ карнизы. настлалъ дубовый мелкоштучный паркетъ, покрылъ его шелковыми коврами, надъ окнами развѣсилъ бархатныя занавѣси, а на стѣну наклеилъ литографію Василья Логинова, въ углу повѣсилъ клѣтку съ перепеломъ, а на окнахъ между кактусомъ и геліотропомъ въ полуразбитыхъ чайникахъ поставилъ стручковый перецъ да бальзаминъ. Мебель въ гостиной за дорогую цѣну куплена была въ Петербургѣ да еще наперебой съ какимъ-то вельможей; но сшитые изъ поношеннаго холста съ крашенинными заплатами чехлы снимались съ нея только въ Свѣтлое Воскресенье да въ хозяйскія именины. Въ великолѣпныхъ лампахъ, разставленныхъ по столамъ и по угламъ, масла съ роду не бывало, да во всемъ С. и зажигать-то ихъ тогда еще никто не умѣлъ.

Непривычно Корнилѣ Егорычу ходить по мелкоштучному паркету, не умѣетъ онъ ни сѣсть ни стать въ комнатахъ, строенныхъ не на житье, а людямъ на показъ, робѣетъ громко слово сказать въ виду дорогихъ своихъ мебелей. Душно ему въ своемъ домѣ, сбылась надъ нимъ пословица: «Своя воля страшнѣй неволи». Осторожно пробираясь межъ затѣйливыми диванами и креслами, ровно изгнанникъ бѣжитъ Корнила Егорычъ изъ раззолоченныхъ палатъ въ укромный уголокъ, чужому человѣку недоступный. Тамъ на теплой изразцовой лежанкѣ ищетъ онъ удобствъ, какихъ не сыскать въ разубранныхъ комнатахъ. Вотъ у лежанки стоитъ сосновый, крѣпкой водкой травленный столъ подъ ярославской салфеткой; на немъ счетная, псалтирь и «Московскія Вѣдомости»; у стола стулъ-складень: привыкъ къ нему Корнила Егорычъ, еще сидя мальчишкой въ чужой лавкѣ. Вотъ двуспальная кровать съ пуховикомъ чуть не до потолка и съ дюжиной подушекъ: крѣпко спится на ней Корнилѣ Егорычу. Вотъ кафельная печь съ поливными фигурами балахонской работы: ровно баню, грѣетъ она завѣтный уголъ хозяина и приглядпѣй ему бѣломраморныхъ стѣнъ залы и бархатныхъ обоевъ гостиной. А часовъ съ кукушкой, что повѣшены противъ кровати, не отдастъ онъ за двѣ дюжины дорогихъ часовъ, что на мраморномъ подставѣ красуются у средняго окна гостиной. Добро-

вольно, но подчасъ съ досадой, жмется Корнила Егорычъ въ тѣсной мурьѣ — хватилъ бы все по боку и зажилъ бы, какъ хочется — да нельзя!.. Какъ отъ людей отстать? Попалъ въ стаю — лай не лай, а хвостомъ виляй... Еще скрягой прозовутъ. Зато разъ отведена была у него квартира для губернатора. На прощаньи генералъ сказалъ хозяину: «Ну, Корнила Егорычъ, домикъ-то у тебя на славу отдѣланъ — мебель хоть во дворецъ». И счастливъ и доволенъ былъ Корнила Егорычъ и сторицей вознагражденъ за досадныя минуты, когда, проходя бочкомъ мимо дорогихъ мебелей, думаетъ самъ про себя: «И на какой шутъ, прости Господи, такіе стулья надѣланы? Сѣсть порядкомъ нельзя—безъ сноровки провалишься совсѣмъ».

Не странно въ залѣ Корнилы Егорыча встрѣтить и логиновскую литографію, и стручковый перецъ, и перепела въ клѣткѣ изъ лутошекъ. Дороги они хозяину, добровольному заточеннику въ золотой тюрьмѣ своей. Вспоминали они ему былое, бѣдное, но свободное отъ несроднаго житья-бытья время — время молодости, когда жилось веселѣй, а на свѣтѣ Божьемъ было просторнѣй и все смотрѣло яснѣй и радостнѣй. Кромѣ перепела да перца, остальное было чуждо, несродно хозяину: здѣсь ему и свое не свое, здѣсь и самъ онъ ровно на выставкѣ — міру на показъ. Ничего для себя; все для чужихъ; даже гипсовыхъ Вольтера съ попугаемъ поставилъ онъ передомъ на улицу.

По лицу вышедшаго къ намъ Корнилы Егорыча видно было, что могучее слово «отъ губернатора» оторвало его отъ дорогой лежанки. Замѣтно было, что одѣвался онъ на̀скоро; золотыхъ медалей однакожъ не забылъ надѣть. Это былъ широкоплечій старикъ средняго роста, волосы совсѣмъ почти бѣлые, борода маленькая, клиномъ, глаза подслѣповатые, но живые, выразительные. По суровому облику его видно было, что это старикъ своеобычный, крутой; а розсыпью глядѣвшіе глаза обличали въ немъ человѣка, что̀ всякаго проведетъ и выведетъ. Но въ этомъ хитромъ, бѣгающемъ взорѣ крылась какая-то грусть затаенная. Туманилось лицо Корнилы Егорыча горемъ душевнымъ, еще не выношеннымъ, не выстраданнымъ. День меркнетъ ночью, человѣкъ печалью, а горе борозды по лицу проводитъ. Казалось, и Корнилѣ Егорычу не годы убѣлили голову, а душевное горе. Оно не молодитъ, а косицу бѣлитъ.

— Покорно просимъ! — сказалъ Корнила Егорычъ. — Извините, позадержалъ: соснуть было-прилегъ.

И, при воспоминаніи о лежанкѣ, зѣвнулъ, набожно пере-

крестивъ ротъ. Мы извинились, что потревожили его, сказали свои имена и показали открытый листъ начальника губерніи, гдѣ было сказано, что пріѣхали мы изъ Петербурга отъ министра внутреннихъ дѣлъ для собранія статистическихъ свѣдѣній. Послѣ того я попросилъ хозяйскаго дозволенія взглянуть на его кожевенный заводъ.

Безъ чашки чаю, безъ рюмки вина, безъ закуски отъ русскаго купца стараго закала никому не уйти. Старинное хлѣбосольство не чуждо было и Корнилѣ Егорычу. На столахъ появились вино, закуска, разныя сласти. Приказчикъ, стриженный въ скобку, въ длиннополой суконной сибиркѣ съ борами назади и съ сильнымъ запахомъ кожи, подалъ чай. Рѣчь шла про торговлю.

— Кожа плохо пошла! — говорилъ Корнила Егорычъ. — Въ прежни годы въ одну Одессу мы втрое больше ставили, въ Ливурну оттолѣ возили; теперь стало дѣло, да и шабашъ.

— Отчего-жъ такъ, Корнила Егорычъ?

— Сырьемъ повезли. У иностранцевъ, я вамъ доложу, на этотъ предметъ руки золотыя — не нашимъ чета. Нашъ братъ русакъ смѣткой взялъ, а нѣмецъ — терпѣньемъ. Да въ нашей-то смѣткѣ горе проявилось, да не одно, цѣлыхъ три... Русскій человѣкъ на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось да какъ-нибудь. Намъ бы тяпъ-ляпъ — и корабль, а тамъ — нѣтъ-съ, тамъ на этотъ счетъ все въ акуратъ... Къ примѣру хоть кожа: что̀ наша русская кожа? Вонъ на дворѣ партія юхты лежитъ — на урюпинску заготовилъ — разваляйте-ка возъ: тутъ по̀дрѣзь, тутъ гниль мясная, а тутъ и все дырье... Отчего?.. Оттого, что платишь рабочему поштучно, онъ тебѣ и дѣлаетъ какъ-нибудь, одно норовитъ: больше бы кожъ обрядить... Да какъ пошелъ ножомъ съ плеча валять, тутъ ему не до подрѣзей. Небось, говоритъ, хозяинъ не заприметитъ. А хозяинъ, нашъ братъ, не въ печку же ему бросать порчену кожу: авось, думаетъ, на ярманкѣ сбуду. А какъ работникъ-отъ дѣлаетъ какъ-нибудь да хоронится за небось, да какъ и хозяинъ-отъ на авоськѣ въ ярманку выѣзжаетъ — добра не жди. Правду надо говорить!.. Вотъ за границу наша кожа и нейдетъ, а сырье иностранцы съ рукамъ готовы рвать. Изъ русскаго сырья они такую тебѣ кожу сработаютъ, что нашей-то въ носъ кинется. Вотъ отчего, сударь, стала наша кожа. Красна юхта покуда еще идетъ — это особь статья, эта завсегда пойдетъ; у насъ березы-то не занимать стать, а за границей чуть не каждый сучокъ на перечетѣ.

— Какъ же сбытъ юхты зависитъ отъ березы?

— Березы нѣтъ — дегтю нѣтъ; а безъ дегтю хорошей юхты не сдѣлать.

Перешелъ разговоръ на смуты, возникшія въ то время на Западѣ.

— Въ Венгріи, кажется, война будетъ, — сказалъ я: — для тамошнихъ войскъ кожа потребуется, нашей попросятъ...

— Нуда не попросятъ. Пошли бы туда наши кожи, ежели бы тамъ шла война по Божьему велѣнью, сталъ бы царь на царя, законъ на законъ. Тогда бы пошла... А теперь что̀ намъ?.. Законная развѣ война... Бунтъ богопротивный, усобица... Подерутся и босикомъ!..

Таковы рѣчи Корнилы Егорыча. А учился за мѣдну полтину у приходскаго дьячка, выѣзжалъ изъ своего городка только къ Макарью на ярмарку, да будучи городскимъ головой раза два въ губернскій городъ — ко властямъ на поклонъ. Кромѣ псалтыря, чети-миней да «Московскихъ Вѣдомостей», сроду ничего не читывалъ, а говорилъ, ровно книга... Человѣкъ бывалый. Природный, свѣтлый умъ бралъ свое. Заговорили о развитіи торговли и промышленности.

— Чтобъ дѣло торговое шло, — молвилъ Корнила Егорычъ: — надо, чтобъ ему не дѣлали помѣхи, а пуще того, чтобъ ему не помогали, на казенну бы форму не гнули. Не приказное это дѣло: въ форменну книгу его не уложишь. А главная статья — сноровка... Безъ сноровки будь каждый день съ барышомъ, а вѣкъ проходишь нагишомъ. А главнѣй всего — Божья воля: благословитъ Господь — въ отрепьѣ деньгу найдешь; безъ Божьяго благословенья корабли съ золотомъ ко дну пойдутъ.

— Такъ, Корнила Егорычъ, слова нѣтъ на вашу рѣчь: Божье благословенье первое дѣло; но, кажется, вы еще одно позабыли.

— А что-жъ такое?

— Науку, просвѣщеніе.

Нахмурился Красильниковъ, помолчалъ и такую рѣчь повелъ:

— Просвѣщеніе!.. Это что̀ въ книгахъ-то пишутъ?.. Эхъ, сударь! мало-ль что̀ пишутъ да печатаютъ! Супротивъ печатнаго не соврешь. Перо скрыпитъ, бумага молчитъ да все терпитъ... Вотъ, примѣру ради, промысла хоть, что ли, взять? Пишутъ да печатаютъ, что въ гору они пошли... Рѣчи нѣтъ, прытко идутъ, шагаютъ широко, да не такъ, какъ пишутъ. Не въ ту силу говорю, что наша промышленность тише идетъ су̀противъ того, какъ про нее печатаютъ: нѣтъ-съ, можетъ, она и попрытче того идетъ, а про то я говорю, что пишутъ-то нескладно, неладно, ровно чортъ шестомъ по Неглинной...

Вотъ въ «Вѣдомостяхъ» какъ-то разъ я про нашъ уѣздъ вычиталъ. Пишетъ какой-то баринъ — видно, такой же, что̀ и вы: тоже свѣдѣнья собиралъ—пишетъ, что въ запрошломъ году и скота у насъ стало больше и крестьянскій промыселъ въ гору пошелъ; а видно-де это изъ того, что на базарахъ скота больше продано, саней и всякаго другого крестьянскаго издѣлья.

— Что-жъ, Корнила Егорычъ? Развѣ базарная торговля не можетъ показать степень крестьянскихъ промысловъ?..

— Врядъ ли, сударь! По-нашему, не можетъ... Вотъ хоть бы нашу сторону взять... Сторона гужевая: отъ Волги четыреста, отъ Оки двѣсти верстъ, рѣки, пристани далеко — надо все гужомъ. Вотъ въ запрошлый годъ и уродились у насъ хлѣба вдоволь, а промысла на ту пору позамялись... Мужикъ волкомъ и взвылъ, для того, что ему хлѣбомъ однимъ не прожить... Крестьянско житье тоже деньгу проситъ. Спаси, Господи, и помилуй православныхъ отъ недорода, да избавь, Царю Небесный, и отъ того, чтобы много хлѣба родилось.

— Какъ такъ, Корнила Егорычъ?

— Да такъ-съ. Мы люди простые, зато седьмой десятокъ доживаемъ — всего насмотрѣлись. Привелъ Господь смолоду, когда еще въ бѣдности находился, и голодъ изжить: маку̀ху, дура̀нду, мезгу̀ сосновую ѣли. И урожаи видалъ. Такъ ужъ я и знаю, что перародъ хуже недорода, что здѣшнему гужевому крестьянину не то бѣда, что гумно не полно, а то горе великое, ежели работа замнется, промыслу не хватитъ, да на ту пору хлѣбъ въ низкой цѣнѣ станетъ. Въ запрошлый годъ хлѣбъ-отъ здѣсь по полтинѣ былъ ассигнаціями. Серебряный пятиалтынный, значитъ, безъ семитки... Подушныя мужику надо платить: вези, значитъ, три воза за двѣсти верстъ до пристани, для того, что по осени да по первозимицѣ на мѣстѣ покупщиковъ ни души. Ну, и вези да считай, много-ль доро̀гой-то денегъ прохарчишь... Да что̀ подати?.. Подати у насъ, слава Богу, не больно еще тяжелы; такъ вѣдь не на однѣ подати мужику деньги нужны: надо упряжь справить, надо кушакъ купить, шапку, платокъ женѣ, въ храмовой праздникъ винца хлѣбнуть, а тамъ еще свадьбы да родины, молебны да крестины, попъ съ праздничнымъ придетъ — ему хлѣбъ-отъ хлѣбомъ, а деньги деньгами. А какъ въ урожайный годъ хлѣбъ-отъ подешевѣетъ да промыслы-то ухнутъ, и нѣтъ ихъ совсѣмъ, заработки-то пойдутъ дешевые, у мужика изъ рукъ все и отобьется. А на ту пору староста въ окошко стучитъ, «оброкъ, говоритъ, подавай». — «Денегъ нѣтъ». — «Давай, говоритъ, срокъ пришелъ, а нѣтъ денегъ, такъ корову продавай...» Повелъ мужикъ телку, повелъ другой снова телку, повелъ третій

бычка. На базарѣ ихъ сосчитали да въ «Вѣдомостяхъ» и припечатали: «скота-де у нихъ расплодилось»... Прошелъ мѣсяцъ-другой, опять староста у окна. — «Денегъ нѣтъ», говоритъ ему мужичокъ. А староста ему на отвѣтъ: «у тебя двѣ телѣги — нову-те продай». Повезъ мужикъ телѣгу, повезъ другой сани, повезъ третій дровни—на базарѣ ихъ сосчитали, а ваша милость, что̀ свѣдѣнья-то сбираете, и хвать въ «Вѣдомостяхъ» — «промыслы-де у нихъ въ гору пошли»... Не въ ту силу говорю, что ины книги ровно шайтанъ помеломъ въ трубѣ написалъ... Годъ-отъ перерода минетъ, на хлѣбъ станетъ цѣна хорошая, промыслы поднимутся, глядишь—справился мужикъ: скотомъ обзавелся, сбруей, и въ мошнѣ не пусто стало. Въ зимницѣ три-четыре коровушки, подъ навѣсомъ двѣ-три телѣги, и какъ староста подъ окно придетъ, оброкъ-отъ ему платить есть изъ чего. А на базарѣ ни коровъ, ни телѣгъ, ни саней, что̀ въ прошломъ году нужда вывозила. Подмѣтятъ господа, что̀ книги печатаютъ, да, не справясь со святцами — бухъ въ большой, скота-де стало меньше: видно-де, надежъ у нихъ былъ, да и промыслы упали, должно-де быть, народъ обѣднялъ... Обѣднялъ!.. Какъ же!.. Лежитъ себѣ на печи да бражку потягиваетъ.

Страннымъ казалось мнѣ уклоненье Корнилы Егорыча отъ прямого разговора. «Что-бъ это значило?—думалось мнѣ.—Началъ за здравіе, свелъ за упокой». Опять наклонилъ я рѣчи на прежній предметъ, опять сказалъ, что для успѣховъ торговли надо купцамъ учиться и учиться...

— Въ ниверситетѣ, что ли-съ? — съ горькой, но задорной усмѣшкой возразилъ Красильниковъ. — Нѣтъ-съ, увольте, ваше высокородіе!.. Покорнѣйше благодаримъ-съ!.. Знаемъ мы! Это дѣло, сударь, ваше — барское, а нашему брату оно не по шерсти. Изъ нашего брата, изъ купечества, это тому пригодно, кто думаетъ сыновей въ дворяне выводить, а намъ — нѣтъ-съ, увольте!.. да и проку мало, ей-Богу, мало. Дѣдъ, отецъ копятъ деньги, скопятъ капиталъ, большія дѣла заведутъ, милліонами зачнутъ ворочать, а ученый сынокъ въ карты ихъ проиграетъ, на шампанскомъ съ гуляками пропьетъ, камедіянткамъ расшвыряетъ, аль на балы да на вечеринки... Глядишь — и пошелъ Христовымъ именемъ кормиться... Да это бы еще не бѣда... А какъ разумъ сгинетъ, какъ... Прохора Андреича Крапивина — изволите знать?.. Въ Москвѣ суконная фабрика у него была. У него сынокъ-отъ ученый... Въ чинахъ былъ, въ каретахъ ѣздилъ, на дворянкѣ женился, да какъ профуфынился — изъ ружья себя и застрѣлилъ... Вотъ-те и чины!.. Вотъ-те и ученье!.. Душеньку-то свою не уберегъ, самому сатанѣ ее на руки отдалъ...

— Не говорю я, Корнила Егорычъ, чтобъ молодые купцы, выучившись, оставляли свое званіе и проматывали отцовскіе капиталы. Дѣльное, правильное ученье научитъ быть бережливымъ, научитъ и уваженіе имѣть къ сословію, въ которомъ родился. Теперь у насъ слава Богу...

— Не говорите!.. Мнѣ-то этого не говорите!.. Купцу ученье — пагуба, вотъ что̀!.. У меня у самого... Да позабавьтесь финичками-то, ваше высокородіе... Икорки-то покушайте: перваго, сударь, ба̀гренья, прямо изъ Уральска... А ты что̀ губы-то распустилъ, Петровичъ?.. Что̀ чашки не примаешь?.. Давай еще чаю-то!.. Да мадерцы еще рюмочку, ваше высокородіе!.. Кликни Сережу, Петровичъ!

Сережа, парень лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ, румяный, здоровый, съ богобоязненнымъ видомъ и тихой поступью, робко вошелъ въ комнату. Низко поклонясь, смиренно остановился онъ у притолки, глядя исподлобья на родителя. Тотъ сказалъ ему:

— Сивую въ дрожки, савраску въ бѣговыя. Ты со мной на савраскѣ поѣдешь.

Я сталъ уговаривать Корнилу Егорыча самому не безпокоиться, а отпустить съ нами на заводъ одного Сережу... Взгрустнулось, должно-быть, по лежанкѣ Корнилѣ Егорычу, — согласился.

— Парень молодой, — сказалъ онъ про сына: — мало еще толку въ немъ... Оно толкъ-отъ есть, да не втолканъ весь... Молодъ, дурь еще въ головѣ ходитъ — похулитъ грѣхъ, да и похвалишь, такъ Богъ убьетъ. Все бы еще рядиться да на рысакахъ. Извѣстно, зеленъ виноградъ — не вкусенъ, младъ человѣкъ не искусенъ. Лѣтось женилъ: кажется, пора бы и умъ копить. Ну, да Господь милостивъ: это еще горе не великое... не другое что̀...

Помутился взоръ Корнилы Егорыча. Помолчавши, вздохнулъ онъ и молвилъ вполголоса:

— На волю Божью не подашь просьбы!..

Вошелъ Сережа.

— Поѣзжай на заводъ съ господами! — сказалъ ему отецъ: — Покажи тамъ все, какъ оно есть... Слышишь?.. Чего сталъ?.. Пошелъ, дожидайся!

Сережа пошелъ-было, но отецъ, воротивъ его съ полдороги, тихонько молвилъ ему:

— Митьку въ сушильню!.. Слышишь? — прибавилъ онъ громко.

— Слышу, тятенька!

— Ступай же!.. На крыльцѣ дожидайся... А послѣ заводу,

ваше высокородіе, просимъ покорно на чашку чаю. Сдѣлайте такое ваше одолженіе, не побрезгуйте убогимъ нашимъ угощеніемъ.

Сережа, тихій смиренникъ на отцовскихъ глазахъ, не таковъ былъ на заводѣ. Съ нами обходился подобострастно, насилу согласился картузъ надѣть, но съ рабочими обходился круто и къ тому-жъ безтолково. Покрикивая ни за что ни про что, сурово поглядывалъ онъ то на того, то на другого, и пятились рабочіе и прятались другъ за дружку, косясь на толстую, суковатую палку, что̀ была въ сильныхъ, мускулистыхъ рукахъ Сережи... Но вдругъ какой-то шальной, вывернувшись изъ-за зольнаго чана, мазнулъ его по спинѣ мѣшалкой, обмакнутой въ известковый подзолъ. Сдѣлавъ свое дѣло, поворотилъ онъ неровнымъ шагомъ назадъ. Рабочіе уступили ему дорогу и, казалось, другъ другу говорили глазами: «Ай да молодецъ!..» Увлеченный разсказомъ, черезъ сколько пересоловъ проходитъ яловица прежде квасовъ, Сережа ничего не замѣтилъ. Тотъ шальной былъ молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, въ загрязненной, просаленной насквозь холщевой рубахѣ и въ дырявыхъ сапогахъ. Взъерошенная голова, казалось, съ роду не была чесана, небольшая бородка свалялась комьями, блѣдно-желтое, худощавое лицо обрюзгло, ротъ глупо разинутъ; но въ тусклыхъ, помутившихся глазахъ виднѣлось что-то невыразимо-странное, что-то болѣзненно-грустное... Потухающій умъ послѣдней, прощальной искрой свѣтился въ томъ взорѣ.

Мы проходили черезъ отдѣленіе, гдѣ толкутъ корье. Неочищенную ивовую кору подбрасывали въ толчею. Путевой товарищъ мой замѣтилъ, что онъ видѣлъ въ Бельгіи особую машину для скобленья корья. Сказалъ это по-французски.

— Les meilleurs cuirs-maroquins qui se fabriquent... — проговорилъ за нами сиплый голосъ.

Обернулся Сережа и крикнулъ:

— Въ сушильню!

Оглянувшись, увидалъ я того шальнего, что̀ вымазалъ спину Сережѣ.

— Нейду!—закричалъ тотъ задорно. — Ты мнѣ не указъ... Наушникъ!.. Подлецъ!.. Ты ее погубилъ!.. Ты убилъ мою...

— Митька!.. Тятенькѣ скажу.

Вздрогнулъ шальной. Понуривъ голову, тихо поплелся онъ изъ толчеи, но вдругъ быстро обернулся и заговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Сереженька, голубчикъ ты мой! Дай гривенничекъ.

— Въ сушильню!

— Хоть на шкаликъ!

— Слушай, Митька! — поднявъ палку, закричалъ Сережа: — Право, тятенькѣ скажу!.. Хоть бы при чужихъ постыдился!.. Сведи его, Ѳедька, въ сушильню. На замо̀къ.

Митька самъ пошелъ. За дверьми нестройно запѣлъ онъ хриплымъ басомъ:

Quand le vin de Champagne
Fait en echappant,
Pan, Pan,
La douce gaîté me gagne...

— А вотъ здѣсь дегтемъ бухтарму послѣ дубовъ мажутъ! — говорилъ въ то время Сережа, переводя насъ въ другое отдѣленіе.

II.

Вечеромъ, сидя у Красильникова, опять я свелъ разговоръ на просвѣщеніе. Говорилъ, что купцамъ ученье необходимо... Заговорилъ и Корнила Егорычъ, сидя за пуншикомъ.

— Не говорите про это, ваше высокородіе... Мнѣ-то не говорите!.. Говорятъ люди: красна птица перьемъ, человѣкъ ученьемъ... Говорятъ: ученье свѣтъ, неученье тьма... Врутъ люди!.. Ученье — прямое мученье, а нашему брату погибель!..

«Купецъ знай читать, знай писать, знай на счетахъ класть, шабашъ—дальше не забирайся!.. Лучше не доучиться, чѣмъ переучиться. Ученье-то вѣдь что̀ дерево: изъ него и икона и лопата... Аль что̀ ножикъ: иной его на пользу держитъ, а нашъ братъ себя-жъ по горлу норовитъ... Купцу наука, что̀ ребенку огонь. Это ужь такъ-съ, это — не извольте безпокоиться... Много купецкой молодежи промоталось, много и совсѣмъ сгинуло, — а все отчего?.. Все отъ ученья, все моды проклятыя, все оттого, что за господами пошли тянуться, имъ въ вёрсту стать. Нѣтъ-съ, былъ бы купецъ смышленъ, даромъ что не ученъ.

«Нынче за наши грѣхи не на ту стать пошло. Не то что сыновей, дочерей-то французскому стали учить, да на музыкѣ, плясать. Выучатся дочки, хвать — анъ забыли, которой рукой перекрестить лобъ слѣдуетъ... У свояка моего, у Петра Андреича Кирпишникова, дочка ученая есть: имя-то святое, при крещеньи богоданное — Матреной зовутъ — на какое-то басурманское смѣняла, выговорить даже грѣхъ, Матильда, песъ ее знаетъ, какая-то стала... Замужъ вышла за дворянина: промотался голубчикъ, женился — карманъ починить. Стала дворянкой и пустилась во вся тяжкая: верхомъ, сударь, на лошади катается... тьфу ты, гадость какая!..

«Вотъ и у меня Митька... Погибъ, совсѣмъ погибъ, пропащій сталъ человѣкъ... А все ученье, все наука... А парень-отъ какой былъ разумный, да тихій, смирный, разсудительный!.. Что передъ нимъ Сережка?.. Дурь нагольная, какъ есть одна дурь!.. Сердце коломъ повернетъ, какъ вспомнишь... Охъ, Ты, Господи, Творецъ праведный!..

«Да-съ, безъ дѣтей горе, а съ ними вдвое... Далъ мнѣ Господь двухъ сыновъ да дочку одну: Митька отъ покойницы отъ первой жены, Сережа да Настя отъ Марьи Андревны. Ну, дочь, извѣстно дѣло, чужое сокровище — холь, корми, учи, стереги, да послѣ въ люди отдай... А сынъ домашній гость — корми его да пой — тебѣ же пригодится. Да учи его, покамѣстъ поперекъ лавки лежитъ; выростетъ да во всю вытянется, тогда ужъ его не упять. Худъ сынъ глупый — родной отецъ къ кожѣ ума ему не пришьетъ, а хуже того сынъ ненаказанный — онъ безчестье отцу... Легло безчестье и на мою сѣдую голову!.. Божья воля!..

«Смышленъ росъ Митька, отдалъ я его здѣсь въ уѣздно училище. Учился бойко — три похвальныхъ листа получилъ. Выучился, въ гимназію сталъ проситься, ревѣтъ мой парень: пусти да пусти. Думалъ я ременную гимназію ему въ спину-то засыпать, да шуринъ - покойникъ уговорилъ... Присталъ, отдай да отдай ему Митю на руки... Попуталъ меня грѣхъ — послушался... Въ гимназіи Митька учился лѣтъ пять и былъ уменъ не по годамъ: лѣтомъ, бывало, на побывку пріѣдетъ, — на что у насъ пятницкой протопопъ отецъ Никаноръ, и тотъ съ нимъ не связывайся: въ пухъ загоняетъ, да все вѣдь по-латыински... А благочестивый какой былъ: ни обѣдни ни заутрени не пропуститъ... На крылосѣ какъ пѣлъ... Голосъ-отъ, голосъ-отъ какой былъ!.. А смиренникъ какой!.. что твоя красная дѣвка... И по заводу навострился: ни корья ни подзола при немъ, бывало, фунта не украдутъ, даромъ что не былъ пріученъ къ заводскимъ порядкамъ... И думалъ ли я, на него радуясь, что погибнетъ мой разумникъ, что покроетъ онъ горемъ старость мою?.. Господи, Господи!..

«Когда срокъ ученья ему отошелъ, былъ я на ту пору въ губернскомъ городѣ: городскимъ головой служилъ, къ начальству ѣздилъ. Сталъ Митька проситься въ Москву, въ ниверситетѣ доучиваться. Въ ногахъ валяется — плачетъ: пусти да пусти его еще въ ученье. «Врешь, говорю, Митька, умнѣе не будешь: не пущу!» — Чуяло родительское сердце!.. А изъ гимназіи когда его выпущали, былъ онъ что ни на есть первый ученикъ, не то что своего брата, барчатъ всѣхъ за поясъ заткнулъ. На экзаменъ на ихній велѣли мнѣ побывать, не-

чатный билетецъ прислали... Митька рѣчь держалъ по-французскому, началъ бойко, только ничего не поймешь. Его превосходительство господинъ губернаторъ изъ своихъ рукъ листъ да книгу эту отжаловалъ, да, подозвавши меня, сказалъ: «У тебя, говоритъ, Корнила Егорычъ, не сынъ, а звѣзда». А былъ на ту пору въ нашемъ губернскомъ городѣ генералъ, надъ гимназіей-то набольшій; онъ, слышь, допрашивалъ учениковъ, кто чтò знаетъ и куда послѣ выучки идти хочетъ. Полюбись ему мой Митька, бойко, слышь, изъ книгъ гораздо ему отвѣчалъ. Спрашиваетъ его генералъ: чей сынъ, откуда родомъ и куда хочетъ. А Митька ему: «Такъ и такъ, ваше превосходительство, сынъ я первой гильдіи купца Корнилы Красильникова, оченно бы хотѣлось въ ниверситетъ, да тятенька не пущаетъ...» Ладно, хорошо!.. Сижу я у шурина, глядь, губернаторскій лакей на дворъ, въ золотѣ весь... Чтò за оказія?.. — «Гдѣ, говоритъ, Корнила Егорычъ Красильниковъ?..» — «Здѣсь, говорю, я самый и есть». — «Ступай, говоритъ, къ генералу обѣдать». Усомнился я, думаю — прошибся лакей: къ другому послали, а онъ ко мнѣ... Нѣтъ, ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ... Честь не малая: самъ губернаторъ обѣдать зоветъ: «Ты, говоритъ, Корнила Егорычъ, приходи моего хлѣба-соли кушать». Пошелъ, благо день-отъ скоромный былъ — вторникъ.

«Посадилъ меня губернаторъ съ собой рядышкомъ; а тутъ еще сидѣлъ генералъ, которому Митька-то мой полюбился, да губернаторша, да двѣ барышни — дочки губернатору-то — красовитыя изъ себя, только ужъ больно сухопароваты. Губернаторша сама изволила мнѣ похлебки въ тарелку налить, губернаторъ изъ своихъ рукъ виномъ угощалъ... Вотъ оно чтò!.. И стали они меня улещать: «Ты, говорятъ, Корнила Егорычъ, поперекъ Митьки не ходи: изъ мальчугана, говорятъ, выйдетъ прокъ — пусти его до конца доучиться». А генералъ-отъ, чтò его возлюбилъ, обѣщалъ ему замѣсто отца быть, «какъ за роднымъ дѣтищемъ, говоритъ, пригляжу, баловаться не дамъ, да и парень-отъ, говоритъ онъ у тебя не такой, баловникомъ не смотритъ...» Сами посудите, ваше высокородіе, можно-ль тутъ поперечить имъ? Два генерала ровно съ ножомъ къ горлу пристали: пусти да пусти Митьку доучиться! Губернаторша тоже: «Ты, говоритъ, Корнила Егорычъ, не губи своего дѣтища рожонаго, не отымай у Митьки счастья. Богъ, говоритъ, за это тебѣ не попуститъ!» Послушался... Больно не хотѣлось, чуяло сердце... А послушался — потому нельзя: начальство не свой братъ — стоя безъ шапки да переступая съ ноги на ногу, много не накалякаешься...

«Собралъ Митьку въ Москву. Марья Андреевна хоть не родная мать, а въ гору было - полѣзла. И руками и ногами: «Не пущу, говоритъ, Митеньку на чужу сторонушку»... Да что̀ она?.. Баба, бабѣ плеть — вотъ и все... Призвавъ Бога въ помощь, Николу на путь, снарядилъ я Митьку; да на прощаньи, передъ благословенной иконой, взялъ съ него зарокъ, чтобъ послѣ выучки не ходилъ онъ ни въ офицеры ни въ приказные, а былъ бы всю жизнь свою купцомъ и кожевеннымъ заводчикомъ. А Митька, ну ужъ двадцать перво̀й тогда ему шелъ, на полномъ смыслѣ значитъ: «Не бойтесь, говоритъ, тятенька, никуда не пойду, буду вамъ на старости печальникъ, на поконъ души помянникъ, а выучусь, буду то и то, заведемъ мы съ вами такое да этакое...» Да ужъ такъ красно говорилъ, что нехотя вѣрилось!..

«Четыре года Митька въ Москвѣ выжилъ, учился на первую стать, а въ праздники тамъ какіе, аль въ другіе гуляющіе дни, не то чтобъ мотаться да бражничать, а все на фабрику какую, аль на заводъ, да на биржу... Съ первостатейнымъ купечествомъ знакомства свелъ, пять поставокъ юхты уладилъ мнѣ, да разъ сало такъ продалъ, что, признательно сказать, мнѣ бы и во снѣ такъ не приснилось...

«Нашего уѣзда помѣщикъ есть Андрей Васильичъ Абдулинъ. Не изволите-ль знать? У него еще конный заводъ въ деревнѣ... Тутъ вотъ неподалеку отъ Ѳедяковской станціи, — ѣхали сюда, мимо проѣзжали. Сынокъ у него Василій Андреичъ вмѣстѣ съ моимъ Митькой учился и такой былъ ему закадычный пріятель, ровно братъ родной. Митька у господина Абдулина дневалъ и ночевалъ: учиться-то вмѣстѣ было повадпѣе... Охъ пропадай эти Абдулины!.. Заѣли вѣкъ у старика, погубили у меня сына любимаго!..

«Отучился Митька, дали ему медаль золотую: не то чтобъ на шею, а такъ, карманную... И въ газетахъ пропечатали: «выучился-де такой-то Дмитрій Красильниковъ въ кандидаты»... Домой пріѣхалъ, заводомъ занялся: то̀ уладитъ, другое перемѣнитъ, то чанъ, зольникъ, то другое что̀. Спервоначалу-то я было-побаивался: испортитъ, думаю. Нѣтъ: восемь копеекъ лишковъ на салѣ взялъ, семь копеекъ на юхтѣ. А все его разумомъ да старательствомъ. Отецъ вѣдь, кажись, отецъ, а — сыну родному позавидовалъ... Вотъ каковъ былъ умница!.. А бережливый какой!.. Только и изводилъ деньги, что на книги... Бывало, какъ мѣсяцъ прошелъ, такъ изъ Москвы коробъ съ книгами ему и шлютъ.

«Пожилъ Митька у меня мѣсяцевъ съ восемь. Андрей Васильичъ Абдулинъ той порой на теплыя воды собрался жену

лѣчить. Ѣхалъ въ чужіе краи всей семьей. Сталъ у меня Митька съ ними проситься. Что-жъ, думаю, избнымъ тепломъ далеко не уѣдешь, печка нѣжитъ, дорога разуму учитъ, дамъ я Митькѣ партію сала, пущай продастъ его въ чужихъ краяхъ; а благословитъ его Богъ, и заграничный торгъ заведемъ!.. Тутъ ужъ меня никто не уговаривалъ — врагъ смутилъ!.. Захочетъ кого Господь наказать — разумъ отыметъ, слѣпоту на душу нашлетъ!..

«Три года ѣздилъ мой Митька, продавалъ юхту бродскимъ жидамъ, по салу съ самимъ Лондономъ уладилъ дѣла... Большіе пошли барыши — въ три-то года рубль на рубль нажилъ я!.. Не нарадовалось сердце!.. Экой сынъ-отъ, думаю... На что московскіе купцы, и тѣ завидовали... Всѣмъ сталъ знаемъ мой Дмитрій Корнилычъ Красильниковъ. А я? Чѣмъ бы Бога благодарить, колоколъ бы вылить аль иконостасъ поставить... согрѣшилъ, окаянный, возгордился — барыши сталъ считать да сыномъ хвалиться!.. Думы-то были за морями, а горе за плечами!.. Гдѣ теперь мой разумникъ?.. Чѣмъ теперь похвалюсь?.. Не родиться-бъ ему!.. Дай-ка мнѣ пуншу, Петровичъ, да крѣпче налей!..

«На четвертый годъ воротился изъ-за̀ моря... Господи, что̀ было радости!.. Письма отъ купцовъ заграничныхъ привезъ: товару просятъ, Митьку хвалятъ. Замышляли мы съ нимъ свой корабль снарядить, да еще бы года три-четыре побылъ у меня Митька въ разумѣ, два снарядили бы... Думали въ Питерѣ контору открыть, домъ купить, загадывали въ Лондонѣ приказчика держать... И все тогда казалось мнѣ таково сбыточно, какъ вотъ теперь стаканъ пуншу выпить... Анъ нѣтъ... людское счастье, что̀ вода въ бреднѣ!.. Величался почетомъ своимъ, величался сыномъ разумнымъ и не зналъ никого счастливѣй себя!.. Все суета... Въ морѣ потопъ, въ пустынѣ звѣри, въ мірѣ бѣды да напасти!..

«Двадцать девятый Митькѣ пошелъ: давно пора своихъ дѣтей наживать. Правду говорятъ, что и въ раю тошно жить одному. Семейная каша погуще кипитъ, а холостой вѣкъ проживетъ да помретъ — собака не взвоетъ по немъ...

«За невѣстами дѣло не стало бы: ротъ разинь — изъ любого дома бери... Первостатейные, мильонщики, фабриканты сами съ дочками напрашивались, сами письма писали. И сталъ я Митькѣ совѣтовать: пора-де тебѣ и законъ совершить... Только выбирай, говорю, жену не глазами, а ушами, слушай рѣчь, разумна ли, узнавай, въ хозяйствѣ какова. Съ лица не воду пить: красота приглядится, а щи не прихлебаются. А пуще всего смиренство да разумъ: это на всю твою жизнь приго-

дится. На богатство не зарься: у самихъ, слава Богу, довольно. Приданое что̀? Въ потравѣ не хлѣбъ, въ долгахъ не деньги, въ приданомъ не животы...

«Говорю этакъ Митькѣ, а онъ какъ поблѣднѣетъ, а потомъ лицо все пятнами... Что̀ за притча такая?.. Пыталъ, пыталъ, недѣлю пыталъ — молчитъ, ни словечка... Ополовѣлъ индо весь, ходитъ голову повѣся, отъ ѣды откинулся, исхудалъ, ровно спичка... Я-было за плеть — думаю, хоть и ученый, да все же мнѣ сынъ... И по Божьей заповѣди и по земнымъ законамъ съ родного отца воля не снята... Поучу, умнѣе будетъ — отцовскіе же побои не болятъ... Совѣстно стало: рука не поднялась...

«Той порой изъ чужихъ краевъ Андрей Васильичъ воротился. Домъ купилъ въ городѣ, рядомъ со мной. Митька тамъ и днюетъ и ночуетъ, отъ дѣла даже отсталъ, пріѣдетъ на заводъ — смотритъ въ оба, а не видитъ ничего. А рабочіе, сами изволите знать, народъ бестія — тотчасъ смекнули и давай добро по сторонамъ тащить... Да что̀ заводъ?.. Пропадай онъ пропадомъ, огнемъ гори, сгинь все, что̀ нажито!.. Митька-то разумъ терялъ — вотъ гдѣ напасть-то!.. Кровавыми слезами ее не вымоешь!.. Вѣрите-ль Богу? Старикъ я, старикъ, а плакалъ, бабой ревѣлъ и ему, сыну-то своему, рожденью-то своему, покорился!.. Да, покорился... Слезами обливаючись, упрашивалъ, умаливалъ его разсказать про кручину, что̀ его одолѣла!.. Не вытерпѣлъ слезъ моихъ Митька—сказалъ!.. Лучше-бъ на ту пору языкъ у него отнялся!.. Пуншу, Петровичъ!.. Да лей рому побольше, собака!..

«Нѣмка жила у Андрея Васильича, за дочерью ходила. По найму жила, полторы тысячи ассигнаціями ей давали... Дѣвка безродная, откуда — Богъ вѣсть, такъ шаверь какая-то!.. А вѣры ихней еретицкой, не то люторской, не то папежской — да это все равно — такая ли, сякая ли, одна нехристь... Митька и бухъ мнѣ: за моремъ-де слюбился съ ней и окромя ея ни на комъ въ свѣтѣ не женится... Такъ меня варомъ и обдало!.. Въ землю бы легъ, гробовой бы доской укрылся, только бы этихъ словъ не слыхать!.. «Въ умѣ-ль?» — говорю. А онъ свое!.. Корнями обвела, еретица, на богатство польстившись!.. Да чтобъ этому быть, чтобъ я самъ себѣ бороду оплевалъ!.. Да весь мой родъ переведись!.. По міру пойду, на гноищѣ середь улицы лягу, а такого срама не возьму на себя, не возьму покора отъ роду отъ племени!.. «Слушай, — говорю Митькѣ: — вотъ тебѣ счеты: поѣзжай въ Коренную, оттоль прямо въ Нижній къ Макарью, по осени въ степь за скотомъ». Провѣтрится, думаю, дурь-то вытрясетъ. «А поѣдешь, говорю, Мо-

сквой, побывай у Архипа Иваныча Подколесникова: у него дочка не нѣмкѣ чета: тоже на всякихъ языкахъ говоритъ, въ купеческомъ собраніи пляшетъ, а на музыкѣ позакатистѣй нѣмки играетъ... А главное — благочестивыхъ родителей дочь, не еретица поганая...» Митька было-перечить, а я ему: «Слушай, говорю, хоть ты и бариномъ глядишь, а воля съ меня не снята: возьму варовину — не пеняй!» — Замолчалъ.

«Вечеромъ Андрей Васильичъ пришелъ ко мнѣ. Спервоначалу такъ себѣ о томъ, о семъ покалякали. Потомъ рѣчь на нѣмку свелъ, хвалитъ ее пуще Божьяго милосердія. Я слушаю да думаю: что̀ еще будетъ? Говоритъ, она-де и креститься можетъ; господа-де женятся же на нѣмкахъ. Смекнулъ, къ чему рѣчь клонитъ, говорю ему:—«Господамъ и воля господская, а нашему брату то не указъ. Вы мой гость, Андрей Васильичъ, грубой рѣчи вамъ не молвлю, а перестанемъ про еретицу толковать... ну ее къ бѣсу совсѣмъ!»

«— Да мнѣ, говоритъ, Димитрія Корнилыча жалко.

«— Вамъ, говорю, жалко, а мнѣ вдвое жалчѣй: я вѣдь отецъ, хоть дѣтское сердце и въ камнѣ, да отцовское въ дѣткахъ... Да знаете, говорю, Андрей Васильичъ, русскую пословицу: «Свои собаки грызутся, чужа не приставай». — Замолчалъ.

«Митька всю ночь проревѣлъ. Я ужъ далъ волю... Проревется, думаю, легче будетъ. Самого меня отъ хлѣба откинуло: отецъ вѣдь, каковъ ни будь сынъ — все болѣзнь утробы моей!..

«Поутру въ садъ я пошелъ. Обрѣзываю съ яблони сухіе сучья у самаго абдулинскаго забора. Слышу, Митькинъ голосъ!.. Припалъ ухомъ къ забору — и ея голосъ!.. Говорятъ не по-русски!.. Изъ моего-то сада калитка тогда была въ абдулинской садъ — я туда. Свѣту не взвидѣлъ... Митька съ нѣмкой обнявшись сидятъ, плачутъ да цѣлуются!.. Увидавши меня, бѣжать шельма, — знаетъ кошка, чье мясо съѣла... А Митька въ ноги... «Батюшка, говоритъ, мы вѣдь повѣнчаны!..»

«Остамѣлъ я, услыхавши срамоту на мою сѣдую голову... Зелень въ глазахъ заходила, къ сердцу ровно головня подкатилась!.. На лежанкѣ очнулся, не помню, какъ и добрелъ!.. Выдался денекъ!.. Пять лѣтъ на кости накинулъ!.. Андрей-отъ Васильичъ хорошъ!.. Пріятелемъ звался, хлѣбъ-соль водилъ, денегъ когда займовалъ, а у Митьки на свадьбѣ въ посажёныхъ!.. Гдѣ-то за моремъ, песъ ихъ знаетъ, свадьбу сыграли... Безъ моего-то вѣдома, безъ родительскаго благословенья!.. Вотъ они друзья-то!.. За наше добро намъ же рожонъ въ ребро!.. Да и теперь на меня во всемъ вину валитъ! Сына, слышь, я погубилъ! Сами посудите, ваше высокородіе,

чѣмъ же я тутъ причиненъ, чѣмъ виноватъ?.. Вѣдь я отецъ — а вѣдь и змѣя своихъ дѣтей бережетъ?.. Ученье всему виной, ученье!.. Не я-жъ въ самомъ дѣлѣ!.. Еще, слышь, Сережка да Марья Андреевна на Митьку-де наговаривали!.. Какъ же!.. Не догадался-бъ безъ нихъ!.. Такъ вотъ!.. Языкъ-отъ безъ костей!.. Вотъ что!..

«На другой день иду отъ ранней обѣдни — нѣмка встрѣчу. Не стерпѣло — зашибъ: ударилъ маленько. Откуда ни возьмись Митька — отнимать ее... Сердце меня и взяло: его въ сторону, нѣмку за косу да оземь... Насилу отняли... Ужъ очень распалился я...

«Тяжела, видно, свекрова рука пришлась!.. Зачахла. Мѣсяцевъ черезъ восемь померла. Ха-ха-ха!.. Слава Богу, думаю, теперь у Митьки руки развязаны, пореветъ-пореветъ да и справится... Быль молодцу не укора, будетъ опять человѣкъ... Да бѣда не живетъ одна: ты отъ горя, оно тебѣ встрѣчу: придетъ чаша горькая — пей до дна...

«На другой день похоронъ пришелъ Митька домой... Господи батюшка!.. Никогда этого за нимъ не важивалось!.. Вотъ оно гдѣ горе-то неизбывное!.. Митя, мой Митя!..

«Крѣпись, Корнила!.. Терпи, голова, благо въ кости скована!.. Эхъ, извѣдалъ бы кто мое горе отцовское!.. Глуби моря шапкой не вычерпать, слезъ кровавыхъ родного отца не высушить!.. Пуншу, пуншу, Петровичъ!»

— Что-жъ потомъ сталось съ нимъ? — спросилъ я послѣ долгаго молчанья.

— Не пытайте отца!.. Горько!.. Упился я бѣдами, охмелился слезами!.. Петровичъ! лей до краевъ!..

ДѢДУШКА ПОЛИКАРПЪ.

Разсказъ.

Пріѣхавши на Валковскую станцію, вышелъ я изъ тарантаса, велѣлъ закладывать лошадей, а самъ пошелъ пѣшкомъ впередъ по дорогѣ. За околицей, у вѣтряной мельницы, сидѣлъ старикъ на завалинкѣ. На солнышкѣ лапотки плелъ. Я подошелъ къ нему, завелъ разговоръ. То былъ крестьянинъ деревни Валковъ, отецъ стараго мельника, всѣ его звали «дѣдушкой Поликарпомъ».

Сколько ему лѣтъ—никто не зналъ, и самъ онъ не помнилъ. Одно только сказывалъ, что несъ тягло еще въ ту пору, какъ «царица Катерина землю держала». Крѣпко жаловался старина на нынѣшни времена, звалъ ихъ «останными», потому-де, что восьмая тысяча лѣтъ въ доходѣ и антихристъ во Египетской странѣ народился. Слово за слово, разговорились мы съ дѣдушкой.

— Чтò, — спросилъ я его: — много-ль помолу на мельницѣ-то?

— Какой помолъ, родименькій! Какой помолъ! Наши мѣста безхлѣбныя. У насъ, кормилецъ, по всей волости хлѣбъ-отъ плохо родится. Каковъ ни будь урожай, долѣ Святой своего хлѣба не хватитъ; иной годъ съ Тимоѳея-полузимника *) на базарѣ покупаемъ.

— Земли-то у васъ, кажется, довольно.

— Эхъ, родименькій, какая земля по нашимъ мѣстамъ! Много ея, да пути-то нѣтъ. И велико поле, да не родимо. Погляди, какова землица-то: — лѣсъ да песокъ, болота да мочажины... Какой у насъ хлѣбъ?.. Земля же холодная: овсы иной годъ уродятся, ну и льны тоже, а рожь завсегда плоха бываетъ. А ежели насчетъ пшеницы аль проса, такъ этихъ

---

*) Двадцать второе января.

хлѣбовъ у насъ и въ заведеніи нѣтъ, сѣмена погубить, ежель посѣять. Гречей тоже мало займуются, для того, что каждый годъ морозами ее, сердечную, бьетъ. Такія ужъ наши мѣста!

— А въ старину какъ бывало?

— Какъ можно въ старину! Въ старину все лучше было, на что ни взглянешь, все лучше было. И люди были здоровѣе, хворыхъ да тщедушныхъ, кажись, и вовсе не бывало въ стары-то годы. И все было дешево, и народъ-отъ былъ проще, родимый ты мой. А урожаи въ стары годы и по нашимъ мѣстамъ бывали хорошіе. Всѣ благодарили Создателя. У мужичка, бывало, года по два да по три немолоченный хлѣбъ въ одоньяхъ стоитъ... А въ нынѣшни остатны времена не то... Объѣзжай ты, родимый, всѣ наши мѣста: и Заузолье, и Ячменскую волость, и Лыковщину, и Жары, нигдѣ ты единаго одонья не увидишь, чтобы про запасъ заготовленъ былъ. Въ стары-то годы, родименькій, «кулижки» *) жгли, на нихъ рожь-то, бывало, самъ-восемь да самъ-десятъ. А въ нонѣшни года кулижекъ жечь не велятъ — лѣсные завелись, полѣсовные. Отъ этихъ отъ самыхъ лѣсныхъ кулижка теперь въ такую цѣну станетъ, что палить ее ужъ и не изъ чего... А бывало, въ старину-то, въ лѣтнюю пору, передъ Ильинымъ днемъ, куда ни поглядишь — тамъ изъ лѣсу дымокъ, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ... Иной разъ мѣстахъ въ десяти разомъ горитъ... А нынче не велятъ, запретъ положонъ.

— Что-жъ это за кулиги такія, дѣдушка, для чего онѣ?

— А видишь ли, родной... Пойдетъ, бывало, мужикъ въ лѣсъ, свалитъ ельнику, сколько ему надо, да, сваливши деревья, корни-то выроетъ, а потомъ все и спалитъ. А чтобъ землю-то получше разрыхлить, по веснѣ-то на огнищѣ рѣпы насѣютъ. А къ третьему Спасу **) хлѣбцемъ засѣетъ. Землица-то Божья безо всякаго удобренья такой урожай дастъ, что Господа благодаритъ... Самъ-восемь, самъ-десятъ урожай-отъ бывалъ. А теперь не то, — съ глубокимъ вздохомъ прибавилъ дѣдушка: — теперь не велятъ кулижекъ палить.

— Да нельзя же, дѣдушка, волю надъ лѣсомъ дать. Пожжешь его безъ толку, такъ послѣ не то что на отопку, на лучину ничего не останется.

— Вѣстимо, родименькій. Извѣстно дѣло, мужику нельзя въ лѣсу воли дать... Какъ можно! всякое запрещеніе для порядковъ дѣлается. Только земля-то у насъ ужъ больно скудна, безъ навоженья ничего не родитъ. Такія ужъ наши мѣста!

*) Кулига—то же, что валки, чища, чищоба, огнище—расчищенный, выкорчеванный и выжженный подъ пашню лѣсъ.

**) Шестнадцатое августа.

Сѣмена надо сгубить, коль хорошенько не упавозишь полосу. А на кулижкахъ-то и безъ навозу хлѣбецъ родился. Такъ-то оно и хорошо было.

— Что-жъ вы получше не навозите землю-то? Навозьте ее больше.

— Вѣстимо такъ, родимый, землю по нашимъ мѣстамъ какъ можно больше надо навозить. Какого хлѣба съ нея безъ навозу взять? Безъ навозу никакъ нельзя... Только скотинка-то у насъ больно плохонька. Вотъ что̀, кормилецъ!.. Ужъ куда съ нашими коровенками землю удобрять какъ слѣдуетъ!.. Никакъ невозможно... Посмотри-ка ты, какая по нашимъ мѣстамъ скотина? Сама лядащая, именно, какъ пословица молвится: «коровенка меньше котенка». Слава только одна, что скотина. Вонъ на Горахъ *) скотина хорошая, крупная: кажда корова барыней смотритъ, оттого тамъ и хлѣбъ родится хорошъ. А у насъ что̀? Мѣста ужъ такія у насъ.

— Такъ заведите хорошую скотину.

— Извѣстно дѣло, родименькій, что отъ хорошей скотины больше навозу... Это такъ, это ты истинну правду молвилъ... А намъ безъ удобренья никакъ невозможно... Вотъ начальники-то наши, дай имъ Богъ многолѣтно здравствовать, хермы **) тоже у насъ завели и скота хорошаго пригнали на нихъ... Такой славный скотъ, что любо-дорого посмотрѣть. И мужичкамъ было-хотѣли давать на племя такую скотину, строгостью даже приказывали разбирать ее по дворамъ безданно-безпошлинно... Дай Богъ имъ здоровья, господамъ начальникамъ... Ужъ такое они объ насъ глупыхъ попеченіе принимаютъ, что сказать нельзя. И не сто̀имъ мы такихъ милостей. Право слово, не сто̀имъ.

— Нарасхватъ, чай, разобрали жалованныхъ-то коровъ?

— Какъ возможно, родимый? Намъ ли таку скотину держать?.. Нѣтъ, нечего Бога гнѣвить, помиловало начальство: ни единой коровки не дали... Всей волостью поклонились тогда мужички управляющему, по чемъ тамъ съ души пришлось, поблагодарствовали... Далъ Господь — откупились. Помиловали начальники, дай Богъ имъ, нашимъ добродѣямъ, здоровья — не роздали коровушекъ. Прописали, гдѣ слѣдуетъ: «желающихъ не оказалось».

— Какъ же такъ, дѣдушка? Даромъ такое добро вамъ давали, а вы не брали? Что-жъ это значитъ?

---

*) На «Горахъ» — значитъ на правой сторонѣ Волги. «Нагорные» — жители правой стороны Поволжья.

**) Фермы.

— А то значитъ, родимый, что ужъ такія у насъ мѣста... Мѣсто мѣсту вѣдь рознь. Начальники-то наши, извѣстно дѣло, каждому человѣку добра хотятъ, одначе ихне добро въ иномъ мѣстѣ впрямь добромъ выйдетъ, только надобно будетъ Бога вѣчно молить за него, а въ иномъ, можетъ, и неподалеку гдѣ-нибудь, отъ того добра мужикъ-отъ волкомъ взвостъ... Земля-то наша святорусская больно ужъ велика стала, кормилецъ: съ одного-то мѣста ее не обозришь... Вотъ, примѣрно сказать, про казенну скотину мы съ тобой калякали: по здѣшнимъ мѣстамъ наши лядащія коровенки невпримѣръ способнѣй крупнаго скота. А какихъ-нибудь за тридцать верстъ, хоть у нагорныхъ, крупна скотина — истинно безцѣнное сокровище. У насъ вѣдь по всѣмъ нашимъ мѣстамъ поемныхъ луговъ вовсе нѣтъ, и пожней-то, сѣнныхъ-то, значитъ, покосовъ маловато. По плантамъ и много, да въ наличіи не предвидится... Да и что̀ за покосы? Бѣлоусъ, да осока, да донникъ — и все тутъ. На что наши коровенки, и тѣ по раменя̀мъ пасутся, а сыты не бываютъ, зимой стоятъ на соломѣ, для того, что посыпки-то взять негдѣ, и на свой-отъ обиходъ хлѣбушко съ базару покупаемъ... Ну, отъ такого корму не диви, что здѣшняя скотина — кожа да кости. По этому по самому крупному скоту у насъ и невозможно быть: зимнимъ дѣломъ и самъ голодомъ насидишься и жалованну корову сморишь; а лѣтомъ гдѣ ее пасти? У насъ по покосамъ да по раменя̀мъ: собашникъ, болиголовъ, лютикъ, бѣшеница, молочай, жабникъ *). Ну какъ казенна-то корова да нахватается этой дряни, съ голодухи-то? Вези подъ оврагъ да принимай отъ начальства остуду, не умѣлъ-де, мошенникъ, жалованной скотины соблюсти. И то сказать, въ способныхъ-то мѣстахъ не хитро дѣло мужику казенну корову во дворъ взять, да хитрое дѣло держать ее. Дадутъ тебѣ корову и надзоръ приставя̀тъ къ ней. Зачнутъ къ мужику наѣзжать: понавѣдаться, здоровенько ли, молъ, жалованна-то коровушка поживаетъ, держитъ ли хозяинъ ее въ теплѣ да въ холѣ. А вѣдь самъ ты, родименькій, знаешь, что наѣздъ-отъ начальства изъ мошны деньгу волочитъ: и курочку ему заколи, и говядинки купи, и калачика, а по питейной части, окромѣ простого, виноградненькаго потребуется. По этому по самому, родимый, мужички наши отъ казеннаго скота и откупились, для того, что жалованна-то корова невпримѣръ дороже купленной обойдется. Нѣтъ, на что ужъ намъ

---

*) Собашникъ — Cynoglossum officinale; болиголовъ — Chaurophyllum; лютикъ — Aconitum; бѣшеница — Cicuta virosa; молочай — Euphorbium palustre; жабникъ — Ranunculus bulbosus — травы болѣе или менѣе ядовитыя.

хороши коровы?.. Намъ бы вотъ кулижки позволили, вѣкъ бы стали Бога благодарить.

— Самъ же ты, дѣдушка, сказалъ, что кулижки лѣсъ губятъ, и что запретъ на нихъ положенъ ради порядковъ.

— Вѣстимо, родименькій. Знамо дѣло, для порядковъ. Какъ же намъ жить безъ порядковъ?.. Никакъ нельзя... Примѣромъ сказать, хоть объ лѣсѣ, нельзя не молвить, что губленье губленью рознь... Самъ посуди, кормилецъ, какое губленье лѣсу отъ кулижки? Много ли мѣста подъ нее надоть?.. И то сказать — лѣсъ-отъ на кулижки палятъ вѣдь не строевой, не дровяной, а больше все заборникъ да прясельникъ. А заборнику да прясельнику по нашимъ мѣстамъ такое мѣсто, что, какъ ты его ни руби, онъ изъ земли такъ и лѣзетъ, ровно претъ его оттуда кто.

— Дѣдушка! да вѣдь отъ прясельника и хорошій лѣсъ загорится. Тогда чтò?

— А какъ ему загорѣться-то, родимый?.. Хорошему-то лѣсу? Лѣсной-отъ пожаръ по низу не ходитъ, верхомъ все. А кулижку-то прежде повалятъ да потомъ зажгутъ — она и горитъ низомъ, пò верху ходу ей нѣтъ.

— Какъ же можно попусту лѣсъ губить? Жечь его задаромъ? Жаль такого добра.

— Точно, правда, родимый. Лѣсъ вещь дорогая, дорогая, кормилецъ; какъ не жаль лѣса, когда онъ горитъ? Ужъ такъ его жаль, такъ жаль, что и сказать не можно. Какъ этакъ увидишь, что лѣсокъ-отъ гдѣ-нибудь загорѣлся, такъ горько станетъ, подумаешь: «Вотъ ростилъ его Господь долгія лѣта, и стоялъ онъ, человѣка дожидаючись, чтобъ извелъ на показанную Богомъ потребу, а теперь за грѣхи наши — горитъ безъ пути»... Да вотъ неподалеку отъ насъ, въ Наумовской волости такая палестина лѣсу выгорѣла, подумать страшно: отъ Рожествина почитай до Тòлмазина, верстъ на тридцать выхватило. А лѣсъ-отъ былъ кондовый, дерево-то не охватишь. Загорѣлось отъ Божьей воли, отъ молоньи, а друго дѣло, не знаю. Ну, дерево-то хоша и обгорѣло, а все-таки было годно для того, что въ лѣсномъ-то пожарѣ только хвоя да сучья горятъ, а самому дереву вреды нѣтъ. Наши мужички и хотѣли-было купить тотъ горѣлый лѣсъ, на сплавъ чтобъ его въ низовы города. И купцы пріѣзжали, не по одинъ разъ смотрѣли, тоже хотѣли купить. За весь-отъ, чтò его погорѣло, два ста тысячъ на монету давали, а Василій Трофимычъ, чтò нами въ ту пору заправлялъ, отписалъ къ самому большому начальству, чтò тѣхъ денегъ взять мало, коли, дескать, сдѣлать торги, такъ больше дадутъ. Требовалъ, видишь, роди-

менькой, Василій-отъ Трофимычъ двадцать тысячъ благодарности, а его не ублаготворили. Поэтому и прописалъ, чтобы лѣсъ не продавать, казнѣ-де убытки будутъ. На третій годъ послѣ пожару межевой наѣзжалъ, велѣно ему было доподлинно вымѣрять, много-ль погорѣло казеннаго лѣсу, и сосчитать, сколько придется на продажу бревенъ, и какой толщины будутъ они. Ну, палестина не малая — скоро ли ее вымѣряешь? Наѣзжалъ года по два, — да все-то, кормилецъ, въ саму рабочую пору. Понятыхъ сбивалъ, подводы, ну и благодарности тоже требовалъ, безъ того ужъ нельзя. Да окромя благодарности: харчевыя, да свѣчныя, да питейныя. Однѣхъ питейныхъ что̀ вышло! Человѣкъ-отъ былъ пьющій, народъ-отъ съ нимъ тоже до винца охочій; бывало, каждый Божій день два либо три штофа пѣннику. Ну, послалъ межевой планты, куда слѣдуетъ; по времени и вышло объ лѣсѣ рѣшенье: торги произвесть, кто больше дастъ, тому его и продать. А рѣшенье-то выслали послѣ пожару на восьмой годъ: той порой лѣсъ-отъ подгнилъ, вѣтромъ его повалило, и остались однѣ гнилыя колоды: лежатъ комлемъ вверхъ и новому лѣсу расти не даютъ, корни-то выворотило, землю отъ того всю изрыло. Не то, чтобъ купить, — съ казны еще стали просить, мѣсто-то бы только очистить... Такъ и запропало Божье мѣсто: гарь теперь одна, не пролѣзешь. Грибы даже не растутъ, только и пользы, что малиннику много разродилось. Мѣсто хоть совсѣмъ брось, только бѣглымъ да скрывающимъ скитникамъ жилье уготовали, а больше ничего... Такъ вотъ оно что̀, родненькой! — промолвилъ дѣдушка, немного помолчавши. — Какъ можно сказать, чтобъ мы не жалѣли лѣсу! Сердце кровью обольется, какъ завидишь лѣсной пожаръ. Думаешь: «Ну какъ и этотъ лѣсъ за̀даромъ пропадетъ?» Какъ намъ не жалѣть лѣсу, родимый? Вѣдь его Богъ не про кого, что про насъ, выростилъ.

— Ты сказалъ, дѣдушка, что хлѣбъ-отъ у васъ плохо родится. Что-жъ, промыслами кормитесь?

— Какъ же, родименькой. Промысломъ только и живемъ, издѣльемъ то-есть. Хлѣбца-то мало, кулижекъ-то палить не велятъ, такъ мы все больше около лѣску промышляемъ. Котора деревня ложки точитъ, котора чашки, по другимъ мѣстамъ смолу сидятъ, лыко дерутъ, рогожи ткутъ: только лѣскомъ и живемъ, родимый! Оттого-то лѣсокъ-отъ и любъ намъ, оттого-то мы его и жалѣемъ — вѣдь онъ нашъ поилецъ, кормилецъ.

— За попенныя лѣсъ-отъ берете?

— За попенныя, кормилецъ, за попенныя. Какъ же можно

безъ попенныхъ? Не велятъ. Да попенныя что? Деньги не великія, заминки только много отъ нихъ... Лѣсной-отъ тоже вѣдь баринъ, стало-быть, благодарности требуетъ. Да это бы еще ничего — безъ благодарности какъ же ему и быть, на то онъ лѣсной. А вотъ иные больно неподходящи бываютъ и на руку крѣпки: чуть ему слово, онъ тебя изобьетъ, какъ ему хочется. Станешь съ нимъ порядкомъ говорить, а онъ свое: «Развѣ, говоритъ, не знаешь, что ты весь въ моихъ рукахъ — застану, говоритъ, съ топоромъ въ лѣсу, дò смерти могу убить... Знаешь ли, говоритъ, что, когда лѣсной порубку преслѣдуетъ, дозволяется ему вора изъ ружья застрѣлить? Такъ поэтому ты, говоритъ, и долженъ ухо вострò держать и меня почитать больше, чѣмъ исправника аль окружного, потому что тѣ только спину тебѣ вздерутъ, а я, ежель захочу, дò смерти могу застрѣлить».

«Нашъ лѣсной Иванъ Васильичъ — добрый, хорошій баринъ — а этакъ же иной разъ нашего брата попугиваетъ. Спервоначалу-то думали — морочитъ: «Какъ же можно ему человѣка застрѣлить», этакъ, знаешь, думаемъ. Да грамотеи изъ нашихъ мужичковъ доподлинно въ законныхъ книжкахъ вычитали, что лѣсная стража, ежели кого преслѣдуетъ, можетъ того человѣка убить, и смертное убійство въ грѣхъ ей не вмѣняется. Такая статья есть, кормилецъ... Отъ этого лѣсной нашему брату страшнѣй всякаго: другой баринъ, какъ великъ ни будь, все-таки живота лишить не можетъ, а лѣсному это, стало-быть, можно. Правду сказать, таковыхъ случàевъ не слыхать, а все-таки страху много. Какъ же послѣ того не ублаготворишь ты его? Умирать не своей смертью кому охота? Хоть, можетъ-быть, онъ только для острастки такія рѣчи говоритъ, однакожъ все дѣло въ его рукахъ. Ну, а какъ стрѣльнетъ? Тогда что?

«Вотъ еще эти издѣльны билеты у насъ! Такую заминку дѣлаютъ, что просто не приведи Господи! Чтò мужикъ ни сработаетъ: смолы-ль насидитъ, кадушекъ ли, ведеръ ли надѣлаетъ, чашекъ ли наточитъ, — на всяко издѣлье, какъ его на продажу везти, долженъ у лѣсного билетъ выправить. И въ тотъ билетъ на дорогѣ всякій у тебя смотритъ, лѣнивый развѣ про билетъ не спрашиваетъ... И на перевозахъ съ нимъ задержка, и на базарѣ хлопотъ не оберешься. А въ города да на ярмонки лучше не ѣзди. Всякій тамъ съ тебя сорвать норовитъ: и городничій, и квартальный, и исправникъ; будочникъ привяжется—и будочника ублаготвори, не то скажетъ, что издѣлье изъ краденаго лѣса: тебя послѣ по судамъ и затаскаютъ. А билетъ даютъ одинъ, сколько мужикъ ни наработаетъ то-

вару, ему все одинъ билетъ. Иной разъ и повезъ бы издѣлье самъ на базаръ, а сына на другой бы послалъ, да страшно: билетъ-отъ не разорвать стать, а куда безъ билета пріѣхалъ, тамъ скажутъ, что ты воровское издѣлье привезъ, и такъ тебя оборвутъ, что долго будешь помнить, каково безъ издѣльнаго билета на базаръ выѣзжать.

«Тоже вотъ и насчетъ штрафныхъ за неуборку вершинъ и сучьевъ. Это ужъ выходитъ для насъ немножко и обидно, родименькой. Самъ ты посуди, кому хочется штрафованнымъ быть? Штрафъ-отъ хоть не великъ, да слово-то будто обидно. Да этотъ же штрафъ лѣсной беретъ напередъ, заодно съ попенными, точно тому дѣлу такъ и надо быть, чтобы каждый человѣкъ штрафился. Ты возьми хоть два, хоть три гривенника — за тѣмъ мы не стоимъ — да штрафомъ-то не зови, а то вѣдь, чтò тамъ ни говори, все же выходишь ты человѣкъ нехорошій, коли штрафъ съ тебя взятъ. Да чтò еще лѣсной-отъ говоритъ, какъ придешь къ нему за билетомъ: «Ты, говоритъ, вершины-то да сучья не убирай, а какъ отъ этого казенному лѣсу порча, такъ и подай за то гривенникъ штрафу, да подай напередъ, чтобъ послѣ мнѣ тебя не разыскивать». Оно и обидно таки рѣчи слушать: вѣдь это все одно, что скажутъ тебѣ, казну-де ты обворовалъ. Такимъ дѣломъ обзывать невиноватаго, кажись бы, не надо.

«А куда убирать вершины да сучья — ни у насъ ни по другимъ волостямъ мѣстъ не отведено... А мѣста наши ровныя: ни горъ ни овраговъ верстъ на сотню во всѣ стороны нѣтъ, валить-то вершины да сучья и некуда. Разъ было - кучились мужики лѣсному, всѣмъ міромъ кланялись, «укажите, молъ, ваше благородіе, такое мѣсто». Такъ онъ поди-ка какъ разлютовался. «Учить, говоритъ, меня вздумали? Объ васъ же, говоритъ, начальство заботу принимаетъ, нарочно штрафы учредило, чтобъ васъ отъ дѣла не отрывать, а вы же, мошенники, еще неблагодарны остаетесь! Да пикни, говоритъ, у меня кто-нибудь хоть единое слово, не то что безъ промыслу — безъ дровъ, безъ лучины оставлю. Лишу и тепла и свѣта на всю зиму зименскую». Да весь міръ въ зашей. Опослѣ еще похвалялся нашему головѣ: «Вотъ, говоритъ, отведу я имъ мѣсто верстъ за пятьдесятъ, такъ узнàютъ кузькину мать». Чтò ты станешь дѣлать, родимый мой?

«Да нашъ баринъ — добрый и смирный, Иванъ-отъ Васильичъ. Бога надо благодарить за такое начальство. Просто сказать — душа-человѣкъ. Другой разъ и покричитъ, и побьетъ, и убить изъ ружья погрозится, а все же съ нимъ говорить хоть можно — на рѣчи охочій. И много еще милости оказываетъ,

дай Богъ ему многолѣтняго здравія. Хоть бы насчетъ лажу. Вѣдь прежде, родименькій, цѣлковый-отъ четыре рубля двадцать пять копеекъ ходилъ, а потомъ его на три съ полтиной поворотили. Теперь деньги у мужика хоть и тѣ же, да счетомъ-то ихъ стало меньше, оно будто ихъ и не хватаетъ. И по всѣмъ мѣстамъ въ нынѣшни времена, гдѣ ни послышишь — лажъ-отъ вездѣ порѣшился, а нашъ Иванъ Васильичъ, дай Богъ ему здоровья, до сихъ поръ лажемъ милуетъ. Попенны деньги, тѣ на серебро беретъ, а насчетъ иныхъ сборовъ, которы ему слѣдуютъ: за троицки березки, за вѣники, грибной сборъ, орѣховый, за стрѣльбу дичины, дровяныя, лучинныя, харчевыя, это все, дай Богъ ему здоровья, съ лажемъ принимаетъ. Оно нашему брату и повыгоднѣй... Поэтому — хоть иной разъ Иванъ Васильичъ какого непослушника и поизобидитъ, а все-жъ мы довольны имъ остаемся: отецъ родной — не баринъ.

«За такимъ лѣснымъ, какъ Иванъ Васильичъ, дай ему Богъ многолѣтняго здравія, жить можно, и только Бога надо благодарить... А вотъ въ Липовской волости лѣсной-отъ Петръ Егорычъ — вотъ ужъ бѣда: строгій-нastрогій и самый не подходящій. Слова съ мужикомъ не молвитъ, глядитъ волкомъ и все норовитъ тебя въ зубы. Какъ ты его ни ублаготворяй, ему все мало. «Мѣсто мое, говоритъ, въ Питерѣ, не у васъ въ трущобѣ съ волками да съ медвѣдями, такъ за это за самое, говоритъ, ты и долженъ меня ублаготворить. Да помни, говоритъ, расканалья ты этакая, что надо мной есть палата, и потому я самъ подъ сборами нахожусь». Что съ такимъ бариномъ подѣлаешь? А нашему брату безъ лѣсу никакъ невозможно; лѣсомъ только и живемъ.

«Придетъ къ Петру Егорычу мужикъ за билетомъ, попенны принесетъ, ну и почести сколько слѣдуетъ, да коли баринъ на ту пору въ сердцахъ — въ карты проигрался, аль жену въ городъ за покупками снаряжаетъ, заломитъ онъ такую благодарность, что затылокъ затрещитъ. А какъ мужикъ зартачится, да въ цѣнѣ не сойдутся, Петръ Егорычъ ему и молвитъ: «приходи завтра». Завтра да завтра, да дѣло-то до Евдокеи-плющихи *) и дотянетъ. Придетъ мужикъ на Евдокею, онъ билетъ ему выдастъ и окромѣ попенныхъ, — каковъ есть мѣдный грошъ, — не возьметъ. И давать станетъ, еще зарычитъ, ровно медвѣдь: «я человѣкъ благородный, на подлости не пойду, мундира марать не стану. Какъ ты смѣлъ, говоритъ, мошенникъ этакой, взятку мнѣ давать? Да за это, говоритъ, въ Сибирь

*) Первое марта.

можешь угодить, коли я захочу». Швырнетъ благодарность-то, обругаетъ, иной разъ поколотитъ. А въ билетѣ пропишетъ, что выдалъ его не на Евдокею, а на Крещенье, либо на Спиридона-поворота *). Мужикъ, коли не былъ ученъ, сдуру-то, пожалуй, обрадуется, что дешево выправилъ билетъ, да на радостяхъ за топоръ — и въ лѣсъ. И только-что успѣетъ онъ свалить деревья, что̀ въ билетѣ прописаны, Петръ Егорычъ предъ нимъ ровно изъ земли выросъ. Вспороть прикажетъ, веревками руки-ноги скрутитъ и велитъ полѣсовнымъ въ городъ его везти, — рубилъ-де не въ урочное время. Потому видишь ты, родименькой, съ Евдокеина-то дня рубкѣ лѣсу запретъ, для того, что тутъ въ соку онъ бываетъ. Ну, ладно, хорошо. Наругается досыта, ружье на мужика наставитъ, говоритъ: «Убью и отвѣчать не буду: чорту баранъ готовъ ободранъ. Давай пятьдесятъ цѣлковыхъ, не то по суду больше возьмутъ». Есть у мужика деньги — дастъ, нѣтъ — подъ судъ его. Тамъ и распоясывайся какъ знаешь, да еще въ тюрьмѣ насидишься.

«Попался этакъ ему мой внучекъ, деревни Жужелки крестьянинъ, Василій Блинниковъ. Моя-то дочка, видишь ты, въ Жужелку выдана: такъ Васька-то внучкомъ мнѣ и приходится. Затребовалъ съ него Петръ Егорычъ шесть золотухъ; тотъ заупрямился, не далъ. Онъ возьми да дѣло-то и затяни за Евдокею, на Сорокъ мучениковъ **) билетъ-то выдалъ, а прописалъ, что выданъ за день до Рождества. Васютка, дѣломъ не волоча, въ лѣсъ: свалилъ пятьдесятъ, никакъ, деревъ, что̀ въ билетѣ прописаны, да только-что свалилъ, Петръ Егорычъ и шасть на то самое мѣсто. Поругалъ, поколотилъ, убить погрозился, пятьдесятъ цѣлковыхъ спросилъ. Васька не далъ: онъ его въ городъ. Что-жъ ты думаешь, родимый? Оцѣнили каждое бревно, по расписанію, въ два цѣлковыхъ, да съ Васютки по суду семьсотъ рублевъ на монету безъ лажу и взяли. Вдвое, вишь, по закону взысканье-то полагается. Что̀ станешь дѣлать? Мужикъ былъ справный, по всей волости немного такихъ было, теперь въ разоръ разорили его. Пять лошадокъ держалъ, полная чаша, а теперь ровно бобыль какой, и коровенки-то ребятишкамъ на молоко даже нѣтъ. И въ палату ходили, къ губернатору: вездѣ сказали, что дѣло сдѣлано, какъ быть ему слѣдуетъ.

«Ужъ бранилъ же я Ваську и клюкой побилъ. «Зачѣмъ, говорю, песъ ты этакой, не ублаготворилъ лѣсного шестью золо-

*) Двѣнадцатое декабря.
**) Девятое марта.

тухами, зачѣмъ опять, говорю, не далъ ты ему пятидесяти цѣлковыхъ, какъ онъ въ лѣсу тебя накрылъ?..» Да что толковать?—стараго не воротишь. Да, родименькой, су́противъ вѣтру не подуешь... Вотъ за Васькино упрямство и покаралъ его Господь. И самъ-отъ разорился, и ребятишкамъ по міру придется идти.

«Да, родименькой, ужъ оно такъ и слѣдуетъ. На то и порядки установлены, чтобы ихъ исполнять. Вѣдь они для насъ же, глупыхъ, начальствомъ ставятся, безъ порядковъ како ужъ житье? А кто су́противъ порядковъ пойдетъ, тотъ отвѣчай спиной и мошной. Это ужъ такъ слѣдуетъ. Вотъ и внучку такія же рѣчи я баялъ, да ужъ нечего дѣлать. Ну какъ ему можно было согрубить передъ Петромъ Егорычемъ? Вѣдь лѣсной — начальство, а по нашимъ мѣстамъ начальство-то самое первое, для того что лѣсомъ только и дышимъ. А передъ начальствомъ имѣй голову наклонну, а сердце покорно. Начальство должно во всемъ слушаться, и велѣно за него Бога молить. Какъ же можно было ему огорчать Петра Егорыча? И ближній человѣкъ, и болѣзнь утробы моей, а надо правду говорить. Что въ самомъ дѣлѣ?

«И какой еще чудной Васютка-то! Чему скорбитъ! «Мнѣ, говоритъ, не то обидно, что меня ободрали да нищимъ пустили, а то, что судили меня съ Прошкой Малыгинымъ: — ему особенныя права дали, а меня разорили». А Прошка Малыгинъ, родименькой, ихней же деревни мужичонка есть — воръ отъявленный — давно ему мѣсто въ Сибири аль въ «рестанской» ротѣ, да все только въ подозрѣніи остается. Спервоначалу-то и онъ былъ справный мужикъ, да хмелемъ зашибся, ну, а зелено на пагубу дано, къ добру оно не приведетъ. Съякшался Прошка съ кабацкими сидѣльцами, пропилъ, что было у него, сталъ изъ дому таскать, да старикъ-отецъ еще живъ, пріостановилъ. Связался Прошка съ ворами да съ бѣглыми солдатами и пошелъ за добромъ черезъ заборъ ходить да на большой дорогѣ у тарантасовъ чемоданы рѣзать. Маялись съ нимъ, маялись жужельски мужики — однакожъ поймали съ поличнымъ. Судъ наѣхалъ—временное, значитъ, отдѣленіе. Проживало въ деревнѣ недѣли двѣ. Дорого обошлось жужельскимъ Прошкино дѣло!.. Вѣдь кто по суду ли наѣхалъ, всякому припасай и чаю съ сахаромъ, и вина, и всякихъ харчей. Въ двѣ-то недѣли всѣхъ курицъ въ Жужелкѣ перерѣзали, что барановъ перекололи, а свиней, гусей и всякой животины не столь переѣли, сколь озорствомъ разбросали... Да что тутъ говорить — извѣстно дѣло: воръ воруетъ — міръ горюетъ; а воръ попалъ — такъ и міръ пропалъ. У Прошки обыскъ дѣланъ былъ: подъ поломъ

много краденаго нашли. Посадили Прошку въ острогъ; сидитъ годъ, сидитъ другой, отъѣлся на острожныхъ-то калачахъ — быкъ быкомъ сталъ. На третій годъ Прошкино дѣло рѣшили. Привели его въ судъ выслушивать рѣшенье, и Васютку моего туда-жъ пригнали. Спервоначалу Васькѣ рѣшенье вычитали: взять съ него семьсотъ на монету, а послѣ того Прошкѣ стали вычитывать. Вычитываютъ Прошкѣ такой судъ: «Слѣдовало бы тебя, деревни Жужелки вора, Прошку Малыгина, за твое великое воровство послать на житье въ дальны губерніи, да по статьѣ закона замѣна выходитъ, и по этой статьѣ слѣдуетъ тебя, Прошку, въ «рестанску» роту на полтора года. А какъ-де въ нашей губерніи «рестанской» роты покамѣстъ еще не завели, такъ по этому самому случàю тебѣ, Прошкѣ, по другой статьѣ друга замѣна выходитъ: сидѣть тебѣ, вору, въ рабочемъ домѣ два года три мѣсяца. А какъ въ рабочемъ домѣ и безъ тебя, вора Прошки, много сидѣльцевъ и посадить тебя, мошенника, некуда, такъ по этому случàю выходитъ тебѣ по третьей статьѣ третья замѣна: велѣно тебѣ, Прошкѣ, дать восемьдесять пять розогъ при полиціи». Прочитавши такой судъ, судья спросилъ Прошку: «Доволенъ ли, говоритъ, рѣшеньемъ?» А Прошка ногъ подъ собой не слышитъ: радъ-радешенекъ, что замѣсто дальней губерніи спиной отвѣтить можетъ. Поклонился судьѣ въ ноги: «Много, говоритъ, доволенъ вами, по гробъ жизни, говоритъ, не забуду вашей милости». А судья ему: «Погоди, говоритъ, вѣдь тебѣ, вору, грабителю, еще особенны права будутъ». Прошка призадумался. «Что-жъ, думаетъ, спину-ль вдругорядь станутъ драть, въ острогѣ-ль еще сидѣть доведется, али деньги потребуются?..» А судья ему: «Перво дѣло, говоритъ, не бывать тебѣ сиротскимъ опекуномъ; второе дѣло: не будутъ тебя въ свидѣтели брать; третье дѣло: не станутъ на мірской сходъ пускать; четвертое, говоритъ, дѣло: — ни въ головы, ни въ старшины, ни даже въ сотскіе аль въ десятскіе не станутъ тебя выбирать во всю твою жизнь». Повалился Прошка въ ноги, слезами заливается: «Отцы мои родные, говоритъ, благодѣтели вы мои, ужъ коли такія есть до меня ваши милости, нельзя ли приписать, чтобъ и подводъ-то съ меня не брали?..» Однакожъ подводами Прошку не помиловали, гоняетъ очередь съ другими наряду.

«Вотъ на это на самое и обижается Васютка: «Какъ же, говоритъ, это такъ? По Прошкину дѣлу — воръ Прошка; а по моему дѣлу — воръ не я. Какъ же съ меня семьсотъ цѣлковыхъ взяли, а ему правà дали и сталъ онъ теперь счастливъ на всю жизнь?» Я говорю: «Ты, Васька, молчи, на то порядокъ.

и всякому свое счастье, а надо всѣми Богъ. И ты, говорю, Бога не гнѣви: — лѣсного почитай, супротивничать не моги, а кому какое счастье Господь на судѣ посылаетъ: не тебѣ, сиволапому, о томъ разсуждать. Какъ ты себѣ ни мудри, а Богъ надъ нами, и супротивъ начальниковъ ходить не велѣно. А такая супротивность, говорю, какъ твоя передъ Петромъ Егорычемъ, по всему хуже Прошкина воровства...»

Въ это время послышался колокольчикъ. Тарантасъ подъѣхалъ къ мельницѣ, и я простился съ дѣдушкой Поликарпомъ.

— А не можешь ли ты, родименькій, кулижки-то намъ выхлопотать? — проговорилъ онъ, когда я садился въ тарантасъ.

— Эхъ, ты!.. Еще съ кулигами тутъ! А ты знай ковыряй свои лапотки да языкъ-то не больно распущай, — молвилъ ямщикъ. — Еще кулиги захотѣлъ!.. Какія ужъ тутъ кулиги!.. Ѣхать, что ли, ваше высокородіе?

— Поѣзжай. Прощай, дѣдушка.

И лихой ямщикъ помчалъ по гладкой дорогѣ. Встрѣчались мужики съ бочками смолы, съ ведрами, кадушками, корытами и другимъ лѣснымъ издѣльемъ. Они торопливо сворачивали съ дороги и, издали снявъ шапки, низко кланялись. Ждали, что и я потребую издѣльнаго билета.

ПОЯРКОВЪ.

Разсказъ.

Ѣхалъ я большой торговой дорогой, обсаженной березками. Тутъ когда-то былъ почтовый трактъ, потому и обсадили его. Торный путь набитъ саженъ на шесть въ ширину, и обозы по немъ взадъ и впередъ тянутся безпереводно, другъ дружкѣ не мѣшая, а широкая тридцатисаженная дорога впустѣ лежитъ; давно отдана въ распоряженье гуртовщиковъ, что̀ гоняютъ скотину изъ уральскихъ степей съ Нарынъ-Песковъ, ярмарки у Ханской Ставки.

Проѣхавъ версты четыре, ямщикъ остановился, слѣзъ съ козелъ, сталъ поправлять упряжь на коренной и посвистывать пристяжной. Колокольчикъ замолкъ. Въ сторонѣ послышался дрожащій старческій голосъ: *Блаженъ мужъ, аллилуія, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, аллилуія, аллилуія.*

Я оглянулся: у дороги подъ ракитой сидѣлъ старичокъ въ изношенномъ сюртукѣ, съ котомкой за плечами; на травѣ возлѣ него клюка и кожаный картузъ. Утреннее солнце ярко освѣщало непельнаго цвѣта лицо его и раскинутые по плечамъ сѣдые, какъ лунь, волосы.

— Кто бы это? — сказалъ я путевому товарищу.

— Богомолецъ. И вѣрно изъ дворовыхъ. Былъ псаремъ либо музыкантомъ у богатаго барина, вѣкъ свой брилъ бороду, ходилъ въ форменномъ казакинѣ, до сѣдыхъ волосъ звался Мишкой либо Гришкой и служилъ вѣрой и правдой. А какъ пришла старость, руки-ноги стали отставки просить, да увидалъ Гришка, что во дворнѣ онъ лишнимъ сталъ: то бабы на рубаху холста забыли ему наткать, то въ застольной мѣсто ему на сажень отъ чашки — бухъ въ ноги барину: «Увольте въ Кіевъ ко святымъ мощамъ на поклоненіе да къ святителю Митрофанію». Такихъ много по большимъ дорогамъ.

Завидя насъ, старикъ подошелъ и низко поклонился.

— Не въ Ключищи-ль изволите ѣхать, ваше высокородіе?— спросилъ онъ.

— Въ Ключищи, а что?

— Окажите милость старику; позвольте на облучокъ присѣсть. Дѣло хворое — ноги болятъ. Самъ Богъ не оставитъ васъ.

— Садись, пожалуй, да ты кто такой?

— Титулярный совѣтникъ Поярковъ.

— Садитесь, пожалуйста... Да куда-жъ вы? Вотъ здѣсь. Тарантасъ широкъ, троимъ не будетъ тѣсно.

— Помилуйте, ваше высокородіе, смѣю ли я?.. Не извольте такъ много безпокоиться.

Насилу уговорилъ его сѣсть съ нами.

— Гдѣ служили? — спросилъ я, думая, что это одинъ изъ оставленныхъ за штатомъ чиновниковъ... Ихъ тоже довольно на большихъ дорогахъ.

— Приставомъ второго стана Пискомскаго уѣзда Хохломской губерніи.

— Долго служили?

— Больше десяти лѣтъ. А до того секретаремъ земскаго суда былъ, письмоводителемъ въ городническомъ правленіи — все въ полицейскихъ должностяхъ...

«Десять лѣтъ становымъ — и на большой дорогѣ нищимъ! Чудеса!..» — подумалъ я.

— Отчего-жъ не продолжали службу?

— Я-съ... отрѣшенъ отъ должности съ тѣмъ, чтобъ впредь никуда не опредѣлять.

— Чѣмъ же занимаетесь?

— Какъ вамъ доложить?.. Ничѣмъ-съ... По святымъ обителямъ странствую... Работать не могу — года ужъ такіе.

— Частной бы должности поискали...

— Нельзя-съ.

— Отчего?

— Указомъ Правительствующаго Сената объявленъ ябедникомъ, хожденіе по частнымъ дѣламъ воспрещено... Къ другому ни къ чему не пріобыкъ. Оно, конечно, вона теперь много мѣстовъ по пароходству на Волгѣ и въ компаніяхъ, и жалованье хорошее, и можно бы приспособиться... И пытался... Да съ моимъ аттестатомъ кто возьметъ?

«Вотъ подхватилъ я гуся лапчатаго», — подумалось мнѣ.

— А впрочемъ, благодарю Создателя, что не попалъ на мѣсто! — заговорилъ Поярковъ послѣ короткаго молчанія: — а то не сподобилъ бы Господь столько святыни видѣть и недостойными устами своими къ ней прикасаться, не привелъ бы

узнать матушку Русь православную, какъ живется, какъ думается народу. Былъ я, ваше высокородіе, въ Кіевѣ и у Почаевской Богородицы, въ Воронежѣ и въ Соловкахъ, у Кирилла Бѣлозерскаго, у Симеона Верхотурскаго, вкругъ Москвы вездѣ, всю почти Россію пѣшкомъ выходилъ. А вѣдь нашему брату, убогому страннику, въ дворянскіе да въ чиновничьи домà ходу мало: у мужичковъ больше привитаемъ, отъ ихъ трапезы кормимся. Отъ нихъ-то и узналъ я русскій народъ... Познавать его вѣдь можно только лежа на полатяхъ, а не сидя за книгами да за бумагами, да разъѣзжая по казенной надобности.

Сначала подумалъ я, что если это не закоренѣлый мошенникъ, такъ, по крайней мѣрѣ, плутъ и ужъ навѣрное пьяница. Недаромъ говорится: воръ слезливъ, плутъ богомоленъ. Но, вслушиваясь въ звуки рѣчей, всматриваясь въ лицо Пояркова, больше и больше удивлялся... Ни сизаго носа, ни багровыхъ пятенъ на щекахъ, ни мутности въ глазахъ, ни отека въ лицѣ, ни одного изъ признаковъ знакомства съ чарочкой не было. Напротивъ, въ глазахъ выражалось много ума и благодушія, въ лицѣ — много твердости характера.

— Послушайте, господинъ Поярковъ, — сказалъ я: — скажу вамъ прямо: вы меня удивляете... По вашему лицу, по вашимъ рѣчамъ не видно, чтобъ вы были...

— Шельмованный негодяй? — перебилъ Поярковъ. — Не ропщу на судъ человѣческій: творился онъ волею Божіей. Подѣлòмъ я наказанъ.

— Но...

— Какъ ни будь кривъ судъ человѣческій, — перебилъ меня Поярковъ: — все-таки онъ творится по Божьему велѣнью.

— Бываетъ однако, что невинные страдаютъ!

— Бываетъ, что судьѣ мзда глаза деретъ, бываетъ, что судья неопытенъ и дѣла не разумѣетъ, вершитъ не по закону, не по совѣсти... Такъ... Но повѣрьте, что за каждымъ невинно осужденнымъ были другіе грѣхи, до людей не дошедшіе, а къ Богу вопіявшіе... За эти-то тайные грѣхи и осуждается человѣкъ подъ предлогомъ такихъ, какимъ онъ не причастенъ... На человѣческомъ судѣ всего одинъ только разъ былъ осужденъ не имѣвшій грѣха. Судьей тогда былъ Пилатъ.

«Правда, — продолжалъ Поярковъ: — судья, чтò плотникъ: чтò захочетъ, то и вырубитъ, а у всякаго закона есть дышло: куда захочешь, туда и повернешь. Да вѣдь и надъ судьей и надъ подсудимымъ есть еще Судія... Неужли Онъ допуститъ безвинно страдать? Не палачъ Онъ людей, а весь — любовь безконечная... Судья дѣломъ кривитъ, волю дьявола тѣмъ тво-

ритъ, на̀ душу свою грѣхъ накладываетъ, а въ то же время, по судьбамъ Божьяго правосудія, творитъ и волю правды небесной, за ту вину караетъ подсудимаго, которой и не зналъ за нимъ. Такъ-то на всякую людскую глупость находитъ съ неба Божья премудрость.

«Хоть объ своемъ дѣлѣ вамъ доложу. Отрѣшенъ отъ должности вотъ за что. Въ деревнѣ баня загорѣлась, ее раскидали. Подаютъ объявленіе о пожарѣ: до деревни восемьдесятъ верстъ, а у меня сорокъ важныхъ дѣлъ на рукахъ, въ томъ числѣ пятнадцать арестантскихъ. Становому всѣхъ обязанностей исполнить нельзя, будь у него въ суткахъ сорокъ восемь часовъ. Потому и держатъ они вольнонаемныхъ писцовъ. Набираютъ ихъ изъ вольноотпущенныхъ, исключенныхъ изъ духовнаго званія, изъ службы выгнанныхъ, изъ лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи. Они и заправляютъ дѣломъ, а становой тѣмъ только занятъ, что̀ поважнѣе да прибыльнѣе. И у меня человѣкъ съ пятокъ такихъ было. Одного и послалъ я на слѣдствіе о пожарѣ; онъ допросы снялъ, дѣло какъ слѣдуетъ очистилъ, я подписалъ, въ уѣздный судъ представили, рѣшили тамъ: «предать волѣ Божіей». А мужичонка, али хозяинъ, кляузникъ былъ, подалъ губернатору жалобу: былъ-де у меня поджогъ, а такой-то отпущенникъ поджигателей скрылъ. Губернскаго чиновника прислали, тотъ нашелъ, что мужикъ вретъ, поджога никакого не бывало, а слѣдствіе въ самомъ дѣлѣ отпущенникъ производилъ, а я на немъ учинилъ фальшивую, значитъ, подпись и совершилъ допросы и очныя ставки заднимъ числомъ... Подлогъ, значитъ!.. Губернаторъ былъ вновѣ, а нова метла чисто мететъ — подъ судъ меня. Въ уголовной 391 статейку и подвели: «лишеніе всѣхъ правъ состояній и ссылка въ Сибирь на поселенье». Подмазалъ — смилостивились: уменьшающія вину обстоятельства нашли, рѣшили «уволить отъ должности». А тутъ другое дѣло завязалось: «о похороненіи на огородѣ безъ священническаго отпѣванія некрещеннаго младенца матерью его, состоящею въ расколѣ». Другой чиновникъ пріѣхалъ. Прикосновенными были государственные крестьяне, стало-быть, надо депутата. Чиновникъ меня и проситъ: «Нельзя ли, говоритъ, поскорѣй депутата прислать, всего бы лучше безграмотнаго прислать, да прислалъ бы свою печать поскорѣе, мы бы дѣло-то разомъ кончили. У насъ, видите ли, говоритъ, на будущей недѣлѣ въ Хохломскѣ благородный театръ будетъ, я, говоритъ, съ губернаторшей «Женщину-лунатика» представляю, такъ достаньте, пожалуйста, поскорѣе депутата, да непремѣнно безграмотнаго». Написалъ я къ волостному писарю записочку, выслалъ бы такого-то стар-

шину къ чиновнику. Года черезъ три попадись эта записка къ моимъ лиходѣямъ. Завели новое дѣло «о разглашеніи тайны», подъ 453 статью меня: за сообщеніе бумагъ, отмѣченныхъ надписью «секретно»,—отрѣшеніе отъ должности. Вѣдь изволите знать, что каждая бумага про раскольниковъ, какая ни будь пустячная, сверху-то «секретно» надписывается. Бабы на базарѣ про дѣло толкуютъ, а ты «секретно» пиши... По совокупности преступленій меня и приговорили — отрѣшить отъ должности, чтобы впредь никуда не опредѣлять. Кому ни разсказать — всякъ подумаетъ, что не по винѣ страдаю. А осужденъ я достойно и праведно.

«Теперь такъ говорю, когда Господь умягчилъ мое сердце, а въ тѣ поры мыслилъ другое... Когда отрѣшили меня, остался я, на старости лѣтъ, безъ куска хлѣба. Еще слава Богу, что ни передо мной ни за мной никого тогда не было — одинъ какъ перстъ. Конечно, деньги были, да лихомъ нажитое прочно не бываетъ, — что̀ было нажито, мірской слезой облито, а мірская слеза у Бога велика. Подъ судомъ бывши истерялся: судъ вѣдь докуку да деньги любитъ; да и жилъ-то широконько — привыкъ, знаете, къ хорошей-то жизни, сразу отвыкнуть не могъ. Въ картишки любилъ поиграть, ну и выпала мнѣ такая линія, что дѣло хоть брось — ни иголки съ елки, ни иконы — помолиться, ни ножа, чѣмъ зарѣзаться. Работать силъ нѣтъ: и годы стары и руки мягки, а мягки-то руки чужой хлѣбъ въ ротъ кладутъ, а печь своего не умѣютъ. Такъ горько пришлось, такъ прискорбно, что руки на себя хотѣлъ наложить.

«И вотъ злость-то какая во мнѣ была: пришелъ къ проруби топиться; о душѣ, объ отвѣтѣ на Страшномъ судѣ на умъ не приходитъ, а про чувашъ вспомнилъ, какъ они недругу «суху бѣду дѣлаютъ». На кого золъ, пойдетъ къ тому да у него на дворѣ и удавится, судъ бы на него навести... И сталъ я думать, какая-жъ мнѣ польза, ежели утоплюсь — унесетъ меня подъ вешнимъ льдомъ и не знай куда, гдѣ-нибудь сыщутъ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатаютъ, найдено-де неизвѣстное мертвое тѣло, и станутъ вызывать наслѣдниковъ или владѣльцевъ съ ясными на принадлежность онаго доказательствами. Нѣтъ, думаю себѣ, коли класть на себя руки, такъ ужъ съ тѣмъ, чтобъ лиходѣю суху бѣду сдѣлать: пусть же знаетъ, что безрога корова и шишкой бодаетъ. А лиходѣемъ почиталъ губернатора, что̀ велѣлъ меня подъ судъ отдать. И такое веселье врагъ вложилъ въ меня, что съ проруби-то я ровно съ праздника воротился.

«Свѣдалъ, что у лиходѣя дѣльце есть тяжебное. Въ Малороссію верстъ тысячу пѣшкомъ отшагалъ и усталости не зналъ —

вотъ какова злость-то была. У него, видите ли, дядя бездѣтный былъ, имѣнія тысячи двѣ душъ благопріобрѣтеннаго. Покойникъ женѣ завѣщалъ его, а мой лиходѣй сталъ духовную оспаривать. Вотъ, думаю, привелъ же Господь поплатиться да еще и за правду постоять. Взялъ у тетки довѣренность, ѣздилъ, хлопоталъ, писалъ и «записался»... У племянника-то, у губернатора, то-есть, сильна протекція была: тетку по міру пустилъ, а мнѣ хожденіе по дѣламъ воспретили...

«Указъ засталъ меня въ Малороссіи. Денегъ ни копейки, дѣваться некуда. Опять хотѣлъ руки на себя наложить, опять къ рѣкѣ пошелъ; но тутъ Господь мнѣ помощь явилъ... Встрѣтился я со старцемъ, сказывалъ, что идетъ онъ изъ Кіева въ Саровскую пустынь. Кто такой, не знаю, но человѣкъ Божій и даръ прозорливости имѣлъ. Сталъ разговаривать и всю-то мою жизнь ровно по книгѣ вычиталъ. И самъ не знаю, что̀ со мной сдѣлалось; заплакалъ я — благодать-то Божія коснулась окаменѣлаго сердца. «Научи, говорю, старче, какъ горю помочь». — «Ступай, говоритъ, въ Кіевъ, помолись Іоанну Многострадальному, и твоимъ страданьямъ будетъ конецъ».

«Слова старца умилили мое сердце; въ тотъ же день побрелъ я въ Кіевъ. Много разъ хотѣлъ съ дороги воротиться, врагъ-отъ дѣйствовалъ. У самыхъ даже воротъ монастырскихъ смутилъ онъ меня, такую тоску нагналъ, что хотѣлъ-было я, не заходя во святую лавру — на Днѣпръ да въ воду. Но за молитвы праведнаго старца, давшаго мнѣ благой совѣтъ, избавилъ Господь отъ врага... И самъ не помню, какъ очутился у мощей Іоанна Многострадальнаго... И тутъ во мнѣ ровно что̀ просіяло, и заплакалъ я сладкими слезами... Мерзка и нечестива показалась мнѣ прошлая жизнь!.. Вотъ теперь девятый годъ по обѣту, данному въ кіевскихъ пещерахъ, странствую по святымъ обителямъ».

Между тѣмъ подъѣхали мы къ Ключищамъ. Старикъ спѣшилъ туда къ храмовому празднику. Въ церкви того села стоитъ чудотворная икона, и къ ней на поклоненье изъ окрестныхъ мѣстъ сходится много богомольцевъ. Послѣ обѣдни залучилъ я къ себѣ Пояркова. Слово за̀ слово, зашла рѣчь про бытъ уѣздныхъ чиновниковъ. Вотъ что̀ онъ разсказалъ:

— Кто кого сильнѣй да важнѣй въ уѣздномъ городѣ, — вы не такъ говорить изволите. Ежели хотите знать, кто кого въ уѣздѣ больше — въ табель о рангахъ не смотрите; тамъ своя табель. Первое мѣсто въ городѣ — управляющій откупомъ: будь онъ чиновникомъ, будь борода — все одно. Ему и честь и уваженье, его и въ кумовья зовутъ и на свадьбы въ отцы посажёные. Каждый Божій праздникъ всѣ отъ обѣдни къ

нему на закуски, каждое первое число всѣмъ чиновникамъ онъ шлетъ и вина, и пива, и меду, и наличными много-ль кому слѣдуетъ, по «расписанью». Вотъ это самое расписанье и есть табель о рангахъ: кому откупщикъ больше платитъ, тотъ чиновникъ важнѣе, силы въ немъ больше. Важнѣе всѣхъ, конечно, исправникъ, а ежели городъ большой, богатый, купцовъ живущихъ въ немъ много, аль ярмонки при немъ знатныя есть, — то городничій. Если же городъ не важный, то городничій послѣдняя спица въ колесницѣ, и знать его никто не хочетъ, и не слыхать совсѣмъ про него; только-что въ мундирный день въ соборѣ на первомъ мѣстѣ станетъ — въ томъ и весь его авантажъ. Послѣ исправника — становой, потомъ секретарь земскаго суда да секретарь уѣзднаго. Эти люди первые, за ними пойдетъ мелкая сошка: судья, непремѣнный членъ, казначей, стряпчій, винный приставъ. А всѣхъ ниже штатный смотритель да учителя: ими никто не занимается, и никакого къ нимъ уваженія нѣтъ, откупъ имъ копейки не даетъ, къ самой даже Пасхѣ полштофа полугару не пришлетъ. И въ гости ихъ не зовутъ: развѣ когда изъ милости, аль для счету. Не во всякомъ городу окружные есть да лѣсничіе; а это люди первой статьи: окружной съ исправникомъ можетъ вровень стать, помощникъ его да лѣсничій выше станового, чуть-чуть не исправниками смотрятъ.

«А ежели насчетъ грѣховъ, такъ ихъ во всякомъ городу и во всякихъ чинахъ довольно... Про другихъ не стану говорить, зачѣмъ осуждать?.. А про свои грѣхи для̀ чего не разсказать?.. Всенародное покаяніе очищаетъ вѣдь ихъ...

«Выросъ я въ канцеляріи; за приказнымъ столомъ и состарѣлся. А зналъ людей по одной только бумагѣ. Написано въ дѣлѣ: «Въ деревнѣ Колосковой крестьянинъ Василій Сидоровъ», ну и знаешь, что есть на свѣтѣ Василій Сидоровъ. Явится онъ къ тебѣ по дѣлу, только и думы, какъ бы побольше сорвать съ него. Не думаешь, будетъ ли Сидоровъ съ семьей завтра ужинать, объ одномъ помышляешь, губа-де у меня, у барина, къ сладкому наважена, а мужицкое горло, что̀ суконное бердо, проглотитъ и долото. Пишешь, бывало, бумагу: «Съ крестьянина Миронова деньги взысканы», и знаешь, что у Миронова были деньги. Пишешь: «Кондратьевъ розгами наказанъ», и знаешь, что есть у Кондратьева спина. А не сидятъ ли у Миронова ребятишки безъ молока, зажила-ль спина у Кондратьева, про то и не думаешь. Со всякаго берешь, а себя праведникомъ ставишь. Что-жъ? бывало, думаешь: по праздникамъ церковь Божію не обѣгаю, поповъ съ празднымъ принимаю, говѣю каждый годъ, въ большіе посты не скоро-

млюсь, нищимъ по силѣ помощи подаю, въ тюремномъ комитетѣ состою членомъ, ежегодныя пожертвованія на дѣтскіе пріюты, по письмамъ губернаторши, плачу исправно. Чего еще?..

«Святымъ себя считалъ, а врага слушалъ. Шепчетъ, бывало, въ душу-то: «Карпушку-то Власьева прижми, денегъ у него, у шельмы, много, пущай не забываетъ, что ты его начальство». И прижмешь Карпушку бумаги листомъ, а бумаги листокъ на рукѣ легокъ, а выйдетъ изъ-подъ руки, такъ иной разъ тяжелѣй каменной горы станетъ.

«Разъ были нужны деньги до зарѣзу: наличныя въ горку спустилъ, праздники подходятъ, покойница-жена шляпки требуетъ, салопъ съ куньимъ воротникомъ ей подай, въ губернское правленіе дань посылать срокъ двѣ недѣли ужъ минулъ. Хоть въ домѣ отъ мірского приносу всякаго припаса и вдоволь, да надо хорошенькаго винца купить, неравно губернскій чиновникъ наѣдетъ, не подашь ему мадеры деверье — шампанскаго подавай, да настоящаго, по три цѣлковыхъ бутылка. Просто бѣда: какъ бредень ни закидывай, рыбешка не ловится. Что̀ дѣлать, ка̀къ быть? А главное дѣло — губернское! Во̀-время не представишь — шесть выговоровъ на недѣлѣ закатятъ, и пошелъ подъ судъ, купайся тамъ.

«Почту получаю. Посмотримъ, думаю, — нѣтъ ли благостыни. Подтвержденій штукъ сорокъ, помѣчаю — «къ дѣлу». Пачка публикацій о сыскѣ лицъ и имуществъ: ну, это извѣстно дѣло — подъ столъ, письмоводитель подберетъ, напишетъ: «на жительствѣ не оказалось», и конецъ. Отъ губернатора предписанія, да все пустяковыя: статистику требуетъ, да двухъ старыхъ дѣвокъ въ консисторію на увѣщанье переслать... Объявленія объ умершихъ солдатахъ, о взысканіяхъ, о скотскомъ падежѣ, много всякой дряни, а путнаго нѣтъ ничего. — Эхъ, несчастная ты доля моя!.. Еще распечатываю: губернаторша еще разъ пожертвовать въ пользу дѣтскаго пріюта приглашаетъ. «Нѣтъ, думаю, шалишь, ваше превосходительство, — не до твоихъ поросятъ свиньѣ, коль ее самое палятъ на огнѣ». Съ горя да съ печали за печатны циркуляры принялся. Видно, тяжело было, что за нихъ принялся... Ихъ, бывало, никогда не читаешь, только сбоку помѣтишь: «къ свѣдѣнію и руководству».

«Десятка полтора прочелъ — ничегохонько... Вдругъ, гляжу — милость-то Господня! У циркуляра сбоку припечатано: «объ отдачѣ малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей въ Горыгорѣцкую школу Могилевской губерніи». — Э!.. Не штука — деньги, штука — выдумка!.. Вотъ она благодать-то гдѣ! Съ мѣста даже вскочилъ, запѣлъ отъ радости: *Заутра услыши гласъ мой!*

«— Лошадей! Въ Ермолино!»... Пріѣхали. — «Къ волостному

головѣ!..» Достучались. Вошли. Хозяйка въ задней избѣ самоваръ ставитъ, а хозяинъ, стòя у притолки, въ кулакъ зѣваетъ: на разсвѣтѣ дѣло-то было.

«— Чтò, говорю, Корней Сергѣичъ, здоровенько ли поживаешь?

«— Слава Богу, говоритъ, ваше благородіе, Богъ грѣхамъ терпитъ.

«— Ну, слава Богу — дороже всего, говорю... Домашніе чтò? Хозяюшка здравствуетъ ли?

«— Чтò ей дѣлается?.. Вонъ съ самоваромъ возится... Ишь надымила какъ въ сѣняхъ-то!.. Грунька! Чего въ угли-то налила?.. Эка дурь-баба!.. Дымъ сюда пройдетъ — у барина головка разболится.

«— Ничего, говорю, Корней Сергѣичъ... Ну, дочки чтò?.. Землемѣръ-отъ, чать, недаромъ мѣсяцъ у тебя выжилъ.

«— Эхъ, ваше благородіе, чего тутъ ворошить?.. Мало-ль чего толкуютъ?.. Чужи рѣчи не переслушаешь.

«— Ну, да про это чтò? Дѣвки молодыя! По-вашему, можетъ, такъ и надо. Парнишка-то чтò?

«— Ничего, ваше благородіе, растетъ. Часословъ скончалъ, на второй скамейкѣ сидитъ.

«— Дѣло хорошее... А вѣдь я, Корней Сергѣичъ, къ тебѣ съ повѣсткой... Читай-ка: человѣкъ ты грамотный. — И подаю ему циркуляръ. А народъ-отъ по захолустьямъ глупъ: видитъ, печатна бумага, да сбоку «министерство» стоитъ — глаза-то у него и разбѣжались. Ученъ еще мало, знаете.

«Прочелъ бумагу Корней, повертѣлъ въ рукахъ, на столъ кладетъ.

«— Мы, говоритъ, ваше благородіе, люди слѣпые, — извольте приказать, какое тому дѣло есть.

«— Чтò ты за слѣпой человѣкъ, Корней Сергѣичъ!.. Зачѣмъ на себя клепать? Читай-ка вотъ, сбоку-то: «объ отдачѣ малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей въ Горыгорѣцкую школу, Могилевской губерніи». Видишь?

«— Вижу, ваше благородіе.

«— А слыхалъ ли ты про такую губернію? Про Могилевскую-то?

«— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не слыхивалъ, что есть такая Могилевская губернія. Впервой слышу!

«— Эта губернія за Сибирью, на самомъ краю свѣта, — говорю ему. — И вся-то она, братецъ ты мой, состоитъ въ могилахъ. А на тѣхъ на могилахъ гора, и на той горѣ школу, вотъ видишь, завели... Крестьянскихъ ребятишекъ тамъ ко всякому горю пріобучаютъ: оттого и прозвана «на горѣ горецкая школа». Понялъ?

«— Невдомекъ, ваше благородіе: ваши рѣчи умныя, да наши головы глупыя.

«— Да полно малину-то въ рукавицы совать! Чтò въ самомъ дѣлѣ на себя клеплешь! У него и Власка каѳизмы читаетъ, а самъ будто и печатнаго разобрать не можетъ. Бери бумагу-то, читай; не морочу вѣдь тебя... Печатное. Не самъ же я печаталъ. Видишь? «Объ отдачѣ малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей»... А ты читай самъ!

«Корней ни живъ ни мертвъ: только пальцами сѣменитъ. Смекнулъ, куда дѣло-то клоню. А все-таки спрашиваетъ:

«— Какое-жъ тутъ до меня касательство, ваше благородіе?

«— Какъ какое касательство? Власкѣ-то который годъ?

«— Двѣнадцатый на масленицѣ пошелъ.

«— Такихъ и требуется. Читай-ка вотъ.

«— Нельзя ли помиловать, ваше благородіе?

«— Да какъ же я тебя помилую? По ревизскимъ сказкамъ извѣстно вѣдь, у какого крестьянина какихъ лѣтъ сыновья. Что-жъ мнѣ изъ-за твоего Власки на свою голову бѣду брать... А?..

«Замолчалъ Корней. Повѣсилъ голову, лицо пятнами пошло. А я себѣ прималкиваю, изъ сундучка бумаги вынимаю да раскладываю ихъ по столу.

«— Нельзя ли какъ помиловать, ваше благородіе? — заголосилъ Корней.

«— Какъ мнѣ тебя миловать-то, Корней Сергѣичъ? Своего, что ли, сына замѣсто Власки по этапу высылать? Такъ у меня и сына-то нѣтъ.

«— Все въ вашихъ рукахъ, ваше благородіе... Какъ Богъ, такъ и вы!.. Помилуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить.

«Корнеева жена въ избу вошла, знаетъ ужъ, о чемъ дѣло идетъ. Повалилась на полъ, ухватилась мнѣ за ноги, воетъ въ источный голосъ на всю деревню. Услыхавши материнъ вой, дѣвки прибѣжали, тоже завыли, тоже въ ноги. А Власка, войдя въ избу, сталъ у притолки, самъ ни съ мѣста. Побѣлѣлъ, ровно полотно, стоитъ, ровно къ смерти приговоренъ.

«— Душно что-то здѣсь, — молвилъ я Корнею: — на крыльцо выйду. Хочешь, вмѣстѣ пойдемъ.

«Вышли на крыльцо. Хозяйка почти безъ дыханія. Дѣвки было за нами, да Корней цыкнулъ на нихъ.

«Сѣлъ на крыльцѣ, трубочку закурилъ, покуриваю себѣ... Говорю Корнею таково пріятно да ласково:

«— Избы не хочу сквернить этимъ куревомъ... Знаю, что старинки держишься, скитамъ вѣруешь... Такъ я на крылечкѣ, чтобъ у тебя боговъ не закоптить... Садись-ка рядкомъ, Корней Сергѣичъ, потолкуемъ...

«Потолковали. На пяти золотыхъ покончили. Написалъ я Власку нѣмымъ и увѣчнымъ, въ Горыгорѣцкую, значитъ, негоднымъ.

«Съ легкой Корнеевой руки у меня дѣло какъ по маслу пошло. Сколько ни было въ стану богатыхъ мужиковъ, — всѣхъ объѣхалъ, никого не забылъ. Сулилъ могилы да на горахъ горе, получилъ за каждаго парнишку по золотенькому, въ глухіе, въ нѣмые писалъ ихъ... Мужики рады-радешеньки, отбывши такое великое горе. Всѣмъ праздникъ, а мнѣ вдвое: — у жены салопъ и шляпка съ бѣлымъ перомъ, точь въ точь какъ у вицъ-губернаторши; у полюбовницъ, что̀ въ стану держалъ: у одной шелково платье, у другой золотная душегрѣйка; шампанскаго вдоволь, хоть на мѣсяцъ пріѣзжай губернскіе... А главное, въ губернскомъ правленіи остались довольны: крѣпко, значитъ, на мѣстѣ сижу.

«Да-съ, бывалъ я коткомъ, лавливалъ мышекъ.

«Вся штука въ томъ, что надо остроту имѣть, чтобъ показать мужику дѣло не съ той стороны, какъ оно есть. Это у насъ называлось «перелицовать». Кто мастеръ на̀ это, будетъ сытъ, и дѣтки безъ хлѣба не останутся. Законъ, какъ толково ни будь написанъ, все въ нашихъ рукахъ: изъ каждой бумаги хочешь — свѣчку Николѣ сучи, хочешь — посконну веревку вей... А мужикъ что̀ понимаетъ? Онъ человѣкъ простой: только охаетъ да въ затылкѣ чешетъ. До Бога, говоритъ, высоко, до царя далеко. Похнычетъ-похнычетъ — и перестанетъ.

«А нѣтъ ничего прибыльнѣй, какъ раскольники. Народъ ужъ такой: обижаются даже на того, кто не беретъ. Кто взялъ, на того надѣются, что не выдастъ и все по-ихнему сдѣлаетъ; а кто не взялъ, того боятся, притѣснителемъ обзываютъ, и пронесутъ имя его, яко зло — до самыхъ высокихъ степеней... Такая ужъ вѣра у нихъ: имъ шагу ступить нельзя, чтобы чего-нибудь супротивнаго закону не сдѣлать. Паспортовъ, поихнему, не надо, для того, что антихристову печать означаютъ. Оттого безпаспортнымъ у нихъ пристанище, къ тому-жъ безъ бѣглыхъ имъ во всемъ невозможно: попы ли, большаки ли ихніе, народъ все «скрывающійся», попросту сказать — бѣглый. А это нашему брату и на руку. У меня въ стану скиты были — дно золотое.

«Въ каждомъ по десяти, по двѣнадцати обителей, въ каждой обители настоятельница, старицъ и бѣлицъ штукъ пятьдесятъ и побольше. Это «лицевыхъ», значитъ, такихъ, что̀ съ паспортами живутъ... Кромѣ того «скрывающихся» много. Каждая настоятельница за «лицевую» въ годъ золотыхъ по два платитъ, а за «скрывающуся» меньше тридцати взять нельзя.

А у богатыхъ раскольниковъ еще такое заведеніе есть, что ежели купеческой дочкѣ пошалить случится и она тяжела станетъ, ее посылаютъ въ скиты, будто бы къ тетушкѣ тамъ какой-нибудь погостить, въ своемъ-то бы городу огласки не было, женихи бы послѣ не обѣгали. Тутъ, бывало, пожива хорошая: дѣвка-то пріѣдетъ съ деньгами, съ нея за то, чтобъ дѣвичьей тайны не огласить, а ребеночка принесетъ — слѣдствія-бъ не производить!..

«Большой праздникъ подходитъ: изо всѣхъ обителей къ тебѣ съ подносами: къ Пасхѣ — на куличи, къ Петрову дню — на барана, къ Успенью — на медъ, къ Покрову — на брагу, къ Рождеству — на свинину, къ масленицѣ — на рыбу, къ Великому посту — на рѣдьку да на капусту.

«А то еще за сборами по городамъ матери ѣздятъ. Пріѣдутъ передъ зимнимъ Николой, воротятся къ Благовѣщеньеву дню... Ѣдучи въ путь, приходятъ паспорты явить... Со сбору воротятся, опять являются — и чего тутъ, бывало, ни натащатъ. Котора въ Саратовъ ѣздила — рыбы да икры, котора въ Казань — сафьяну на сапоги, котора изъ Екатеринбурга пріѣхала — нельмы-рыбы да печатокъ изъ камней самоцвѣтныхъ, съ Дону — балыковъ, изъ Москвы — сукна, матерій разныхъ, всякаго, значитъ, фабричнаго дѣла. Самому ни съѣсть ни износить, лишки нужнымъ людямъ въ губернію шлешь... Они довольны, и оттого насчетъ непріятностей опасенія не предвидится.

«Въ скитъ пріѣдешь — угощенье тутъ тебѣ богатой рукой. Спервоначалу все чинно: сядешь за столъ съ чиновниками, что̀ прихватишь съ собой разгуляться, матери во всемъ чину у дверей стоятъ: въ вѣнцахъ, во иночествѣ, — шапочка такая плисовая у нихъ есть, иночествомъ зовется! — на плечахъ у всѣхъ манатейки — пелеринки этакія черныя съ красной выпушкой. У каждой въ рукѣ лѣстовка: стоятъ смиренно, глядятъ умильно, рѣчь ведетъ одна игуменья, да развѣ еще келарь, стряпка значитъ, примолвитъ: «милости просимъ», когда на столъ нову перемѣну ставитъ. Рядовыя старицы только вздыхаютъ да молитвы про себя шепчутъ. Бѣлицъ тутъ не бываетъ, — тѣ по свѣтлицамъ сидятъ. И велишь, бывало, матерямъ пить, ихнимъ же добромъ ихъ угощаешь. Хоть всѣ онѣ, кромѣ престарѣлыхъ, до винца и охочи, — а спервоначалу тоже блюдутъ себя, церемонятся. Выругаешь хорошенько, примутся за чарочки... Перепьются, потому что не смѣютъ ослушаться...

«Тогда къ бѣлицамъ въ гости. А бѣлицы бывали хорошія, молодыя, красивыя, полныя такія да здоровенныя — кровь съ

молокомъ. Ходятъ чистенько: юбки, рубашки миткалевыя, кофточки полотняныя... При стороннихъ въ черныхъ сарафанахъ съ цвѣтными широкими ситцевыми передниками. Пойдешь по свѣтлицамъ: тамъ онѣ сидятъ, бисерны кошельки вынизываютъ, шелковы пояски ткутъ, по канвѣ шерстями да синелью вышиваютъ... Такая тутъ возня пойдетъ, что безъ грѣха никогда, бывало, кончиться не можетъ... Насчетъ этого слабеньки...

«А вѣдь ихъ винить нельзя. У крестьянской дѣвки хоть много работы, да въ году три радости есть: на масленицѣ покататься, на Святой покачаться, на Троицу вѣнки завивать. А келейны бѣлицы тяжелаго дѣла не знають, снуютъ цѣлый день изъ часовни въ свѣтлицу, изъ свѣтлицы въ часовню, каноны читаютъ да кошельки вяжутъ — вотъ и работа вся. А ѣдятъ сладко, спятъ мягко, живутъ просторно, всякому пальчику по чуланчику — дурь-то въ голову и лѣзетъ. По-ихнему же это и не грѣхъ, а только паденіе: безъ грѣха, слышь, нѣтъ покаянія, а безъ покаянья и спасенія нѣтъ. Потому дѣвицѣ и дозволено согрѣшить, было бы въ чемъ каяться и тѣмъ спасеніе получить. Такая ужъ вѣра.

«А когда благодѣтели, значитъ, богатые купцы, пріѣдутъ въ скитъ, тутъ не то... Не тѣмъ обитель смотритъ, точно въ самомъ дѣлѣ истинное благочестіе въ ней обитаетъ. Поведутъ матери благодѣтеля въ часовню, тамъ старицы стоятъ чинно, рядами, въ полномъ чину, на вѣнцѣ у каждой креповая «наметка», все лицо она покрываетъ. Вездѣ лампадки, вездѣ свѣчи горятъ. Въ срединѣ стоитъ «уставщица», смиренно въ землю глаза опустивъ, внятно читаетъ старинныя книги. Чистыми, звонкими голосами стройно бѣлицы поютъ по крюкамъ, демественнымъ разводомъ. Кланяются разомъ, передъ земными поклонами бросаютъ на полъ подручники разомъ, подымаютъ ихъ разомъ, лѣстовки перебираютъ разомъ. Слова сторонняго не молвятъ, въ сторону не взглянутъ — да этакъ часовъ пять либо шесть сряду. Благодѣтель-отъ упарится, умается и самъ себѣ думаетъ: «Вотъ оно гдѣ благочестіе-то, вотъ она гдѣ старая-то вѣра!..»

«И пригоршнями благостыни отвалитъ... А домой пріѣдетъ, братьѣ своей зачнетъ говорить: «Видѣлъ я, братія, скиты... Ужъ такое тамъ благолѣпіе, ужъ такое тамъ благочестіе: истинно земные ангелы, небесные же человѣки». А небесные человѣки — только-что благодѣтель вонъ изъ скита, на радостяхъ отъ хорошей выручки,—старицы за рюмочку, а бѣлицы за мила дружка за сердечнаго.

«Благодѣтели на каноны и на негасимую денегъ скитницамъ

пересылаютъ много. Ежели гдѣ-нибудь, хоть въ дальнемъ какомъ городѣ, богатый раскольникъ умретъ, родственники посылаютъ милостыни «на кормъ братіи». Тѣ деньги идутъ настоятельницамъ, у нихъ въ каждой обители общежительство: пьютъ, ѣдятъ на общій счетъ. Кромѣ того, на «негасимую свѣчу» присылаютъ, значитъ, чтобъ читать псалтирь по покойникѣ денно-нощно шесть недѣль, либо полгода, либо годъ, глядя по деньгамъ, и каждый день пѣть «канонъ за единоумершаго». Иной разъ придется рублевъ по пяти на скитницу, богачи-то присылаютъ на всѣ скиты тысячъ по десяти, на ассигнаціи... Дѣлежъ бываетъ въ скрытности, опричь игуменій да какихъ-нибудь знатнѣющихъ, никого тутъ не бываетъ... А сборы имъ закономъ воспрещены; потому онѣ завсегда у насъ въ рукахъ.

«Случится узнать, — привезли панафидныя деньги и будутъ дѣлить въ такой-то обители. Поѣдешь, бывало; но какъ ни пріѣдешь — ничего не застанешь, а по всему видно, что вотъ сейчасъ изъ кельи вонъ разбѣжались... Когда и вò-время попадешь, да у нихъ въ скитахъ домà нарочно такіе построены: ходы въ нихъ да переходы, темные коридоры, чуланы да тайники, скрытные проходы межъ двойными стѣнами, подъ двойными полами, и подземные ходы изъ одной обители въ другую есть. Имъ безъ того нельзя, — такая ужъ у нихъ вѣра, что вся на бѣглыхъ стоитъ. Прячутъ ихъ въ тайникахъ-то въ случаѣ надобности.

«Разъ мнѣ удалось на дѣлежъ попасть. Узналъ, что изъ Сибири большую сумму привезли и будутъ дѣлить у матери Пинархи въ обители. На ту пору былъ я у матери Пинархи по какому-то дѣлу, а у нея купеческая дочка изъ Москвы жила и со мной, грѣшнымъ дѣломъ, по тайности въ любви находилась. А скитскія дѣвки, я вамъ доложу, бѣда какія неотвязчивыя; ежели съ которой сошелся, требуетъ, чтобы въ гости жаловалъ, а ежели долго въ скитѣ не бывалъ, плачетъ, укоряетъ — забылъ-де меня...

«— Знаешь ли что, — говорю возлюбленной своей: — вѣдь у васъ завтра собраніе будетъ, а мнѣ больно хочется посмотрѣть на него. Я бы сегодня такъ сдѣлалъ, будто уѣду изъ скита, а самъ у тебя въ свѣтлицѣ останусь, ты мнѣ ихнее-то собраніе изъ тайничка и покажешь.

«Обрадовалась моя Варвара Абрамовна, что цѣлыя сутки у ней въ свѣтлицѣ пробуду... Велѣлъ я письмоводителю мою шубу надѣть, да чтобъ по голосу его не признали, приказалъ ему пьянымъ быть, и вышло такъ, будто я напился до безчувствія, и меня, положивши въ сани, изъ скита вонъ увезли.

Цѣлыя сутки пробылъ я у Варвары Абрамовны, а подъ вечеръ черезъ тайничокъ внизъ спустился и сталъ возлѣ Иринархиной кельи. Дырочка тамъ проверчена: все видно.

«Собрались матери, приказчика привели, что̀ деньги привезъ, помолились, письма прочитали, канонъ за умершаго пропѣли, кутьи поѣли и усѣлись — деньги дѣлить. Самая полночь была. Только-что деньги на столѣ онѣ разложили, я изъ тайника да середь честной компаніи и сталъ.

«— Здорово-ль, говорю, поживаете, преподобныя матери?.. Что-жъ меня-то въ долю не принимаете?

«Заметались. А при мнѣ охотничій рогъ былъ. Затрубилъ... Сотскіе да разсыльные—а имъ напередъ велѣно было тайнымъ образомъ къ ночи вкругъ обители собраться — голосъ стали подавать.

«— Слышите, говорю, матери? Мои-то молодцы русака въ скиту учуяли! Да не ты ли русакъ-отъ, почтенный? — говорю приказчику. — Кажи паспортъ!

«— Паспорта нѣтъ; въ городѣ на квартирѣ, говоритъ, покинулъ.

«— Это мнѣ все равно. Ежели при тебѣ паспорта нѣтъ, милости просимъ въ кутузку.

«— Да я, говоритъ, купеческій сынъ.

«— А хотя ты и купеческій сынъ, да есть пословица: отъ тюрьмы да отъ сумы никто не отрекайся. Сидятъ въ тюрьмѣ и дворяне, не то что ваша братья, купцы.

«Такъ да этакъ, смиловался я, отпустилъ приказчика. Три тысячи на ассигнаціи мнѣ досталось. Читали-ль матери заказной псалтирь, нѣтъ ли — того не знаю.

«А ужъ какъ легковѣрны онѣ, такъ просто на удивленье! Жила въ Чернушинскомъ скитѣ среднихъ лѣтъ дѣвка, звали ее Пелагея Коровиха. Жила у матерей долго, скитскіе порядки знала; да скружилась, — ее и прогнали. Въ городъ переѣхала. Сайки на базарѣ продавала, съ печенкой у кабака сидѣла—перебивалась этакой торговлей. Познакомилась она съ отставнымъ солдатомъ Ершовымъ, что̀ лѣтъ съ десятокъ при земскомъ судѣ въ разсыльныхъ былъ, по всему уѣзду знали его. Запивать сталъ — потерпѣли-потерпѣли, однако выгнали наконецъ. Приходитъ онъ къ Коровихѣ, на судьбу плачется: «не знаю, говоритъ, что̀ и будетъ со мной; удавиться думаю, хуже будетъ, какъ съ голоду помру». Посовѣтовались — да и придумали штуку! Обрѣзала Коровиха косу, добыла гдѣ-то вицмундиръ, чиновникомъ одѣлась, орденъ св. Станислава на шею надѣла. Достали лошадей; Коровиха въ сани, Ершовъ на козлы, да ночнымъ временемъ въ скитъ, только не въ

тотъ, гдѣ Коровиха жила, а въ другой, гдѣ не знали ее. А по уѣзду еще не было извѣстно, что смѣненъ Ершовъ, и онъ по дорогѣ сказываетъ, что посланъ исправникомъ при чиновникѣ, что̀ по раскольничьему дѣлу изъ Петербурга пріѣхалъ. Передъ Коровихой всѣ шапки ломаютъ; видятъ, баринъ большой: крестъ на шеѣ.

«Пріѣхали. Разбудилъ Ершовъ настоятельницу. «Вставай, говоритъ, скорѣй, мать Евфалія: бѣда твоя до тебя дошла. Чиновникъ изъ самаго Питера пріѣхалъ. Чуть ли часовню не станетъ печатать». Евфалія заохала, Ершовъ ей свое:

« — Меня, говоритъ, исправникъ нарочно съ нимъ послалъ, чтобъ тебѣ, по силѣ возможности, какую ни на есть помощь подать.

«— Кормилецъ ты мой!..—завопила Евфалія.—Помоги ты мнѣ старой старухѣ, а ужъ я тебя не оставлю... Заставь за себя Бога молить!..—А сама межъ тѣмъ Ершову въ руки зелененькую.

«— А ты вотъ что̀, мать Евфалія, — говоритъ Ершовъ: — сдѣлайся-ка съ нимъ, какъ знаешь; поблагодари его честь. Исправникъ велѣлъ сказать, что онъ подходящій, благодарить его можно.

«— Дай Богъ здоровья его высокородію Петру Ѳедорычу, — говоритъ Евфалія:—что на разумъ наставляетъ меня старую да глупую.

«А чиновникъ-Пелагея ужъ въ кельѣ... Очки на носу, бумаги разбираетъ. Вошла къ нему мать Евфалія ни жива ни мертва.

«— Какъ тебя звать?—крикнула ей Коровиха.

«— Евфалія грѣшная, ваше превосходительство.

«— По отцѣ?

«— То-есть по-бѣлически-то зовутъ меня Авдотья Маркова; а это значитъ по-иночески: Евфалія грѣшная.

«— Да развѣ ты смѣешь иноческимъ именемъ называться?— закричала Коровиха и ногами затопала.

«Да приподнявши платокъ, что̀ Евфалія на себя въ роспускъ накинула, увидала подъ нимъ и манатейку и вѣнецъ... Пуще прежняго закричала:

«— Это что̀ такое? Это что̀ надѣто на тебѣ?.. Не знаешь развѣ, что за̀ это вашу сестру въ острогъ сажаютъ? Въ кандалы старую каргу,—крикнула Ершову Коровиха:—въ острогъ ее, шельму, вези!

«— Слушаю, ваше превосходительство! — говоритъ Ершовъ.

«— Подай изъ саней кандалы!—крикнулъ онъ, выйдя въ сѣни, извозчику.

«Ровно громъ грянулъ въ обители: въ ногахъ валяются, милости просятъ. Тутъ и промахнись Коровиха.

«— Давай, говорить, десять цѣлковыхъ да штофъ пѣнннку.

«Тотчасъ принесли и деньги и пѣнину... Только тутъ всѣ и поусумнились: что-жь это за важный чиновникъ, коль за дѣло, что̀ тысячи сто̀итъ, только десять цѣлковыхъ потребовалъ... Опять же ни мадеры, ни рому, ни другого дворянскаго пойла ему не надобно, а вдругъ подай пѣннику! Неподалеку отъ скита исправникъ въ то время на слѣдствіи былъ. Ему дали знать, тотъ нагрянулъ. Входитъ въ келью, а Коровиха съ Ершовымъ, штофикъ-отъ опорожнивши, по лавкамъ лежатъ. Такъ и взяли ее въ вицмундирѣ и съ крестомъ на шеѣ. По суду три года въ рабочемъ домѣ потомъ просидѣла.

«Чего въ тѣхъ скитахъ ни творилось! Да вотъ хоть про друга моего, про Кузьку Макурина разсказать. Былъ онъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, парень еще молодой. Отецъ у него кузнечилъ, а когда померъ, довольно деньжонокъ сыну оставилъ, и домъ — полну чашу, и кузницу о двухъ наковальняхъ. Неразумному сыну родительское богатство въ прокъ не пошло; не понравилось Кузькѣ ремесло отцовское: ковать жарко, продавать холодно. Черной работы не жаловалъ; захотѣлось ему бѣлоручкой жить — значитъ, отъ кузницы подальше, меньше бы копоти было. Годика въ два родительское добро все по ниткѣ спустилъ. Къ винцу да къ сладкой ѣдѣ привыкъ, а въ мошнѣ-то пусто. И началъ деньги ломомъ да отмычками добывать. Разъ пять попадался, да каждый разъ по суду въ подозрѣньи только оставляли. Поймали наконецъ на дѣлѣ, въ солдаты приговорили, потому что недѣли до совершенныхъ лѣтъ у него не хватало.

«На другой же день, какъ сдали его, онъ бѣжалъ. По деревнямъ проживать опасно было, — онъ въ скиты. Пришелъ къ матери Маргаритѣ: — «Бѣгаю, говоритъ, отъ антихриста, и ты, матушка, меня въ стѣнахъ своихъ сокрой».

«Маргарита разжалобилась, взяла Кузьку на конный дворъ въ работники. Тутъ онъ зажилъ припѣваючи: сытъ, пьянъ, одѣтъ, обутъ... А главное, живучи подъ крылышкомъ Маргариты, никого не бойся, даромъ что бѣглый... Мы съ ней жили въ добромъ согласіи. Иногда развѣ что скажешь ей: «Кузька-то у тебя больно пространно живетъ, спрячь его до грѣха». Ну и припрячетъ.

«Кузька со мной подружился черезъ то, что Маргаритину племянницу Евпраксію Михайловну мнѣ предоставилъ. Изо Ржева была, купеческая дочка — съ офицеромъ провинилась, ее и послали къ теткѣ стыдъ прикрывать. Скитское житье ей по нраву пришлось — осталась въ кельяхъ... Ну, Кузька, спа-

сибо ему, помогалъ, очень даже помогалъ. Оттого и завелась у меня дружба съ нимъ.

«Неспокойный былъ человѣкъ. Чѣмъ бы, кажется, не житье ему было у матерей? Такъ нѣтъ, пакостить началъ и скитницъ мнѣ выдавать. Шепнетъ, бывало: «Приходите, ваше благородіе, тихими стопами ночью подъ Успеньевъ день къ матери Ѳеозвѣ въ моленную; бѣглый попъ пріѣхалъ, въ потняной церкви станетъ служить».

«Нагрянешь, во всемъ чину службу застанешь. «Это что̀? Ты кто такой? Вяжи!» Матери забѣгаютъ, ровно мыши въ подпольѣ: котора антиминсъ за пазуху, котора сосуды въ карманъ, съ попа ризы деретъ. А попъ ровно хмельной, самъ шатается, а норовитъ въ уголъ, чтобъ оттуда въ тайникъ да скрытыми переходами въ другу обитель, а оттолѣ въ лѣсъ. Зналъ я эти штуки-то: «Нѣтъ, говорю, отче святый, отъ меня не улизнешь, знаю я ваши мышиныя норки, а протяни-ка ты лучше стопы свои праведныя, вонъ сотскій-отъ хочетъ кандалы на тебя набивать».

«Старицы въ ноги.

«— Батюшка, ваше благородіе, положи гнѣвъ на милость!

«— Дамъ я вамъ милость, говорю: вяжи всѣхъ да подводы подъ нихъ снаряжай... Всѣхъ въ острогъ.

«А онѣ:

«— Помилосердуй, милость па судѣ хвалится.

«— Дамъ я вамъ милость!.. Вяжи всѣхъ да гаси свѣчи: часовню-то запечатаю.

«А самъ изъ кармана шнурокъ, печать да сургучъ. Всегда при себѣ держалъ: страхъ внушаютъ.

«— Да заставьте же, ваше благородіе, за себя Бога молить, — вопятъ старицы: — помилосердуйте!..

«— Да что̀ вы, говорю, пристали ко мнѣ?.. Ничего не могу сдѣлать, губернаторъ предписалъ. Сами знаете: твори волю пославшаго.

«— Да все въ твоихъ рукахъ, батюшка, ваше благородіе!.. Какъ Богъ, такъ и ты!..

«Дали. Попа въ кибитку, а мы къ Ѳеозвѣ чай пить да съ бѣлицами балясы точить.

«Провѣдаетъ Кузька: подъ моленну новы столбы подвели; скажетъ. Пріѣдешь въ скитъ, найдешь починку, запечатаешь моленную. Пообѣдаешь, разгуляешься, возьмешь, распечатаешь.

«А на Кузьку ни одна изъ матерей подозрѣнія не имѣла. Думаютъ: «Свой человѣкъ, состоитъ по древнему благочестію, какъ же ему Іудой-предателемъ быть». А въ своей обители у Маргариты пакостей онъ не творилъ.

«Не сдобровалъ однако у скитницъ мой Кузька: очень ужъ безобразную жизнь повелъ, стали матери имъ тяготиться, а прогнать боялись, потому что, ежели прогнать, скитъ сожжетъ. Напился онъ разъ съ попомъ Патрикіемъ до-нельзя и зачалъ спорить съ нимъ о божественномъ... Спорили они, спорили — Кузька въ ухо попа: «я, дескать, тебя, ревнуя по истинной вѣрѣ, аки Никола святитель Арія — заушаю!..» А попъ-отъ черезъ день возьми да Богу душу и отдай... Слѣдствія не было: бѣглый бѣглаго убилъ, оба люди не лицевые. Такъ оно и заглохло.

«Послѣ того его и прогнали. По деревнямъ шататься сталъ гдѣ день, гдѣ ночь. Тяжело пришлось житье: въ водкѣ вкусъ позабылъ. Конокрадствомъ вздумалъ промышлять, да на первой клячонкѣ попуталъ грѣхъ: поймали Кузьку, — ко мнѣ.

«— Чтò, говорю, попался?

«— Попался, говоритъ, ваше благородіе, такая ужъ судьба моя проклятая!.. А у меня до васъ есть секретъ.

«— Какой?

«— Важный секретъ, ваше благородіе. Могу сказать только одинъ на одинъ... Потому секретъ по первымъ двумъ пунктамъ, государственный секретъ, ваше благородіе...

«Пошли въ боковушку. Сказалъ.

«Вышли мы съ нимъ въ канцелярію, сталъ я съ Кузьки показаніе снимать.

«— Зовутъ меня Иваномъ; какъ по отцѣ и чей родомъ, не помню, сколько лѣтъ, не знаю; грамотѣ россійской читать и писать умѣю, въ штрафахъ и подъ судомъ не находился, по девятой ревизіи покуда никуда не приписанъ, движимаго и недвижимаго имѣнія за мной нѣтъ никакого, опредѣленнаго промысла или занятія не имѣю, а прибывъ въ прошедшемъ году въ здѣшній Пискомскій уѣздъ, занимался дѣланіемъ фальшивой монеты. На таковое ремесло былъ склоненъ торгующимъ по свидѣтельству третьяго рода крестьяниномъ Маркомъ Емельяновымъ, каковый Маркъ Емельяновъ и научилъ меня, съ помощію собственныхъ его инструментовъ, какъ россійскую, такъ и иностранную монету чеканить. А ту фальшивую монету, изъ опасенія подозрѣнія и законнаго по суду воздаянія въ случаѣ открытія, производили мы въ разныхъ мѣстахъ... — Послѣ того и пошелъ перечислять мужиковъ, чтò самые богатые были... Во свидѣтельство представлялъ два фальшивые талера и старинный цѣлковый, тоже фальшивый. — И сильно скорбя о содѣянномъ преступленіи и жестоко мучась угрызеніемъ совѣсти, рѣшился я въ присутствіи вашего благородія чистосердечно объяснить о содѣянномъ мною пре-

ступленіи, что̀ вы уже и слышали отъ меня. Имѣю неотъемлемое право на справедливо заслуженное мною наказаніе и, предаваясь въ волю закона, прошу со мною учинить, что̀ правосудіе повелѣваетъ.

«Сдѣлавъ такое показаніе, Кузька бойко подписался по всѣмъ статьямъ: «Къ сему показанію Иванъ, непомнящій родства, руку приложилъ».

«Велѣлъ я заковать Ивана Непомнящаго и поѣхалъ съ нимъ да съ понятыми къ Марку Емельянову. Обыскъ произвели — ничего не отыскали. Маркъ, извѣстно дѣло: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, впервой того человѣка и вижу». Поставилъ ихъ на очную ставку.

«Кузька говоритъ: — Побойся Бога, Маркъ Емельянычъ, какъ же ты меня не знаешь? Да не я-ль у тебя двѣ недѣли выжилъ? Да не ты-ль меня училъ монету дѣлать? Да не ты-ль хвалился, что сдѣлаешь монету лучше государевой?

«Маркъ и руками и ногами, а Кузька ему:

«— Нѣтъ, постой, Маркъ Емельянычъ, у меня вѣдь улика есть.

«— Какая улика? — спрашиваетъ Маркъ Емельяновъ.

«— А вотъ какая: прикажите, ваше благородіе, понятымъ въ избу войти.

«Я велѣлъ, Кузька и говоритъ имъ:

«— Вотъ смотрите, православные, подъ этой подъ самой лавкой я гвоздемъ нацарапалъ такія слова, что съ 1 по 22 октября съ Маркомъ Емельяновымъ вотъ въ этой самой избѣ я триста талеровъ начеканилъ.

«Посмотрѣли подъ лавку, — въ самомъ дѣлѣ тѣ слова нацарапаны.

«Вязать-было Марка—въ острогъ сряжать, да сладились. Отъ него къ другимъ богатымъ мужикамъ поѣхали... И всѣхъ объѣхали. А какъ объѣхали всѣхъ, велѣлъ я Кузькѣ бѣжать, кандалы подпиливши, самъ и пилочку далъ ему. Дѣло заглохло.

«А Кузька, извольте видѣть, когда по деревнямъ шатался, надписи такія у богатыхъ мужиковъ царапалъ. Попросится ночевать Христа ради, ляжетъ на полу, да почью, какъ всѣ заснутъ, и ну подъ лавкой исторіи прописывать.

«Послѣ того Кузька попомъ оказался и до сихъ, слышь, поръ попитъ. Есть на рубежѣ двухъ губерній, Хохломской да Троеславской, деревня Худякова; половина — въ одной губерніи, другая — въ другой. Въ той деревнѣ мужичокъ проживалъ, Левкой звали—шельма, я вамъ доложу, перваго сорта, а промышлялъ онъ попами. Содержать бѣглыхъ поповъ на губернскомъ рубежѣ было ловко: изъ Троеславской губерніи нагрянутъ — въ Хохломскую попа, изъ Хохломской — въ Троеслав-

скую его. Левку всѣ раскольники знали, отъ него попами заимствовались. Съ этимъ самымъ Левкой и свели дружбу Кузька Макуринъ — днюетъ и ночуетъ у него, такіе стали друзья, что водой не разольешь. Рыбакъ рыбака далекò въ плёсѣ видитъ, а воръ къ вору и нехотя льнетъ.

«Лежитъ разъ Кузька у Левки въ задней избѣ на полатяхъ, а попъ, пòдъ вечеръ въѣхавши къ Левкѣ да отдохнувши послѣ дороги, сидитъ за столомъ. Избу заперъ, началъ деньги считать, чтò за требы нàбралъ по окольности. Смотритъ Кузька съ полатей, а самъ тоже считаетъ: считалъ-считалъ и счетъ потерялъ. Слѣзъ тихохонько съ печи, отомкнулъ дверь, вышелъ—попъ не видитъ, не слышитъ... Кузька въ переднюю.

«Будитъ Левку: — Вставай, говоритъ, дѣло есть. — Левка всталъ, Кузька ему говоритъ: — Попъ деньги считаетъ, я подсмотрѣлъ. Такая, братецъ, сумма, что за нее не грѣхъ и въ тюрьмѣ посидѣть. Съ такими деньгами, Левушка, вѣкъ свой можно счастливу быть, нà Низъ можно сплавиться, въ купцы тамъ приписаться.

«Соблазнилъ.

«— А видывалъ ли когда тебя отецъ-отъ Пахомій? — спрашиваетъ Левка.

«— Отродясь, — говоритъ Кузька: — не видывалъ.

«— Дѣлай же вотъ какъ да вотъ какъ.

«Пошли пріятели въ заднюю, гдѣ попъ-отъ свои дѣла правилъ... А хоть дверь и отперта была, все-таки, чтобъ Пахомію не подать сомнѣнья, Левка постучался, входную молитву творя.

«— Аминь! — отвѣтилъ попъ изъ избы. — Кто тамъ?

«— Я, батюшка, отецъ Пахомій, хозяинъ.

«— Сейчасъ, свѣтъ, отопру... Эко диво како! Дверь-то была отомкнута!.. Забылъ, видно, запереть, вотъ вѣдь память-то какая у меня стала.

«Вошли Левка съ Кузькой. А деньги у попа ужъ припрятаны. Началъ положили у Пахомія, простились и благословились.

«— Вотъ, батюшка, отче Пахоміе, — говорилъ Левка: — нашъ христіанинъ, именемъ Косьма, исправиться желаніе имѣетъ, давно мнѣ кучился свести его къ іерею древляго благочестія.

«Кузька въ ноги попу. — Прими, говоритъ, отче святый, нà духъ.

«— Богъ благословитъ, чадо, — отвѣтилъ Пахомій: — время теперь тихое, исправлю, пожалуй.

«Левка вышелъ, Пахомій епитрахиль надѣлъ, требникъ на налой положилъ. — Клади началъ! — говоритъ.

«Положили начàлъ. Легъ Кузька ничкомъ, Пахомій ему голову епитрахилью покрылъ и началъ «исправу»:

«— Рцы ми, чадо Косьмо...

«А Кузька поднялъ голову, говоритъ ему:

«— Отче святой, совѣсть-то моя очень сумленна, — рцы ми прежде: по отлученіи отъ великороссійскія церкви принялъ ли ты «исправу втораго чина» съ проклятіемъ ересей?

«— Нѣтъ, чадо, — говоритъ Пахомій: — «исправѣ втораго чина» и проклятію ересей азъ грѣшный по правиламъ не подлежу, того ради, что и крещеніе имѣю старое и рукоположеніе старое.

«— А гдѣ-жъ ты старое-то рукоположенье сыскалъ? — спросилъ Кузька, ставъ нà ноги передъ Пахоміемъ. — Кто тебя въ попы-то ставилъ?

«— Да не смущается сердце твое, чадо Косьмо, вѣдай, яко имамы нынѣ архіереевъ древляго благочестія. Начало же сему произволенію бысть сицевое.

«— Ну, послушаемъ, пожалуй, какое тутъ у васъ было произволеніе, — молвилъ Кузька, садясь на лавку. — Садись и ты, отецъ Пахомій, разсказывай, какое было произволеніе.

«— Есть, мой свѣтъ, киновія Бѣлокриницкая. Исперва обитаема была едиными токмо мнихами, священныхъ же особъ въ себѣ не имѣла, нынѣ же Божіею къ намъ милостію получила архипастыря. Вси несумнящеся о семъ христіане, елико обрѣтается ихъ въ поднебесной, въ томъ увѣрены. Та киновія, влекуще сѣмя свое отъ древнихъ оныхъ кубанцевъ, рекше некрасовцевъ, зашедшихъ туда съ большимъ количествомъ народа, съ женами и дѣтьми. И тако сіи вышереченные кубанцы, рекше некрасовцы, поселившася въ Туречинѣ, по рѣкѣ Дунаю, и во упражненіи своемъ занятіемъ рыболовства...

«— Да ты балясы-то не точи, говори настоящее дѣло. Какое произволеніе-то было?.. Кто тебя въ попы-то поставилъ?

«— Внимай, чадо Косьмо, дивному промышленію и не борзися... Симъ бо случаемъ дивная вещь содѣяся и памяти достойна.

«— А ты лишняго-то не мели, сказывай, кто таковъ?

«— Азъ многогрѣшный прежде былъ господскимъ крестьяниномъ и немалое время находился приставникомъ при псовой охотѣ. Обаче распалихся желаніемъ іерейства, оставя господина, пріидохъ къ епископу нашему Софронію и молихъ его, да поставитъ мя во іерея. Онъ же по многомъ испытаніи рукоположи мя у единаго мужа благочестива, на пчельникѣ, и даде ми одиконъ, рекше путевой престолъ, и церковь полотняную.

«— Такъ ты, попросту сказать, бѣглый псарь?

«— Не глумися, чадо Косьмо̀, рцы же ми своя согрѣшенія...

«— А вѣдь ты мошенникъ, отецъ Пахомій! Изъ псарей въ попы на пчельникѣ поставленъ!.. Ай да святитель.. Знаю Софрона-то я. Вѣдь это Степка Жировъ, что̀ въ Москвѣ постоялый дворъ въ Вороньемъ переулкѣ держалъ, что̀ попа Егора утопилъ?.. Знаю, все знаю, и другого вашего пастыря знаю, Антонія, что̀ прежде Шутовымъ прозывался. Такъ ты изъ этакихъ!.. А сколько ты, собашникъ, христіанскихъ-то душъ погубилъ, ихъ исправляючи? Да знаешь ли ты, что твое мѣсто въ Сибири?

«Хвать его за честну̀ю браду, и «караулъ» закричалъ. Левка съ веревкой вбѣжалъ, скрутили попа, вытащили его на улицу, сбѣжался народъ: кто за попа, а кто кричитъ: «Вези его въ городъ!..» Котятъ ему Кузька въ полы-то по̀ложилъ: «Вотъ, говоритъ, твои прихожане!» Поглумились этакъ надъ Пахоміемъ и пустили его на четыре стороны, а деньги и весь скарбъ у Левки остались.

«На другой день приходитъ уставщикъ отъ Пахомія. — «Деньги-то, говоритъ, возьмите, подавитесь ими, окаянные, ящикъ-отъ только отдайте... Безъ него отцу Пахомію никакъ невозможно.

«— Эка что̀ вздумалъ!.. — молвилъ Кузька Макуринъ. — Да я такого ящика пятый годъ добиваюсь. Пойду на Урень, — сторона глухая, народъ слѣпой, — стану попить не хуже твоего псаря. Такъ ему и скажи.

«Заплакалъ индо уставщикъ: за ящикъ-отъ Софронію никакъ тысяча была заплачена, а теперь все пропало ни за денежку.

«Вскрыли ящикъ: тамъ и одиконъ, и полотняная церковь, и прочее, что̀ нужно, и ставлена грамота.

«— Эка умница этотъ Жировъ! — молвилъ Кузька: — не пишетъ примѣтъ въ ставленой-то... Хоть я Пахомію во внуки гожусь, а съ этой ставленой могу и Пахоміемъ быть. Прощай, Левушка — деньги всѣ себѣ бери, съ меня и ящика довольно. Вотъ какимъ попомъ буду, самъ ко мнѣ на исправу придешь... Приходи, Левушка: всѣ грѣхи отпущу и гроша̀ невозьму.

«Такъ и подѣлились. Левка съ деньгами на Низъ уѣхалъ — и тамъ расторговался. А Кузька за Пахомія и до сихъ поръ попитъ...

«Такъ вотъ съ какими я людьми хороводился! Вотъ какія дѣла дѣлывалъ! Да мало-ль чего ни бывало... Всего не перескажешь.

«Ничего въ свое время не огласилось, предъ судомъ человѣческимъ ничего не явилось. Но все было ясно предъ неумытнымъ Судіею... И послалъ Онъ мнѣ наказаніе достойно и праведно».

———

СТАРЫЕ ГОДЫ.

Разсказъ.

Довелось мнѣ разъ побывать въ большомъ селѣ Заборьѣ. Стоитъ оно на Волгѣ. Мѣсто тутъ привольное:

Это гнѣздо угасшаго рода князей Заборовскихъ. Теперь оно принадлежитъ разбогатѣвшему откупщику Кирдяпину, родитель же его нѣкогда былъ подносчикомъ въ Разгуляѣ. А Разгуляй—любимѣйшій народомъ кабакъ въ селѣ Заборьѣ. Стоитъ онъ между пристанью и базаромъ: мѣсто веселое, бойкое.

Мѣстность въ Заборьѣ живописна. Крутой, высокій берегъ Волги тутъ перемежается, образуя обширную, покатую къ рѣкѣ лощину, въ ней построено Заборье. Тамъ до десятка златоглавыхъ церквей, сорокъ либо пятьдесятъ двухъэтажныхъ каменныхъ домовъ, больше тысячи деревянныхъ городской постройки, обширный гостиный дворъ, нѣсколько фабрикъ и заводовъ: всюду кипучая дѣятельность. По волжскому берегу тянется длинный рядъ амбаровъ для складки хлѣба и другихъ товаровъ, у пристани стоитъ не одна сотня барокъ, расшивъ, ладей, паузковъ и другихъ разной величины парусныхъ судовъ. Поодаль, у особой пристани, устроенной въ Кривоборскомъ затонѣ, дымятся пароходы. Въ сторонѣ мель, на ней обсохшая коноводка.

И справа и слѣва тѣсно застроеннаго и шумно оживленнаго Заборья великанами высятся крутыя горы изъ краснаго мергеля. На одной красуются величественные храмы XVII вѣка, украшенные снаружи стѣнописью, увѣнчанные золотыми шатрами и куполами. Вмѣстѣ съ громадными двухъэтажными зданіями, они обнесены зубчатыми бѣлокаменными стѣнами, высокими башнями и бойницами. Ни казанскіе татары, ни лисовчики, ни сообщники Разина не могли взять тѣхъ твердынь, хоть не разъ пытались овладѣть Заборскимъ монасты-

ремъ, зная о сокровищахъ, въ немъ сохранявшихся. Теперь не то, теперь здѣсь тихое и безмятежное пристанище немногихъ иноковъ, просторно размѣстившихся по уголкамъ громадныхъ келій, гдѣ въ старые годы тѣсно было жить многочисленной братіи и толпамъ слугъ и служебниковъ Заборской обители.

По другую сторону Заборья высятся на горѣ палаты князей Заборовскихъ. Величественный дворецъ, строенный въ прошломъ столѣтіи по плану Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя надъ Волгой и Заборьемъ, угрюмо смотритъ на новую, развившуюся подъ его ногами дѣятельность. Запустѣлый, обветшалый, точно переглядывается онъ съ древними зданіями монастырскими... Ведутъ межъ собой каменные старцы беззвучную бесѣду о суетѣ мірской, что̀ внизу гуломъ тысячи голосовъ и звуковъ даетъ знать о себѣ, о привольѣ мѣста и о довольствѣ народа. Ведутъ угрюмые старцы бесѣду, а сами будто сокрушаются, что минули старые годы, когда наверху было людно и шумно, а внизу говорить громко не смѣли...

Исправникъ предложилъ мнѣ показать заборскій дворецъ, но нескоро добился ключей. Трое дворовыхъ, приставленныхъ для охраненья гнѣзда угасшихъ князей Заборовскихъ, разсчитавъ, что злонамѣренные люди не украдутъ ввѣреннаго имъ зданія, отправились на пристань шить кули, чтобъ, заработавъ по пятиалтынному на брата, провести веселый вечерокъ въ Разгуляѣ.

Покамѣстъ сотскій ихъ отыскивалъ, мы пошли въ садъ. Садъ огромный, версты на полторы тянется онъ по вѣнцу горы, а по утесамъ спускается до самой Волги. Прямыя аллеи, обсаженныя вѣковыми липами, не пропускающими свѣта Божьяго, походили на какіе-то подземные переходы. Мѣстами, гдѣ стволы деревьевъ и молодыхъ побѣговъ срослись въ сплошную почти массу, чуть не ощупью надо было пробираться по сырымъ грудамъ обвалившейся суши и листьевъ, которыхъ лѣтъ восемьдесятъ не убирали въ запущенномъ саду.

Кой-гдѣ уцѣлѣли каменные постаменты, на нихъ въ старые годы стояли статуи. Извѣстный богачъ прошедшаго вѣка, князь Алексѣй Юрьичъ скупилъ много статуй за границей и поставилъ ихъ въ своемъ Заборьѣ. Куда послѣ дѣвались онѣ, Богъ знаетъ... Вотъ на одномъ постаментѣ уцѣлѣли буквы: «Iov... omnipoten...». На другомъ ясна надпись: «Venus et Adonis».

Повернувъ изъ главной аллеи въ сторону, очутились мы передъ глубокимъ оврагомъ, что̀, простираясь до самаго волж-

скаго берега, раздѣляетъ садъ на двѣ части. Смѣлой аркой перекинутъ былъ черезъ тотъ оврагъ каменный мостъ, на днѣ шумѣлъ родникъ, скрывавшійся въ сочной густой зелени. За мостомъ каменный павильонъ — это Parc aux cerfs Заборья старыхъ годовъ... Давно свалились его двери, давно выщиплены изъ оконъ его рамы, вѣтеръ да зимнія вьюги свободно гуляютъ по комнатамъ, гдѣ чего-то ни бывало въ старые годы!.. Въ одной комнатѣ уцѣлѣли фрески, и какія фрески! Недюжинный малярь ихъ работалъ. Вотъ Венера въ объятіяхъ Марса — хорошо сохранились свѣжія, роскошныя перси и руки богини красоты, досадная улыбка безобразнаго Вулкана до сихъ поръ мерещится мнѣ, только-что вспомню павильонъ заборскій... На другой стѣнѣ нагая Леда страстно прижимаетъ лебедя, на третьей свѣженькая нимфа лѣниво отталкиваетъ обхватившаго ее сатира, а на четвертой сладострастно раскинулась юная вакханка, и ея

Налитыя нѣгой груди,
Чуть прикрытыя плющомъ,
И бѣлѣе снѣга зубы
И пурпуровыя губы—
Манятъ поцѣлуй...

Плафонъ осыпался, но по сохранившимся остаткамъ замѣтно, что онъ изображалъ торжество Пріапа... Сколько бѣлобрысыхъ Акулекъ и чернявыхъ Матрешекъ перебывало здѣсь, въ качествѣ живыхъ нимфъ и вакханокъ.

— Вонъ тамъ былъ другой такой же павильонъ! — сказалъ исправникъ, указывая на груду кирпичныхъ осколковъ, выглядывавшихъ изъ лопушника, полыни и чернобыли.

— Развалился?

— Нарочно сломали.

— Зачѣмъ?

— Да видите ли, что̀ здѣсь болтаютъ: князь Данила Борисовичъ, годовъ тридцать тому назадъ, пріѣзжалъ въ Заборье и въ томъ павильонѣ находку, слышь, какую-то нашелъ, да послѣ того и приказалъ его сломать.

— Что-жъ онъ нашелъ?

— Да болтаетъ народъ... оно, можетъ, и вздоръ, а все-таки намолвка идетъ, будто въ томъ павильонѣ одна комната изстари была заложена, да такъ, что и признать ее было невозможно. А князь Данила Борисовичъ тайно ото всѣхъ своими руками вскрылъ ее.

— Ну?

— Вѣдь это одна намолвка, Андрей Петровичъ, а правда ли, нѣтъ ли, Господь вѣдаетъ. Кладъ, что ли, какой-то тамъ

нашли, только на стѣнѣ, слышь, гвоздемъ было что-то нацарапано. Какъ только князь Данила Борисовичъ прочиталъ, тотчасъ стѣну своими руками топоромъ зарубилъ, а потомъ и весь павильонъ сломать приказалъ.

— Что-жъ такое тамъ было?

— Чего здѣсь въ старые годы ни бывало?.. Да вы изволили, конечно. читать «Удольфскія таинства» госпожи Ратклифъ?

— Читалъ. А что̀?

— У насъ по уѣзду старики-помѣщики говорятъ, будто госпожа Ратклифъ тѣ таинства съ Заборья списывала. Правду ли, пустяки-ль говорятъ, доложить не могу... А болтаютъ.

— Скажите, пожалуйста, не осталось ли стариковъ, что̀ жили въ Заборьѣ при князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ?

— Гдѣ же? Помилуйте! Вѣдь князь-отъ Алексѣй Юрьичъ лѣтъ сто тому какъ померъ. За пятнадцать лѣтъ до Пугачевщины скончался, считайте, сколько тому времени. Сынъ его, князь Борисъ Алексѣичъ, и внукъ, князь Данила Борисовичъ, подолгу здѣсь не живали, а княжна Наталья Даниловна и вовсе здѣсь не бывала. Послѣ нея имѣніе за долги продано, теперь стало кирдяпинское. Старина и забылась. А долго-таки кое-что поддерживалось... Вотъ и я еще помню псарню здѣсь, музыкантовъ, арапа стараго да карлика — древній-надревній былъ. Мало-по-малу переводили все, а какъ вотчина къ Кирдяпинымъ перешла, все порѣшилось. Сами изволите знать, ужъ какъ оно ни на есть, а все чужое. Оттого и не жаль... Былъ здѣсь старикъ Прокофьичъ. Чуть-чуть его помню. Да вотъ ужъ лѣтъ сорокъ, какъ и онъ померъ. Вотъ онъ такъ ужъ всю подноготную про здѣшніе старые годы зналъ. Дожилъ до ста лѣтъ, а въ молодые годы, при князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ, въ стремянныхъ бывалъ. Мнѣ про того Прокофьича Валягинъ Сергѣй Андреичъ много разсказывалъ, управляющимъ здѣсь былъ... Посаженъ былъ на вотчину Сергѣй Андреичъ княземъ Данилой Борисовичемъ, умеръ при княжнѣ. Славный былъ человѣкъ, хорошій, умный такой. Онъ даже записывалъ все, что̀ ни разсказывалъ ему Прокофьичъ. Видалъ и я у покойника такую тетрадку.

— Куда-жъ она дѣвалась?

— У наслѣдниковъ, должно-быть, коли на̀ подвертку свѣчъ да на пироги не извели. Послѣ Сергѣя Андреича двѣ дочери-дѣвушки остались, у нихъ должна быть.

— А гдѣ его дочери?

— А какъ Сергѣй-отъ Андреичъ померъ, уѣхали онѣ къ теткѣ не то въ Херсонскую, не то въ Костромскую губернію, хоро-

шенько сказать не могу. Слышно было, что замужъ повышли, а за кого — тоже доложить не могу.

Между тѣмъ сотскій привелъ одного изъ хранителей заборскаго дворца. Исправникъ приличнымъ образомъ поругалъ его, посулилъ березовой лапши съ ременнымъ масломъ и приказалъ отперетъ домъ.

Сыростью и затхлою гнилью пахнуло, когда отворили двери чертоговъ князей Заборовскихъ. На каждомъ шагу изъ-подъ ногъ густая пыль поднималась, а ворвавшійся въ растворенныя двери потокъ свѣжаго воздуха колыхалъ отставшія отъ стѣнъ и лохмотьями висѣвшія дорогія, рѣдкостныя когда-то шпалеры. Не грустью, не печалью вѣяло со стѣнъ запустѣлаго жилища былой роскоши и чудовищнаго своенравія: будто съ насмѣшкой и сожалѣньемъ смотрѣли эти напудренные пастухи и пастушки, что̀ виднѣлись на обветшалыхъ дырявыхъ гобеленахъ, а въ портретной галлереѣ потемнѣвшіе лики людей старыхъ годовъ спѣсиво и презрительно глядѣли изъ потускнѣвшихъ рѣзныхъ рамъ... «Зачѣмъ вы зашли сюда, незваные гости? — будто спрашивали они: — чего не видали?.. Вонъ ступайте, жалкіе люди, мы васъ не знаемъ, да и вамъ никогда не извѣдать нашей раздольной, веселой жизни, нашего буйнаго разгула, барскихъ затѣй и ничѣмъ неудержимыхъ порывовъ!..»

— Вотъ князь Алексѣй Юрьичъ! — сказалъ исправникъ.

Высокій, тучный князь стоялъ передъ нами. Открытое лицо съ римскимъ носомъ и выдавшеюся впередъ нижнею губой выражало спѣсь непомѣрную и крутую волю, никогда и ни въ чемъ не знавшую противорѣчія. Князь улыбался, но улыбка лукава была и коварна. Вотъ-вотъ сейчасъ нахмурится это высокое чело, и хитрые, слегка прищуренные, черные глаза заблестятъ неукротимымъ гнѣвомъ... Рядомъ стоялъ портретъ статной высокой женщины въ желтомъ атласномъ помпадурѣ съ черными кружевами. Лицо было прекрасно, въ глазахъ много ума, но тихая затаенная грусть виднѣлась въ нихъ. Немного радостей, должно-быть, видѣла она на вѣку своемъ!

— Это княгиня Марѳа Петровна, — сказалъ исправникъ: — супруга князя Алексѣя Юрьича.

Одинъ портретъ особенно поразилъ меня. Въ голубой робѣ на фижмахъ, съ тонко и кокетливо перегнутою таліей, стояла, вѣроятно, молодая женщина: прекрасная ея рука, плотно обтянутая длинною перчаткой, играла розою. Но лицо, все лицо было густо замазано черною краской...

— Это что̀ значитъ? — спросилъ я у исправника.

— А Господь ихъ знаетъ, должно-быть, не похожа была.

— Однакожъ что у васъ про это толкуютъ?

— Да говорить-то много говорятъ... Сказываютъ, что это первая супруга князя Бориса Алексѣевича. Въ замужествѣ, слышь, недолго находилась, а взята была откуда-то издалека. Только-что молодые успѣли, слышь, сюда къ отцу пріѣхать, князь Борисъ Алексѣевичъ на войну ушелъ, супруга его стосковалась, въ полкъ къ нему поѣхала, да на дорогѣ и померла. А скоро послѣ того и самъ князь Алексѣй Юрьичъ померъ. Говорятъ, будто по смерти молодой княгини очень онъ тосковалъ... Пошелъ, слышь, разъ въ портретную одинъ да и упалъ безъ памяти передъ этимъ портретомъ. А какъ въ чувство пришелъ, велѣлъ замазать лицо. И какъ замазали, на другой же день Богу душу отдалъ. А другіе говорятъ, что хлебнулъ чего-то... Съ мышьячкомъ, должно-быть, потому что передъ смертью онъ вѣдь подъ судъ попалъ...

Въ кабинетѣ на стѣнѣ висѣла писанная на пергаментѣ родословная. Похвально поступили господа Кирдяпины, оставивъ чуждый имъ пергаментъ въ запустѣломъ жилищѣ князей Заборовскихъ. Будто живой повѣствователь объ угасшемъ родѣ, онъ здѣсь на своемъ мѣстѣ.

Вотъ у корня родословнаго древа красуются имена Гедимина литовскаго, Монтевида корновскаго, Любарта волынскаго... Вотъ князь Минигайло Зимовитовичъ... Пріѣхалъ онъ въ Москву на службу къ великому князю Василію Дмитріевичу, крещенъ самимъ митрополитомъ Фотіемъ и прозванъ княземъ Заборовскимъ. И пошелъ отъ него рядъ бояръ, воеводъ и думныхъ людей: водили Заборовскіе московскіе полки на крымцевъ и другихъ супостатовъ; бывали Заборовскіе въ отвѣтѣ *) у цесаря римскаго, у короля свейскаго, у польскихъ пановъ рады и у галанскихъ статовъ; сиживали Заборовскіе и въ приказахъ московскихъ, были Заборовскіе въ городовыхъ воеводахъ, но только въ городахъ первой статьи: въ Великомъ Новѣгородѣ, въ Казани или въ Смоленскѣ... А вотъ сынъ окольничаго, князь Юрій княжъ Никитичъ Заборовскій, уже бритый, сидитъ оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаромъ въ кригсъ-комиссаріатской конторѣ военной коллегіи... Скончался въ Питербурхѣ-городкѣ послѣ попойки съ голландскими матросами и знатными персонами изъ россійскаго шляхетства...

Единственный его сынъ, князь Алексѣй Юрьичъ, большой службы не сослужилъ, а *въ случаѣ* бывалъ. При Петрѣ Великомъ ходу ему не было, потому что въ дѣло не годился,

*) Въ послахъ.

зато ловкій князь послѣ умѣлъ наверстать и взять свое: во-время подбился къ Меншикову, во-время вошелъ въ дружбу съ молодымъ Долгоруковымъ, во-время съѣздилъ въ Митаву на поклоненіе Бирону, во-время перекинулся къ Миниху, во-время сблизился съ Лестокомъ. И когда правительственныя перемѣны сопровождались казнями и ссылками, благополучіе князя Алексѣя Юрьича оставалось неизмѣннымъ: чины и деревни летѣли къ нему при каждой перемѣнѣ.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ умный: образованіе получилъ плохое, а отъ природы былъ коваренъ, тщеславенъ, къ тому же былъ великій мастеръ лгать и хвастать непомѣрно. При Петрѣ Великомъ приходилось ему сдерживать свой неукротимый нравъ, въ то время могъ онъ давать полную волю одной только страсти — бражничанью. Много тогда было важныхъ людей, сбрившихъ бороды, надѣвшихъ нѣмецкіе кафтаны, но оставшихся вѣрными той сторонѣ русской народности, про которую еще равноапостольный Владиміръ сказалъ: *Руси есть веселіе пити.* Но, напиваясь, подъ защитой вельможныхъ бражниковъ, князь Алексѣй Юрьичъ велъ себя такъ увертливо, что ни разу не отвѣдалъ родительскаго наставленія отъ петровской дубинки. Не понимая и не сознавая важности дѣла сближенія русскаго общества съ Европой, Заборовскій полюбилъ однако общество иностранцевъ, въ особенности близокъ былъ съ вѣнскимъ резидентомъ Гогенцоллерномъ, съ голштинскимъ барономъ Стамбкеномъ, съ прусскими баронами Мардефельдами, а они, какъ гласитъ исторія, были горькіе пьяницы *).

Никогда князь Алексѣй Юрьичъ не былъ такъ доволенъ судьбой, какъ въ короткое царствованье Петра II. Хоть въ то время было ему ужъ подъ сорокъ, но вошелъ онъ въ тѣсную дружбу съ даровитымъ, обаятельнымъ, но безпутнымъ юношей, княземъ Иваномъ Алексѣичемъ Долгоруковымъ и былъ съ нимъ всѣ три года его могущества неразлученъ. Князь Заборовскій, подъ защитой всесильнаго кутилы, далъ полную волю своему разгулу. Подъ прикрытьемъ драгунъ, ровно сумасшедшій, скакалъ онъ съ княземъ Иваномъ по московскимъ улицамъ, буйствовалъ днемъ, а по ночамъ нагло врывался въ мирныя семейства частныхъ людей... Но когда Долгоруковъ девятилѣтней ссылкой и смертью на колесѣ платилъ за грѣхи молодости, ловкій князь Алексѣй Юрьичъ, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ павшаго собутыльника, съ прекраснымъ аппетитомъ изволилъ кушать за роскошными обѣдами гер-

---

*) Записка Дюка де-Иріа.

цога Эрнста-Іоанна Курляндскаго. Будучи знатокомъ въ лошадяхъ и проводя ночи въ попойкахъ съ братомъ герцога, Карломъ, былъ онъ въ ходу при Биронѣ, достигъ генеральскаго ранга и получилъ кавалерію Александра Невскаго... Но въ 1743 году счастье повернуло къ нему спину: сказано было князю Алексѣю Юрьичу ѣхать въ свои деревни. Такую немилость современники объясняли близкими отношеніями его къ царицѣ всѣхъ баловъ и ассамблей, графинѣ Ягужинской, и дружбою съ первой красавицей Петербурга, Натальей Ѳедоровной Лопухиной. Подъ шумокъ поговаривали, будто Ягужинская въ числѣ немногихъ принимала князя Заборовскаго во время своего таинственнаго затворничества, будто фавориту Натальи Ѳедоровны, графу Рейнгольду Левенвольду, князь Алексѣй Юрьичъ проигрывалъ въ фаро огромныя суммы, будто близокъ онъ былъ съ вѣнскимъ резидентомъ, маркизомъ Боттой, будто разъ на охотѣ арапникомъ отдулъ самого Разумовскаго. Правда ли, нѣтъ ли — кто теперь разберетъ?..

Когда вѣтреныхъ красавицъ, пріятельницъ князя Заборовскаго, постигла плачевная участь, самъ онъ хоть не совсѣмъ чистъ вышелъ изъ дѣла, но такъ сумѣлъ обдѣлать дѣлишки, что ему только велѣно было отправиться въ свои вотчины для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ живъ, здравъ, невредимъ пріѣхалъ князь Алексѣй Юрьичъ въ свое Заборье; здѣсь онъ началъ строить великолѣпный дворецъ, разводить сады и вести жизнь самую буйную, самую неукротимую... Въ деревенской глуши, въ забытомъ уголкѣ, никѣмъ и ничѣмъ не удерживаемый, онъ предался той жизни, что̀ такъ по̀ сердцу пришлась ему во дни могущества князя Ивана. Не только въ Заборьѣ, — по всей губерніи все ему кланялось, все передъ нимъ раболѣпствовало, а онъ съ каждымъ днемъ больше и больше предавался неудержимымъ порывамъ необузданнаго нрава и глубоко-испорченнаго сердца... Вскорѣ для князей не стало иной законности, кромѣ собственныхъ прихотей и самоуправства... При такомъ состояніи человѣка до преступленія одинъ шагъ, и князь Алексѣй Юрьичъ, совершая ихъ, нимало не помышлялъ, что грѣшитъ передъ Богомъ и передъ людьми. О послѣднихъ-то, впрочемъ, онъ не заботился и, щедро одѣляя вкладами монастыри, строя по церквамъ иконостасы и платя за молебны пригоршнями серебра, твердо уповалъ на Божіе милосердіе... И до того дошелъ князь Заборовскій, что разсказы про его житье-бытье въ наше время кажутся страшною сказкой...

Женатъ былъ князь Алексѣй Юрьичъ на княжнѣ Марѳѣ Петровнѣ, послѣдней въ родѣ князей Тростенскихъ. Своимъ

приданымъ увеличила она и безъ того огромное богатство князей Заборовскихъ. Единственный сынъ ихъ, князь Борисъ Алексѣевичъ, крестникъ императрицы Анны Іоанновны, вахмистръ гвардіи въ колыбели, двадцати лѣтъ уѣхалъ изъ Заборья въ Петербургъ искать счастья. Находясь съ полкомъ въ какомъ-то захолустьѣ Россіи, влюбился онъ въ дочь небогатаго дворянина Коростина, женился на ней безъ родительскаго благословенья и, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, пріѣхалъ черезъ годъ послѣ свадьбы въ Заборье, кинуться вмѣстѣ съ женой къ стопамъ оскорбленнаго родителя... Ждали страшной грозы, дѣло кончилось благополучно. Молодая княгиня была такъ прекрасна, такъ была образована, такъ умна, что съ перваго свиданья умѣла растопить каменное сердце суроваго свекра... Вскорѣ началась Семилѣтняя война; молодой князь Заборовскій поспѣшилъ подъ знамена Апраксина, оставивъ въ Заборьѣ молодую жену. Стосковавшись по мужѣ, поѣхала она къ нему въ новопокоренный Мемель, но умерла по дорогѣ...

Послѣ войны вдовый князь Борисъ Алексѣевичъ поселился въ Петербургѣ, женился въ другой разъ и, проживъ до 1803 года по-барски, скончался отъ несваренія въ желудкѣ послѣ плотнаго ужина въ одной масонской ложѣ. Цѣлую жизнь, будто по заказу, старался онъ разстроить свое достояніе, но дѣдовскія богатства были такъ велики, что онъ не могъ промотать и половины ихъ, оставивъ все-таки три тысячи душъ единственному своему сыну и наслѣднику, князю Данилѣ Борисовичу. Этотъ послѣдній князь въ древнемъ родѣ князей Заборовскихъ какъ ни старался поправить грѣхи родительскіе, но не могъ возстановить дѣдовскаго состоянія. Впрочемъ, и самъ онъ протиралъ-таки глаза отцовскимъ денежкамъ исправно. Съ воронцовскимъ корпусомъ во Франціи былъ, денегъ, значитъ, извелъ немало; въ мистицизмъ, по тогдашнему обычаю, пустился, въ масонскихъ ложахъ да въ хлыстовскомъ кораблѣ Татариновой малую толику деньжонокъ ухлопалъ; дѣлалъ большія пожертвованія на Россійское Библейское общество. Душъ восемьсотъ спустилъ понемножку. Дочь его, княжна Наталья Даниловна, какъ только скончался родитель ея, отправилась на теплыя воды, потомъ въ Италію, и двадцать пять лѣтъ такъ весело изволила проживать подъ небомъ Тасса и Петрарки, съ католическими монахами да съ оперными пѣвцами, что, когда привезли изъ Рима въ Заборье засмоленный ящикъ съ останками княжны, въ вотчинной кассѣ было двѣнадцать рублей съ полтиной, а долговъ на милліоны. Близкихъ родственниковъ у княжны не было,

изъ дальнихъ не оказалось ни въ одномъ столь нѣжныхъ родственныхъ чувствъ къ покойницѣ, чтобъ воспользоваться Заборьемъ да кстати ужъ принять на себя и должишки итальянскіе. Кончилось тѣмъ, что Заборье пошло подъ молотокъ. Сынъ подносчика въ Разгуляѣ сталъ владѣльцемъ гнѣзда знаменитаго рода князей Заборовскихъ, а кредиторы княжны получили по тридцати пяти копеекъ за рубль...

О, Гедимины и Минигайлы! Какъ-то встрѣтили вы послѣднюю благородную отрасль вашего благоцвѣтущаго корня — княжну Наталью Даниловну?.. Князь Алексѣй Юрьичъ! Вы-то, батюшка, ваше сіятельство, какъ изволили встрѣтить свою правнучку?.. Ну, онъ-то развѣ пожалѣлъ только, что встрѣтился съ нею не въ здѣшнемъ свѣтѣ. Здѣсь-то бы онъ расправился...

Лѣтъ черезъ пять послѣ того, какъ былъ я въ Заборьѣ, въ одномъ степномъ городкѣ на верховьяхъ Дона, по случаю, досталась мнѣ связка бумагъ, принадлежавшихъ какому-то господину Благообразову. Онѣ состояли большею частью изъ черновыхъ просьбъ, сочиненіемъ которыхъ, какъ видно, занимался господинъ Благообразовъ. Но, представьте, каково было мое удивленіе, когда, разбирая кипу, въ заглавіи одной тетради я прочелъ:

СТАРЫЕ ГОДЫ.

Писано по словамъ столѣтняго старца Анисима Прокофьева съ надлежащими объясненіями коллежскимъ секретаремъ Сергѣемъ Андреевымъ сыномъ Валягинымъ 17-го мая 1822 года въ селѣ Заборьѣ.

— Записки Валягина!

— Это, должно-быть, тестя,—замѣтилъ случившійся на ту пору у меня одинъ старожилъ того городка.—Благообразовъ-отъ на дочери Валягина былъ женатъ.

Вотъ *Записки Валягина.*

I.

Розовый павильонъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Заборье, только-что принялъ я въ управленіе вотчину, пошелъ я поутру съ докладомъ къ князю Данилѣ Борисычу. Онъ былъ не въ духѣ.

— Я, говоритъ, сегодня ни на волосъ уснуть не могъ. Что это за вой былъ у насъ на разсвѣтѣ?

— Должно-быть, на псарномъ дворѣ собаки звѣря учуяли, — докладываю ему.

А князь спрашиваетъ съ неудовольствіемъ:

— Развѣ, говоритъ, у меня есть псарный дворъ?

— Какъ же, говорю, псарня у вашего сіятельства хорошая; собакъ пятьсотъ борзыхъ да сотни полторы гончихъ. Псарей и доѣзжачихъ при нихъ до̀ сорока человѣкъ.

— Какъ!—закричалъ князь:—шестьсотъ пятьдесятъ собакъ и сорокъ псарей-дармоѣдовъ!.. Да вѣдь эти проклятые псы столько хлѣба съѣдаютъ, что имъ на худой конецъ полтораста бѣдныхъ людей круглый годъ будутъ сыты. Прошу васъ, Сергѣй Андреичъ, чтобъ сегодня же всѣ собаки до единой были перевѣшаны. Псарей на мѣсячину, кто хочетъ идти на заработки—выдать паспорты. Деньги, что̀ шли на псарню, употребите на образованіе въ Заборьѣ отдѣленія Россійскаго Библейскаго общества.

— Слушаю, ваше сіятельство, — сказалъ я и тотчасъ же отдалъ приказъ вѣшать собакъ.

Черезъ полчаса приходитъ къ князю древній старецъ. Лицо у него все сморщилось; длинные, по плечамъ лежавшіе волосы пожелтѣли, во рту ни единаго зуба, а черные глаза такъ и горятъ. Одѣтъ былъ онъ въ старинный чекмень съ золотымъ галуномъ, опоясанъ черкесскимъ поясомъ.

— Я вѣковѣчный холопъ вашего сіятельства, Анисимъ Прокофьевъ, — зашамкалъ старикъ: — а былъ, государь мой, первымъ стремяннымъ у вашего дѣдушки, у князя Алексѣя Юрьича.

— Здравствуй, здравствуй, старикъ, садись-ка, усталъ, чай! — говоритъ ему князь.

— Сидѣть мнѣ передъ вашимъ сіятельствомъ не приходится. А пришелъ я къ вамъ, государь мой, челомъ ударить.

— О чемъ, Анисимъ Прокофьичъ?

— Да слышно, ваше сіятельство, что изволили на насъ свой княжескій гнѣвъ положить.

— Я?.. Что̀ ты, Прокофьичъ?.. Въ умѣ ли?

— Не мудрое дѣло, ваше сіятельство, и ума лишиться отъ такого безчеловѣчія!.. Избить шестьсотъ шестьдесятъ восемь собакъ, ничѣмъ неповинныхъ!.. Это дѣло, сударь, не малое!.. Вѣдь это все едино, что какъ царь Иродъ неповинныхъ младенцевъ избивалъ!.. Чѣмъ бѣдныя собачки провинились передъ вашимъ сіятельствомъ? Вѣдь это не шутка: шестьсотъ шестьдесятъ восемь собакъ задавить!.. Надо вѣдь будетъ вашему сіятельству и Богу на страшномъ судищѣ отвѣтъ отдавать...

— Полно, старикъ, успокойся, перестань... — говоритъ ему князь.

— Чего мнѣ перестать?.. Коль я не буду говорить, кто тебѣ скажетъ? — гнѣвно вскричалъ старый стремянный. — Да какъ же тому статься, чтобъ всѣхъ собакъ перевѣшать?.. Дѣдами, прадѣдами псарня установлена, больше ста годовъ держится, прошла про нее слава по всему, почитай, свѣту, и вдругъ ни съ того ни съ сего разомъ перевести ее!.. Да отъ такого дѣла, князь Данила Борисычъ, кости твоихъ родителей во гробахъ повернутся, всѣ твои дѣды, прадѣды изъ гробовъ встанутъ, руки на тебя протянутъ, проклятье тебѣ изрекутъ... Знаешь ли ты, государь мой, что псарня-то наша со дней царя Петра Алексѣича нерушимо стоитъ?.. За что-жъ ее порушить хотите?.. Да вѣдь это роду вашему вѣчный покоръ, всему вашему княжому племени безчестье, не говорю ужъ про то, что на совѣсть свою такое душегубство хотите принять!.. Собака-то, батюшка, тоже тварь Божія, а въ писаніи что̀ сказано?.. — «блаженъ иже и скоты милуетъ». Идете, ваше сіятельство, су̀противъ Божіей заповѣди!.. И вотъ, сударь, ваше сіятельство, надѣлъ я на старости лѣтъ жалованный чекмень вашего дѣдушки — двадцать лѣтъ въ сундукѣ лежалъ, думалъ я, что придется его только въ могилу надѣть; вотъ, сударь, одѣлъ я и поясъ черкесскій, а жаловалъ мнѣ этотъ поясъ родитель вашъ въ ту самую пору, какъ, женившись на вашей матушкѣ, княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ, привезъ ее въ вотчину и въ первый разъ охоту своей княгинѣ изволилъ показывать: никто изъ нашихъ не могъ русака угнать, а сосѣдъ Иванъ Алексѣичъ Рамировъ уже совсѣмъ почти угонялъ, я поскакалъ, угналъ русака и тѣмъ княжую честь передъ молодой супругой сохранилъ... Власть ваша, князь Данила Борисычъ, съ мѣста не сойду, покамѣстъ милости собакамъ не выпрошу.

— Да чего-жъ ты хочешь? — спрашиваетъ у него князь.

— А того я хочу, ваше сіятельство, чтобы вы мнѣ прежде голову приказали снять, а потомъ бы ужъ и собакъ вѣшать изволили... Въ этомъ чекменѣ, въ этомъ поясѣ предстану я предъ вашими родителями, дѣдами и прадѣдами, подведу къ нимъ собачекъ, вами задавленныхъ... А они-то, старики-то ваши, яко зѣницу ока ихъ берегли!.. Пусть же ваши родители судятся съ вами на страшномъ судѣ за такое злодѣйство... что не хотѣли вы уберечь родительскаго благословенья, пролили кровь неповинную!.. Дѣло мое, государь мой, старое, а порядки у васъ новые, отпустите меня, ваше сіятельство, къ господамъ моимъ: прикажите рубить голову, а тамъ ужъ и собакъ вѣшайте.

Отъ сильнаго волненья у Прокофьича духъ занялся и ноги

подкосились; онъ бы упалъ и расшибся, если-бъ мы съ княземъ его не поддержали. Безъ чувствъ вынесли старика изъ дома.

Горячее заступничество девяностолѣтняго стремяннаго спасло на время собакъ. Псарный дворъ въ Заборьѣ былъ уничтоженъ лишь послѣ смерти князя Данилы Борисыча и Прокофьича...

Князь полюбилъ старика, часто призывалъ его къ себѣ и разспрашивалъ о старыхъ годахъ. По нѣскольку часовъ, бывало, просиживали они вмѣстѣ.

Разъ, вечеромъ, послѣ долгой бесѣды съ Прокофьичемъ, послалъ князь за мной, требуя, чтобъ я тотчасъ же явился къ нему.

Я нашелъ князя сильно взволнованнымъ.

— Сергѣй Андреичъ, — сказалъ онъ: — въ состояніи ли вы нѣсколько часовъ, вмѣстѣ со мной, проработать ломомъ?

— Какъ проработать ломомъ, ваше сіятельство?

— Пробить каменную стѣну... Видите ли, Прокофьичъ сейчасъ разсказалъ мнѣ одинъ необыкновенный случай стараго времени... Мнѣ бы хотѣлось узнать: вздоръ болтаетъ старикъ или правду говоритъ... Постороннихъ, особенно своихъ крѣпостныхъ, въ это дѣло мѣшать не годится... Будьте такъ любезны, Сергѣй Андреичъ, не откажите...

Я согласился, далъ слово и спросилъ князя, что-жъ такое разсказывалъ ему Прокофьичъ?

— Э, да все это, можетъ-быть, еще вздоръ... Прокофьичъ, кажется, изъ ума сталъ выживать, разсказываетъ вещи несодѣянныя... А все-таки хочется удостовѣриться... Завтра, надѣюсь, вы исполните данное слово.

Я повторилъ обѣщаніе, и князь тотчасъ же завелъ рѣчь о хозяйственныхъ дѣлахъ, но, занятый другимъ, вовсе не слушалъ словъ моихъ. Наконецъ отпустилъ меня.

— Такъ завтра? — сказалъ онъ, подавая руку.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Таинственность предстоявшей работы, какое-то необыкновенное событіе старыхъ годовъ, волненіе князя — все это до такой степени распалило мое воображеніе, что я всю ночь заснуть не могъ. Чѣмъ свѣтъ присылаетъ за мной князь.

— Пойдемте! — сказалъ онъ, когда я вошелъ въ кабинетъ.

Пошелъ за нимъ. Князь отдалъ приказаніе, чтобы никто не смѣлъ входить въ садъ до нашего возвращенья. Пройдя большой садъ, мы перешли мостъ, перекинутый черезъ оврагъ, и подошли къ «Розовому павильону». У входа въ тотъ павильонъ уже лежали два лома, двѣ кирки, нѣсколько воско-

выхъ свѣчъ и небольшой краснаго дерева ящикъ. Князь на разсвѣтѣ самъ ихъ отнесъ туда.

Въ павильонѣ было пять или шесть комнатъ. Пройдя три, князь ударилъ въ глухую стѣну и сказалъ:

— Здѣсь!

Мы принялись за работу; часа черезъ полтора стѣна была пробита. Князь зажегъ свѣчи, и мы пролѣзли въ темную, наглухо со всѣхъ сторонъ закладенную комнату.

Среди развалившейся и полусгнившей мебели лежалъ человѣческій остовъ...

Князь перекрестился, заплакалъ и тихо проговорилъ:

— Упокой, Господи, душу рабы Твоея.

— Старикъ сказалъ правду! — прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Что̀ это? — спросилъ я, немного оправившись отъ перваго впечатлѣнія.

— Грѣхи старыхъ годовъ, Сергѣй Андреичъ. Послѣ все разскажу; теперь помогите собрать это...

Бережно собрали мы кости и положили ихъ въ ящикъ краснаго дерева. Князь заперъ его и положилъ ключъ въ карманъ. Когда мы собирали смертные останки, нашли между ними брильянтовыя серьги, золотое обручальное кольцо, нѣсколько проволокъ изъ китоваго уса, на которыхъ кой-гдѣ уцѣлѣли лохмотья полуистлѣвшей шелковой матеріи. Серьги и кольцо князь взялъ къ себѣ.

Утомленные трудомъ и сильными впечатлѣніями, вынесли мы ящикъ изъ сада.

— Сейчасъ же собрать человѣкъ полтораста съ ломами и топорами, да нарядить пятьдесятъ подводъ! — сказалъ князь бурмистру, проходившему черезъ дворъ.

Я зашелъ въ свой флигель умыться и переодѣться. Когда пришелъ къ князю, его не было въ кабинетѣ.

— Гдѣ князь? — спросилъ я попавшагося лакея.

— Въ портретную галлерею прошли! — отвѣчалъ тотъ.

Тамъ, запыленный, запачканный, какъ вышелъ изъ павильона, стоялъ князь передъ портретомъ женщины, у которой, по какой-то прихоти прежнихъ владѣльцевъ, лицо было замазано черной краской. Знакомый ящикъ стоялъ на полу передъ портретомъ. Я взглянулъ на князя. Онъ плакалъ.

И разсказалъ онъ страшную повѣсть стараго времени. Подробнѣе узналъ я ее послѣ отъ Прокофьича...

Когда рабочіе были собраны, князь приказалъ имъ сломать «Розовый павильонъ» до основанія, а кирпичъ отвезти къ

строившейся тогда въ Заборьѣ церкви. Когда потолокъ съ павильона былъ снятъ, мы еще разъ вошли въ ту комнату.

На стѣнѣ чѣмъ-то острымъ было нацарапано: *1757 года октября 14-го. Прости, мой милый, твоя Варенька пропала отъ жестокости тв...*

— Топоръ! — вскрикнулъ князь, прочитавъ эти слова.

Подали топоръ. Князь быстро изрубилъ штукатурку.

— Живѣй ломайте! — торопилъ онъ рабочихъ. — Скорѣе, скорѣй!

Къ вечеру павильонъ былъ сломанъ.

На другой день чѣмъ свѣтъ подали карету. Мы сѣли вдвоемъ съ княземъ и взяли съ собой обернутый въ черное сукно ящикъ.

— Въ монастырь! — сказалъ князь.

Тамъ, въ усыпальницѣ князей Заборовскихъ, зарыли мы ящикъ съ костями, а на другой день слушали заупокойную обѣдню и панихиду *о упокоеніи души рабы Божіей княгини Варвары.*

Черезъ недѣлю князь Данило Борисычъ уѣхалъ въ Петербургъ. Больше мы съ нимъ и не видались. Черезъ три года онъ скончался. Въ духовномъ завѣщаніи не забылъ ни меня ни Прокофьича.

Молва о таинственной работѣ нашей и о сломкѣ павильона быстро разошлась по народу. Толковали, что князь въ «Розовомъ павильонѣ» нашелъ цѣлый ящикъ золота. Чтобъ поддержать этотъ слухъ, онъ самъ послѣ разсказывалъ своимъ знакомымъ, что Прокофьичъ открылъ ему тайникъ, гдѣ княземъ Алексѣемъ Юрьичемъ заложены были нѣкоторыя родовыя драгоцѣнности. Мы съ Прокофьичемъ ту же сказку разсказывали. Такъ всѣ и увѣрились.

II.

Прокофьичъ.

— Да, батюшка Сергѣй Андреичъ, — говорилъ мнѣ однажды Прокофьичъ: — въ старину-то живали не по-нынѣшнему. Въ старину — коли баринъ, такъ и живи бариномъ, а нынче что?. Измельчало все, измалодушествовалось, важности дворянской не стало. Послѣдніе годы міръ стоитъ. Скоро и свѣту конецъ.

Совсѣмъ, сударь, другой свѣтъ нонѣ сталъ. Посмотришь-посмотришь, да иной разъ согрѣшишь и поропщешь: зачѣмъ, дескать, Господи, зажился я у Тебя на здѣшнемъ свѣтѣ? Давно бы Тебѣ пора велѣть старымъ моимъ костямъ идти на вѣчный покой, не глядѣли-бъ мои глазыньки на годы новые... А все-таки, батюшка Сергѣй Андреичъ, милъ вольный свѣтъ, хоть и подумаешь этакъ, а помирать не хочется.

А ужъ такъ измельчало, такъ измельчало все, что и сказать невозможно. У барина, напримѣръ, не одна тысяча душъ, а во дворѣ какихъ-нибудь десять-пятнадцать человѣкъ — и дворней-то нельзя назвать. Псарня малая, ни музыкантовъ ни пѣсенниковъ, а ужъ насчетъ барскихъ барынь, шутовъ, карликовъ, араповъ, скороходовъ, нѣмыхъ, калмыковъ — такъ, я думаю, теперь ни у одного барина и въ заводѣ нѣтъ; всѣ стали ровно мелкопомѣстные. Я такъ полагаю, сударь, что теперь врядъ ли гдѣ можно сыскать кучера, чтобъ сумѣлъ карету цугомъ заложить. Всѣ на парочкахъ — ровно мелкаго рангу, аль купцы какіе... А вѣдь и въ законѣ написано, что столбовому барину шестерикомъ ѣздить слѣдуетъ. Да чего ужъ тутъ шестерикомъ? — до такой срамоты дошли, что и сказать нельзя: заложатъ куцу лошаденку въ каку-то одноколку, сядетъ лакей съ бариномъ рядомъ — самъ руки крестомъ, а барину вожжи въ руки. Смотрѣть даже скверно... Вотъ до какого униженія дошли!.. И хоть бы неволя нудила, ну, дѣлать нечего, — такъ вѣдь нѣтъ: сами захотѣли... Просто, сударь, можно сказать — никакого благородства не стало, одинъ Богъ знаетъ, что̀ это значитъ такое... До чего вѣдь иные дворяне дошли? Торговать пустились, на купчихахъ поженились, конторскія книги сами ведутъ!.. Ну, сами вы умный человѣкъ, посудите ради Христа — дворянское ли это дѣло?.. Да хоть бы богатство отъ того какое получили; и того нѣтъ — всѣ профуфынились, всякъ долженъ вѣкъ, а платежу нѣтъ какъ нѣтъ... Эхъ, встали бы дѣдушки да прадѣдушки, царство имъ небесное!.. Ужъ свели бы любезныхъ внучковъ на конюшню да, по старому заведенію, такую бы ременную масленицу въ спину-то имъ засыпали, что забыли бы послѣ того дурь-то на себя накидывать.

Хоть бы нашего князя Данилу Борисыча взять! Что̀ ни говорите, бѣденъ онъ, бѣденъ, а все-жъ не одна тысяча душъ у него найдется — стало-быть, баринъ настоящій. А похожъ ли хоть маненько на барина-то? Ну, сами вы скажите — похожъ ли?.. Въ Москвѣ въ какомъ-то нивирситетѣ обучался, съ портными да съ сапожниками тамъ на одной скамьѣ, слышь, сидѣлъ, — товарищемъ ихнимъ зва̀лся. Ну, возможно-ль сапожнику съ княземъ въ товарищахъ быть?.. Что̀ же вышло? Сапожниковъ да всякихъ другихъ разночинцевъ не облагородилъ, а самъ вкругъ нихъ холопства набра̀лся. Хотя бы вотъ тогда пріѣзжалъ онъ съ вами въ свою вотчину — что̀ дѣлалъ?.. Чѣмъ бы на охоту съѣздить, аль банкетъ сдѣлать, балъ, гулянку какую, — по мужичьимъ избамъ на посидѣлки по̀чалъ таскаться, съ парнями да съ дѣвками мужицкія игры

играть, стариковъ да старухъ сказки заставлялъ разсказывать да пѣсни пѣть, а самъ на бумагу ихъ записывалъ... Княжеское ли это дѣло?.. Старыя книги да образа за большія деньги сталъ покупать. Кто ни скажетъ ему: вотъ, молъ, ваше сіятельство, въ такой-то деревнѣ у такого-то мужика есть рѣдкостная книга, — глазенки у него такъ и загорятся, такъ и забѣгаютъ. Въ пòлночь ли, зà полночь ли — лошадей!.. И поскачетъ, сломя голову, верстъ за тридцать либо за сорокъ къ мужику за книгой... Курганы почнетъ копать, самъ съ мужиками въ землѣ роется, черепки тамъ попадутся аль жеребейки какіе, онъ ихъ въ хлопчату бумагу ровно драгоцѣнные камни, да въ ящики, да въ Питеръ. Не видали, знать, тамъ этакой дряни!.. Увидалъ разъ нищаго слѣпца, стоитъ слѣпецъ на базарѣ, Лазаря поетъ. Батюшки свѣты!.. Нашъ князь Данила Борисычъ такъ и взбѣленился, беретъ слѣпца за руки, сажаетъ съ собой въ карету; привезъ домой, прямо его въ кабинетъ, усадилъ оборванца на бархатныхъ креслахъ, водки ему, вина, обѣдать со своего стола, да и заставилъ стихеры распѣвать. Тотъ обрадовался да дурацкое свое горло и распустилъ, оретъ себѣ, какъ бурлакъ какой, а князь Данила Борисычъ все на бумагу да на бумагу... Ну хорошее ли это, сударь, дѣло?.. Вѣдь грязью играть — только руки марать, дѣло это не княжеское... Три дня тотъ нищій у насъ выжилъ, пилъ, ѣлъ съ княжаго стола, на пуховой постели, собака, дрыхнулъ, а какъ всѣ стихеры перепѣлъ, князь ему двадцать рублей деньгами, одежи всякой, харчей, повозку велѣлъ заложить да отвезти до села, гдѣ онъ въ кельенкѣ при церкви живетъ. А самъ-отъ послѣ носится со стихерами: «золото, говоритъ, неоцѣненное сокровище!». Хорошо сокровище, нечего сказать, ума лишился, и все тутъ.

Нѣтъ, сударь, въ стары годы жили не такъ. Въ стары годы господа держали себя истинно по-барски, такую дрянь, какъ нищій слѣпецъ, нà версту къ себѣ не допускали. Знай, дескать, сверчокъ свой шестокъ. Компанію съ ровней водили, другой хоть и шляхетнаго роду, да не богатъ, такъ его развѣ изъ милости въ «знакомцы» принимали, чтобъ надъ нимъ когда потѣшиться, аль чтобы въ домѣ было полюднѣе. И долженъ былъ тотъ «знакомецъ» ходить по стрункѣ, а чуть проштрафился, шелепами его на конюшнѣ... Да иначе и не слѣдуетъ: какъ бы на горохъ не морозъ, онъ бы черезъ тынъ перерос. Такъ вотъ, сударь, какъ въ стары-то годы живали! А теперь что̀!.. Тьфу!

Хоть бы, напримѣръ, при князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ здѣсь въ Заборьѣ было!.. Подлинно, не жизнь, а рай пресвѣтлый.

Богатство-то, сударь, какое, изобиліе-то какое было! Одного столоваго серебра сто двадцать пудовъ, въ подвалѣ боченки съ цѣлковыми стояли, а мѣдныя деньги, что горохъ, въ сусѣки ссыпали: нарочно такіе сусѣки въ подвалахъ были надѣланы. Музыкантовъ два хора, на псарнѣ не одна тысяча собакъ, на конюшнѣ пятьсотъ лошадей верховыхъ да двѣсти ѣзжалыхъ; шутовъ да юродивыхъ десятка полтора при домѣ бывало, опричь нѣмыхъ араповъ да карликовъ. Шляхетнаго рода знакомцевъ, изъ мелкопомѣстныхъ, человѣкъ по сорока и больше проживало. Мужики ли, бывало, у кого разбѣгутся, деревню-ль у кого судомъ оттягаютъ, пропьется ли кто изъ помѣщиковъ, промотается ли, всякъ, бывало, въ Заборье на княжіе харчи. Опять барыни-приживалки, барышни: этихъ тоже штукъ по тридцати водилось. Ужъ именно домъ былъ, какъ полная чаша. А самъ-отъ князь какой былъ баринъ! Такой, сударь, важности, что теперь, весь свѣтъ исходи, днемъ съ огнемъ не сыщешь... И все-то прошло, все-то миновалось!.. Да, сударь, стары годы были годы золотые, были они, сударь, да и прошли, прошли и не воротятся. Красно лѣто два раза въ году не живетъ!

А куда каково давно тому времени, какъ въ Заборьѣ-то было житье-бытье раздольное да привольное! Мнѣ теперь десятый десятокъ идетъ, а въ ту пору и тридцати годковъ не было, какъ батюшки-то нашего, князя Алексѣя Юрьича, не стало. А скончаться изволилъ лѣтъ семидесяти безъ малаго... Да я ужъ что за жизнь засталъ? Тогда ужъ князь-отъ въ немилости былъ, въ опалѣ, то-есть, а вотъ какъ, бывало, родитель мой — дай ему Богъ царство небесное, а вамъ добро здоровье — поразскажетъ про тѣ годы, какъ князь-отъ Алексѣй Юрьичъ въ настоящей своей порѣ былъ и въ Питерѣ «во-времени» находился, а въ Заборьѣ бывалъ только наѣздами, такъ вотъ тогда точно что жизнь была золотая. И умирать не надо было.

А батюшку моего покойника князь Алексѣй Юрьичъ изволилъ жаловать своей княжою милостью. Перво-наперво онъ у него въ доѣзжачихъ находился, а потомъ въ стремянные попалъ, да проштрафился однажды: русака въ островъ упустилъ. Князь Алексѣй Юрьичъ за то на него разгнѣвался и тутъ же, на полѣ, изволилъ его изъ своихъ рукъ выпороть, да ужъ такъ распалился, что и на конюшнѣ еще велѣлъ пятьсотъ кошекъ ему влѣпить и даже согналъ его со своихъ княжихъ очей: велѣлъ управляющимъ быть въ низовой вотчинѣ... Однакожъ послѣ того годовъ этакъ черезъ пятокъ помиловалъ — гнѣвъ и опалу изволилъ снять.

Вотъ какъ то дѣло случилось. Князь Алексѣй Юрьичъ на

охоту по первой порошѣ поѣхалъ. Время стояло холодное, на Волгѣ ужъ закраины, только самыя еще что̀ называется стекольныя, значитъ, ледъ пятакомъ можно еще пробить. Ста полтора русаковъ заполевали, за монастыремъ, на угорѣ, привалъ сдѣлали. А гора въ томъ мѣстѣ высокая, что̀ стѣна надъ Волгой-то сто̀ймя стоитъ. Князь Алексѣй Юрьичъ веселъ былъ, радошенъ, потѣшаться изволилъ. Сѣлъ на вѣнцѣ горы верхомъ на бочкѣ съ наливкой, самъ цѣлый ковшикъ изволилъ выкушать, а потомъ всѣхъ тутъ бывшихъ изъ своихъ рукъ поилъ, да, разгулявшись, и велѣлъ доѣзжачимъ да стремяннымъ рѣзака дѣлать. А чтобъ сдѣлать рѣзака, надо по̀дъ гору торчмя головой летѣть, на яру закраину головой прошибить да потомъ изъ-подо льда и вынырнуть. Любимая была потѣха у покойника, дай Богъ ему царство небесное! На ту пору никто не сумѣлъ хорошо рѣзака сдѣлать: иной сдуру, какъ пень, въ рѣку хлопнется, — а это ужъ не то, это называется паля, и за то пятнадцать кошекъ въ спину, чтобъ она свое мѣсто знала и впередъ головы не совалась. Другой, не долетѣвши до̀ льда, на горѣ себѣ шею свернетъ, а три дурака хоть и справили рѣзака, да вынырнуть не сумѣли: пошли осетровъ караулить. Осерчалъ князь Алексѣй Юрьичъ:—«Всѣхъ, закричалъ, запорю до̀ смерти!» За мелкопомѣстное шляхетство принялся, имъ приказалъ рѣзака справлять. Тѣ еще хуже: одинъ и прошибъ-было головой ледъ, да тоже къ осетрамъ въ гости поѣхалъ.

Заплакалъ индо князь Алексѣй Юрьичъ, навзрыдъ зарыдалъ: таково ему стало горько и прискорбно.

— Видно, говоритъ, послѣдніе мои дни настаютъ, что нѣтъ у меня мо̀лодца, чтобъ рѣзака сумѣлъ справить!.. Всѣ ровно бабы!.. А гдѣ, говоритъ, Яшка Безухой?.. Вотъ удалецъ-отъ: по три рѣзака, бывало, сряду дѣлывалъ.

А это онъ про батюшку-покойника изволилъ вспомянуть. А батюшка-покойникъ и въ самомъ дѣлѣ безухій былъ. Лѣво-то ухо ему медвѣдь отгрызъ: разъ какъ-то князь Алексѣй Юрьичъ изволилъ приказать батюшкѣ съ любимымъ своимъ медвѣдемъ побороться, медвѣдь, видно, осерчалъ да ухо батюшкѣ и прочь, а батюшка-покойникъ не вытерпѣлъ да охотничьимъ ножомъ Мишку подъ лопатку и пырнулъ. У того духъ вонъ. Такъ за то, что осмѣлился безъ спросу княжаго медвѣдя положить, князь Алексѣй Юрьичъ приказалъ для памяти батюшкѣ-покойнику и другое ухо отрѣзать и прозвалъ его потомъ Яшкой Безухимъ. А батюшку-покойника вовсе не Яковомъ, а Прокофьемъ звали.

— Гдѣ, кричитъ, Яшка Безухой? Подавай сюда Яшку Безухаго!

Доложили, что Яшка Безухой подъ гнѣвомъ находится пятый годъ, низовой вотчиной управляетъ.

— Давай сюда Яшку Безухаго — онъ у меня на рѣзакѣ не прорѣжется, какъ вы, шельмецы.

Поскакали за покойнымъ батюшкой. Ну, Саратовъ — мѣсто не ближнее: когда батюшку оттуда ко княжому двору привезли, ледъ-отъ такой ужъ сталъ, что будь у покойника свинцовая голова, такъ и тутъ бы ему рѣзака не сдѣлать. Допустили батюшку до свѣтлыхъ очей князя Алексѣя Юрьича.

— Здравствуй, говоритъ, Яшка Безухой!

Батюшка въ ноги; князь его пожаловалъ, велѣлъ встать.

— Что̀, говоритъ, рѣзака завтра съ того угора валънешь?

— Можемъ постараться, батюшка, ваше сіятельство, надѣючись на милость Божію да на ваше княжеское счастье! — отвѣчалъ покойникъ родитель мой.

— Ладно, говоритъ, ступай на псарный дворъ. Жалую тебя сворой муругихъ.

А къ утру вьюга. Да такъ поля засыпала, что охота совсѣмъ порѣшилась. Остался рѣзакъ за батюшкой до другого ледостава. Зато ужъ какого же рѣзака на другую-то осень онъ справилъ... И за такую службу его и за великое радѣнье жаловалъ его князь Алексѣй Юрьичъ своей княжеской милостью: изволилъ къ ручкѣ допустить, при своей княжой охотѣ приказалъ находиться, красный чекмень съ позументомъ пожаловалъ, на барской барынѣ женилъ, и сказано было ему быть въ первыхъ псаряхъ. И до самой кончины князя Алексѣя Юрьича батюшка у него въ самыхъ ближнихъ людяхъ и въ большой милости находился. А какъ я родился, князь Алексѣй Юрьичъ самъ изволилъ меня отъ святой купели воспринимать, а воспріемницей была Степанида-птичница, гайдука Самойлы жена. Тоже изъ барскихъ барынь.

Подросъ я, сударь, у батюшки на псарнѣ, а какъ пріѣхалъ князь сюда совсѣмъ на житье и мнѣ шестнадцать лѣтъ исполнилось, изволилъ онъ и меня своей высокой милостью взыскать. На само Свѣтло Христово Воскресенье, послѣ заутрени, сказалъ свое жалованье: велѣлъ въ комнатныхъ казачкахъ при себѣ быть, ѣсть съ княжаго стола, а матушкѣ-покойницѣ давать за меня мѣсячину мукой, крупой, масломъ, да по три алтына въ мѣсяцъ деньгами. Въ грамоту съ прочими казачками меня отдали, драли, сударь, немилосердно, однакожъ дьячокъ Пафнутій до своего дошелъ: грамота всѣмъ далась, цыфирному дѣлу даже маленько навыкли. А когда исполнилось мнѣ двадцать годовъ, стали насъ распредѣлять по наукамъ: кого въ музыканты, кого въ часовщики, кого въ жи-

вописцы, кого французскому учиться, чтобъ съ молодымъ княземъ съ Борисомъ Алексѣичемъ въ Парижъ отправить. Меня же, за многую службу матушки-покойницы и по ея великой слезной просьбѣ, по собачьей части князь опредѣлить изволилъ.

Было, сударь, мнѣ лѣтъ двадцать съ небольшимъ, какъ сподобилъ и меня Господь передъ свѣтлыми очами князя Алексѣя Юрьича малую службишку справить и тѣмъ его княжескаго жалованья и милости удостоиться. Верстахъ въ двадцати отъ Заборья, тамъ, за Ундольскимъ боромъ, сельцо Крутихино есть. Было оно втѣпоры отставного капрала Солоницына: за увѣчьемъ и ранами былъ тотъ капралъ отъ службы уволенъ и жилъ въ своемъ Крутихинѣ съ молодой женой... А вывезъ онъ ее изъ Литвы, аль изъ Польши, а можетъ статься, изъ Хохловъ, доподлинно не знаю, — только красавица была писаная, теперь, думать надо, изойти весь бѣлый свѣтъ, такой не найдешь. Князю Алексѣю Юрьичу Солоничиха приглянулась: сначала хотѣлъ ее честью въ Заборье сманить, однакожъ она не поддалась, а мужъ взъерошился, воюетъ: «Либо, говоритъ, матушкѣ государынѣ подамъ челобитную, либо, говоритъ, самого князя зарублю». Выѣхали однажды по̀ лѣту мы на краснаго звѣря въ Ундольскій боръ, съ десятокъ лисицъ затравили, привалъ возлѣ Крутихина сдѣлали. Выложили передъ княземъ Алексѣемъ Юрьичемъ изъ тороковъ звѣря травленаго, стоимъ, ждемъ слова ласковаго.

А князь Алексѣй Юрьичъ кручиненъ сидитъ, не смотритъ на краснаго звѣря травленаго, смотритъ на сельцо Крутихино, да такъ, кажется, глазами и хочетъ съѣсть его.

— Что̀ это за лисы, говоритъ, что̀ это за красный звѣрь? Вотъ какъ бы кто мнѣ затравилъ лисицу крутихинскую, тому человѣку я и не знай бы что̀ далъ.

Гикнулъ я, да въ Крутихино. А тамъ барынька на огородѣ въ малинничкѣ похаживаетъ, ягодками забавляется. Схватилъ я красотку поперекъ живота, перекинулъ за сѣдло, да назадъ. Прискакалъ да князю Алексѣю Юрьичу къ ногамъ лисичку и положилъ. «Потѣшайтесь, молъ, ваше сіятельство, а мы отъ службы не прочь». Глядимъ, скачетъ капралъ; чуть-чуть на самого князя не наскакалъ... Подлинно вамъ доложить не могу, какъ дѣло было, а только капрала не стало, и литвяночка стала въ Заборьѣ во флигелѣ жить. Лѣтъ черезъ пять постриглась, игуменьей въ Зимогорскомъ монастырѣ была, и князь Алексѣй Юрьичъ очень украсилъ ей обитель, каменну церковь соорудилъ, земли купилъ, вклады большіе пожаловалъ.

Добрая была барынька, дай ей Богъ царство небесное, милостивая: какъ жила въ Заборьѣ, завсегда умѣла утолить

сердце князя Алексѣя Юрьича. Только-что онъ на своихъ ли холопей, на мелкопомѣстное ли шляхетство распалится, завсегда, бывало, уйметъ его. Много за нее Бога молили.

За эту самую службу изволилъ меня князь Алексѣй Юрьичъ безпримѣрно пожаловать. «Коли вѣренъ рабъ, такъ и князь ему радъ»,—при всѣхъ сказать изволилъ и велѣлъ мнѣ быть при своемъ княжемъ стремени. Чекмень малиновый съ позументами изволилъ пожаловать, полтора рубля деньгами, чарку серебряную, три полушубка мерлущатыхъ, лисью шубу, да кусокъ сукна нѣмецкаго. А сверхъ того изволилъ женить меня на барской барынѣ. Однакожъ матушка - покойница князя укланяла: за молодостью лѣтъ въ брачное дѣло мнѣ вступить было отказано. Милость князя была ко мнѣ великая: замѣсто женитьбы съ птичнаго двора дѣвку Акульку въ наложницы мнѣ пожаловалъ. Да вѣдь не то, чтобъ я просилъ о томъ, нѣтъ, сударь, самъ пожаловать изволилъ, безъ просьбы... Послѣ того, года черезъ два, меня на пѣвицѣ женили, на родной сестрѣ Василисы Бурылихи, что̀ въ Заборьѣ надо всѣми порядокъ держала. Презлющая баба была эта Василиса, а съ рожи такая, что какъ во снѣ, бывало, приснится, вскочишь да перекрестишься. А у князя Алексѣя Юрьича на великой была милости, для того, что по дѣвичьимъ ладно дѣла вела. Мнѣ съ женой изъ-за нея куда какъ хорошо было жить.

III.

На ярмонкѣ.

«Отселѣ, — сказано въ запискахъ Валягина: — заношу въ сію тетрадь со словъ Анисима Прокофьева и по разсказамъ другихъ стариковъ».

Въ старые годы бывала въ Заборьѣ ярмонка, приходилась она въ лѣтнюю пору. Съѣзжались на ту ярмонку люди торговые со всякими товарами со всего царства русскаго, а также изъ другихъ краевъ, всякіе иноземцы бывали, и всѣмъ былъ вольный торгъ на двѣ недѣли. Сказывали купчины, что наша Заборская ярмонка малымъ чѣмъ Макарьевской уступала, а украинскихъ и иныхъ много лучше была. Теперь совсѣмъ порѣшилась.

Была она на землѣ монастырской, оттого всѣ сборы денежные: таможенный, привальный и отвальный, пятно конское, и австерскія, похомутный и вѣсчая пошлина сполна шли на монастырь. Монастырскую землю за̀борскія дачи обошли во всѣ стороны, оттого ярмонка въ рукахъ князя Алексѣя Юрьича состояла. Для порядку наѣзжали изъ Зимогорска комисары съ драгунами *«для дѣлъ набережныхъ»* и *«для дѣлъ*

объѣзжихъ», да ассессоры провинціальные, — исправниковъ тогда и въ духахъ не бывало, — однакожъ вся сила была въ князѣ Алексѣѣ Юрьичѣ.

Наступитъ девятая пятница, начало ярмонкѣ. Съ ранняго утра въ Заборьѣ все закипитъ, ровно въ муравейникѣ: въ парадъ зачнутъ сбираться, пудриться, одѣваться, коней сѣдлать, кареты закладывать. И когда все по чину устроится, пойдетъ къ князю старшій дворецкій съ докладомъ, — а бывалъ въ томъ чинѣ не изъ холопей, а изъ мелкопомѣстнаго шляхетства. Доложитъ онъ, что время на ярмонку ѣхать, и велитъ князь въ ряды строиться. Доложатъ, что построились, выйдетъ на крыльцо во всемъ нарядѣ: въ аломъ бархатномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, камзолѣ съ серебряными блестками, въ парикѣ по плечамъ, въ треугольной шляпѣ, въ красной кавалеріи и при шпагѣ. За нимъ съ сотню другихъ большихъ господъ, «знакомцевъ» и мелкопомѣстнаго шляхетства и недорослей — всѣ въ шелковыхъ кафтанахъ и парикахъ. Потомъ выйдетъ на крыльцо княгиня Марѳа Петровна — въ помпадурѣ изъ серебряной парчи съ алыми разводами, волосы кверху зачесаны и напудрены, наверху корабликъ, а шея, грудь и голова такъ и горятъ камнями самоцвѣтными. За ней барыни — всѣ въ робронахъ, въ пудрѣ, приживалки въ княгининыхъ платьяхъ, комнатныя дѣвки — въ золотныхъ шугайчикахъ, въ лѣтникахъ и собольихъ шапочкахъ.

— Трогай! — крикнетъ, сѣвши въ карету, князь Алексѣй Юрьичъ, и поѣздъ поѣдетъ къ монастырю.

Впереди пятьдесятъ вершниковъ, на гнѣдыхъ лошадяхъ, всѣ въ суконныхъ кармазинныхъ чекменяхъ, штаны голубые гарнитуровые, пояса серебряные, штиблеты желтые, на головахъ парики пудреные, шляпы круглыя съ зелеными перьями.

За вершниками охота поѣдетъ, только безъ собакъ. Псари и доѣзжачіе регментами: первый регментъ на вороныхъ коняхъ въ кармазинныхъ чекменяхъ, другой регментъ на рыжихъ коняхъ въ зеленыхъ чекменяхъ, третій — на сѣрыхъ лошадяхъ въ голубыхъ чекменяхъ. А чекмени у всѣхъ суконные, черезъ плечо шелковыя перевязи, у однихъ бѣлыя, шиты золотомъ, у другихъ плюсовыя, шиты серебромъ. За ними стремянные на гнѣдыхъ коняхъ въ чекменяхъ малиновыхъ, въ желтыхъ шапкахъ съ красными перьями, черезъ плечо золотая перевязь, на ней серебряный рогъ.

За охотой мелкопомѣстное шляхетство и знакомцы, верхами, кто въ мундирѣ, кто въ шелковомъ французскомъ кафтанѣ, всѣ въ пудреныхъ парикахъ, а лошади подо всѣми съ княжой конюшни. За шляхетствомъ, мало отступя, самъ князь Алексѣй

Юрьичъ въ открытой золотой каретѣ цугомъ, лошади бѣлыя, а хвосты да гривы черные, — нарочно чернили. За каретой четыре гайдука на запяткахъ да шестеро пѣшкомъ, всѣ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, а кафтаны вкругъ шиты золотомъ, камзолы алаго сукна, рукава алаго бархату съ кондырками малыми, золотой бахромой обшитыми. Шапки на гайдукахъ пюсоваго бархату съ золотыми шнурами и съ бѣлыми перьями. И у каждаго гайдука черезъ плечо цѣпь серебряная. За каретой арапы пѣшкомъ въ красныхъ юбкахъ, съ золотыми поясами, на шеѣ у каждаго серебряный ошейникъ, на головѣ красна шапка. Потомъ другая золотая карета, тоже цугомъ, къ ней княгиня Марѳа Петровна, вкругъ ея кареты скороходы, на нихъ юбки краснаго золотнаго штофа, а прочее платье бѣлаго штофа серебрянаго, сами въ парикахъ напудреныхъ большихъ, безъ шапокъ. За княгининой каретой каретъ сорокъ простыхъ не золоченыхъ, каждая заложена въ четыре лошади безъ скороходовъ, а только по два лакея въ желтыхъ кафтанахъ на запяткахъ: въ тѣхъ каретахъ большіе господа съ женами и дочерьми, барыни изъ мелкопомѣстнаго шляхетства и вольныя дворянки, что̀ при княжомъ дворѣ проживали. Потомъ, на княжихъ лошадяхъ, что̀ поплоше, видимо-невидимо мелкопомѣстнаго шляхетства.

Пріѣдутъ къ монастырю, у святыхъ воротъ изъ каретъ выйдутъ и въ церковь пѣшкомъ пойдутъ. А какъ службу божественную отпоютъ, съ крестнымъ ходомъ кругомъ монастыря отправятся, да, обошедши монастырь, на ярмонку, ради освященія флаговъ. Какъ станутъ воду святить, пальба изъ пушекъ пойдетъ и музыка. Тутъ князь Алексѣй Юрьичъ къ архимандриту ярмоночный флагъ поднесетъ, тотъ святой водой его покропитъ, а князь на столбъ своими руками вздернетъ. Пушки запалятъ, музыка играетъ, трубы, роги раздадутся, а народъ во все горло: ура! и шапки кверху. Это значитъ ярмонка началась, и съ того часу всѣмъ купцамъ торгъ повольный, а смѣй кто допрежь урочнаго часу лавку открыть, запоретъ князь Алексѣй Юрьичъ того до полусмерти и товаръ въ Волгу велитъ покидать, либо середи ярмонки сожжетъ его.

Къ архимандриту обѣдать! А на̀ полѣ возлѣ ярмонки столы накроютъ, бочки съ виномъ ради холопей и для черного народу выкатятъ. И тутъ не одна тысяча людей на княжой коштъ ѣстъ, пьетъ, проклажается до поздней ночи. Всѣмъ одинъ приказъ: «пей изъ ковша, а мѣра душа». Рѣдкій годъ человѣкъ двадцать, бывало, не обопьется. А пьяныхъ подбирать

было не велѣно, а коли кто на пьянаго наткнулся, перешагни черезъ него, а тронуть пальцемъ не смѣй.

На другой день въ Заборьѣ пиръ горой. Соберутся большіе господа и мелкопомѣстные, торговые люди и приказные, всего человѣкъ, можетъ, съ тысячу, иной годъ и больше. У князя Алексѣя Юрьича таковъ былъ обычай: кто ни пришелъ, не спрашиваютъ, чей да откуда, а садись да пей, а коли ѣсть хочешь, пожалуй, и ѣшь, добра припасено вдосталь... На полянѣ, позадь дому, столы поставлены, бочки выкачены. Музыка, пѣсни, пальба, гульба день-денской стономъ стоятъ. Вечеромъ потѣшные огни да бочки смоляныя, хороводы въ саду. Со всей волости бабъ да дѣвокъ нагонятъ... Тутъ дѣло извѣстное: что̀ въ полѣ горохъ да рѣпка, то въ мірѣ баба да дѣвка, значитъ, тутъ безъ грѣха невозможно, потому что всяка жива душа калачика хочетъ. Потѣшные-то огни какъ потухнутъ, князь Алексѣй Юрьичъ съ большими господами въ павильонѣ, а мелкопомѣстное шляхетство въ садочкѣ, на лужочкѣ да по овражкамъ всю ночь до утра прокуражатся.

Да такъ всю ярмонку и прогуляютъ. Каждый Божій день народу видимо-невидимо. И все пьяно̀. Крикъ, гамъ, пѣсни, драка — дымъ коромысломъ.

А на ярмонку ради порядку князь Алексѣй Юрьичъ каждый день изволилъ самъ выѣзжать. Чуть кого въ чемъ замѣтитъ, тутъ ему и расправа. И судъ его былъ всѣмъ пріятенъ, для того, что скоро кончался; тутъ же, бывало, на мѣстѣ и разборъ и взысканье, въ дальній ящикъ не любилъ откладывать: все бы у него живой рукой шло. Чернилъ да бумаги бѣда какъ не жаловалъ. Зато всѣ торговые люди, что̀ на Заборскую ярмонку съѣзжались, какъ отца родного любили его, благодѣтелемъ и милостивцемъ звали. И они до бумаги-то не больно охочи. До челобитныхъ ли да до приказныхъ дѣлъ купцу на ярмонкѣ, когда у всякаго каждый часъ дорогъ?

Не любилъ тѣхъ князь Алексѣй Юрьичъ, кто помимо его по судамъ просилъ. Призоветъ, бывало, такого, шляхетнаго ли роду, купчину ли, мужика ли, ему все едино: перво̀-на̀перво обругаетъ, потомъ изъ своихъ рукъ побить изволитъ, а послѣ того кошки, плети аль кашица березовая, смотря по чину и по званію. А послѣ бани тотъ человѣкъ долженъ идти къ князю благодарить за науку.

— То-то и есть, — скажетъ тутъ князь: — ты какъ гусь: летаешь высоко, а садиться не умѣешь, вотъ и дождался. Развѣ нѣтъ тебѣ моего суда, что вздумалъ по приказнымъ ходить? Смотри же, впередъ будь умнѣе...

И ничего, еще ручку пожалуетъ поцѣловать и велитъ того человѣка напоить, накормить до отвалу.

Купцамъ на ярмонкѣ такой былъ приказъ: съ богатаго сколь хочешь бери, обманывай, обмѣривай, обвѣшивай его, сколько душѣ угодно; бѣднаго обидѣть не моги. Разъ позвалъ князь къ себѣ въ Заборье одного московскаго купчину обѣдать: купецъ богатѣющій, каждый годъ привозилъ на ярмонку панскаго и суровскаго товару на многія тысячи: парчи, догодоры, гарнитуры, глазеты, атласы, левантины, ну и всякія другія матеріи. А товаръ-отъ все прочный былъ — лубокъ лубкомъ; въ нынѣшнее время такихъ матерій и не дѣлаютъ, все стало щепетильнѣе, все измельчало, оттого и самую одежу потоньше стали носить. Пообѣдавши, говоритъ князь Алексѣй Юрьичъ купчинѣ:

— Ты по чемъ, Трифонъ Егорычъ, алый левантинъ продаешь?

— По гривнѣ, ваше сіятельство, продаемъ и по четыре алтына, смотря по добротѣ.

— А была у тебя вчера въ лавкѣ попадья изъ Большого Врагу?

— Не могу знать, ваше сіятельство, народу въ день перебываетъ много. Всѣхъ запомнить невозможно.

— Попадья у тебя аршинъ алаго левантину на головку покупала. Почемъ ты ей продалъ?

— Не помню, ваше сіятельство, хоть околѣть на этомъ мѣстѣ, не помню. Да еще можетъ статься, не самъ я и товаръ-отъ ей отпущалъ, изъ молодцовъ кто-нибудь.

— Ну ладно, — сказалъ князь Алексѣй Юрьичъ да и кликнулъ вершника. А вершниковъ съ десятокъ завсегда у крыльца на коняхъ стояло для посылокъ.

Вошелъ вершникъ. Купчина ни живъ ни мертвъ: думаетъ — на конюшню. Говоритъ вершнику князь Алексѣй Юрьичъ:

— Проводи ты вотъ этого купчину до ярмонки, тамъ онъ дастъ тебѣ кусокъ алаго левантину самаго лучшаго. Возьми ты этотъ левантинъ и духомъ отвези его въ Большой Врагъ, отдай отца Дмитрія попадьѣ и скажи ей: купецъ, молъ, московскій Трифонъ Егорычъ Чуркинъ кланяться тебѣ, матушка, велѣлъ и прислалъ, дескать, кусокъ левантину въ подарокъ за то-де, что вчера онъ съ тебя за аршинъ такого же левантина непомѣрную цѣну взялъ. А ты, Трифонъ Егорычъ, за молодцами-то приглядывай, чтобъ они бѣдныхъ людей не обижали, а то вѣдь я по-свойски расправлюсь. Пороть тебя не стану, а въ сидѣльцы къ тебѣ пойду. Такъ смотри же, держи у меня ухо востро.

Недѣли не прошло, спровѣдалъ князь про Чуркина, однодворца какого-то канифасомъ обмѣрялъ. Только услыхалъ про это, ту-жъ минуту на-конь, прискакалъ на ярмонку, прямо къ Чуркину въ лавку.

— А ты, говоритъ, Трифонъ Егорычъ, приказъ мой позабылъ? Экая, братецъ мой, у тебя память-то короткая стала! Нечего дѣлать, надо мнѣ свое княжое слово выполнить, надо къ тебѣ въ сидѣльцы идти. Эй, вы, аршинники, вонъ изъ лавки всѣ до единаго!

Чуркинъ съ молодцами изъ лавки вонъ, а князь Алексѣй Юрьичъ, ставши за прилавокъ да взявши въ руки аршинъ, крикнулъ на всю ярмонку зычнымъ голосомъ:

— Господа честные, покупатели дорогіе! Къ намъ въ лавку покорно просимъ, у насъ всякаго товару припасено вдоволь, есть атласы, канифасы, всякіе дамскіе припасы, чулки, платки, батисты!.. Продаемъ безъ обмѣру, безъ обвѣсу, безо всякаго обману. Сдачи не даемъ и сами мелкихъ денегъ не беремъ. Отпускаемъ товаръ за свою цѣну, за наличныя деньги, у кого денегъ нѣтъ, тому и въ долгъ можемъ повѣрить: заплатишь — спасибо, не заплатишь — Богъ съ тобой.

Навалила въ лавку чуть не цѣлая ярмонка. А князь за прилавкомъ аршиномъ работаетъ: пять аршинъ чего ни на есть отмѣряетъ да куска два-три почтенія сдѣлаетъ. Такимъ манеромъ часа черезъ три у Чуркина весь товаръ распродалъ, только наличной выручки оказалось число невеликое.

— Вотъ тебѣ, — сказалъ князь Алексѣй Юрьичъ Чуркину: — выручка, а остальной товаръ въ долгъ проданъ. Ищи, хлопочи, сбирай долги, это ужъ твоя забота, а мое дѣло сторона. Да ты у меня смотри, попадью съ однодворцемъ не забывай. Поѣдемъ теперь въ Заборье обѣдать; оно бы, по-настоящему, съ тебя могорычи-то слѣдовали, ну, да такъ и быть: пожалуй, ужъ я накормлю. Садись въ карету.

Замялся Чуркинъ, не лѣзетъ въ карету, стоитъ, дрожитъ, какъ зачумленный.

— Не бойсь, хозяинъ, садись, — говоритъ ему князь Алексѣй Юрьичъ. — Ты, чай, думаешь, драть тебя стану, не бойся: сказано, не стану пороть, значитъ, и не стану. Захотѣлъ бы плетью поучить — и здѣсь бы спину-то вздулъ. Садись же, хозяинъ!

Сѣлъ Чуркинъ съ княземъ въ карету, поѣхалъ въ Заборье обѣдать. А за обѣдомъ Чуркина на перво мѣсто посадили, и князь Алексѣй Юрьичъ самъ ему прислуживалъ: за стуломъ у него съ тарелкой стоялъ, *хозяиномъ* все время называлъ. «Я, говоритъ, у Трифона Егорыча въ услуженіи».

А пороть не поролъ. На прощанье еще жалованьемъ удостоилъ: отъ любимой борзой суки Прозерпинки кобелька да сучонку на племя подарилъ.

Съ той поры Чуркинъ на ярмонку ни ногой.

А кто съ княземъ Алексѣемъ Юрьичемъ смѣло да умно поступалъ, того любилъ. Разъ одинъ купчина прогнѣвалъ его: отобѣдавши въ Заборьѣ, не пожелалъ съ барскими барынями да съ деревенскими дѣвками въ саду повеселиться, спѣшнымъ дѣломъ отговаривался, полученіе-де предвидится отъ сибирскихъ купцовъ. Соснувши маленько послѣ обѣда, узналъ князь, что купчина его приказу сдѣлался ослушенъ: тихонько на ярмонку съѣхалъ.

— Ну, говоритъ, чортъ съ нимъ: была бы честь предложена, отъ убытка Богъ избавитъ. Пороть не стану, а до морды доберусь, — не пеняй.

И попадись онъ князю на другой день за балаганами, а тутъ песокъ сыпучій, за пескомъ озеро, дно ровное да покатое, отъ берега мелко, а на середкѣ дна не достанешь; зато ни ямъ ни уступовъ нѣтъ ни единаго. Завидѣвши купчину, князь остановился, пальцемъ манитъ его къ себѣ: — поди-ка, молъ, сюда. Купчина смекнулъ, зачѣмъ зоветъ, нейдетъ, да, стоя саженяхъ въ двадцати отъ князя, говоритъ ему:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, ты самъ ко мнѣ поди, а я не пойду для того, что ни зуботрещинъ твоихъ, ни кошекъ, ни плетей не желаю.

— Ахъ, ты, аршинникъ этакой! — закричалъ князь Алексѣй Юрьичъ, да къ нему.

А купчина парень не промахъ, задалъ къ озеру тягача, а песокъ тутъ сыпучій, ноги такъ и вязнутъ. Князь Алексѣй Юрьичъ вдогонку, распалился весь, запыхался, все бѣжитъ, сердце-то ужъ очень взяло его. Вязнутъ ноги у купчины, вязнутъ и у князя. Вотъ купчина догадался: оглянулся назадъ, видитъ, князь шагахъ во ста отъ него. «Эхъ, думаетъ, успѣю»: сѣлъ, сапоги долой, да босикомъ дальше пустился: бѣжать-то ему такъ вольготнѣе стало. Видитъ князь, купчина умно поступилъ, самъ сѣлъ, тоже сапоги долой, да босикомъ дальше. Купчина къ озеру, князь тоже. Забрелъ купчина по горло, а князь по грудь, остановился да перстикомъ купчину и манитъ.

— Подь, говоритъ, ко мнѣ, раздѣлаться съ тобой хочу.

А купчина въ отвѣтъ тоже пальцемъ манитъ да свое говоритъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, ты ко мнѣ подь, а ужъ я не пойду.

— Да вѣдь ты, подлецъ, утонешь?

— Тамъ ужъ, что̀ Богъ дастъ, а къ тебѣ не пойду.

Перекорялись-перекорялись, а другъ къ дружкѣ не пошли. Хоть время стояло и жаркое, а оба, стоя въ водѣ, продрогли.

— Ну, — говоритъ князь: — люблю молодца за обычай, ѣдемъ въ Заборье обѣдать, зло твое я забылъ.

— Врешь, ваше сіятельство, — говоритъ купчина: — обманешь, выпорешь.

— Пальцемъ не трону, — отвѣчалъ князь Алексѣй Юрьичъ: — ей-Богу, пальцемъ не трону.

— Обманешь, ваше сіятельство.

— Ей-Богу, не обману, право, не обману.

— А ну перекрестись!

И сталъ князь, стоя въ водѣ, креститься и всѣми святыми себя заклинать, что никакого дурна надъ купчиной не учинитъ. Далъ купчина вѣру, поѣхалъ въ Заборье.

Не то чтобы выдрать — пріятелемъ сдѣлалъ его, домъ каменный въ Москвѣ подарилъ. Бывало, что̀ есть — вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ. Двухъ дочерей замужъ повыдалъ; въ посажёныхъ отцахъ у нихъ былъ, сына вывелъ въ чины; послѣ въ Зимогорскѣ вице-губернаторомъ былъ, отъ соли да отъ вина страхъ какъ нажился...

— А вѣдь утопилъ бы ты меня, Кононъ Ѳаддеичъ, какъ бы я къ тебѣ тогда подошелъ? — скажетъ, бывало, князь.

— А какъ знать чего не знать, — отвѣчаетъ купчина: — что̀ бы Богъ указалъ, то бы я надъ тобой, ваше сіятельство, и сдѣлалъ.

И захохочутъ оба, да послѣ того и почнутъ цѣловаться.

И всегда и во всемъ такъ бывало: кто удалу̀ю штуку удеретъ, либо тыкнетъ князю прямо въ носъ, не боюсь-де тебя, того жаловалъ и въ чести держалъ. Да вотъ какой случай былъ.

Въ лѣтнюю пору послѣ обѣда садился, бывало, онъ въ кресла подремать маленько. Кресла ставили на балконѣ, заднія ножки въ комнатѣ, а переднія на балконѣ, такъ на порогѣ и дремлетъ. И тогда по всему Заборью и на Волгѣ на всѣхъ судахъ никто пикнуть не смѣй, не то на конюшню. Флагъ надъ домомъ особый выкидывали, знали бы всѣ, что князь Алексѣй Юрьичъ почивать изволитъ.

Дремлетъ онъ этакъ разъ, а барчонокъ изъ мелкопомѣстныхъ знакомцевъ, что̀ изъ милости на кухнѣ проживалъ, тихонько возлѣ дома пробирается. А въ нижнемъ жильѣ, подъ самымъ тѣмъ балкономъ, жили барышни-приживалки, вольныя дворянки, и деревни свои у нихъ были, да плохонькія, оттого въ Заборьѣ на княжескихъ харчахъ и проживали. Барчонокъ подъ о̀кна. Говорить не смѣетъ, а турусы на колесахъ ба-

рышнямъ подпустить охота, сталъ руками маячить, а самъ ни гугу. Барышнямъ невтерпежъ: похохотать охота, да гроза наверху, не смѣютъ. Машутъ барчонку платочками: уйди, дескать, пострѣлъ, до грѣха. А барчонокъ маячилъ-маячилъ, да какъ во все горло заголоситъ: «Не одна-то во полѣ дороженька». Заоралъ да и драла. Вершники, что̀ у крыльца стояли, его не запримѣтили, сами тоже вздремнули: часъ былъ полуденный. Такъ барчонокъ и скрылся.

Пробудился князь. Грозенъ и мраченъ, руки у него такъ и дергаетъ.

— Кто «Дороженьку» пѣлъ? — спрашиваетъ.

Побѣжали сломя голову во всѣ стороны. Ищутъ.

А барчонокъ себѣ на умѣ, семью собаками его не сыщешь. Улегся на сѣнникѣ, спитъ тоже будто. Кромѣ барышень никто его не примѣтилъ, а тѣ, извѣстное дѣло, не выдадутъ.

— Кто «Дороженьку» пѣлъ? — кричитъ князь Алексѣй Юрьичъ.

Бѣгаютъ холопи, не могутъ найти.

— Кто «Дороженьку» пѣлъ? — кричитъ князь. На крыльцо вышелъ, арапникъ въ рукѣ.

Не знаютъ, что̀ доложить, бѣгаютъ, рыщутъ, дознаться не могутъ.

— Кто «Дороженьку» пѣлъ? — на все село кричитъ князь Алексѣй Юрьичъ: — сейчасъ передо мною поставить, не то всѣхъ запорю!

Не могутъ найти. Рычитъ князь, словно медвѣдь на рогатинѣ. Ушелъ въ домъ, зеркала звенятъ, столы трещатъ.

Старшій дворецкій и холопи всѣ кланяться стали Васькѣ-пѣсеннику: «возьми на себя, виноватаго сыскать не можемъ».

Васька себѣ на умѣ, уперся. «Спина-то, говоритъ, моя, не ваша, да еще чего добраго, пожалуй, и въ прудъ угодишь». Не желаетъ.

Стали ему кучиться со слезами: «дворецкій, молъ, тебя выручитъ, а на всякій случай вотъ тебѣ десять рублевъ деньгами». А десять рублей въ старые годы деньги были большія.

Почесалъ въ затылкѣ пѣсенникъ: и спины жаль, и съ деньгами разстаться не охота. «Ну, говоритъ, такъ и быть, идемъ. Только смотри же, коль не изъ своихъ рукъ станетъ пороть, такъ вы, черти, полегче».

А тѣмъ временемъ князь распалился безъ мѣры.

— Всему холопству, кричитъ, по тысячѣ кошекъ, все шляхетство плетьми задеру. Да спросить у барышень, онѣ должны знать... Не скажутъ, юбки подыму, розгачами угощу!

Страхъ смертный. Пикнуть не смѣетъ никто, дышать боятся.

— Кошекъ! — зарычалъ. Зычный голосъ по Заборью раздался, и всяка жива душа затрепетала.

— Ведутъ, ведутъ, — кричатъ комнатные казачки, завидѣвъ дворецкаго, а за нимъ гайдуковъ: волочили они по землѣ по рукамъ по ногамъ связаннаго Ваську пѣсенника.

. Сѣлъ князь на софу судъ и расправу чинить. Подвели Ваську. Сами ни живы ни мертвы.

— Ты «Дороженьку» пѣлъ? — спросилъ у пѣсенника князь Алексѣй Юрьичъ.

— Виноватъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Васька-пѣсенникъ.

Замолкъ князь. Помолчалъ маленько и молвилъ:

— Славный голосъ у тебя... Десять рублей ему да кафтанъ съ позументомъ!

IV.

Именины.

А именины справлялъ князь на пятый день Покрова. Пиры бывали великіе; недѣли на двѣ либо на три все окружное шляхетство съѣзжалось въ Заборье, губернаторъ изъ Зимогорска, воеводы провинціальные, генералъ, что съ драгунскими полками въ Жулебинѣ стоялъ, много и другихъ чиновныхъ. Изъ Москвы наѣзжали, иной разъ изъ Питера. Всякому лестно было князя Алексѣя Юрьича съ днемъ ангела поздравить.

Каждому своя комната, кому побольше, кому поменьше: неслужащему шляхетству, смотря по роду, — чиновнымъ, глядя по чину. Губернатору флигель особый, драгунскому генералу съ воеводами другой, по прочимъ флигелямъ большіе господа: кому три горницы, кому двѣ, кому одна, а гдѣ по два, по три гостя въ одной, глядя, кто каковъ родомъ. А наѣзжее мелкопомѣстное шляхетство и приказныхъ по крестьянскимъ дворамъ разводили, а которыхъ въ застольную, въ ткацкую, въ столярную. Тамъ и спятъ въ повалку.

Съ вечера наканунѣ именинъ всенощну служатъ. Тутъ всѣмъ приказъ: у службы быть неотмѣнно. Князь самъ шестопсалміе читаетъ и синаксарь. Зналъ онъ церковный уставъ не хуже монастырскаго канонарха, къ службѣ Божіей былъ не лѣностенъ, къ дому Господню радѣніе имѣлъ большое. Сколько по церквамъ иконостасовъ надѣлалъ, сколько колоколовъ вылилъ, въ самомъ Заборьѣ три каменныя церкви соорудилъ.

Ужина не бывало, чтобъ грѣхомъ до утра не забражничаться, обѣдни не проспать бы. Подавали каждому ѣсть-пить въ своемъ мѣстѣ, а хмельнаго ставили число невеликое.

На другой день, послѣ обѣдни, всѣ, бывало, поздравлять пойдутъ. Сядетъ князь Алексѣй Юрьичъ во всемъ нарядѣ и въ кавалеріи на софѣ, въ большой гостиной, по правую руку губернаторъ, по лѣвую—княгиня Марѳа Петровна. Большіе господа, съ ангеломъ князя поздравивши, тоже въ гостиной разсядутся: по одну сторону мужчины, по другую — женскій полъ. А садились по чинамъ и по роду.

Піита съ виршами придетъ — нарочно такого для праздниковъ держали. Звали Семеномъ Титычемъ, былъ онъ изъ поповскаго роду, а стихотворному дѣлу на Москвѣ обучался. Въ первый же годъ, какъ пріѣхалъ князь Алексѣй Юрьичъ на житье въ Заборье, нанялъ его. Привезли его изъ Москвы вмѣстѣ съ карликомъ — тоже рѣдкостный былъ человѣкъ: ростомъ съ восьмигодового мальчишку, не больше. Жилъ піита на всемъ на готовомъ, особая горница ему была, а дѣло только въ томъ и состояло, чтобы къ каждому торжеству вирши написать и пастораль сдѣлать. И каждый разъ, передъ дѣломъ, недѣли на три его ради трезвости на голубятню; бывало, какъ только вытрезвятъ, такъ и пойдетъ онъ вирши писать да пастораль строить.

Придетъ Титычъ въ гостиную, тоже напудренный, въ шелковомъ кафтанѣ, почнетъ поздравительныя вирши сказывать. Гости слушаютъ молча. А когда отчитаетъ, подастъ тѣ вирши князю на бумагѣ, а князь ручку дастъ ему поцѣловать, денегъ пожалуетъ и велитъ напоить Титыча до положенія ризъ, только бы наблюдали, чтобы Богу душу не отдалъ, для того, что человѣкъ былъ нужный, а пилъ безъ разсужденія. Въ старые годы піитовъ было число невеликое, найти было ихъ трудновато, оттого и берегъ князь Титыча. Таковъ былъ приказъ: піиту беречь всякими мѣрами и ради потѣхи вреда ему не чинить.

Разъ одного знакомца изъ благороднаго шляхетства такъ взодралъ князь за Титыча, что небу стало жарко. Похрысневъ Иванъ Тихонычъ — было у него дворовъ тридцать своихъ крестьянъ, да разбѣжались, оттого и пошелъ на княжіе харчи — съ Титычемъ былъ пріятель закадычный: пили, гуляли сообща. Насмотрѣлся Иванъ Тихонычъ, каковы въ Заборьѣ забавы! И холопи и шляхетство такъ промежъ себя забавлялись: кого на медвѣдя насунуть, кому подошвы медомъ намажутъ да дадутъ козлу лизать; козелъ-отъ лижетъ, а человѣку щекотно, хохочетъ до тѣхъ поръ, какъ глаза подъ лобъ уйдутъ и дышать еле можетъ. Насмотрѣвшись такихъ потѣхъ, Иванъ Тихонычъ подмѣтилъ разъ друга своего во пьяномъ образѣ лежаща и сшутилъ съ нимъ шуточку. да и шутку-то небольно

обидную: ежа за пазуху ему посадилъ. Вскочилъ піита, заоралъ благимъ матомъ, спьяну да спросонокъ не можетъ понять, что̀ такое у него подъ рубахой возится да колетъ. Ровно угорѣлый на дворъ выбѣжалъ, «караулъ! рѣжутъ!» — кричитъ. На грѣхъ самъ князь тутъ случись; узнавъ причину, много смѣяться изволилъ, а Ивана Тихоныча выпоролъ и цѣлый день ежа за пазухой носить приказалъ. — «Ты, говоритъ, знай, съ кѣмъ шутить: Титычъ, говоритъ, тебѣ не пара: онъ человѣкъ ученый, а ты свинья». Вотъ какъ ученыхъ людей князь почиталъ.

А какъ въ день княжихъ именинъ Семенъ Титычъ изъ гостиной выйдетъ, неважные господа и знакомцы пойдутъ поздравлять, также и приказный народъ. Подходятъ по чинамъ, и всякому, бывало, князь Алексѣй Юрьичъ жалуетъ ручку свою цѣловать. Кто поцѣловалъ, тотъ на галлерею, а тамъ отъ водокъ да отъ закусокъ столы ломятся.

Чай станутъ подавать, но только большимъ господамъ. Въ стары-то годы чай бывалъ за диковину, и пить-то его умѣли только большого рангу господа; мелочь не знала, какъ и взяться... Давали иной разъ мелкомѣстному шляхетству аль приказнаго чина людямъ, ради потѣхи, позабавиться бы большимъ гостямъ, глядя, какъ тотъ съ непривычки глотку станетъ жечь да рожи корчитъ. Шутовъ, бывало, призовутъ, передразнивать барина-то прикажутъ, чай у него отнимать, кипяткомъ его ошпарить. Шуты съ бариномъ подерутся, обварятъ его, на полъ повалятъ да мукой обсыплютъ. А какъ назабавится князь, въ шею всѣхъ и велитъ вытолкать.

Пьютъ, бывало, чай въ гостиной: губернаторъ почнетъ вѣдомости сказывать, что̀ въ курантахъ вычиталъ, аль изъ Питера что̀ ему отписывали. Московскіе гости со своими вѣдомостями. Такъ и толкуютъ часъ-другой времени. Пріѣзжалъ частенько на именины генералъ-поручикъ Матвѣй Михайлычъ Ситкинъ, — родня князю-то былъ; при дворѣ больше находился, къ Разумовскому бывалъ вхожъ.

— Слышно, — говоритъ онъ однажды: — про тебя, князь Алексѣй, что матушка-государыня хочетъ тебя въ цесарскую землю къ венгерской королевѣ резидентомъ послать.

— И до меня такія вѣдомости, сіятельнѣйшій князь, доходили, — промолвилъ губернаторъ: — а когда Матвѣй Михайлычъ изъ самаго дворца матушки-государыни подлинныя вѣдомости привезъ, значитъ, онѣ вѣроятія достойны.

И стали всѣ поздравлять князя Алексѣя Юрьича. А у него лицо такъ и просіяло. Помолчалъ онъ и молвилъ:

— Не ѣду.

— Въ умѣ-ль ты, князь, али рехнулся? — ужаснулся даже генералъ-поручикъ, родня-то.

— Сказано — не поѣду, такъ значитъ и не поѣду, — молвилъ князь Алексѣй Юрьичъ. — Пускай меня матушка-государыня смертью казнитъ, пускай меня въ дальни сибирски города сошлетъ, а въ цесарскую землю я ни ногой.

А говорилъ онъ такъ ради того, что зналъ роденьку своего Матвѣя Михайлыча: любилъ генералъ краснымъ словцомъ рѣчь поукрасить, любилъ и похвастаться передъ людьми: я-де при государынѣ нахожусь, всѣ великія и тайныя дѣла до тонкости знаю.

— Да что ты, что ты? — сталъ онъ приставать къ князю. — Есть ли резонъ человѣку отъ фортуны отказываться?

Губернаторъ сталъ допытываться, драгунскій генералъ, воевода, изъ большихъ господъ два-три человѣка. Другіе не смѣли.

— Какъ же мнѣ возможно ѣхать въ цесарскую землю? — молвилъ наконецъ князь Алексѣй Юрьичъ. — Безъ меня лысый чортъ всѣхъ русаковъ здѣсь затравитъ, а объ красномъ звѣрѣ лѣтъ пять послѣ того и помину не будетъ.

А лысымъ чортомъ изволилъ звать Ивана Сергѣича Опарина. Баринъ былъ большой, по сосѣдству съ Заборьемъ вотчина у него въ двѣ тысячи душъ была, въ старые годы послѣ князя Алексѣя Юрьича по всей губерніи былъ первый человѣкъ.

— Не взыщи, князь Алексѣй, — подхватилъ Иванъ Сергѣичъ: — всѣхъ перетравлю. Ты тамъ у венгерской королевы резидируй, а я тебѣ мышенка не покину.

Смѣяться изволилъ князь. И всѣ большіе господа смѣялись, а въ другихъ комнатахъ и на галлереѣ знакомцы, шляхетство мелкопомѣстное и приказные тоже на тотъ смѣхъ хохотали, хоть къ чему тотъ смѣхъ — и не вѣдали.

— А ты лучше скажи-ка мнѣ, честный отче, подобаетъ ли намъ вотъ это китайское зелье пить? Грѣха тутъ нѣтъ ли? — спросилъ князь Алексѣй Юрьичъ.

А это онъ тому же Ивану Сергѣичу молвилъ. Звалъ его лысымъ чортомъ потому, что голова у него была на подобіе рыбьяго пузыря, а честнымъ отче потому, что въ старыхъ уставахъ Опаринъ былъ свѣдущъ. Хоть бороду и брилъ, а париковъ не надѣвалъ и табаку не курилъ, поставляя въ томъ грѣхъ великій. Всю жизнь пробылъ въ нѣтѣхъ *), пятидесяти лѣтъ недорослемъ писался, и хоть при Петрѣ Великомъ не разъ былъ за то батогами битъ нещадно, но обычай свой

*) *Нѣтями* назывались неявившіеся на службу дворяне.

спесъ — на службу въ Питерь не явился. Спервоначалу и нѣмецкаго платья надѣть на себя не хотѣлъ, да супруга обрядила. Былъ женатъ на богатой, супруга на ассамблеяхъ упражнялась, нраву была сварливаго, родня у ней знатная, потому мужу бить себя не соизволила; и онъ у нея изъ рукъ смотрѣлъ. Хоть черезъ великую силу, бородой и охабнемъ супружеской любви поступился. А родитель Ивана Сергѣича, въ прежни годы, съ князьями Мышецкими заодно былъ, у раскольщиковъ въ Выгорѣцкомъ скитѣ и жизнь скончалъ.

— Нѣтъ ли, — говоритъ ему князь Алексѣй Юрьичъ: — въ этомъ пойлѣ грѣха? Не опоганили-ль мы съ тобой, честный отче, душъ своихъ?

— А что-жъ въ чаю поганаго? — отвѣчаетъ Иванъ Сергѣичъ: — не табачище!.. Объ чаѣ и въ Соловецкой челобитной не обозначено, стало-быть, погани въ немъ нѣтъ никакой.

— А видишь ли, честный отче, вычелъ я въ одной французской книгѣ, что когда въ Хинской землѣ чай собираютъ, такъ языческіе тамошніе жрецы богомерзкое свое служеніе на поляхъ совершаютъ и водой идоложертвенной чай на корню кропятъ. А по уставу идоложертвенное употреблять не подобаетъ. Повѣдай же намъ, честный отче, опоганили мы свои души аль нѣтъ?

— А можетъ-статься, на тотъ чай, что мы у тебя пьемъ, богомерзкая-то вода и не попала? — молвилъ Иванъ Сергѣичъ, накрывая чашку. — Вотъ тебѣ и сказъ.

— Охъ, ты, отвѣтчикъ! — крикнулъ князь Алексѣй Юрьичъ, немножко прогнѣвавшись: — все-то у тебя отвѣты. Сказываютъ, что смолоду ты немало и раскольничьихъ отвѣтовъ Неофиту писалъ... Правда, что ли? — молвилъ князь, подмигнувъ губернатору. — Сколько, лысый чортъ, на твою долю поморскихъ отвѣтовъ пришлось написать? Сочти-ка да скажи намъ.

— Тебѣ бы, князь Алексѣй, цыплятъ по осени считать, а такого дѣла не ворошить. Не при тебѣ оно писано.

— Смотри, лысый чортъ, ты у меня молчи. Не то господина губернатора и владыку святого стану просить, чтобъ тебя съ раскольщиками въ двойной окладъ записали. Пощеголяешь ты у меня съ желтымъ козыремъ да со значкомъ на вороту.

Хоть и разгнѣвался маленько князь Алексѣй Юрьичъ, но Иванъ Сергѣичъ баринъ былъ большой, попросту съ нимъ раздѣлаться невозможно, самъ сдачи дастъ, у самого во дворѣ шестьсотъ человѣкъ, а кошки да плети не хуже заборскихъ.

На счастье, подъ самое то слово чихнулъ губернаторъ.

Встали и поклонъ отдали. Привсталъ и князь Алексѣй Юрьичъ. И всѣ въ одинъ голосъ сказали:

— Салфетъ вашей милости *)!

А губернаторъ кланяется да приговариваетъ:

— Красота вашей чести!

На ту пору дверь распахнулась, четыре лакея, каждый въ сажень ростомъ, закуску на подносахъ внесли и на столы поставили. Были тутъ сельди голландскія, сыръ нѣмецкій, икра яикская съ лимономъ, икра стерляжья съ перцемъ, балыкъ донской, колбасы заморскія, семга архангелогородская, ветчина вестфальская, сиги въ уксусѣ изъ Питера, грибы отварные, огурцы подновскіе, рыжики вятскіе, пироги подоваго дѣла, оладьи и пряженцы съ яйцами. А въ графинахъ водка золотая, водка анисовая, водка зорная, водка кардамонная, водка тминная, — а всѣ своего завода.

Закусываютъ часъ либо два, покамѣстъ всѣ графины не опорожнятъ, всѣ тарелки не очистятъ, тогда обѣдать пойдутъ.

А въ столовой, на одномъ концѣ княгиня Мареа Петровна съ барынями, на другомъ князь Алексѣй Юрьичъ съ большими гостями. Съ правой руки губернатору мѣсто, съ лѣвой — генералъ-поручику, за ними прочіе, по роду и по чинамъ. И всякъ свое мѣсто знай, выше старшаго не смѣй залѣзать, не то шутамъ велятъ стулъ изъ-подъ того выдернуть, аль прикажутъ лакеямъ кушаньемъ его обносить. Кто помельче, тѣ на галлереѣ ѣдятъ. Тамъ въ именины человѣкъ пятьсотъ либо шестьсотъ обѣдывало, а въ столовой человѣкъ восемьдесятъ либо сто — не больше.

Подлѣ князя Алексѣя Юрьича, съ одной стороны, двухгодовалаго ручного медвѣдя посадятъ, а съ другой — юродивый Спиря на полу съ чашкой сядетъ: босой, грязный, лохматый, въ одной рубахѣ; въ чашку ему всякаго кушанья князь набросаетъ, и перцу, и горчицы, и вина, и квасу, всего туда накладетъ, а Спиря ѣстъ съ прибаутками. Мишку тоже изъ своихъ рукъ князь кормилъ, а послѣ водкой, бывало, напоитъ его до того, что звѣрь и ходить не можетъ.

Въ столовой на серебрѣ подавали, а для князя, для княгини и для генеральства ставились золотые приборы. За каждымъ стуломъ по два лакея, по угламъ шуты, нѣмые, карлики и калмыки — всѣ подачекъ ждутъ и промежъ себя дерутся да ругаются.

---

*) При дворѣ говорили *салютъ (salut) вашей милости*, въ провинціи *салютъ* передѣлали въ *салфетъ*. Въ глухихъ городахъ салфетъ до сихъ поръ водится.

Уху, бывало, въ серебряной лохани подадутъ — стерляди такія, какія въ нонѣшнія годы и не ловятся: отъ глаза до пера два аршина и больше. Осетры — чудо морское. А тамъ еще задъ быка принесутъ, да ветчины окорока три-четыре, да барановъ штуки три, а куръ, индѣекъ, гусей, утокъ, рябковъ, куропатокъ, зайцевъ — всей этой мелкоты безъ счету. Всѣхъ кушаній перемѣнъ тридцать и больше, а послѣ каждой перемѣны чарки въ ходъ. Подавали вина ренскія, аликантское, эрмитажъ и разныя другія, а больше домашнія наливки и меда ставленные. Въ стары годы и такіе господа, какъ князь Алексѣй Юрьичъ, заморскихъ винъ кушали понемногу, пили больше водку да наливки домашнія и меды. Дорогія вина только въ праздники подавались, и то не всѣмъ: подавать такія вина на галлерею въ заведеніи не было. А шампанское вино да венгерское только и пивали въ именины...

Подъ конецъ обѣда, бывало, станутъ заздравную пить. Пили ее въ столовой шампанскимъ, въ галлереѣ — вишневымъ медомъ... Начнутъ князя съ ангеломъ поздравлять, «ура» ему закричатъ, пѣвчіе «многая лѣта» запоютъ, музыка грянетъ, трубы затрубятъ, на угорѣ изъ пушекъ палить зачнутъ, шуты вкругъ князя кувыркаются, карлики пищатъ, нѣмые мычатъ по-своему, большіе господа за столомъ пойдутъ на счастье имениннику посуду бить, а медвѣдь реветъ, на заднія лапы поднявшись.

Встанутъ изъ-за стола, княгиня съ барынями на свою половину пойдетъ, князь Алексѣй Юрьичъ съ большими господами въ гостиную. Сядутъ. Оглядится князь, всѣ ли гости усѣлись, лишнихъ нѣтъ ли, помолчитъ маленько да, глядя на старшаго дворецкаго, вполголоса промолвитъ ему: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь».

Дворецкій парень былъ наметанный, каждый взглядъ князя понималъ. Тотчасъ, бывало, смекнетъ, въ чемъ дѣло. Было у князя въ подвалѣ старое венгерское — вино дорогое, страхъ какое дорогое! Когда еще князь Алексѣй Юрьичъ при государынѣ въ Питерѣ проживалъ, водилъ онъ дружбу съ цесарскимъ резидентомъ, и тотъ цесарскій резидентъ изъ своего королевства бочекъ съ пять того вина ему по дружбѣ вывезъ. Пахло ржанымъ хлѣбомъ, оттого князь и звалъ его хлѣбомъ насущнымъ. А подавали то вино изрѣдка.

Принесутъ гайдуки стопки серебряныя, старшій дворецкій разольетъ хлѣбъ насущный. Возьметъ князь Алексѣй Юрьичъ стопку, привстанетъ, къ губернатору обернется: «будьте здоровы», — скажетъ и хлебнетъ хлѣба насущнаго. Потомъ опять привстанетъ, генералъ-поручика тѣмъ же манеромъ поздрав-

ствуетъ и опять хлебнетъ хлѣба насущнаго. И прочихъ также, все по роду и по чину. А кого князь здравствуетъ, тому и прочіе и привставая кланяются и хлѣба насущнаго прихлебываютъ. А пѣвчіе поютъ многолѣтіе, въ галлереѣ «ура» кричатъ, на угорѣ изъ пушекъ палятъ, трубы, рога, музыка. И питаются, бывало, хлѣбомъ насущнымъ, когда часъ времени, когда и больше.

— Ну, — скажетъ, вставая, князь Алексѣй Юрьичъ: — Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто видѣлъ, тотъ не обидѣлъ. Не пора-ль, господа, къ Храповицкому? И птицѣ вольной и звѣрю лѣсному, не токмо человѣку разумному, присудилъ Господь отдыхать въ часъ полуденный.

И пойдутъ по своимъ мѣстамъ, а князю Алексѣю Юрьичу на балконѣ кресло ужъ поставлено. И станетъ по Заборью тишина. Только храпъ слышно... отдыхаютъ...

Соснувъ маленько, зачнутъ къ вечернему балу снаряжаться, и весь домъ станетъ вверхъ дномъ. Господа, барыни и барышни сидятъ въ пудраматахъ, дѣвушки да камердинеры такъ и снуютъ: кто съ робой, кто съ утюгомъ, кто съ фижмами, кто съ камзоломъ глазетовымъ. Въ одномъ мѣстѣ пряжки къ башмакамъ прилаживаютъ, въ другомъ барышню двѣ дѣвки что̀ есть мочи стягиваютъ, въ третьемъ барыни мушки на лицо себѣ лѣпятъ... Къ семи часамъ всѣ готовы и соберутся въ домъ. А тамъ ужъ восковыхъ свѣчей зажжены тысячи, передъ домомъ и въ саду плошки, по горѣ смоляныя бочки горятъ, а за Волгой, на томъ берегу, костры разложены.

Выйдетъ князь Алексѣй Юрьичъ съ княгиней Марѳой Петровной во всемъ парадѣ, и грянетъ музыка. Полонезъ заиграютъ: губернаторъ, въ зеленомъ кафтанѣ на красномъ стамедѣ, въ аломъ камзолѣ, въ большомъ парикѣ, съ кавалеріей черезъ плечо, къ княгинѣ подлетитъ, реверансы другъ другу сдѣлаютъ и пойдутъ. Послѣ того другіе господа, кто барыню, кто барышню поднимутъ и пойдутъ водить полонезъ по заламъ и галлереямъ, и водятъ немалое время. А барынь поднимаютъ и въ полонезъ водятъ также по роду и по чинамъ. Находившись досыта, въ боковую галлерею пойдутъ «пастораль» смотрѣть. Тамъ подмостки съ декораціей сдѣланы, и какъ гости войдутъ, музыканты итальянскія кантаты играть зачнутъ, и играютъ, покамѣстъ гости по мѣстамъ разсядутся.

Тутъ занавѣска на подмосткахъ поднимется, сбоку выйдетъ Дуняшка, ткача Егора дочь, красавица была первая по Заборью. Волосы наверхъ подобраны, напудрены, цвѣтами изукрашены, на щекахъ мушки налѣплены, сама въ помпадурѣ на фижмахъ, въ рукѣ посохъ пастушечій съ алыми

и голубыми лентами. Станетъ князя виршами поздравлять, а писалъ тѣ вирши Семенъ Титычъ. И когда Дуня отчитаетъ, Параша подойдетъ, псаря Данилы дочь. Эта пастушкомъ наряжена: въ пудрѣ, въ штанахъ и въ камзолѣ. И станутъ Параша съ Дунькой виршами про любовь да про овечекъ разговаривать, сядутъ рядкомъ и обнимутся... Недѣли по четыре дѣвокъ, бывало, тѣмъ виршамъ съ голосу Семенъ Титычъ училъ — были неграмотны. Долго, бывало, маются, сердечныя, да какъ разъ пятокъ ихъ для понятія выдерутъ, выучатъ твердо.

Андрюшку-поваренка сверху на веревкахъ спутятъ. Мальчишка былъ бойкій и проворный, — грамотѣ самоучкой обучился. Бога Феба онъ представлялъ, въ аломъ кафтанѣ, въ голубыхъ штанахъ съ золотыми блестками. Въ рукѣ доска прорѣзная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вкругъ головы у Андрюшки золочены проволоки натыканы, въ родѣ сіянія. Съ Андрюшкой девять дѣвокъ на веревкахъ, бывало, спустятъ: напудрены всѣ, въ бѣлыхъ робронахъ, у каждой въ рукахъ нужная вещь, у одной скрипка, у другой святочная харя, у третьей зрительна трубка. Подъ музыку стихи пропоютъ, князю вѣнокъ подадутъ, а плели тотъ вѣнокъ въ оранжереѣ изъ лавроваго дерева.

И такой пасторалью всѣ утѣшены бывали. Велитъ иной разъ князь Алексѣй Юрьичъ позвать къ себѣ Семена Титыча, чтобъ изъ своихъ княжихъ рукъ подарокъ ему пожаловать, но никогда его привести было невозможно, каждый разъ не годился и въ своей горницѣ за замкомъ на привязи сидѣлъ. Неспокоенъ, царство ему небесное, во хмелю бывалъ.

Опять полонезъ заиграютъ, господа въ большую залу пойдутъ. Тутъ Матвѣя Михайлыча — генералъ-поручика — маршаломъ сдѣлаютъ, княгиня Марѳа Петровна букетъ цвѣтовъ пожаловать ему изволитъ. Приколетъ онъ тѣ цвѣты къ кафтану и зачнетъ танцами распоряжаться. Сперва менуэтъ танцуютъ, кланяются, реверансы дѣлаютъ, къ сердцу руки прижимаютъ, на разлетъ ими отмахиваютъ, а барышни присѣдаютъ, на сторонку перегибаются и вѣеръ тихонько поднимаютъ. Послѣ менуэта манимаску начнутъ, а тамъ матрадуръ, гавотъ и другіе танцы. Чуть не до полночи, бывало, промаются.

Вперемежку танцевъ подавали воду брусничную, грушевку, сливянку, квасъ яблочный, квасъ малиновый, питье миндальное. Заѣдки всякія, бывало, разносили: конфеты, марципаны, цукаты, сахары зеренчатые, варенье инбирное индѣйскаго дѣла; изъ овощей—виноградъ, яблоки да разныя овощи полосами: полоса дынная, полоса арбузная да ананасная по-

лоса невеликая. Дынную да арбузную всѣмъ подаютъ, ананасную не всякому, потому что вещь рѣдкостная, не всякому гостю по губамъ придется.

А въ другихъ комнатахъ столы разставлены, на нихъ въ фаро да въ квинтичъ играютъ; червонцы изъ рукъ въ руки такъ и переходятъ, а выигрываетъ, бывало, завсегда больше всѣхъ губернаторъ. Другіе кости мечутъ, въ шахматы играютъ — кому что̀ больше съ руки. А межъ игрой пунши да взварцы пьютъ, а лакеи то и дѣло водку да закуски разносятъ.

Вечерній столъ бывалъ не великій: кушаньевъ десять либо двадцать — не больше, зато напитковъ вдоволь. Пьютъ, другъ отъ дружки не отставая, кто откажется, тому князь прикажетъ вино на голову лить. А какъ послѣ ужина барыни да барышни за княгиней уйдутъ, а потомъ и изъ господъ кто чиномъ помельче аль годами помоложе по своимъ мѣстамъ разойдутся, отправится князь Алексѣй Юрьичъ въ павильонъ и съ собой гостей человѣкъ пятнадцать возьметъ. И пойдетъ тамъ кутежъ на всю ночь до утра. Только-что войдутъ туда князь Алексѣй Юрьичъ, и кафтанъ и камзолъ долой, гости тоже. Спервоначалу кипрскимъ виномъ серебряную дѣдовскую яндову нальютъ, «чарочку» запоютъ и пустятъ яндову въ круговую. Не то попарно, какъ гребцы въ лодкѣ, на полъ усядутся, «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» затянутъ и орутъ себѣ что̀ есть мочи. А запѣвалой самъ князь Алексѣй Юрьичъ.

— Нѣтъ, скучно такъ, ребята, — скажетъ, бывало: — богинь, богинь сюда съ Парнаса!

И влетятъ богини: Дуняша, Параша, Настенька, Машенька, Грушенька, девять сестеръ, что̀ въ пасторали были, да еще сколько нужно на придачу по числу гостей. Всѣ разряжены: которая въ пудрѣ и робронѣ, ровно барышня, которая въ сарафанѣ, а больше такъ, какъ въ павильонахъ на стѣнахъ писано.

Красавицы-то были какія! Хоть бы Дуню взять. Бѣленькая, крѣпонькая, черные глазенки въ душу такъ и смотрятъ. Пойдетъ плясать: старикъ растаетъ, на нее глядя! Бубенъ въ руку; вверхъ его надъ головой вскинетъ, обведетъ всѣхъ глазами, топнетъ ножкой да вольной птичкой такъ и запорхаетъ, а сама вся, какъ змѣйка, изгибается, отъ сердечной истомы щеки пышутъ, глазки горятъ, а ротикъ раскрытъ у голубушки... Настенька опять — дѣвочка славная, кровь съ молокомъ, голосокъ соловьиный. Войдетъ, въ сарафанѣ алаго бархату, въ кружевныхъ рукавахъ, на головѣ золотая повязка, коса у Настеньки по колѣна, — на кого ни взглянетъ, рублемъ подаритъ, слово кому скажетъ, мурашки у того по всему тѣлу

забѣгаютъ... Или Груша опять!.. Машенька!.. На подборъ были собраны красавицы, а выбирались изъ цѣлой вотчины. Все-то состарѣлось, а состарѣвшись примерло!..

Заря въ небѣ зарумянится, а въ павильонѣ пѣсни, плясъ да попойка. Воевода, Матвѣй Михайлычъ, драгунскій, Иванъ Сергѣичъ, губернаторъ и другіе большіе господа, — кто пляшетъ, кто поетъ, кто чару пьетъ, кто съ богиней въ уголку сидитъ... Самъ князь Алексѣй Юрьичъ напослѣдокъ съ Дуняшей казачка пойдетъ.

— Эй, вы, римляне!..—крикнетъ подъ конецъ.— Похищай сабинянокъ, собаки!

И схватитъ каждый гость по дѣвочкѣ: кто посильнѣй, тотъ на плечо красоточку взвалитъ, а кто въ охапку ее... А князь Алексѣй Юрьичъ станетъ средь комнаты, да ту, что̀ приглянулась, перстикомъ къ себѣ и поманитъ... И разойдутся.

Тѣмъ именины и кончатся.

V.

Въ монастырѣ.

Охоту больше на краснаго звѣря князь Заборовскій любилъ. Обложили медвѣдя, — готовъ на край свѣта скакать. Лѣса были большіе, лѣсничихъ въ поминѣ еще не было, оттого не бывало и порубокъ; въ лѣсной гущинѣ всякаго звѣря много водилось. Рѣдкую зиму двухъ десятковъ медвѣдей не поднимали.

Только станетъ зима, человѣкъ сорокъ пошлютъ берлоги искать. Опричь того мужики по всей окружности знали, какое жалованье за медвѣдя князь Алексѣй Юрьичъ даетъ, оттого, бывало, каждый, кто про медвѣдя ни провѣдаетъ, вѣсти приноситъ къ нему. А сохрани, бывало, Господи, ежели кто безъ него осмѣлится медвѣдя поднять! Не родись на свѣтъ тотъ человѣкъ!..

Самъ любилъ мишку повалить. Таковъ приказъ у него былъ: «бей медвѣдя, коли драть тебя станетъ аль подъ себя подберетъ, — до тѣхъ поръ тронуть его не моги».

Изъ ружья рѣдко бивалъ, не жаловалъ князь ружейной охоты, больше все съ ножомъ да съ рогатиной. — «Надобно-жъ, говоритъ, бывало, Михайлѣ Иванычу, господину Топтыгину, передъ смертнымъ часомъ дать позабавиться; что̀ толку пулей его свалить, изъ ружья бей сороку, бей ворону, а съ Мишенькой весело силкой помѣряться!»

Сорокового билъ изъ ружья. Сороковой медвѣдь — дѣло не простое, рѣдкому счастливо сходитъ онъ съ рукъ — любитъ сороковой безъ костяной шапки оставить.

А всего медвѣдей сто, коль не больше, повалилъ князь Алексѣй Юрьичъ въ приволжскихъ краяхъ, и все ножомъ да рогатиной. Не разъ и Мишка топталъ его. Разъ бедро чуть не выѣлъ совсѣмъ, въ другой, подобравъ подъ себя, такъ зачалъ ломать, что князь закричалъ неблагимъ матомъ, и какъ медвѣдя порѣшили, такъ князя чуть живого подняли и до саней на шубѣ несли. Шесть недѣль хворалъ, думали, жизнь покончитъ, но Богъ помиловалъ.

Берлогу отыщутъ, звѣря обложатъ. Станетъ князь противъ выхода. Правая рука ремнемъ окручена, ножикъ въ ней, въ лѣвой — рогатина. Въ сторонѣ станутъ охотники, кто съ ружьемъ, кто съ рогатиной. Поднимутъ Мишку, полѣзетъ косматый старецъ изъ затвора, а снѣгъ-отъ у него надъ головой такъ столбомъ и летитъ.

И приметъ князь лѣсного барина по-холопски, рогатиной припретъ его, куда слѣдуетъ, покрѣпче. Тотъ разозлится да на него, а князь сунетъ ему руку въ раскрытую пасть да тамъ ножомъ и пойдетъ работать. Тутъ-то вотъ любо, бывало, посмотрѣть на князя Алексѣя Юрьича — богатырь, прямой богатырь!..

А по осени, какъ въ отъѣзжее поле соберутся, недѣль по шести, бывало, полюютъ, провинціи по двѣ объѣзжали. Выѣдетъ князь Алексѣй Юрьичъ, какъ солнце пресвѣтлое: четыреста при немъ псарей съ борзыми, ста полтора съ гончими, знакомцевъ да мелкопомѣстныхъ человѣкъ восемьдесятъ, а большіе господа — тѣ со своими охотами. Одинъ Иванъ Сергѣичъ Опаринъ пріѣдетъ, бывало, такъ своръ восемьдесятъ съ собой приведетъ... Народу видимо-невидимо. Двинутся. въ рога тотчасъ, и такой трубный гласъ пойдетъ, что просто ума помраченье. А за охотой на подводахъ припасы везутъ, повара тамъ, конюхи, шуты, дѣвки, музыканты, арапы, калмыки и другой народъ всякаго званія!

Дадутъ поле — тотчасъ на привалъ. А у каждаго человѣка фляжка съ водкой черезъ плечо, потому къ привалу-то всѣ маленько и наготовѣ. Разложатъ на полѣ костры, пойдетъ стряпня рукава стряхня, а средь поля шатеръ раскинутъ, возлѣ шатра боченокъ съ водкой, ведеръ въ десять.

— Съ полемъ! — крикнетъ князь Алексѣй Юрьичъ, сядетъ верхомъ на боченокъ, нацѣдитъ ковшъ, выпьетъ, сколько душа возьметъ, да изъ того-жъ ковша и другихъ почнетъ угощать, а самъ все на боченкѣ верхомъ.

— Съ полемъ, честной отче! — крикнетъ Ивану Сергѣичу. Подойдетъ Иванъ Сергѣичъ, князь ему ковшикъ подастъ.

— Будь здоровъ, князь Алексѣй, съ чады, съ домочадцы

и со всѣми твоими псами борзыми и гончими, — молвить Иванъ Сергѣичъ и выпьетъ.

— Цѣлуй меня, лысый чортъ.

И цѣлуются. А князь все на боченкѣ верхомъ. По одному каждаго барина къ себѣ подзываетъ, съ полемъ поздравляетъ, изъ ковша водкой поитъ и съ каждымъ цѣлуется. Послѣ большихъ господъ, мелкопомѣстное шляхетство подзываетъ, потомъ знакомцевъ, что̀ у него на харчахъ проживали.

А для подлаго народу въ сторонкѣ сорокоуша готова. Народу немало, а винцо всякому противно, какъ нищему гривна: по маломъ времени бочку опростаютъ.

Ковры на полянѣ разстелютъ, господа обѣдать на нихъ усядутся, князь Алексѣй Юрьичъ въ середкѣ. Сначала о полѣ рѣчь ведутъ, каждый собакой своей похваляется, объ лошадяхъ спорятъ, про прежніе случаи разсказываютъ. Одинъ хорошо сморозитъ, другой лучше того, а какъ князь начнетъ, такъ всѣхъ за поясъ заткнетъ... Иначе и быть нельзя; испоконъ вѣку заведено, что самый праведный человѣкъ на охотѣ что̀ ни скажетъ, то совретъ.

— Нѣтъ, — молвилъ князь Алексѣй Юрьичъ: — вотъ у меня лошадь была, такъ ужъ конь. Аргамакъ персидскій, настоящій персидскій. Кабинетъ-министръ Волынскій, когда еще въ Астрахани губернаторомъ былъ, въ презентъ мнѣ прислалъ. Видѣлъ ты у меня его, честный отче?

— А какой же это аргамакъ? Что-то не помню я у тебя, князь Алексѣй, такого.

— Э! нашелъ я спросить кого, точно не знаю, что ты до сѣдыхъ волосъ въ недоросляхъ состоишь и Питера, какъ чортъ ладану, боишься... Такъ вотъ аргамакъ былъ. Каковы были кони у герцога курляндскаго, и у того такого аргамака не бывало. Приставалъ не одинъ разъ курляндчикъ ко мнѣ, подари да подари ему аргамака, а не то бери за него, сколько хочешь.

— Что̀ же, продали, князь? — спросилъ Суматевъ, Сергѣй Осипычъ, тоже баринъ большой.

— Эхъ, ты, голова съ мозгомъ! Барышникъ, что ли, я конскій, аль цыганъ какой, что стану лошадьми торговать? Въ курляндскомъ герцогствѣ тридцать четыре мызы за аргамака мнѣ владѣющій герцогъ давалъ, да я и то не уступилъ. А когда регентомъ сталъ, фельдмаршаломъ хотѣлъ меня за аргамака того сдѣлать, — я не отдалъ.

— Ну ужъ и фельдмаршаломъ! — усмѣхнулся Иванъ Сергѣичъ.

— Да ты молчи, лысый чортъ, коли тебя не спрашиваютъ.

Знаешь, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія, потому и молчи... Просидѣлъ вѣкъ свой въ деревнѣ, какъ тараканъ за печью, такъ все тебѣ въ диковину... Что за невидаль такая фельдмаршалъ?.. Не Богъ знаетъ что!.. Захотѣлъ бы фельдмаршаломъ быть, двадцать бы разъ былъ. Не хочу да и все.

— Полно-ка ты, князь Алексѣй. Ну что городишь? Слушать даже тошно... Ну какъ бы ты сталъ полки-то водить, когда ни въ единой баталіи не былъ?

— Ври да не завирайся, честный отче! — крикнетъ на то князь Алексѣй Юрьичъ. — Какъ я въ баталіяхъ не бывалъ?.. А Очаковъ-отъ кто взялъ? А при Гданскѣ кто викторію получилъ?.. Небось, Минихъ, по-твоему? Какъ же!.. Взять бы ему безъ меня двѣ коклюшки съ половиной!.. Принялъ только на себя, потому что хитеръ нѣмецъ, вездѣ умѣетъ пролѣзть... А я человѣкъ простой, вязаться съ нимъ не захотѣлъ. Ну, думаю себѣ, Богъ съ тобой, обидѣлъ ты меня, да вѣдь Господь терпѣлъ и намъ повелѣлъ... И отлились же волку овечьи слезки! теперь проклятый нѣмецъ въ Пелымѣ съ ледяными сосульками воюетъ, а мы вотъ гуляемъ да краснаго звѣря травимъ!.. Да!

И подвернись на грѣхъ Постромкинъ, Петръ Филипычъ, изъ мелкопомѣстныхъ. Служилъ въ полкахъ, за ранами уволенъ отъ службы. Вступись онъ за Миниха — подъ командой у него прежде служилъ.

Какъ вскочитъ князь Алексѣй Юрьичъ, пѣна у рта.

— Ахъ, ты, шельмецъ! — закричалъ. — Смѣешь ротъ поганый распускать... Эй, вы!.. Вздуть его!

Выпилъ ли черезчуръ Петръ Филипычъ, азартъ ли такой нашелъ на него, только какъ кинется онъ на князя, цапъ за горло, подъ себя, да и ну валять на обѣ корки.

— Смѣешь ты, говоритъ, честнаго офицера шельмецомъ обзывать!.. Похвальбишка ты поскудный!.. Да я самъ, говоритъ, тебя вздую.

И вздулъ.

А князь:

— Полно, полно, Петръ Филипычъ... Больно вѣдь!.. Перестань... Лучше выпьемъ!.. Я вѣдь пошутилъ, ей-Богу пошутилъ.

И съ той поры пріятели сдѣлались. Водой не разольешь.

Наѣдутъ, бывало, на вотчину Петра Алексѣича Муранскаго. Баринъ богатый, домъ полная чаша, но былъ человѣкъ невеселый, въ болѣзни да въ немощахъ все находился. А съ молоду «скосыремъ» слылъ и, живучи въ Питерѣ, на ассамблеяхъ и банкетахъ такъ шпынялъ *) большихъ господъ, ба-

*) Шпынять — подсмѣиваться, острить.

рынь и барышень, что всѣ рѣчей его пуще огня и чумы боялись. Съ Минихомъ подъ туркой былъ, подъ Очаковымъ его искалѣчили, негоденъ на службу сталъ и отпросился на покой. Пріѣхалъ въ деревню и ровно переродился. Былъ одинокъ, думали — женится, а онъ въ святость пустился: духовныя книги зачалъ читать, и хоть не монахъ, а жизнь не хуже чернорizца повелъ. Много добра творилъ, бѣднымъ при жизни его хорошо было: только все это узналось лишь послѣ кончины его, для того, что милостыню творилъ тайную. И такой былъ мудреный человѣкъ, что всѣмъ на удивленье! Была псарня, на охоту не ѣздилъ; были музыканты, при немъ не играли; ни пировъ ни банкетовъ не дѣлалъ; самъ никуда, кромѣ церкви, ни ногой и холопямъ никакого удовольствія не дѣлалъ, не поилъ ихъ, не бражничалъ съ ними... И что же? И господа и холопи какъ отца родного любили его. Недаромъ князь Алексѣй Юрьичъ «чудотворцемъ» его называлъ. А другіе колдуномъ считали Муранскаго.

Къ нему, бывало, охотой двинутся. Таборъ-отъ въ полѣ останется, а князь Алексѣй Юрьичъ съ большими господами, съ шляхетствомъ, съ знакомцами, къ Петру Алексѣичу въ Махалиху, а всего поѣдетъ человѣкъ двадцать, не больше. Петръ Алексѣичъ приметъ гостей благодушно, выйдетъ изъ дому на костыляхъ и сядетъ съ княземъ рядышкомъ на крылечкѣ. Другіе отдаль — и ни гугу.

— Ну, чудотворецъ, — скажетъ, бывало, князь Алексѣй Юрьичъ:—мы къ тебѣ заѣхали потрапезовать: припасы свои, нынче вѣдь пятница, опричь луку да квасу у тебя, чай, нѣтъ ничего. Благослови на мясное ястіе и хмельное питіе!.. Эй, ты, честный отче! . Лысый чортъ!.. Куда запропастился?

А Иванъ Сергѣичъ чиннымъ шагомъ выступаетъ съ задворка, ровно утка съ боку на бокъ переваливается. Маленькій былъ такой да пузатенькій.

— Здравствуйте, говоритъ, государь мой, Петръ Алексѣичъ. Какъ васъ Господь Богъ милуетъ? Что̀ ты, князь Алексѣй, меня кликалъ? Аль заврался въ чемъ-нибудь, такъ на выручку я тебѣ понадобился?

— Я-те заврусь!.. У меня, лысый чортъ, ухо востро̀ держи. Проси-ка вотъ лучше у чудотворца на тра̀пезу благословенья... Эхъ! да вѣдь у меня изъ памяти вонъ, что ты, честный отче, раскола держишься — самъ сегодня ради пятницы, поди, на сухаряхъ пробудешь? Нельзя скоромятины — выгорецкіе отцы не благословили.

И пойдутъ перекоряться, а Петръ Алексѣичъ молчитъ, только ухмыляется.

— Пошпыняй ты его хорошенько, пошпыняй лысаго-то чорта, — скажетъ князь Алексѣй Юрьичъ: — вспомни старину, чудотворецъ!.. Помнишь, какъ, бывало, на банкетахъ у графа Вратиславскаго всѣхъ шпынялъ.

— Полно-ка, миленькій князь, — отвѣтитъ Петръ Алексѣичъ. — Мало-ль чего бывало? Чтò было, голубчикъ, то былью поросло. А обѣдъ вамъ готовъ; ждалъ вѣдь я гостей-то... Еще третьяго-дня пали слухи, что ты съ собаками ко мнѣ въ Махалиху ѣдешь. Милости просимъ.

— Ну, вотъ за это спасибо, чудотворецъ. Погреба-то вели отпереть, не то вѣдь — народъ у меня озорной, разбойникъ на разбойникѣ. Неровенъ часъ: самъ двери вонъ — да безъ угощенья, чтò ни есть въ погребу, и выхлебаютъ. Не вводи бѣдныхъ во грѣхъ — отдай ключи.

— Охъ, проказникъ, проказникъ, миленькій мой князинька! — съ усмѣшкой промолвитъ Петръ Алексѣичъ. — Чтò съ тобой дѣлать!.. Пахомычъ!

Подойдетъ ключникъ Пахомычъ.

— Отдай княжимъ людямъ ключи отъ втораго, что ли, погреба. Пускай утѣшаются. Да молви дворецкому: гости, молъ, ѣсть хотятъ.

Изъ табора нагрянутъ и выпьютъ весь погребъ. А въ погребѣ сорокоуша пѣннаго да ренское, наливки да меды. А погребовъ у Муранскаго было съ десятокъ.

Посередь Заборья, въ глубокомъ, поросшемъ широколистнымъ лопушникомъ, оврагѣ течетъ въ Волгу рѣчка Вишенка. Лѣтомъ воды въ ней немного, а весной, когда въ верхотинахъ мельничные пруды спустятъ, бурлитъ та рѣчонка не хуже горнаго потока, а если отъ осенняго пàводка сорветъ плотины на мельницахъ, тогда ни одного моста на ней не удержится, и на день или на два нѣтъ черезъ нее ни перехода ни переѣзда.

Разъ, напировавшись у Муранскаго, взявши послѣ того еще поля два либо три, князь Алексѣй Юрьичъ домой возвращался. Гонца напередъ послалъ, было-бъ въ Заборьѣ къ ночи сготовлено все для пріема большихъ господъ, мелкаго шляхетства и знакомцевъ, было-бъ чѣмъ накормить, напоить и гдѣ спать положить псарей, доѣзжачихъ, охотниковъ.

Вѣтеръ такъ и рветъ, косой холодный дождикъ такъ и хлещетъ, тьма — зги не видно. Подъѣзжаютъ къ Вишенкѣ — плотины сорваны, мосты снесены, нѣтъ пути ни конному ни пѣшему. А за рѣчкой, на угорѣ, привѣтнымъ свѣтомъ блещутъ окна дворца Заборскаго, а налѣво, надъ полемъ, зарево

стоитъ отъ разложенныхъ костровъ. Вкругъ тѣхъ костровъ псарямъ, доѣзжачимъ, охотникамъ пировать сготовлено.

Подъѣзжаетъ стремянный, докладываетъ: — «нѣтъ переѣзду!..»

— Броду! — крикнулъ князь.

Стали броду искать — трое потонуло. Докладываютъ...

— Броду!.. — крикнулъ князь зычнымъ голосомъ. — Не то всѣхъ перепорю до единаго! — И всѣ присмирѣли. лишь вой вѣтра да шумъ разъяреннаго потока слышны были.

Еще двоихъ водой снесло, а броду нѣтъ.

— Бабы!.. — кричитъ князь. — Такъ я же вамъ самъ бродъ сыщу!

И поскакалъ къ Вишенкѣ. Нагоняетъ его Опаринъ, Иванъ Сергѣичъ, говоритъ:

— Ты богатырь. то всѣмъ извѣстно... Ты перескочишь. за тобой и другіе... Кто не потонетъ, тотъ переѣдетъ... А собаки-то какъ же? Надо вѣдь всѣхъ погубить. Хоть Пальму свою пожалѣй.

А Пальма была любимая сука князя Алексѣя Юрьича — подаренье пріятеля его, Дмитрія Петровича Палецкаго.

— Правду сказалъ, лысый чортъ, — молвилъ князь, остановивъ коня. — Что-жъ молчалъ?.. Пятеро вѣдь потонуло!.. На твоей душѣ грѣхъ, а я тутъ не при чемъ.

Поворотилъ коня. стегнулъ его изо всей мочи и крикнулъ:

— Въ монастырь!..

А монастырь рядомъ. на угорѣ. Былъ тотъ монастырь строенье князей Заборовскихъ. тутъ они и хоронились; князь Алексѣй Юрьичъ въ немъ ктиторомъ былъ, безъ воли его архимандритъ пальцемъ двинуть не могъ. Богатый былъ монастырь: отъ ярмонки большіе доходы имѣлъ, отъ ктитора много денегъ и всякаго добра получалъ. Церкви старинныя, каменныя, большія, иконостасы золоченой рѣзьбы, иконы въ серебряныхъ окладахъ съ драгоцѣнными камнями и жемчугами, колокольня высокая. колоколовъ десятковъ до трехъ, большой — въ двѣ тысячи пудъ, ризъ парчевыхъ глазетовыхъ, бархатныхъ. дородоровыхъ множество, погреба полнехоньки винами и запасами, конюшни — конями доброѣзжими, скотный дворъ — коровами холмогорскими, птичный — курами. гусями, утками, цесарками.

А порядокъ въ монастырѣ не столько архимандритъ, сколько князь держалъ. Чуть кто изъ братіи задуритъ, ктиторъ его на конюшню. Чиновъ не разбиралъ: будь послушникъ. будь рясофоръ. будь соборный старецъ — всякъ ложись. всякъ по дѣломъ принимай воздаянье. И было въ Заборскомъ мона-

стырѣ благостроеніе, и славились старцы его велінмъ благочестіемъ.

Только-что рѣшилъ князь въ монастырѣ ночлегъ держать, трое вершниковъ поскакали архимандрита повѣстить. Звонъ во всѣ колокола поднялся...

Подъѣхали. Святыя ворота настежь, келарь, казначей, соборные старцы въ длинныхъ мантіяхъ, по два въ рядъ. По сторонамъ послушники съ фонарями. Взяли келарь съ казначеемъ князя подъ руки, съ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ въ соборъ его повели. За нимъ большіе господа, шляхетство, знакомцы. Псари, доѣзжачіе, охотники по широкимъ монастырскимъ дворамъ костры разложили — отецъ казначей бочку имъ выкатилъ. Грѣются, Христосъ съ ними, подъ кровомъ святой обители Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня... А собаки вкругъ нихъ тутъ же отдыхаютъ, чуя монастырскую овсянку. Отецъ экономъ первымъ дѣломъ распорядился насчетъ собачьяго ужина... Зналъ старецъ преподобный, сколь милы были псы сердцу ктитора честныя обители... Оттого и заботился...

Въ церкви князя встрѣтилъ архимандритъ соборнѣ, въ ризахъ, съ крестомъ и святою водою. Молебенъ отпѣли, къ иконамъ приложились, въ трапезу пошли. И тамъ далеко за полночь куликали.

Размѣстились гости, гдѣ кому слѣдовало, а князь съ архимандритомъ въ его кельѣ легъ. Наступилъ часъ полуночный, вѣтеръ въ трубѣ воетъ, желѣзными ставнями хлопаетъ, по крышѣ свиститъ. Говоритъ князь шопотомъ:

— Отче архимандритъ!.. Отче архимандритъ... Спишь али нѣтъ?..

— Не сплю, ваше сіятельство. А вамъ что̀ требуется?

— Страхъ что-то беретъ!.. Что̀ это воетъ?..

— Вѣтеръ,—говоритъ архимандритъ.

— Нѣтъ, отче преподобный, не вѣтеръ это, другое что-нибудь.

— Чему же другому-то быть? — отвѣчаетъ архимандритъ. — Помилуйте, ваше сіятельство! Что̀ это вы?

— Нѣтъ, отче святый, это не вѣтеръ... Слышишь, слышишь?..

— Слышу... Собаки завыли.

— Цыцъ, долгогривый!.. Собакъ тутъ нашелъ!.. Слышишь?.. Душа Палецкаго воетъ... Зналъ ты Палецкаго Дмитрія Петровича?

— Развѣ могутъ души усопшихъ выть? — молвилъ архимандритъ.

— Это не говори... Не говори, отче преподобный... Мало-ль что на свѣтѣ бываетъ!.. Это Палецкій!.. Онъ воетъ!.. Слышишь? Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего Дмитрія... Страшно, отче святый!.. И лампадка-то у тебя тускло горитъ... Зажги свѣчу!..

— Зажгу, пожалуй,—молвилъ архимандритъ.—Да полноте, ваше сіятельство. Какъ это не стыдно и не грѣхъ?

— Толкуй тутъ, а я знаю... Это меня зоветъ Палецкій... Скоро, отче, придется тебѣ хоронить меня.

—- Что̀ это вамъ на умъ пришло?—говоритъ архимандритъ.— Конечно, памятованіе о смертномъ концѣ спасительно, да вѣдь и суевѣріе грѣховно... Ужъ если о смерти помышлять, такъ лучше бы вашему сіятельству о своихъ дѣлать подумать.

— А что̀ мои дѣла?.. Какія дѣла?.. Укралъ, что ли, я у кого?.. Позавидовалъ кому?.. Аль мало вкладовъ даю тебѣ на монастырь, подлая твоя душа, безстыжіе поповскіе глаза!.. Нѣтъ, братъ, шалишь! На этотъ счетъ я спокоенъ, надѣюсь на Божіе милосердіе... А все-таки страшно...

— То-то страшно: страшенъ-то грѣхъ, а не смерть... Такъ-то, ваше сіятельство, — молвилъ архимандритъ.

— Привязался, жеребячья порода, съ грѣхами, что̀ банный листъ! И говорить-то съ тобой нельзя. Тотчасъ начнетъ городить чортъ знаетъ что̀... Давай спать, я и свѣчку потушу.

— Спите съ Богомъ, почивайте, покойной ночи вашему сіятельству, — проговорилъ архимандритъ.

Замолчали, и вѣтеръ маленько стихъ. А князь Алексѣй Юрьичъ все вздыхаетъ, все на постели ворочается. Опять завылъ вѣтеръ.

— Что̀ это все воздыхаете, ваше сіятельство? — спросилъ архимандритъ.

— О смертномъ часѣ, отче святый, воздыхаю! Слышишь?.. Слышишь?.. Упокой, Господи, душу раба Твоего Дмитрія!.. Его голосъ...

— Да это собака завыла.

— Собака?.. Да... да... собака, точно собака... Только постой!.. погоди!.. Пальма — ея голосъ... А Пальма Палецкаго подаренье... это — она его душу чуетъ, ему завываетъ... А это?.. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!.. Это что̀?.. Собака по-твоему, собака?

— Вѣтеръ въ трубѣ.

— Вѣтеръ!.. Хорошъ вѣтеръ!.. Упокой, Господи, душу раба Твоего Дмитрія!.. Хорошій былъ человѣкъ, славный былъ человѣкъ, любилъ я его, душа въ душу мы съ нимъ жили... Еще въ Петербургѣ пріятелями были, у князя Михайлы

ознакомились, когда князь Михайла во времени былъ. Обоимъ намъ за одно дѣло и въ деревни велѣно... Все, бывало, вмѣстѣ съ нимъ... Охъ, Господи!.. Страшно, отче святый!..

— Полноте, ваше сіятельство, перестаньте... Вы бы перекрестились да молитву сотворили. Отъ молитвы и страхъ и ночное мечтаніе яко дымъ исчезаютъ... Такъ-то.

— Молюсь... молюсь, отче преподобне... Прости, Господи, согрѣшенія мои, вольная и невольная... Опять Пальма!.. Чуетъ, шельма, стараго хозяина!.. Яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ!.. Видишь ли, отче, когда умиралъ Дмитрій Петровичъ, царство ему небесное, при немъ я былъ... И онъ, голубчикъ, взялъ меня за руку, да и говоритъ: «нехорошо, князинька, мы съ тобой жили на вольномъ свѣтў, при смерти вспомнишь меня»... Да съ этимъ словомъ застоналъ, потянулся, глядь—не дышитъ... Охъ, Господи!.. Чу!.. Поминаетъ, что смерть подходитъ ко мнѣ... Слышишь, отче?..

— Одно суевѣріе, — сказалъ архимандритъ. — Предзнаменованіямъ вѣры давать не повелѣно... Кто имъ вѣритъ — духу тьмы вѣритъ... Пустяками вы себя пугаете.

— У тебя все пустяки!.. Нѣтъ, отче святый, разумѣю азъ, грѣшный, близость кончины: предо мной стоитъ... Слышишь?.. Скоро предамся червямъ на съѣденье, а душу невѣдомо како устроитъ Господь.

— Да отчего это вамъ въ голову пришло?

— Мало-ль отчего?.. И Палецкій воетъ, и Пальма воетъ, и сны такіе вижу... Сказано въ писаніи: «старцы въ соніяхъ видятъ». У пророка Іоиля сказано то! А мнѣ седьмой десятокъ, стало-быть, я старецъ... Старецъ вѣдь я, старецъ?

— Дѣло не молодое, — молвилъ архимандритъ.

— Такъ видишь ли: «старцы въ соніяхъ видятъ». А что̀ я вечоръ во снѣ видѣлъ?.. Съ Машкой-скотницей вѣнчался... Видѣть во снѣ, что вѣнчаешься — смерть.

— Полноте, грѣховодникъ вы этакій!

— Тебѣ все полно да полно! Не тебѣ, чернохвостнику, въ гробъ-отъ ложиться... А это по-твоему тоже «полно», что намедни Діанка тринадцатью ощенилась? Да еще одного трехпалаго принесла, самъ борзой, щипецъ ровно у гончей, и безъ правила. Это по-твоему тоже ничего?

— Не повелѣно, ваше сіятельство...

— Да ты молчи, коль я съ тобою говорю, чортъ ты этакій!.. По-твоему и это ничего, что нынѣшняго года въ самое мое рожденье зеркало въ гостиной у меня лопнуло?

— Слышалъ я, что сами же свѣчу подъ то зеркало подставили.

— Врешь, отце преподобный, ничего ты не смыслишь!.. Коли зеркало лопнуло—кончено дѣло. Тутъ ужъ, братъ, какъ не вертись—отъ смерти не отвертишься. А тебѣ все ничего... Ты, пожалуй, скажешь, и это ничего, что намедни ко мнѣ воробей въ кабинетъ залетѣлъ?.. По-твоему, и это ничего, что на прошлой недѣлѣ насъ ужинать сѣло тринадцать?.. Отсчиталъ отъ себя тринадцатаго — вышелъ Скорняковъ. Знаешь Скорнякова? Въ знакомцахъ у меня проживаетъ — рыжій такой, губа сѣченая... Думаю, пусть же надъ нимъ надо псомъ оборвется тринадцатый. Велѣлъ ему пить — жизнь бы свою тутъ же покончилъ собака... Съ полведра вылакалъ, бестія, безъ памяти подъ столъ свалился, ни духу ни послушанія. «Ну, думаю: слава Тебѣ, Господи — опился. Тринадцатый-то, значитъ, онъ...» Что-жъ ты думаешь?.. На другой день поутру глядь, а онъ въ буфетѣ похмеляется... Такъ меня варомъ и обдало!.. Кто-жъ, по твоему, тринадцатый-то вышелъ?.. А?..

— Великій грѣхъ суевѣріямъ предаваться, — говорилъ архимандритъ.

— А ты молчи, жеребья порода!.. Видишь, къ смертному часу готовлюсь, такъ ты молчи... Слышишь!.. Опять Палецкій!.. А вотъ и Пальма его учуяла!.. Страшно!.. Помолись обо мнѣ, отче преподобный, не помяни моихъ озлобленій, помолись за меня за грѣшнаго, простилъ бы Господь прегрѣшенія мои, вольная и невольная... Молись за меня, твое дѣло. Еще году не прошло, большой вкладъ тебѣ положилъ, колоколъ вылилъ — значитъ, не даромъ прошу святыхъ молитвъ твоихъ... Духовную писалъ, душеприказчикомъ тебя сдѣлалъ. Самъ знаешь, опричь тебя такого дѣла поручить некому, народъ все пьяный, забулдыжный... Такъ ужъ я тебя... Помру, положи ты меня въ ногахъ у родителя моего, князь Юрья Никитича; сорокъ обѣденъ соборнѣ отслужи за меня, въ синодикъ запиши въ постѣнной и въ литейной, чтобы братія по вся годы молилась за меня безпереводно. А панихиды по мнѣ пѣть: на день преставленія моего да пятаго октября, на день московскихъ святителей Петра, Алексія, Іоны — ангела моего день, — и служить тѣ панихиды каждый годъ безпереводно... И въ тѣ дни кормъ на братію и веліе утѣшеніе... Такъ и вели записать въ синодикъ, и тѣ бы архимандриты, которые послѣ тебя будутъ, вѣдали и чинили по моему завѣщанью каждый годъ безо всякія порухи. А душу свою тебѣ поручаю. Будь ты на поконъ моей души помянникъ, умоли ты Господа Бога объ отпущеньи грѣховъ моихъ, будь моимъ ходатаемъ, будь моимъ молитвенникомъ, изведи изъ темницы душу мою...

И, заливаясь слезами, повалился въ ноги архимандриту, ноги у него и срачицу цѣлуетъ, а самъ такъ и рыдаетъ.

Архимандритъ утѣшаетъ его, а князь такъ и разливается, плачетъ.

— Получишь ты по духовной большія деньги. сколько получишь, теперь не скажу: не добро хвалитися о дѣлахъ своихъ... Четверть тѣхъ денегъ себѣ возьми, дѣлай на нихъ, что̀ тебѣ Господь на̀ сердце положитъ; другой четвертью распорядись по совѣту съ братіею, какъ уставъ велитъ... На соборѣ-то главы позолоти, совсѣмъ вѣдь облѣзли; говорилъ я тебѣ, и денегъ давалъ, и бранился съ тобой, а тебѣ все неймется, только и словъ отъ тебя: «лучше на иную потребу деньги изведу»... А Владычицѣ жемчужный убрусъ устрой, жемчугъ княгиня Марѳа Петровна выдастъ, да выдастъ она еще тебѣ пять пудовъ серебрянаго лому, изъ того лому ризы во второй ярусъ иконостаса устрой. Въ Москвѣ закажи... Зубрилову серебрянику не смѣть заказывать: я еще съ нимъ, съ подлецомъ, покамѣстъ живъ, раздѣлаюсь. Отвѣдаетъ, каналья, вкусны-ль заборскія кошки бываютъ... Представь ты себѣ, отецъ архимандритъ, на ярмонкѣ смѣлъ онъ, шельмецъ, до моего параднаго выѣзду лавку открыть. Счастливъ, что то̀тчасъ же уѣхалъ, а то-бъ я ему штукъ пятьсотъ середь ярмонки-то влѣпилъ бы.

Подъ это слово ставень — хлопъ! Поблѣднѣлъ князь, задрожалъ...

— Упокой, Господи, душу раба Твоего Дмитрія!.. За мной пришелъ. Слышалъ?..

— Ставень хлопнулъ,— отвѣтилъ архимандритъ.

— У тебя все ставень!.. У тебя все... А Пальма-то, Пальма-то такъ и завываетъ!

— Да полноте же, ваше сіятельство!.. Какъ это не стыдно?.. Ровно баба деревенская.

— Ругаться, чортъ этакій?.. — во все горло закричалъ князь и кулаки стиснулъ. — Не больно ругайся, промозглая кутья!.. Кулакъ-отъ у меня бабій?.. Ну-ка, понюхай.

И поднесъ кулачище къ архимандричьему носу.

— Ложитесь-ка лучше съ Богомъ на спокой... Давно ужъ пора, — кротко и спокойно промолвилъ архимандритъ.

— Безъ тебя знаютъ!.. «Баба»!.. Дамъ я тебѣ бабу, долгогривый чортъ!.. Охъ, Господи помилуй, опять Пальма... Нѣтъ, отче святый, надо умирать, скоро во гробъ положишь меня, скоро въ склепъ поставятъ меня, темно̀ тамъ... сыро... Охъ. Господи помилуй, Господи помилуй!.. Да!.. Вѣдь я не докончилъ тебѣ про духовную-то... Третью четверть денегъ раздай

по всей епархіи протопопамъ, попамъ, дьякамъ, пономарямъ и инымъ, сколько ихъ есть, причетникамъ по рукамъ, каждому дьякону противъ попа половину, каждому причетнику противъ дьякона половину. И закажи ты имъ, и попроси ты ихъ, усердно бы молились Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородицѣ о прощеніи грѣшной души раба Божія князя Алексія, искупили бы святыми молитвами своими велія моя прегрѣшенія... Кирчагинскому дьякону не смѣй ни копейки давать!.. Вздумалъ на меня въ губернскую канцелярію челобитну подать?.. Поле, слышь, у него я вытопталъ, корову застрѣлилъ!.. Такъ развѣ хотѣлъ я у него хлѣбъ-отъ топтать? Виноватъ развѣ я, что заяцъ въ овесъ къ нему кинулся?.. Упускать русака-то ради дьяконскаго овсишка?.. А корову?.. Развѣ самъ я стрѣлялъ?.. Со мной вонъ сколь всякой сволочи ѣздитъ, усмотришь развѣ за всѣми?.. Усмотришь развѣ?.. Нѣтъ, ты скажи, отче преподобный, можно-ль за этими дьяволами усмотрѣть?.. А?.. Можно?.. Да ты молчи, коли я говорю, губы-то не распускай: во многоглаголаніи нѣсть спасенія, такъ ты и молчи... Нечего тебѣ разсказывать: къ духовному чину завсегда решпектъ имѣю, потому что вы наши пастыри и учители, теплые объ насъ молитвенники, очищаете насъ окаянныхъ, въ безднѣ грѣховной, ото всякія мерзости и нечистоты... оттого даже ни одинъ пономарь отродясь въ Заборьѣ на конюшнѣ у меня не бывалъ... А кирчагинскій помни!.. Помни, подлый кутейникъ, овесъ да корову... Еще доберусь до шельмеца!.. Останную четверть денегъ изведи на похороны... Покрова не покупай, въ Парижъ къ двоюродному брату, князь Владиміру, посланы деньги, самой бы наилучшей ліонской парчи тамъ купилъ. Боюсь только, не спустилъ бы мои денежки въ фаро. Въ Версали большую игру ведетъ. Ему, шалопаю, и въ голову не можетъ придти, что по его милости могу я на тотъ свѣтъ голышомъ предъ Богомъ предстать... Прошлаго года просилъ его купить сочиненія Вольтера да гобеленовъ въ угольную. До сихъ поръ не шлетъ... Шапку архимандричью устрой себѣ, у княгини Марѳы Петровны жемчуговъ и камней спроси, — давно ей отъ меня приказано... А не княгиню, такъ капральшу крутихинскую спроси, она тоже знаетъ... Да дѣлай шапку-то поразвалистѣй, а то срамъ глядѣть на тебя — въ какихъ шапкахъ ты служишь: ни фасону ни красоты, нѣтъ ничего... На похороны все шляхетство созови, и столповыхъ, и молодыхъ, и мелкопомѣстныхъ: хорошенько помянули бы меня за упокой... Бѣлавина Ѳедьку не смѣй только звать... Онъ меня знать не хочетъ, и я его знать не хочу... Эка важна пер-

сона!.. А тоже сердце имѣетъ!.. Поучилъ я его прошлаго года маленько, такъ онъ и губу надулъ... Да это бы наплевать, я бы за это и вспороть его могъ. Въ Петербургъ что-то писалъ про меня. До двора дошло; отписывали мнѣ, будто по этому дѣлу на куртагѣ говорили про меня немилостиво. А я вѣдь хоть не въ опалѣ, да и не во времени... Много-ль надо меня уходить?.. Будь это при второмъ императорѣ, будь при владѣющемъ курляндскомъ герцогѣ — я бы Ѳедьку въ рудникахъ закопалъ, — а теперь я что?.. Въ подлости нахожусь — не хуже тебя долгогриваго... Отъ того и махнулъ я рукой на Бѣлавина... Что съ дуракомъ связываться? наплевать да и все тутъ... А вѣдь поучилъ-то его за что?.. Ради его же души спасенія... Видишь ли, какъ было дѣло: обѣдалъ Ѳедька у меня въ воскресенье, великимъ постомъ. Самъ знаешь, большіе посты я соблюдаю, уставъ тоже знаю... Подаютъ кушанье какъ слѣдуетъ: вино, елей, злаки и отъ черепокожныхъ. А Ѳедька Бѣлавинъ, когда подали стерляжью уху, при всѣхъ и кричитъ мнѣ съ другого конца стола: «вы, говоритъ, ваше сіятельство, сами-то постовъ не соблюдаете, да и гостей во грѣхъ вводите».—«Что заврался? говорю, въ чемъ ты грѣхъ нашелъ?»—«А въ этомъ», — говоритъ да на стерлядь и показываетъ. Велѣлъ подать «Уставъ о христіанскомъ житіи», подозвалъ Ѳедьку Бѣлавина: — «Читай, говорю, коли грамотѣ знаешь». А онъ: — «Тутъ писано про черепокожныхъ, сирѣчь про устерсы, черепахи, раки и улитки, яже акридами нарицаются». Зло меня взяло, слыша такое ругательство надъ церковью Божіею... Какъ?.. Чтобы намъ святыми отцами заповѣдано было снѣдать такую гадость, какъ улитки?.. А Ѳедька богомерзкій свое несетъ, говоритъ: — «Стерлядь — рыба, черепа на ней нѣтъ». Поревновалъ я по «Уставѣ», взялъ стерлядку съ тарелки да головой-то ему въ рыло.—«Что, говорю, есть черепъ, аль нѣтъ?» Кровь пошла— разсадилъ ему рожу-то. Только всего и было... Не دралъ его, не колотилъ, волосомъ даже не тронулъ, объ его же спасеніи поревновалъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ, по глупости своей, не вздумалъ христіанскую душу скверной улиткой поганить... Такъ поди-жь ты съ нимъ... Въ доносы пустился; дивлюсь еще, какъ *слово и дѣло* не гаркнулъ... Погубить бы могъ, шельмецъ... Плюнулъ я на Ѳедьку, знаться съ дуракомъ не хочу и на поминкахъ моихъ кормить нечестивую утробу его не желаю. Не зови его, отче святый, никакъ не зови... Позовешь, будемъ съ тобой на томъ свѣтѣ передъ истиннымъ Спасомъ судиться. Помни же это... Мнѣ что!.. Господь съ нимъ, съ Бѣлавинымъ, меня, маленькаго человѣка, обидѣть

легко, а каково-то ему на томъ свѣтѣ будетъ... Вотъ что!.. Ну, давай спать, старина.

Вѣтеръ затихъ. По маломъ времени и князь и архимандритъ захрапѣли.

На зарѣ проснулся князь Алексѣй Юрьичъ, говоритъ архимандриту:

— Надо мнѣ, отче, на тотъ свѣтъ сбираться. Надо, какъ ты не мудри. Только заснулъ я, Палецкій въ оврагѣ стоитъ и Пальма съ нимъ, а въ оврагѣ жупелъ огненный, сѣрой пахнетъ... Стоитъ Палецкій да меня къ себѣ манитъ, сердце даже захолонуло.

— Что-жъ такое? — спросилъ архимандритъ.

— Говоритъ: «подь сюда; сколь вору ни воровать, висѣлицы не миновать»... Ужаснулся я, отче, потъ холодный прошибъ меня, проснулся, а онъ воетъ, и Пальма воетъ... Нѣтъ, отче преподобный, вижу, что жить мнѣ недолго: сегодня-жъ князю Борису пишу, ѣхалъ бы въ Заборье скорѣй, мать бы свою не оставилъ, отца бы предалъ честному погребенью... Шабашъ охотѣ!.. Поѣду отъ тебя прямо домой — съ женой проститься, долгъ христіанскій исполнить. Пріѣзжай вечеркомъ исповѣдать меня, причастить... На своихъ пріѣзжай. мои-то кони въ разгонѣ... Свадьбу сегодня у меня справляютъ... Устюшку замужъ выдаю. Знаешь Устюшку-то мою? Маленькая такая. черняввенькая... ухъ, горячая дѣвка какая!.. Такъ ужъ ты, отче святый, на своихъ пріѣзжай, къ непостыдной кончинѣ готовить меня многогрѣшнаго...

— Слушаю, ваше сіятельство, слушаю, безпремѣнно пріѣду, не премину,—говоритъ архимандритъ.—А къ княгинѣ Мареѣ Петровнѣ поѣзжайте, примиритесь съ нею по-христіански: знаю вѣдь я, что вотъ ужъ шестой годъ какъ вы слова съ ней не перемолвили... Замучилась она, бѣдная!

— Что̀ княгиня?.. Баба!.. Бабѣ плеть...

— Эхъ, ваше сіятельство!.. Чѣмъ бы суевѣріямъ предаваться да сны растолковывать, лучше бы вамъ настоящимъ дѣломъ о смертномъ часѣ помыслить, укрощать бы себя помаленьку, съ ближними бы мириться.

— Что̀ мнѣ съ ними мириться-то?.. Обидѣлъ, что ли, я кого?.. Курица, и та на меня не пожалуется!.. А страшно, отче преподобне!.. Охъ, голова ты моя, головушка!.. Разума напиталась, къ чему-то приклонишься?.. Въ монахи пойду.

— Княгиню-то куда же?

— Ну ее къ бѣсу! Мнѣ бы свою-то только душу спасти... А она какъ знаетъ себѣ, чортъ съ ней.

— Ахъ, ваше сіятельство, ваше сіятельство!.. Что съ вами дѣлать? Не знаю, что и придумать.

— «Что дѣлать! Что дѣлать!..» — передразнилъ князь архимандрита. — Ишь какой недогадливый!.. Да долго-ль въ самомъ дѣлѣ мнѣ просить молитвъ у тебя?.. Святъ ты человѣкъ предъ Господомъ, доходна твоя молитва до Царя Небеснаго? Помолись же обо мнѣ, пожалуйста, сдѣлай милость, помолись хорошенько, замоли грѣхи мои... Страшенъ вѣдь часъ-отъ смертный!.. Къ дьяволамъ бы во адъ не попасть!.. Ухъ, какъ прискорбна душа!.. Спаси ее, отче святый, отъ огня негасимаго...

И заплакалъ, и упалъ къ ногамъ архимандрита... Ноги у него цѣлуетъ, говорить не можетъ отъ душевнаго смиренія, отъ сердечнаго умиленія.

Вдругъ за оградой гончія потянули по зрячему... Грянули рога на звѣря на краснаго... Какъ вскочилъ князь!

— На-конь! — крикнулъ въ окно зычнымъ голосомъ.

И, кой-какъ одѣвшись, не простясь съ архимандритомъ, метнулся на крыльцо и вскочилъ на лошадь...

Во весь опоръ помчалась за нимъ охота къ оврагу Юрагинскому.

VI.

Княгиня Марѳа Петровна.

Много горя натерпѣлась въ свою жизнь княгиня Марѳа Петровна, мало красныхъ дней на долю ей выпало, — великая была мученица, — царство ей небесное!

Родитель ея, князь Петръ Иванычъ Тростенскій, у перваго императора въ большой милости былъ. Ѣздилъ за море иностраннымъ наукамъ обучаться, а воротясь на Русь, больше все при государѣ находился. Въ Полтавской баталіи передъ свѣтлыми очами царскими многую храбрость оказалъ, и, когда супостата, свейскаго короля, побили, великій государь при всѣхъ генералахъ цѣловалъ князя Тростенскаго и послалъ его на Москву съ отписками о дарованной Богомъ викторіи.

Отпуская въ путь, далъ ему государь письмо въ старому боярину Карголомскому. А тотъ Карголомскій жилъ по старымъ обычаямъ. И съ бородой не пожелалъ-было разстаться, но когда царь указалъ, волкомъ взвылъ, а бороды себя лишилъ. Зато въ другомъ во всемъ крѣпко старинки держался. Былъ у него сынъ, да подъ Нарвой убили его, послѣ него осталась у старика Карголомскаго внучка. Ни за нимъ ни передъ нимъ никого больше не было. А вотчинъ и въ дому богатства — тьма тьмущая.

Отдаетъ великій государь письмо князю Тростенскому самъ такой приказъ ему сказываетъ:

— Будучи на Москвѣ, изволь отдать письмо Карголомскому, и что̀ въ томъ письмѣ писано, изволь, съ своей стороны, чинить по нашему указу. Въ накладѣ не будешь...—Да поцѣловавши князя въ лобъ, примолвилъ: — Съ Богомъ.

Пріѣхавши на Москву, подалъ князь Петръ Иванычъ царское письмо Карголомскому. Прочиталъ старикъ, охнулъ, затрясся, потъ на лбу у него выступилъ. Положивъ три земныхъ поклона передъ Спасовымъ образомъ, сказалъ князю Тростенскому:

— Воля государева, а мы всѣ его да Божьи.

А въ государевѣ письмѣ было написано:

«Понеже господинъ майоръ князь Тростенскій въ европейскихъ христіанскихъ государствахъ наукѣ воинскихъ дѣлъ довольно обучался и у высокихъ потентатовъ при нашихъ резидентахъ не малое время находился, нынѣ же во время преславной, Богомъ дарованной намъ надъ свейскимъ королемъ викторіи великую храбрость предъ нашими очами показалъ, того ради изволь выдать за него въ замужество свою внуку, и тѣмъ дѣломъ прошу поспѣшить. А дѣло то и васъ всѣхъ поручаю въ милость Всевышняго».

Горька пришлась свадьба старику Карголомскому: видѣлъ онъ, что нареченный его внучекъ — какъ есть нѣмецъ-нѣмцемъ, только званіе одно русское. Да ничего не подѣлаешь: царь указалъ. Даже горя-то не съ кѣмъ было размыкать старику... О такомъ дѣлѣ съ кѣмъ говорить?.. Пришлось одному на старости лѣтъ тяжкую думушку думать. Не вытерпѣлъ долго старикъ — померъ.

Молодые жили душа въ душу. Великій государь и родные, глядя на нихъ, не могли нарадоваться. Черезъ годъ послѣ Полтавской баталіи даровалъ имъ Господь княжну Марѳу Петровну. Конца не было радостямъ. Самъ государь княжну изволилъ отъ святой купели принимать и, когда стала она подрастать, все, бывало, нѣтъ-нѣтъ, а у отца и навѣдается, чему крестница обучается и каково ей наука дается. Лифляндскую нѣмку самъ приставилъ ходить за ней, плѣннаго шведа пожаловалъ для обученья княжны всякой наукѣ и на чужестранныхъ языкахъ говорить, француза для танцевъ самъ князь отъ себя наймовалъ. Пріѣдетъ, бывало, великій государь къ князю Тростенскому, — а ѣзжалъ къ нему нерѣдко, — анисовой спроситъ, кренделемъ закуситъ и велитъ княжну къ себѣ привести, почнетъ ее разспрашивать, чему дареный шведъ выучилъ, по-чужестранному заговоритъ съ ней, менуэтъ заставитъ

проплясать, а потомъ поцѣлуетъ въ лобъ да примолвитъ: «Расти, крестница, да ума копи, выростешь большая — мое будетъ дѣло жениха сыскать». Не сподобилъ царя Господь при себѣ пристроить крестницу; пятнадцати годочковъ княжнѣ не минуло, какъ взялъ къ себѣ Богъ перваго императора.

По восьмому годочку осталась княжна послѣ матери, а родитель черезъ полгода послѣ великаго государя жизнь скончалъ. Оставалась княжна сиротиночкой, кровныхъ, близкихъ родныхъ нѣтъ никого, одна, что хмелинка безъ тычинки, и нѣтъ руки доброй, ласковой, поддержать бы сиротство да малость ея... За опекой дѣло не стало — сирота богатая, не объѣстъ... Взяла княжну тетка ея внучатная — княгиня Байтерекова. Стала съ ней княжна во дворецъ на куртаги ѣздить, на ассамблеи къ свѣтлѣйшему Меншикову, къ графу Головкину, къ князю Куракину, а къ инымъ знатнымъ персонамъ на балы, на банкеты и съ визитою. И не было въ Питерѣ подобныхъ красавицъ и разумницъ, какъ княжна Марѳа Петровна Тростенская.

Въ коемъ дому невѣста богатая, въ томъ дому женихи, что̀ комары на болотѣ, толкутся. Такъ въ старые годы бывало, такъ повелось и въ нынѣшни дни... У княжны отбою отъ жениховъ не было, а были тѣ женихи изъ самыхъ знатныхъ родовъ, а которы не родословны, аль родовъ захудалыхъ, тѣ знатные чины при дворѣ иль въ гвардіи имѣли. Однако княжна хоть и молоденька была, но честь свою наблюдала крѣпко, многіе ею «заразились», а она благосклонности никому не показала.

Девьеровъ сынъ, Петръ Антонычъ, былъ счастливѣй другихъ. На куртагахъ княжну на любовь склонилъ, черезъ тетку Байтерекову присватался, черезъ отца своего доложилъ государынѣ... Передъ обрученьемъ Екатерина Алексѣевна изволила княжну иконой благословить, а свадьбу велѣла отложить, пока не пошлетъ ей Господь облегченья. Была государыня нездорова, а крестницу перваго императора сама хотѣла замужъ отдать и тѣмъ обѣщанье Петра Великаго выполнить.

Ждутъ женихъ съ невѣстой мѣсяцъ, ждутъ другой, третій, царицѣ все хуже да хуже. Болѣзнь становилась прежестокая, стали тихомолкомъ поговаривать, врядъ ли подниметъ царицу Господь. А кому, отходя сего свѣта, земное царство откажетъ, не вѣдалъ никто. И печальны всѣ были... Не до пировъ, не до свадебъ... Государыня едва духъ переводила, какъ женихова отца, графа Девьера, взяли подъ караулъ... Домъ его опечатали, къ княгинѣ Байтерековой драгунскій

капитанъ пріѣзжалъ: всѣ вещи княжны Тростенской пересмотрѣлъ, какія письма отъ жениха къ ней были, всѣ отобралъ, а самой впредь до указу никуда не велѣлъ изъ дома выѣзжать.

Передъ вешнимъ Николой, дня за три, по Питеру бѣготня пошла: знатныя персоны въ каретахъ скачутъ, приказный людъ на своихъ на двоихъ бѣжитъ. всѣ ко дворцу. Солдаты туда же маршируютъ, простой народъ валитъ кучами... Что̀ такое?.. Царицы не стало, бѣгутъ узнать, кто на русское царство сѣлъ, кому надо присягу давать. Услыхавши ту вѣсть, княжна на полъ такъ и покатилась... Ввечеру сказали: женихова отца кнутомъ бить, чести, чиновъ, имѣнья лишить и послать въ Сибирь. а жениха въ дальнюю деревню вмѣстѣ съ его матерью. И родную сестру не пожалѣлъ свѣтлѣйшій Меншиковъ.

И проститься жениху съ невѣстой не дали. Хотѣла-было княжна съ другомъ своимъ въ несчастіе ѣхать, да тетка Байтерекова и многія другія знатныя персоны ее отговорили.

Годъ прошелъ; новый царь со всѣмъ дворомъ въ Москву переѣхалъ. Байтерекова съ племянницей туда же... Тамъ приглянись княжна князю Заборовскому. Человѣкъ былъ уже не молодой, лѣтъ подъ сорокъ, вдовецъ, хоть и бездѣтный. Княжна и слышать про него не хотѣла. А князь Алексѣй Юрьичъ съ государевымъ фаворитомъ, княземъ Иваномъ Алексѣичемъ Долгорукимъ, въ ближней дружбѣ находился... Сталъ ему докучать про невѣсту, фаворитъ доложилъ государю... И сказано было княжнѣ: «крестный твой отецъ, первый императоръ, далъ тебѣ обѣщанье, когда въ возрастъ придешь, жениха сыскать, но не исполнилъ того обѣщанія, волею Божіею отъ временнаго царствованія въ вѣчное отыде, того ради великій государь, его императорское величество, памятуя обѣщаніе дѣда своего, указалъ тебѣ, княжнѣ Марѳѣ Петровой дочери Тростенскаго, быть замужемъ за княземъ Алексѣемъ князь Юрьевичемъ Заборовскимъ».

Только-что стала зима, на Москвѣ торжества и пиры пошли. Самъ государь съ сестрой фаворита обручался, фаворитъ съ Шереметевой, князь Заборовскій съ княжной Тростенской. Ровно зналъ князь Алексѣй Юрьичъ, что скоро перемѣна послѣдуетъ: только святки минули и свадьбы играть стало невозбранно, онъ повѣнчался съ княжной.

Невеселая свадьба была; шла невѣста подъ вѣнецъ, что̀ на смертную казнь, блѣднѣй полотна въ церкви стояла, едва на ногахъ держалась: Фаворитъ въ дружкахъ былъ... Опоздалъ онъ и вошелъ въ церковь сумрачный. Съ кѣмъ ни поше-

чется — у каждаго праздничное лицо горестнымъ станетъ; шепнулъ словечко новобрачному, и тотъ насупился. И стала свадьба грустнѣй похоронъ. И пира свадебнаго не было: по скорости гости разъѣхались, тужа и горюя, а о чемъ — не говоритъ никто. На утро спознала Москва, — второй императоръ при смерти.

Княгиня Марѳа Петровна и до свадьбы и послѣ свадьбы ходила словно въ воду опущенная; новобрачный тоже день ото дня больше да больше кручинился... Про великаго государя вѣсти недобрыя: все тяжелѣй становилось ему. А была въ ту пору «семибоярщина». Съ семью верховными боярами и съ фаворитомъ князь Заборовскій заодно находился и каждый Божій день во дворецъ къ больному царю ѣзжалъ. Только-что великій государь преставился, пропалъ князь Алексѣй Юрьичъ, найти не могутъ, дѣвался куда. Ни молодой княгинѣ ни въ дому ничего не извѣстно: пропалъ безъ вѣсти да все тутъ. Мѣсяца черезъ два на Москвѣ объявился: съ Бирономъ вмѣстѣ изъ Митавы пріѣхалъ.

У курляндца все время въ чести пребывалъ, сама царица Анна Ивановна великимъ жалованьемъ его жаловала. Оттого и княгиня Марѳа Петровна при дворѣ безотмѣнно находилась, и даже когда, бывало, самъ-отъ князь отпросится отъ службы въ Заборье гулять, княгиню Марѳу Петровну государыня съ мужемъ отпускать не изволила, каждый разъ указъ объявляла быть ей при себѣ. Сына родила княгиня Марѳа Петровна, князь Бориса Алексѣича. Государыня изволила его отъ купели принять и въ конную гвардію вахмистромъ пожаловать.

Мало радостей видала дома княгиня Марѳа Петровна. Горькая доля выпала ей, доставалось супружество скорбное. Князь крутенекъ былъ, каждый день въ домѣ содомъ и гоморъ. А пріѣдетъ хмеленъ да распалится не въ мѣру, и кулакамъ волю дастъ... Княгиня тихая была, безотвѣтная; только, бывало, поплачетъ.

Съ перваго же году сталъ князь отъ жены погуливать: ливонскія дѣвки у него на сторонѣ жили да мамзель изъ французенокъ. По скорости и въ дому завелись барскія барыни. И тутъ никому княгиня не жалобилась, съ одной подушкой горевала.

Покамѣстъ въ Питерѣ жили, княгиня частенько ѣзжала во дворецъ и въ дома знатныхъ персонъ. Весело-ль было ей, нѣтъ ли, про то никому неизвѣстно. Только, живучи въ Питерѣ, она ровно маковъ цвѣтъ цвѣла.

Получивши прощенье, пріѣхалъ въ Петербургъ Девьеровъ

сынъ. Свидѣлись... И съ того часу въ конецъ разлютовался князь на жену свою. Зачахла она и локоны носить перестала... Князь рѣдко и говорить съ нею сталъ, съ каждымъ днемъ лютѣй да лютѣй становился... Пока сынъ подрасталъ, княгиня съ нимъ больше время проводила. Хоть учителей изъ французовъ и нѣмцевъ приставлено было къ маленькому князю вдоволь, однакожъ княгиня Марѳа Петровна сама больше учила его и много за то отъ князя терпѣла: боялся онъ, чтобъ бабой княгиня сына не сдѣлала... Отпустивши его ужъ изъ Заборья въ Питеръ на царскую службу, стала княгиня ровно свѣча таять и съ той поры жила, какъ затворница. Только ее и видали, что въ именины да въ большіе праздники, когда, по мужнину приказу, во всемъ парадѣ къ гостямъ выходила... И тутъ, бывало, мало кто отъ нея слово услышитъ, все, бывало, молчитъ. Сидя почти-что безвыходно въ своей горницѣ, книги читала, Богу молилась, церковные воздýхи да пелены шила. Гостей, бывало, наѣдетъ множество, господа и барыни съ барышнями пляшутъ до пóлночи, а княгиня молится. Тамъ музыка гремитъ, танцы водятъ, шумное пиршествó идетъ, а княгиня на колѣняхъ передъ образомъ... Сколько разъ и спать приходилось ложиться ей не ужинавши: дѣвки вкругъ нея были верченыя — бросятъ, бывало, княгиню одну и пойдутъ глазѣть, какъ господа въ танцахъ забавляются... Начала княгиня глазами болѣть, книги читать стало ей невозможно.

Жилъ у князя на хлѣбахъ изъ мелкопомѣстнаго шляхетства Кондратій Сергѣичъ Бѣлоусовъ. Деревню у него сосѣдъ оттягалъ, онъ и пошелъ на княжіе харчи. Человѣкъ не молодой, совсѣмъ Богомъ убитый: еле душа въ немъ держалась, кроткій былъ и смиренный, вина капли въ ротъ не биралъ, во святомъ писаніи силу зналъ, все, бывало, надъ божественными книгами сидитъ и ни единой службы Господней не пропуститъ, прежде попа въ церковь придетъ, послѣ всѣхъ выйдетъ. И велѣла ему княгиня Марѳа Петровна при себѣ быть, сама читать не могла, его заставляла.

Выѣхалъ князь на охоту, съ самаго выѣзда все не задавалось ему. За околицей попъ навстрѣчу; только-что успѣлъ съ попомъ расправиться, лошадь понесла, чуть дó смерти не убила, русаковъ почти всѣхъ протравили, Пальма ногу перешибла. Распалился князь Алексѣй Юрьичъ: много арапникомъ работалъ, но сердца не утолилъ. Воротился пóдъ вечеръ домой мраченъ, грозенъ, ровно туча громовая.

Письмо подаютъ. Взглянулъ, зарычалъ аки левъ... Зеркала да окна звенятъ, двери да столы трещатъ. Никто не пойметъ, на кого гнѣвъ простираетъ. Всѣ по угламъ да молитву творятъ...

— Княгиню сюда! — закричалъ.

Докладываетъ гайдукъ Дормедонтъ: княгиня сверху сойти не могутъ, больны, въ постели лежатъ. Едва вымолвилъ тѣ слова Дормедонтъ, палъ аки снопъ... Пяти зубовъ потомъ не досчитался.

Самъ вломился къ княгинѣ. Кондратій Сергѣичъ возлѣ постели сидитъ, житіе великомученицы Варвары княгинѣ читаетъ.

— А! — зарычалъ князь. — И сына до того развратила, что на шлюхѣ женился, и сама съ любовниками полуночничаешь!..

И далъ волю гнѣву...

На другой день Кондратій Сергѣичъ безъ вѣсти пропалъ, а княгиня Мароа Петровна на столѣ лежала.

Пышныя были похороны: три архимандрита, священниковъ человѣкъ сто. Хоть княгиню Мароу Петровну и мало кто зналъ, а всѣ по ней плакали. А князь, стоя у гроба, хоть бы слезинку выронилъ, только похудѣлъ за послѣдніе дни да часто вздрагивалъ. Шесть недѣль нищую братію въ Заборьѣ кормили, кажду субботу деньги имъ по рукамъ раздавали, на человѣка по денежкѣ.

Въ сорочины весь обѣдъ съ заборскимъ архимандритомъ князь бесѣду велъ отъ писанія. Толковали, какъ душу спасать, какъ должно Христовъ законъ исполнять.

— Вотъ хоть бы покойницу мою княгинюшку взять, — со смиреньемъ и слезами говорилъ князь Алексѣй Юрьичъ: — ужъ истинно уготовала себѣ мѣсто свѣтло, мѣсто злачно, мѣсто покойно въ селеніи праведныхъ... Что за доброта была, что за покорность!.. Да, отцы святіи, нелицемѣрно могу сказать, передалъ я Господу на пречистыя руки Его велію праведницу... Не по дѣломъ наградилъ меня Царь Небесный столь многоцѣннымъ сокровищемъ. Всему нашему роду красой была, аки лоза плодовитая: въ моемъ дому процвѣтала, всѣмъ была изукрашена: смиреніемъ, послушаніемъ, молчаніемъ, доброуміемъ, пощеніемъ, нищелюбіемъ, нескверноложіемъ... Единая у меня радость была!.. Охъ, Господи, Господи!.. Ужъ каково мнѣ, отцы святіи, прискорбно, ужъ каково-то мнѣ горько, и повѣдать вамъ не могу... Какъ я безъ княгинюшки останную-то жизнь стану мыкать?.. Кто домъ мой изобильемъ наполнитъ?.. Кто за меня Бога умолитъ?

Утѣшаютъ князя архимандриты и попы словами душеполезными, а онъ сидитъ, кручинится, да такъ и разливается, плачетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, отцы преподобные, прискорбна душа моя даже до смерти! Не могу дольше жить въ семъ прелестномъ мірѣ, давно алчу тихаго пристанища отъ бурь жи-

тейскихъ... Прими ты меня въ число своей братіи, отче святый, не отринь слезнаго моленья: причти мя къ малому стаду избранныхъ, облеки во ангельскій образъ. — Такъ говорилъ архимандриту монастыря Заборскаго.

— Намѣреніе благое, сіятельнѣйшій князь, но дѣло Божіе должно творить съ разсужденіемъ, — отвѣчалъ архимандритъ.

— Чего еще разсуждать-то?.. Въ накладѣ не останешься: сорокъ тысячъ вкладу... Мало — такъ сто, мало — такъ двѣсти! Копить мнѣ некому.

— Сынъ у васъ есть, — замѣтилъ другой архимандритъ.

— Князь-отъ Борька?.. Да коль хочетъ онъ, шельмецъ. живымъ быть, такъ не смѣй ко мнѣ на глаза казаться!.. И меня погубилъ, злодѣй, и матери своей смерть причинилъ!.. Осрамилъ, злодѣй, нашу княжую фамилію!.. Честь нашу потерялъ, всему роду князей Заборовскихъ безчестье нанесъ!.. Безъ спросу, безъ родительскаго благословенья на мелкой шляхтянкѣ женился!.. Да ей бы, канальѣ, за великую честь было у меня за свиньями ходить!.. Убилъ, шельмецъ, скареднымъ дѣломъ мою княгинюшку!.. Какъ услыхала, сердечная, про князь-Борькино злодѣйство, такъ и покатилась, тутъ же съ ней кровяной ударъ и приключился...

И громко, навзрыдъ зарыдалъ князь Алексѣй Юрьичъ, поникнувъ головой на край стола.

— Въ несчастіи смириться должно, ваше сіятельство, — замѣтилъ одинъ архимандритъ.

— Не передъ княземъ ли Борькой смиряться мнѣ?.. — вскрикнулъ князь Алексѣй Юрьичъ, быстро закинувъ назадъ голову и гнѣвно засверкавъ очами. — Хоть ты и архимандритъ, а выходишь дуракъ, да и тотъ дуракъ, кто тебя, болвана, архимандритомъ сдѣлалъ!.. Мнѣ передъ щенкомъ, передъ сквернымъ поросенкомъ, князь-Борькой смириться!.. Нѣтъ, братъ, мирно съѣстъ!.. Ты кутейникъ, ты не можешь понять, что̀ такое значитъ шляхетская честь!.. Да еще не просто шляхетская, а княжеская... Мы Гедиминово рожденье!.. Этого въ пустую башку твою не влѣзетъ, хоть ты и въ Кіевѣ обучался!.. Всѣ вы едино — одна жеребячья порода!.. Не понять вамъ чести дворянской!.. Смерды вы, въ подлости рождены, въ подлости и помрете, хоть патріархами сдѣлай васъ!.. Передъ княземъ Борькой смиряться мнѣ!.. Экъ что̀ выдумалъ, долгогривый космачъ!.. Я еще его въ бараній рогъ согну, покажу, какъ отца уважать надо... Полушки мѣдной шельмецу не оставлю... Самъ женюсь, я еще, слава Богу, крѣпокъ. Другія дѣти будутъ; имъ все предоставлю. А князь Борька съ своей подлой шляхтянкой броди себѣ подъ оконьемъ, кормись Хри-

стовымъ именемъ... За невѣстами у меня дѣло не станетъ: каждая барышня пойдетъ съ удовольствіемъ. Не пойдетъ, чортъ съ ней, — на скотницѣ Машкѣ женюсь!..

Подъ эти слова стали «тризну» *) пить. Архидьяконъ Заборскаго монастыря «Во блаженномъ успеніи» возгласилъ, пѣвчіе «Вѣчную память» запѣли. Всѣ встали изъ-за стола и зачали во святъ уголъ креститься. Князь Алексѣй Юрьичъ снопомъ повалился передъ образàми и такъ зарыдалъ, что. глядя на него, всѣ заплакали. Насилу архимандриты поднять его съ полу могли.

На другой день много поролъ, и всѣхъ почти изъ своихъ рукъ. На кого ни взглянетъ, за каждымъ вину найдетъ. Шляхетнымъ знакомцамъ пришлось невтерпежъ, — бѣжать изъ Заборья сбирались. Въ такомъ гнѣвѣ съ недѣлю времени былъ. Полютовалъ - полютовалъ, на медвѣдя поѣхалъ. И съ того часу, какъ свалилъ онъ Мишку ножомъ да рогатиной, и гнѣвъ и горе какъ рукой сняло...

Старѣть сталъ, и грусть чаще и чаще на него находила. Сядетъ, бывало, въ полѣ верхомъ на боченокъ, зачнетъ, какъ водится, изъ ковша съ охотой здравствоваться — вдругъ помутится, и ковшикъ изъ рукъ вонъ. Пò полю смѣхъ, шумъ, гамъ — тутъ мигомъ все стихнетъ. Побудетъ этакъ мало времени — опять просіяетъ князь.

— Напугалъ я васъ, — скажетъ. — Эхъ, братцы, скоро умирать придется!.. Прощай, прощай, вольный свѣтъ... Прости, прощай, житье мое удалое...

Да вдругъ и гаркнетъ:

Пей, гуляй, перва рота,
Втора рота на работу...

Тысяча голосовъ подхватитъ. И зачнутся плясъ, крикъ, попойка до темной ночи...

VII.

Княгиня Варвара Михайловна.

Черезъ годъ послѣ кончины княгини Мареы Петровны привезли въ Заборье письмо отъ князя Бориса Алексѣича. Прочиталъ его князь Алексѣй Юрьичъ, призвалъ старшаго дворецкаго и бурмистра и далъ имъ такой приказъ:

— Завтра князь Борька съ своей поскудной шляхтянкой въ Заборье пріѣдетъ. Никто-бъ передъ ними шапки не ломалъ, попадется кто навстрѣчу, лай имъ всякую брань. Ко

*) На похоронныхъ обѣдахъ сливаютъ вмѣстѣ виноградное вино, ромъ, пиво, медъ, и пьютъ въ концѣ стола. Это называется «тризной».

мнѣ допустите, а коней не откладывать. Проучу скаредовъ да тѣмъ же моментомъ назадъ прогоню. Слышите?

— Слушаемъ, ваше сіятельство.

— Смотрите же у меня! Ухо востро̀...

Чего ни натерпѣлись князь Борисъ Алексѣичъ съ княгиней, ѣхавши по Заборью! Онъ, голову повѣся, молча сидѣлъ, княгиня со слезами на глазахъ, кротко, привѣтно всѣмъ улыбалась. На привѣты ея встрѣчные ругали ее ругательски. Мальчишекъ сотни полторы съ села согнали: бѣгутъ за молодыми господами, «у-у!» кричатъ, языки имъ высовываютъ.

Князь въ залѣ — арапникъ въ рукѣ, глаза какъ у волка горятъ, голова ходенемъ ходитъ, а самъ всѣмъ тѣломъ трясется... Тайнымъ образомъ на всякъ случай священника съ задняго крыльца провели: можетъ, исповѣдать кого надо будетъ.

Вошли молодые. Гнѣвно и грозно кинулся къ нимъ князь Алексѣй Юрьичъ... Да, взглянувъ на сноху, такъ и остамѣлъ... Арапникъ изъ рукъ выпалъ, лицо лаской-радостью просіяло.

Молодые въ ноги. Не допустилъ снохѣ князь въ землю пасть, одной рукой обнялъ ее, другой за подбородокъ взялъ.

— Да ты у меня плутовка! — сказалъ ей ласково. — Глянька, какая пригожая!.. Поцѣлуй меня, доченька, познакомимся... Здравствуй, князь Борисъ, — молвилъ и сыну, ласково его обнимая. — Тебя бы за уши надо подрать, ну да ужъ Богъ съ тобой... Что̀ было — не смѣть вспоминать!..

Всѣ диву дались. И то надо сказать, что княгиня Варвара Михайловна такая была красавица, что дикаго звѣря взглядомъ бы своимъ усмирила.

Зашумѣли въ Заборьѣ, что̀ пчелки въ ульѣ. Всѣмъ былъ тотъ день великаго праздника радостнѣй. Какіе балы послѣ того пошли, какіе пиры! Никогда такихъ не бывало въ Заборьѣ. И тѣ пиры не на прежнюю стать: ни медвѣдя, ни юродивыхъ, ни шутовъ за обѣдомъ; шума, гама не слышно; а когда одинъ изъ большихъ господъ заговорилъ-было про ночной кутежъ въ розовомъ павильонѣ, князь Алексѣй Юрьичъ такъ на него посмотрѣлъ, что тотъ хотѣлъ что-то сказать, да голосу не хватило.

А все было дѣломъ княгини Варвары Михайловны. Бывало, скажетъ только: «полноте, батюшка-князь, такъ не годится» — и онъ все по ея слову. Миновались расправы на конюшнѣ — кошки велѣлъ въ кучу собрать и сжечь при себѣ... Барскихъ барынь замужъ повыдалъ, изъ мелкопомѣстнаго шляхетства, которые очень до водки охочи были и во хмелю неспокойны, по другимъ деревнямъ на житье разослалъ. Въ домѣ чистота завелась, во всемъ порядокъ. Даже на охотѣ не по-

прежнему стало. Полно на боченокъ садиться, полно пить черезъ край; выпьетъ, бывало, чарку-другую, другимъ дасть хлебнуть, а безъ мѣры пить не велитъ. «Нехорошо, говоритъ, неравно доченька узнаетъ, серчать станетъ».

И князя Бориса Алексѣича полюбилъ, все на его руки сдалъ: и домъ и вотчины.—«Я, говоритъ, старъ становлюсь; пора мнѣ и на покоѣ пожить. Ты, князь Борисъ съ доченькой, заправляйте дѣлами, а меня, старика, покойте да кормите. Немного мнѣ надо, поживу съ вами годочекъ-другой, внучка дождусь и пойду въ монастырь Богу молиться да къ смертному часу готовиться».

Сына родила княгиня Варвара Михайловна. Сколько было радости! У всѣхъ на душѣ такъ легко, какъ будто Свѣтло Воскресенье вдругорядь пришло, а князь Алексѣю Юрьичу ровно двадцать годовъ съ костей скинуло. Возлѣ княгининой спальни девятеро сутокъ высидѣлъ, все наблюдалъ, чтобъ кто не испугалъ ее. Носитъ, бывало, внучка по комнатамъ да тихонько колыбельныя пѣсенки ему напѣваетъ. Чуть пискнетъ младенецъ, тотчасъ бережно его въ дѣтскую, и тамъ сядетъ дѣдушка у колыбельки, качаетъ внучка. Въ крестины всей дворнѣ по цѣлковому рублю да по суконному кафтану пожаловалъ, двѣсти отпускныхъ выдалъ, барскихъ барынь, которыя замужъ не угодили, со двора долой. Павильоны досками велѣлъ забить, не было-бъ туда ни входу ни выходу... Одну Дуняшку оставилъ, и то тайкомъ отъ княгини Варвары Михайловны.

Шести недѣль не прожилъ маленькій князь. Съ такого горя князь Алексѣй Юрьичъ въ постелю слегъ, два дня маковой росинки во рту у него не бывало, слова ни съ кѣмъ не вымолвилъ. Мало-по-малу княгиня же Варвара Михайловна его утѣшила. Сама, бывало, плачетъ по сынкѣ, а свекра утѣшаетъ, французскія пѣсенки ему сквозь слезы тихонько поетъ...

Году не длилось такое житье. Вѣдомость пришла, что прусскій король подымается, надо войнѣ быть. Князь Борисъ Алексѣичъ въ полкахъ служилъ, на войну ему слѣдовало. Сталъ собираться, княгиня съ мужемъ ѣхать захотѣла, да старый князь слезно молилъ сноху, не покидала-бъ его въ одиночествѣ, представлялъ ей резоны, не женскому-де полу при войскѣ быть; молодой князь женѣ то-жъ говорилъ. Послушалась княгиня Варвара Михайловна — осталась на горе въ Заборьѣ.

Слезное, умильное было прощанье!.. Послѣ молебна «въ путь шествующихъ», благословилъ сына князь Алексѣй Юрьичъ святою иконой, обнялъ его и много поучалъ: сражался бы храбро, себя не щадилъ бы въ бою, а судитъ Господь животъ

положить — радостно пролилъ бы кровь и принялъ свѣтлый небесный вѣнецъ. — «Объ женѣ, — князь говорилъ: — ты не кручинься; будетъ ей и тепло и покойно»... А когда княгиня Варвара Михайловна съ мужемъ стала прощаться, господа, шляхетные знакомцы и дворня навзрыдъ зарыдали... Смотрѣть безъ слезъ не могли, какъ обвилась она, сердечная, вкругъ мужа и безъ словъ, безъ дыханья повисла на шеѣ. Такъ безъ чувствъ и снесли ее въ постелю. Перекрестилъ жену князь Борисъ Алексѣичъ, поцѣловалъ и въ карету сѣлъ.

По отъѣздѣ заборовская жизнь еще тише пошла отъ того, что княгиня много грустила. Пріѣздъ бывалъ не великій, праздниковъ, обѣдовъ не стало. Князь Алексѣй Юрьичъ не отходилъ отъ снохи, всячески ее спокоилъ, всячески утѣшалъ. Письма стали доходить отъ молодого князя; про баталіи писалъ, писалъ, что дальше въ Прусскую землю идти ему не велѣно, указано оставаться при полкахъ въ городѣ Мемелѣ. Княгиня веселѣй стала, а она весела — и все весело. Опять стали гости въ Заборье сбираться; опять пошли обѣды да праздники. И все было добро, хорошо, тихо и стройно.

Позавидовалъ врагъ рода человѣческаго. Подосадовалъ треклятый, глядя на новые порядки въ Заборьѣ. И вложилъ въ стихшую душу князь Алексѣя Юрьича помыслъ грѣховный, распалилъ стараго сластолюбца бѣсовскою страстью... Сталъ князь сноху на нечистую любовь склонять. Въ ужасъ княгиня пришла, услыхавши отъ свекра гнусныя рѣчи... Хотѣла образумить, да гдѣ ужъ тутъ!.. Вывелъ окаянный князя на стару дорогу...

— А! еретица!.. Честью не хочешь, такъ я тебѣ покажу.

И велѣлъ кликнуть Ульяшку съ Василисой: бабищи здоровенныя, презлющія.

— Ну-ка, — говоритъ. — По старинѣ!..

Закрутили бабы княгинѣ руки назадъ и тихимъ обычаемъ пошли по своимъ мѣстамъ. А князь гаркнулъ въ окошко:

— Рога!

Въ двѣсти роговъ затрубили, собачій вой поднялся, и за тѣмъ содомомъ ничего не было слышно...

И пошла-поѣхала гульба прежняя, начались попойки денноношцныя, опять визгъ да пляску подняли барскія барыни, опять стало въ домѣ кабакъ-кабакомъ... Попрежнему шумно, разгульно въ Заборьѣ... И кошки да плети попрежнему въ честь вошли.

А про княгиню Варвару Михайловну слышно одно: больна да больна. Никто ее не видитъ, никто не слышитъ — ровно въ воду канула. Болтали, къ мужу-де въ Мемель просилась, да свекоръ не пустилъ, оттого-де и захворала.

Былъ въ княжеской дворнѣ отпѣтый головорѣзъ Гришка Шатунъ. Смолоду десять годовъ въ бѣгахъ находился; сказывали, въ Муромскомъ лѣсу, у Кузьмы Рощина въ шайкѣ онъ жилъ. Когда разбойника Рощина словили. Шатунъ воротился въ Заборье охотой... И князь Алексѣй Юрьичъ мало-по-малу его возлюбилъ, приблизилъ къ себѣ и зналъ черезъ него все, чтò гдѣ ни дѣлается. Терпѣть не могли Шатуна, ровно нечистой силы боялись его.

Перехватилъ окаянный письмо, чтò княгиня къ мужу послала. Прочиталъ старый князь и насупился. Цѣлый день взадъ да впередъ ходилъ онъ по комнатамъ, самъ руки назадъ, думу думаетъ да посвистываетъ. Ночи темнѣй —-не смѣетъ никто и взглянуть на него...

Изъ Зимогорска отъ губернаторскаго секретаря письмо подаютъ. Пишетъ секретарь, держалъ бы князь ухо вострò; губернаторъ-де съ воеводой хоть и пріятели вашего сіятельства, да забыли хлѣбъ-соль: получивши жалобу княгини Варвары Михайловны, розыскъ въ Заборьѣ вздумали дѣлать.

Опять молча. одинъ-одинешенекъ, цѣлый день ходилъ князь по комнатамъ дворца своего. Не ѣлъ, не пилъ, все думу какую-то думалъ... Вечеромъ Гришку позвалъ. Держалъ его у себя чуть не дò свѣту.

На другой день приказъ — снаряжать въ дорогу княгиню Варвару Михайловну. Отпускалъ къ мужу въ Мемель. Осеннимъ вечеромъ — а было темнò, хоть глазъ уколи — карету подали. Княгиня прощалась со всѣми, подошелъ старый князь — вся затряслась, чуть не упала.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, — говоритъ онъ: — прощай. сношенька... Сажайте княгиню въ карету.

Посадили. Сзади сѣли Ульяшка съ Василисой, на козлахъ Шатунъ.

Ночью князь въ саду пробылъ немалое время... Своими руками Розовый павильонъ заперъ и ключъ въ Волгу бросилъ. Всѣ двери въ садъ заколотили, и былъ отданъ приказъ близко къ нему не подходить.

Въ ту же ночь безъ вѣсти пропала Никифора конюха дочь. Чудное дѣло!.. Недѣли четыре дѣвку лихоманка трепала — жизни никто въ ней не чаялъ, и вдругъ сбѣжала... Съ той поры объ Аришкѣ ни слуху ни духу... Много чудились. а зря языкъ распускать никто не посмѣлъ...

Проводивши княгиню, Гришка Шатунъ съ обѣими оабами домой воротился. Докладываетъ, княгиня-де Варвара Михайловна на дорогѣ разнемоглась, приказала остановиться въ такомъ-то городѣ, за лѣкаремъ послала; лѣкарь былъ у нея, да

помочь ужъ было нельзя, черезъ трое сутокъ княгиня преставилась. Письмо князю подалъ отъ воеводы того города, отъ лѣкаря, что̀ лѣчилъ, отъ попа, что̀ хоронилъ. Взялъ письма князь и, не читавши, сунулъ въ карманъ.

По кончинѣ князя Алексѣя Юрьича, Василиса каялась, что княгиню Варвару Михайловну, только-что изъ Заборья они выѣхали, задней дорогой подвезли къ Розовому павильону, а намѣсто ея посадили въ карету больную Аришку. Когда же дорогой Аришкѣ смерть приключилась, замѣсто княгини ее схоронили.

Гришки съ Ульяшкой скоро не стало. На другой либо на третій день послѣ того, какъ они воротились, послалъ ихъ князь по какому-то дѣлу за Волгу. Осень была, по рѣкѣ «сало» пошло. Поѣхалъ Шатунъ съ Ульяшкой, стало ихъ затирать, лодчонка плохая — пошли ко дну... Когда закричали въ Заборьѣ, наши-де тонутъ, на вѣнцѣ горы сталъ недвижимъ князь Алексѣй Юрьичъ, руки за спину заложивши. Вѣтеръ шляпу сорвалъ, а онъ стоитъ, глазъ не сводитъ; зорко глядитъ на людскую погибель, сѣдые волосы вѣтеръ такъ и развѣваетъ... Пошли ко дну, перекрестился, и тотчасъ домой...

Василиса наканунѣ того дня сбѣжала. Разлютовался князь. «Подавай Василису живую иль мертвую». Докладываютъ: пошла къ свату въ сосѣдню деревню, захмелѣла, легла спать въ овинѣ, овинъ сгорѣлъ, и Василиса въ немъ... Строгіе розыски дѣлалъ, самъ на овинное пожарище ѣздилъ, обгорѣлыя косточки тростью пошевырялъ. Увѣрился, стихъ... А тѣ обгорѣлыя кости были не Василисины, а нѣкоего забѣглаго шатуна, что̀ шелъ въ Заборье на княжіе харчи. Шелъ на волю да на пьяное житье, попалъ въ овинъ, а оттуда въ жизнь вѣковѣчную... И то дѣло Василисинъ деверь состряпалъ. Былъ онъ на ту пору великъ человѣкъ у князя Алексѣя Юрьича.

«Концы въ воду, басни въ кустъ, — утѣшаетъ себя князь. — Двадцать розысковъ наѣзжай — ничего не разыщутъ».

Запили, загуляли — чуть не всѣ погреба опростали. Двѣ недѣли всѣ пьяны были безъ просыпу. А изъ города вѣсти за вѣстями — розыскъ ѣдетъ, а князю и горюшка нѣту — гуляетъ!.. Большихъ господъ на ту пору ужъ не было, и мелкое шляхетство стало рѣдѣть, знакомцы и тѣ кажду ночь по два да по три человѣка зачали бѣгать. Иные, помня княжую хлѣбъ-соль, докладывали ему, поберегся бы маленько, ходятъ-де слухи, розыскъ въ Заборье готовятъ... У князя одинъ отвѣтъ: «Это будетъ, когда чортъ умретъ, а онъ еще и не хварывалъ. Пріѣдетъ губернаторъ — милости просимъ: плети готовы»... А шляхетство все тягу да тягу. Пришлось подъ конецъ князю

съ одними холопами бражничать. На что піита — и тотъ сбѣжалъ.

Середь залы боченки съ виномъ. И пьютъ и льютъ, да тутъ же и спятъ вповалку. Дѣвки — въ чемъ мать на свѣтъ родила, волосы раскосматившп, по всему дому скачутъ да срамныя пѣсни поютъ. А князь немытый, небритый, нечесаный, въ одной рубахѣ, на коврѣ середь залы возлѣ боченка сидитъ да только покрикиваетъ: — «Эй, вы, черти, веселѣе!.. Головы не вѣшай, хозяина не печаль!..»

Что̀ денегъ онъ тогда безъ пути разбросалъ... Дѣвкамъ пригоршнями жемчугъ дѣлилъ, серьги, перстни, фермуары брильянтовые, матеріи всякія раздаривалъ, бархаты...

Разъ подъ утро узнаютъ: розыскъ наѣхалъ... Стихла гульба.

— По мѣстамъ! — сказалъ князь: — были бы плети наготовѣ. Я ихъ разыщу!

Приходитъ майоръ, съ нимъ двое чиновныхъ. Князь въ гостиной во всемъ парадѣ: въ пудрѣ, въ бархатномъ кафтанѣ, въ кавалеріи. Вошли тѣ, а онъ чуть привсталъ и на стулья имъ не показываетъ, говоритъ:

— Зачѣмъ пожаловать изволили?

— Велѣно намъ строжайшій розыскъ о твоихъ скаредныхъ поступкахъ съ покойной княгиней Варварой Михайловной сдѣлать.

— Что̀-о? — крикнулъ князь и ногами затопалъ. — Да какъ ты смѣлъ, пащенокъ, холопскій свой носъ ко мнѣ совать?.. Не знаешь развѣ, кто я?.. Отъ кого присланъ?.. Отъ воеводы-шельмеца, аль отъ губернатора-мошенника?.. И они у меня въ передѣлѣ побываютъ... А тебя!.. Плетей!..

— Уймись, — говоритъ майоръ. — Со мной шкадронъ драгунъ, а присланъ я не отъ воеводы, а изъ тайной канцеляріи, по именному ея императорскаго величества указу...

Только вымолвилъ онъ это слово, всѣмъ тѣломъ затрясся князь. Схватился за голову да одно слово твердитъ:

— Охъ, пропалъ... охъ, пропалъ!

Подошелъ къ майору смирнехонько, божится, что знать ничего не знаетъ и ни въ чемъ не виноватъ, что если-бъ жива была княгиня Варвара Михайловна, сама бы невинность его доказала.

— Покойница княгиня о твоихъ богомерзкихъ дѣлахъ своей рукой ея императорскому величеству челобитную писала. Гляди!

И показалъ княгинино челобитье.

— Прозѣвалъ, значитъ, Шатунъ!.. — прошепталъ князь. — Счастливъ, что на свѣтѣ нѣтъ тебя.

— Въ силу даннаго намъ указа,— говоритъ майоръ:—во все время розыска быть тебѣ, князь Алексѣй княжь Юрьевъ сынъ Заборскій, въ своемъ домѣ подъ жестокимъ карауломъ. Для того и драгуны ко всѣмъ дверямъ приставлены. Выхода отсель тебѣ нѣтъ.

Голосу у князя не хватаетъ.

Столы раскладываютъ, бумаги кладутъ, за столъ садятся, ничего князь не видитъ: стоитъ, глаза въ уголъ уставивши, одно твердитъ:

— Охъ, пропалъ, охъ, пропалъ!..

А майоръ розыскъ зачинаетъ. Говоритъ:

— Князь Алексѣй княжь Юрьевъ сынъ Заборскій. По именному ея императорскаго величества указу изъ тайной канцеляріи изволь намъ по пунктамъ показать доподлинную и самую доточную правду по взведенному на тебя богомерзкому и скаредному дѣлу...

— Не погуби!.. Смилуйся! Будьте отцы родные, не погубите старика!.. Ни впредь ни послѣ не буду... Будьте милостивы!..

И повалился князь въ ноги майору.

Великъ былъ человѣкъ, архимандритовъ въ глаза дураками ругалъ, до губернатора съ плетьями добраться хотѣлъ, а какъ грянулъ царскій гнѣвъ—майору въ ножки поклонился.

— Не погубите!.. — твердитъ. — Въ монастырь пойду, въ затворъ затворюсь, схиму надѣну... Не погубите, милостивцы!.. Золотомъ осыплю... Что ни есть въ дому, все ваше, все берите, меня только не губите...

— Встань,—говоритъ майоръ.—Не стыдно-ль тебѣ? Вѣдь ты дворянинъ, князь.

— Какой я дворянинъ!.. Что мое княжество!.. Холопъ я твой вѣковѣчный: какъ же мнѣ тебѣ не кланяться?.. Милости вѣдь прошу. Теперь ты великъ человѣкъ, все въ твоихъ рукахъ, не погуби!.. Двадцать тысячъ рублевъ сейчасъ выдамъ, только бы все въ мою пользу пошло.

— Полно бездѣльныя рѣчи нести, давай отвѣтъ въ силу даннаго намъ указа.

Поднялся князь на ноги, скрѣпилъ себя, грозно нахмурился и глухо отвѣтилъ:

— Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Смотри, не пришлось бы намъ ту комнату застѣнкомъ сдѣлать. Не хочешь добромъ подлинной правды сказать—другія средства найдемъ: кнутъ не ангелъ—души не вынетъ, а правду скажетъ.

Опустился на кресло князь, побагровѣлъ весь, глаза закатились, еле духъ переводитъ.

— Ой, пропалъ!..—твердитъ.—Ой, не снесу!..

Посмотрѣлъ на него майоръ... Остановилъ розыскъ до другого дня.

Къ князю никого не допускаютъ. Ходитъ одинъ-одинешенекъ по запустѣлому дому, волосы рветъ на себѣ, воетъ въ источный голосъ.

Идетъ по портретной галлерсѣ, взглянулъ на портретъ княгини Варвары Михайловны—и сталъ какъ вкопанный...

Чудится ему, что лицо княгини ожило, и она со скорбью, съ укоромъ головкой качаетъ ему...

Грянулся о полъ... Языкъ отнялся, движенья не стало...

Подняли, въ постель уложили. Что-то маячитъ, но понять невозможно, а глаза такъ и горятъ. Майоръ посмотрѣлъ, за лѣкаремъ послалъ, людей допустилъ.

Кинулъ лѣкарь руду. Маленько полегчало. Хоть косно, а сталъ кой-что говорить. Дворецкаго подозвалъ.

— Замажь, говоритъ, лицо на портретѣ княгини Варвары Михайловны. Сію же минуту замажь.

Замазали. Докладываютъ.

— Ладно,— молвилъ.—Не скажу теперь майору.

Думали — бредитъ, взглянули — духу нѣтъ...

Такъ розыску и не было.

МЕДВѢЖІЙ УГОЛЪ.

Разсказъ.

Въ Зимогорской губерніи есть уѣздный городъ Чубаровъ — глушь страшная.

Тому городу другого имени нѣтъ, какъ Медвѣжій Уголъ.

Чтò за дорога туда! Ровная, гладкая — ни горки, ни косогора, ни изволочка, — скатерть-скатертью. Мѣста сыроваты, но грунтъ хрящевикъ: цѣлое лѣто ливмя лей, грязей не будетъ.

Не перероютъ чубаровску дорогу водороины, не наплыветъ на нее съ боковъ текучей грязи и всякой мерзости, и въ рабочую пору разсыльный не выгонитъ на нее мужика, съ лопатой на плечѣ да съ краюхой хлѣба на пестерѣ, верстъ за двадцать отъ дому — чинить путь-дорогу ради благополучнаго проѣзда его превосходительства господина губернатора.

Благодарятъ Создателя мужики чубаровскіе, не больно обидна по ихнимъ мѣстамъ повинность дорожная. Зато скорбятъ, плачутся и Богу жалуются тѣ, кому судьба даровала жребій заправлять натуральными повинностями. Съ какой завистью, съ какой затаенной злобой смотритъ исправникъ чубаровскій на уѣзды сосѣдніе! Тамъ и глинка размывистая, и горы съ изволоками, и топи, и гати — и заготовка фашинника!.. Не столь попъ великому посту да богатому покойнику радъ, сколько рады въ тѣхъ уѣздахъ исправники октябрю мѣсяцу, когда расписаніе дорожныхъ участковъ составляется. А въ Чубаровѣ, въ этомъ «чортовомъ болотѣ», не то что отъ расписанія, отъ самаго даже развода участковъ никакой поживы нѣтъ. «Плохой уѣздъ, алтынный уѣздъ!..» — говорятъ про него и въ губернскомъ правленіи и въ губернаторской канцеляріи.

Пытался исправникъ чубаровскій, Иванъ Алексѣичъ Чирковъ, избыть бѣду неизбывную, пытался исправить бѣду не-

неправимую. Вздумалъ дѣло сотворить — и самому бы тепленько было, и кого послѣ него дворянство въ исправники выберетъ, помянулъ бы добромъ предмѣстника, панихиду-бъ отпѣлъ за упокой души его. Не удалось...

Получаетъ отъ губернатора предписаніе. Требуетъ онъ «для государственныхъ соображеній, подробнаго и тщательнаго описанія дорогъ почтовыхъ, торговыхъ, проселочныхъ, какъ искусственныхъ, такъ и грунтовыхъ, съ показаніемъ удобствъ и неудобствъ оныхъ, какъ въ видахъ административной коммуникаціи, такъ и въ отношеніи къ вящшему распространенію мѣстной торговли и промышленности, представивъ притомъ свои соображенія о проложеніи новыхъ, болѣе удобныхъ путей сообщенія, въ видахъ общей государственной пользы».

Иностраннымъ языкамъ Иванъ Алексѣичъ не обучался, потому «административной коммуникаціи» не разумѣлъ, но на «споспѣшествованіи» придумалъ штуку разыграть.

Какъ дважды-два доказалъ онъ губернскому начальнику, что народъ обѣднялъ и промыслы упали, и въ торговлѣ застой оказался, самое даже отечество бѣдствуетъ единственно по той причинѣ, что чубаровская почтовая дорога проложена не тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть. Для «вящшаго преуспѣянія и споспѣшествованія къ развитію» Иванъ Алексѣичъ придумалъ новую дорогу тамъ проложить, гдѣ самъ лѣшій подумавши ходитъ. Зато сколько мостовъ, сколько гатей!.. Всѣ эти топи, мочажины, болота, теперь лежащія впустѣ, не принося никому пользы, уже представлялись ему богатой оброчной статьей въ видѣ гатей, ежегодно перестилаемыхъ, мостовъ, каждый годъ перекрашиваемыхъ. Во снѣ и наяву мерещится ему, какъ изъ вонючихъ, никуда негодныхъ болотъ прыгаютъ въ карманъ золотенькіе и сыплются пачки бумажекъ радужныхъ. Прекраснымъ, благодатнымъ мѣсяцемъ сталъ для него холодный, дождливый октябрь!

Жидъ Мессію иль концессію на желѣзную дорогу такъ ждетъ, какъ ожидалъ Иванъ Алексѣичъ разрѣшенія на свое представленіе. И вдругъ: «будетъ въ виду вашъ проектъ при общемъ соображеніи объ устройствѣ грунтовыхъ дорогъ въ государствѣ».

Ждетъ Иванъ Алексѣичъ общаго соображенія, ждетъ, ждетъ, и вдругъ умираетъ, запарившись въ банѣ: русскій человѣкъ, по-русски и померъ. Былъ оплаканъ семьей, секретаремъ и становыми. Почесала въ затылкѣ губернаторская канцелярія, сморщилось губернское правленіе; его превосходительство при всѣхъ изволилъ сказать: «Жаль — исправникъ былъ расторопный».

И приказалъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ некрологъ его напечатать.

Прошло немало времени и послѣ блаженной кончины Ивана Алексѣича, разрѣшенія на представленіе не было. До сихъ поръ благодарятъ Создателя мужики чубаровскіе, что не обидна имъ повинность дорожная, до сихъ поръ скорбятъ, плачутся, Богу жалуются тѣ, кто вѣдаетъ въ Чубаровскомъ уѣздѣ натуральными повинностями.

Хороша дорога въ Чубаровъ,—скатерть-скатертью.

Подъ самымъ городомъ вдругъ стало меня немилосердно поталкивать. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Заметало тарантасъ во всѣ стороны, того и гляди—на бокъ. Во весь опоръ скакавшія лошади шагомъ пошли.

— Что за дорога? — вскрикнулъ я.

— Городская, — отвѣчалъ ямщимъ.

Такіе плоды преуспѣянія городского хозяйства обыкновенны. Съ терпѣніемъ Іова ждалъ я минуты, когда подъѣду къ длинному, версты на полторы черезъ болото построенному мосту. Другой конецъ его упирался въ главную и единственную городскую улицу. Издали бѣлѣлась и свѣтлѣлась широкая гладь мостового полотна. «Ну, думаю, отдохнутъ мои косточки».

Не тутъ-то было: ямщикъ своротилъ направо и потащился топкимъ болотомъ; колеса вязли по ступицу, добрые кони едва духъ переводили.

— Куда ты, куда ты? — крикнулъ я ямщику. — Ступай по мосту.

— По мосту? Заказанъ. Вонъ и шлахбанъ спущенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возлѣ развалившейся будки былъ спущенъ ветхій шлагбаумъ. Кромѣ воронъ, сидѣвшихъ на перилахъ, да квакавшихъ въ болотѣ лягушекъ, ничего живого вокругъ не было, но никто не дерзалъ, поднявъ шлагбаумъ, проѣхать заповѣднымъ мостомъ. Столь свято исполняются въ Зимогорской губерніи начальственныя распоряженія. Губернія благонадежная...

— Отчего-жъ по мосту нѣтъ ѣзды?

— Заказано. Казенный сталь, берегутъ, — отвѣтилъ ямщикъ.

— Зачѣмъ же его строили?

— А губернаторъ наѣдетъ, либо изъ нáбольшихъ кто.

— Давно-ль такіе порядки?

— Не такъ чтобъ давно, — отвѣчалъ ямщикъ, помахивая кнутомъ надъ лошадьми... — Эхъ, вы, голубчики, ну, ну, ну-у!.. Съ самыхъ съ тѣхъ поръ, какъ мосты да дороги на земство поворотили и зачали ими алхитехтуры заправлять... Эхъ, вы,

ну, ну!.. А прежде дорога и здѣсь была знатная, и по̀ мосту ѣздили всѣ невозбранно... Ну, ну, соколики!

— Отчего-жъ запретили по̀ мосту ѣздить?

— Кто ихъ знаетъ?.. Такіе порядки!.. Эхъ, ну, ну, вы!.. Кормиться тоже и алхитехтурамъ надо, безъ того нельзя!.. Эхъ, вы, матушки, вывози, вывози, поштенныя!.. Ѣсть-пить всякому надо... Только нашему брату совсѣмъ бѣда!.. Глядь-ка. кака маята ко̀нямъ-то!.. Ну, тащи, тащи, соколики!.. А прежде алхитехтуровъ да анженеровъ слыхомъ не слыхать!.. Эхъ, ну, ну, вы!

Мучимые комарами, что̀ толклись надъ болотомъ, съ полчаса промаялись мы. Проѣзжая мимо моста съ тоненькими, старенькими стойками, понялъ я расчетъ строителей. Сдѣлавшись съ подлежащей властью, то-ль еще творятъ они по глухимъ мѣстамъ, такія-ль еще бѣды строятъ народу Божьему! А все больше поляки да нѣмцы.

Въ Медвѣжьемъ Углу гостинницъ нѣтъ. Привезли меня къ Абрамовнѣ, что̀ содержитъ единственный въ городѣ постоялый дворъ. По счастью, нашлась порожняя горенка; тамъ кой-какъ я расположился. Объ удобствахъ рѣчи не было, и за то слава Богу, что комнатка нашлась.

Не успѣлъ оглядѣться, какъ услышалъ сильнѣйшій храпъ. Кто-то рядомъ отдыхалъ въ часъ полуденный. Богатырскіе звуки неслись изъ сосѣдней горенки, куда вела растворчатая, сильно покоробленная и не очень плотно затворявшаяся дверь. Она была заперта чернымъ, рѣпчатымъ замко̀мъ *) на двухъ ко̀льцахъ. Вошла здоровенная дѣвка въ засаленномъ, темносинемъ, китаечномъ сарафанѣ, пестромъ ситцевомъ передникѣ и сильно поношенномъ шелковомъ платкѣ на головѣ.

— Самоварчикъ вашей милости не поставить ли?

— Какой теперь самоваръ!.. Кто это у васъ такъ похрапываетъ?

— А Гаврила Матвѣичъ, — отирая передникомъ потное лицо, отвѣчала работница Абрамовны.

— Какой Гаврила Матвѣичъ?

— А Уткинъ Гаврила Матвѣичъ. подрядчикъ, — отвѣчала работница, удивленная моимъ незнаньемъ такой знаменитости. — Острогъ строитъ, наѣзжаетъ за работой приглядѣть. Завсегда у Ѳедосьи Абрамовны становится.

— Купецъ? — спросилъ я.

— Какъ вашей милости сказать? Не больно разумѣю я

---

*) Черный. т.-е. желѣзный висячій замокъ. Рѣпчатый — наподобіе сплюснутаго шара, рѣпой.

отвѣтить-то... Купецъ, надо быть, — молвила работница. — Пишется деревни Бѣлавки удѣльнымъ крестьяниномъ, вотъ недалече отсель деревня Бѣлавка есть. Тамъ и домъ у него, и крупчатка о четырехъ поставахъ, фабрику недавно полотняную поставилъ въ Бѣлавкѣ-то. Самъ-отъ больше по губерніи *) проживаетъ. По всему какъ есть купецъ. По свидѣтельству что-ль какъ-то торгуетъ, не умѣю сказать доподлинно: наше дѣло женское — до всякой точности не доходимъ. Да вы дальній, видно?

— Дальній.

— То-то.

— А почемъ ты узнала, что дальній я?

— А Гаврилы-то Матвѣича не знаете. Его всѣ знаютъ. И начальство и большіе господа.

— Вотъ какъ!

— Да-а... Гаврилу Матвѣича всѣ знаютъ... Такъ самоварчикъ не потребуется?

— Нѣтъ, не потребуется.

— Ну ладно.

Ушла. А храпъ Гаврилы Матвѣича громче да громче раздавался по моему «покойчику». Силъ не стало, и хоть жаръ еще не свалилъ, хоть и усталъ я съ дороги, но—не слыхать бы этого храпу, пошелъ смотрѣть на Медвѣжій Уголъ.

Городъ какъ городъ. Каменный соборъ на грязной, немощеной базарной площади, нескончаемые заборы, незатѣйливой наружности бревенчатые домики, дырявые тротуары, заваленные всякой гадостью и травой поросшія улицы, каменныя присутственныя мѣста, развалившаяся больница, ветхій навѣсъ съ пустыми разсохшимися бочками, съ испорченными пожарными трубами, — словомъ, то, что̀ каждый видалъ не въ одномъ десяткѣ русскихъ городовъ. Не по торговымъ иль промышленнымъ надобностямъ возникали наши Чубаровы... При учрежденіи губерній ткнули пальцемъ на картѣ, сказали: «быть городу», и сталъ городъ. Оттого тѣмъ городамъ и чужда̀ городская жизнь. Сколь бы ни хлопотали о хозяйствѣ «медвѣжьихъ угловъ», какіе-бъ ни сочиняли инвентари ихъ имуществъ, какія-бъ ни производили изслѣдованія, какъ бы затѣйливо ни составляли росписи доходовъ и расходовъ, по силѣ коихъ, безъ разрѣшенія высшаго начальства, лишней метлы купить нельзя, — «медвѣжьи углы» на вѣки вѣчные останутся «медвѣжьими углами». Зато сёла, что̀ на бойкихъ, привольныхъ мѣстахъ построены, за̀просто, какъ Богъ послалъ — съ

*) Въ губернскомъ городѣ.

каждымъ годомъ богатѣютъ, каменные дома въ тѣхъ селахъ что грибы растутъ, кипитъ торговля, заводятся училища, больницы, даже библіотеки. Иваново, Павлово, Лысково, Кукарка, — сравните съ ними «медвѣжьи углы»... Гдѣ городъ, гдѣ деревня?..

Въ полчаса весь городъ узналъ. Ни единой живой души, ни единаго звука, ровно чума прошла, ровно вымеръ Чубаровъ... Спитъ, плотно пообѣдавши, Медвѣжій Уголъ. Изъ города, спящаго сномъ временнымъ, пошелъ я въ городъ спящихъ непробуднымъ сномъ. Тамъ, средь простыхъ крестовъ и голубцовъ, виднѣлись кой-гдѣ каменные памятники да обитые жестью столбики, строенные по правиламъ доморощеннаго зодчества... Читаю надгробныя надписи. Кромѣ изреченій изъ священнаго писанія, встрѣчаются другія.

„Подъ камнемъ симъ лежитъ коллежскій секретарь Котовъ,
„Рожденъ былъ отъ дворянъ, отечеству служить готовъ,
„Отецъ дѣтей невинныхъ и плачущей вдовы супругъ,
„Въ жизнь добродѣтеленъ, онъ умеръ вдругъ,
„Не могши избѣжать той горестной судьбины,
„Чтобъ не вкусить грозящей намъ кончины".

Вообще надписи длинноваты! Съ надлежащей подробностью означается, за сколько лѣтъ имѣлъ покойникъ безпорочную пряжку, сколько лѣтъ оставалось ему дослужиться до слѣдующаго чина, и что подъ судомъ и слѣдствіемъ не находился... Чубаровскіе покойники ранга невысокаго: коллежскіе секретари, титулярные совѣтники, есть майоръ... Однако нѣтъ! позвольте — вотъ памятникъ знатнаго человѣка:

„Подъ симъ камнемъ погребено тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣт-„ника, Россійскаго Императорскаго Двора оберъ-камергера, россійскихъ „орденовъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Святаго Благовѣр-„наго князя Александра Невскаго и Святаго равноапостальнаго Князя „Владиміра 1-го класса, прусскаго Чернаго орла, датскаго Слона и швед-„скаго Серафимовъ, князя Алексѣя княжь Михайловича (фамилія стер-„лась)... двороваго его человѣка Полуехта Спиридонова".

Возвращаясь съ кладбища, пошелъ я къ острогу. Рабочіе высыпались и косно брались за работу. Въ ямѣ съ известкой два парня безъ толку болтали весёлками, работа не спорилась, известка сваривалась въ комья. Къ неумѣлымъ подошелъ крѣпкій, коренастый, невысокаго роста старикъ. Хоть и стояли іюльскіе жары, на немъ была надѣта поношенная, крытая синей крашениной шубенка, а на головѣ мѣховой малахай.

— Эхъ, вы, горе-ребята!.. — молвилъ онъ, подойдя къ известковой ямѣ. — Замѣсить-то, пострѣлы, путемъ не умѣете!.. А туда-жь каменщики!.. Эхъ, вы!.. Дай-ка весёлко-то.

И, взявши весёлко, старикъ такъ пошелъ работать, что молодому бы впору.

— Эхъ, ты, яма, матушка!.. — онъ приговаривалъ. — Хозяина дождалась!.. Смотрите, горе-ребята, гляди, какъ мѣсить слѣдуетъ. Вотъ какъ, вотъ какъ!.. А вы что?.. Киселышки!.. Гляди-ка ты!.. Вотъ какъ, вотъ какъ слѣдуетъ!.. А тоже каменщики!.. Эхъ, вы, горе!..

Да сразу и замѣсилъ.

— Ванюха!.. Для че перекладину-то мало запущаешь?.. Какая тутъ прочность будетъ?.. Не на одинъ годъ строится... Глубже пущай.

— Алхитехтуръ такъ велѣлъ, Гаврила Матвѣичъ, — отозвался подмастерье, прилаживая перекладину надъ ворòтами.

— Знаетъ плѣшиваго бѣса твой алхитехтуръ!.. А лѣтъ черезъ пять стѣна трещину дастъ, тогда твоего алхитехтура ищи да свищи, а мнѣ отъ начальства остуда... Надо, Ванюха, всяко дѣло дѣлать по-божески... Пущай, пущай-ка ты ее глубже. Пущай!..

И вездѣ, во всѣхъ мелочахъ зоркій глазъ Гаврилы Матвѣича мѣтко слѣдилъ за работой. Во всѣхъ его распоряженьяхъ виденъ былъ не такой подрядчикъ, къ какимъ всѣ привыкли. Не хотѣлось ему строить казеннаго дома на живую нитку: начальству въ угоду, архитектору на подмогу, себѣ на разживу, а развалится послѣ свидѣтельства, чортъ съ нимъ: — слабый грунтъ, значитъ, вышелъ, — вина не моя, была воля Божія.

Заговорилъ я съ Гаврилой Матвѣичемъ. Сначала старикъ не больно распоясывался, кинетъ нѐхотя словечко и пойдетъ покрикивать на Ванекъ да на Гришекъ. Но когда я назвалъ себя старику, онъ спросилъ меня:

— Не про тебя-ль, баринушка, слыхалъ я отъ нашего управляющаго, отъ Ивана Владимірыча?

— Можетъ статься. Знакомъ съ нимъ.

— Такъ и есть... Слыхалъ про тебя. Знаю, что Ивану Владимірычу ты пріятель, значитъ, человѣкъ хорошій, худого человѣка онъ не похвалитъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, Гаврила Матвѣичъ. Стало-быть, довольны вы Иваномъ Владимірычемъ?

— Неча и говорить!.. На начальство-то не похожъ, вотъ каковъ человѣкъ!.. Одно слово: человѣкъ-душа. И всяку крестьянску нужду знаетъ, ровно родился въ банѣ, выросъ на полатяхъ. И говорить-то по-нашему, по-русски то-есть, не какъ иные господа, что ихней рѣчи и въ толкъ не возьмешь. Всяко крестьянско дѣло знаетъ, а законъ даетъ по правдѣ да

по любви. Такой баринъ, что живи за нимъ, что за каменной стѣной, самъ только будь хорошъ да поступай по правдѣ да по любви.

— Подрядами занимаешься?.. — спросилъ я.

— И подрядами маленько займуюсь, — отвѣтилъ Гаврила Матвѣичъ. — Да пропадай они, эти подряды!.. Бѣдовое, баринъ, дѣло.

— А что?

— Да что!.. Обиды много, толку мало... Извѣстно — дѣло казенное, каждому желательно руки погрѣть. И казну забижаютъ, и нашего брата не забываютъ. Не приведи Господи!

— Кто-жъ?

— У кого глаза во лбу да руки на плѐчахъ. Лѣнивый только обиды тебѣ не сдѣлаетъ... Слышь ты, Митрей! Клади кирпичъ-отъ ровнѣй. Гдѣ у тя глаза-те? Эхъ, ты, голова съ мозгомъ!

— А вѣдь мы съ тобой, Гаврила Матвѣичъ, сосѣди.

— Какъ такъ?

— Вѣдь ты на постояломъ?

— У Абрамовны.

— И я тамъ же. Рядомъ съ тобой.

— Ой-ли?

— Да.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ ко дворамъ-то. По пути будетъ.

— Пойдемъ, Гаврила Матвѣичъ.

Весь вечеръ просидѣлъ я со старикомъ. Сначала былъ онъ не очень разговорчивъ: хвалилъ Ивана Владимірыча, толковалъ про обиды, а въ чемъ тѣ обиды — не сказывалъ. Подъ конецъ разговорился.

— Казенное дѣло, — сказалъ онъ, — оттого дорого, что всякъ человѣкъ глядитъ на казну, что на свою мошну: лапу запускаетъ въ нее по-хозяйски. Казной корыстоваться невпримѣръ способнѣй, чѣмъ взятки брать... Съ кого взялъ, тотъ, пожалуй, «караулъ» закричитъ, а у матушки казны нѣтъ языка... За то ее и грабятъ.

«Завели счеты да повѣрки, думаютъ руки связать!.. Какъ не такъ! Съ тѣми счетами казну грабить сподручнѣе, потому что по счетамъ концы схоронить ловчѣй, а на повѣрку не ангеловъ Божьихъ посылаютъ... Какой человѣкъ рыло отворотитъ, когда ему въ зубы калачикъ суютъ?.. А?

«Постройку взять. Этой частью сызмальства займуюсь. Мальчишкой кирпичъ на лѣса таскалъ, потомъ въ артели былъ, а по времени. Богъ благословилъ, хозяиномъ сталъ...

Эту статью знаю вдосталь. Въ прежни годы, барпнушка, по этой части совѣсти было больше. Нынче не то. Въ прежни-то годы на всю губернію алхитехтуръ одинъ, а нынче гляди-ка что̀ ихъ развелось. А пріѣзжаетъ все голь и вся-то эта голь хочетъ скорѣй наживы. Анжинеръ хуже, для того, что анжинеръ форсистѣе. Онъ, видишь ты, съ аполетами — значитъ, ему денегъ больше надо.

«Смѣту составятъ. Городничій аль полицмейстеръ заодно. Даютъ справочны цѣны впятеро выше базарныхъ, а урочное положеніе — дѣло широкое: карасей ловить можно. Нарочно такъ и писано... Такую состряпаютъ смѣту, что на смѣтны-то деньги, замѣсто одного дома, два либо три выстроишь. Послѣ торговъ, когда желающіе обозначатся, анжинеръ и шлетъ за тобой, говоритъ: «Ты, борода, помни, что десять процентовъ мои: это ужъ такъ вездѣ по казеннымъ дѣламъ, да окромѣ тѣхъ десяти «казенныхъ» давай еще десять процентовъ «строительныхъ». Не дашь, въ гробъ законопачу, залоги твои пропадутъ». — «Какъ же, ваше благородіе? — молвишь: — не сходно вѣдь?» — «Сходно, говоритъ, будетъ, чортъ ты этакій, для того, что сверхсмѣтны работы тебѣ предоставлю. Исполнять ихъ тебѣ не придется, а деньги, что̀ получимъ за нихъ, пополамъ. Своей половиной ты все наверстаешь. А контрактъ подпишешь, пять процентовъ то̀тчасъ неси, такъ дѣло будетъ вѣрнѣй». Какъ быть? Подрядчикъ завсегда у него въ рукахъ: можетъ онъ тебя на первомъ же дѣлѣ, на свидѣтельствѣ матеріаловъ, такъ прижать, что жизни не будешь радъ. Въ разоръ разоритъ — самъ-отъ чистъ выйдетъ, еще крестъ за сохраненіе казеннаго интереса возьметъ, а ты со своимъ усердіемъ да дурацкой простотой купайся. Поэтому хошь на торгахъ и сносишь цѣну, да сносишь такъ, чтобъ двадцать алхитехтурскихъ процентовъ не изъ своего кошеля вынимать, да чтобы не изъ своихъ денегъ и полицмейстеру заплатить, потому что и онъ притѣсненіе можетъ сдѣлать, потому и должѐнъ ты его задарить».

— Полицеймейстера-то зачѣмъ же задаривать, Гаврила Матвѣичъ? Не его дѣло.

— Подрядчикъ завсегда въ его рукахъ: всякій часъ можетъ онъ ему пакости сдѣлать. Рабочихъ со стройки сгонитъ: «табельный, дескать, день сегодня». Табели-то хоть и нѣтъ, да ужъ это его дѣло: какую табель захочетъ, таку и нагонитъ. Перо да бумага въ его рукахъ, а мы люди хоть мятые, а дѣло-то наше все-таки темное. И строительная комиссія для чего-нибудь да сдѣлана... И въ ней люди пить-ѣсть хотятъ. Не ублаготворишь: изобидятъ за всяко просто, да такъ, что

дома не скажешься. Поэтому на торгахъ и комиссію на памяти держишь, чтобъ и ей не изъ своего кошеля вынимать. Да еще обѣды: при закладкѣ обѣдъ, при освященьи другой. Тутъ все начальство зови, губернаторскаго повара найми — безъ того нельзя: другого не смѣй нанимать. Полицмейстеръ съ генеральской дворней завсегда другъ-пріятель, спокону вѣку ведется такъ. Потому и зови повара губернаторскаго, а торговаться не смѣй, не то полицмейстеръ такую тебѣ табель загнетъ, что послѣ не вспомнишься... Обѣдъ же для такого случаю нуженъ зазвонистый, со всякими, значитъ, фруктами, съ бакалеями и со всѣмъ, какъ оно есть... А благословясь за работу, алхитехтуръ на стройку къ тебѣ пожалуетъ. Пора лѣтняя, жарко, упарится. «Мочи, говоритъ, нѣтъ; давай холодненькаго». А «холодненькое» означаетъ шампанское, подавай бутылочку въ три цѣлковыхъ. Наведетъ пріятелей, и полдюжиной не управишься. Квартальному надо почесть сдѣлать, хожалаго уважить, будочниковъ обдарить. Счетецъ-отъ и выйдетъ кругленькій, оттого на торгахъ и нельзя сносить. Какъ ни вертись, тридцать пять процентовъ безпремѣнно по рукамъ разойдется, себѣ барыша хоть двадцать процентовъ надо, вотъ тебѣ и пятьдесятъ пять. А кому на шею?.. Казнѣ.

«Про стройку тебѣ говорю, а еще лучше — земляны работы: землю то-есть надо гдѣ срыть, аль набережную сдѣлать, откосъ, либо дамбу. Урочно-то положеніе, сказалъ я тебѣ, дѣло широкое, торговъ на большую земляну работу въ обрѣзъ сдѣлать невозможно, для того, что сквозь землю не видно, на какой грунтъ попадешь: единому Богу извѣстно. А копать песчаный, примѣромъ, грунтъ — одна цѣна, глину — другая, каменистый — во много разъ дороже. Попадешь на песчаный, а приставленный анжинеръ отписываетъ да деньги изъ казны беретъ за каменистый. Оно, значитъ, и можно деревеньку купить. Повѣрять пришлютъ ихняго же брата: въ одномъ мѣстѣ учились, однокашники — всѣ на одномъ стоятъ. Напоитъ, накормитъ наѣзжаго, барашка въ бумажкѣ сунетъ товарищу, песокъ за камень пойдетъ. Да какъ и повѣрять-то? Въ одномъ мѣстѣ землю вынутъ, въ другомъ ее насыпятъ — не копать же стать сызнова. А что столбиками-то землю ради повѣрки оставляютъ, такъ не хитрое дѣло лицевой столбикъ изъ какого хошь грунта сдѣлать. На это ихняго брата только и взять... Доточный народъ, ученый народъ.

«А гордіаны какіе, не приведи Господи!.. Самый то-есть неподходящій народъ... Былъ у меня лѣтось подрядъ въ Зимогорскѣ, откосъ на Покровскомъ съѣздѣ дѣлали, работами распоряжался Николай Ѳомичъ, Линквистъ прозывается: не то

изъ нѣмцевъ, не то изъ крещеныхъ жидовъ, хорошенько сказать не умѣю. Надо быть, изъ выкрестовъ... Вотъ ужъ человѣчекъ!.. Такъ и норовитъ оборвать тебя всячески... Слова другого отъ него не услышишь, какъ «мошенникъ», да «борода», да «канальи». Самъ взятку принимаетъ, а мошенникомъ обзываетъ тебя... Да то и дѣло твердитъ: «Стану я подлостями заниматься? Я вѣдь, говоритъ, не чернильная душа... Насъ, говоритъ, аполетами да усами пожаловали, значитъ, мундира марать нельзя». Да!.. у мундира-то языка нѣтъ, а то бы на весь народъ закричалъ: «шили меня, братцы, на крадены денежки!..»

«Ославлены становые съ квартальными, а тѣ невпримѣръ добрѣй, потому что, хоть бы Николай Ѳомичъ — и казну грабитъ и отъ взятки не прочь, только воруетъ да взятку беретъ съ гордостью; и обругаетъ тебя бравши, а подъ пьяну руку и поколотитъ. А тѣ люди простые, поступаютъ по-христіански: сорвать сорвутъ, да и доброе слово молвятъ, у тебя на душѣ-то и полегче.

«Стоитъ, баринушка, посмотрѣть на Николая Ѳомича, оченно стоитъ... Посмотри, какъ будешь въ Зимогорскѣ. Ходитъ гоголемъ, смотритъ звѣремъ, воруетъ какъ волкъ, передъ набольшимъ лебезитъ ровно полякъ. — А ужъ вретъ какъ, обманываетъ!.. Ни на грошъ въ томъ человѣкѣ правды нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ посмотри, стоитъ поглядѣть: забавный, право, забавный.

«А на выдумки хитрый! Взялъ я однова подрядъ: на шоссейну дорогу камень для ремонту выставить, разбить его, значитъ, и въ сажёнки укласть. Двадцать тысячъ подрядился выставить, на цѣлую, значитъ, дистанцію, а дистанціей заправлялъ Николай Ѳомичъ. Шлетъ за мной Юську, солдата-жиденка, что на вѣстяхъ при немъ былъ. Прихожу. Лежитъ мой Николай Ѳомичъ на диванѣ, куритъ цыгарку, кофей распиваетъ: только завидѣлъ меня, накинулся аки бѣсъ и началъ ругать-ругательски, за што про што — не знаю.

«— Ты, говоритъ, чортова борода, подрядъ-отъ на камень взялъ?

«— Точно такъ, говорю, ваше благородіе, мы-съ.

«— А знаешь ли, говоритъ, что ты теперь весь въ моихъ рукахъ? Захочу — по-міру пущу, на весь вѣкъ несчастнымъ сдѣлаю. Въ Сибирь могу сослать!.. Въ острогѣ насидишься!.. Руду будешь копать, каналья ты этакая, спину на площади вздуютъ.

«А самъ подъѣзжаетъ. Такъ и норовитъ въ рожу, и кулаки наготовѣ.

«Это онъ, знаешь, страху напущаетъ. Такая ужъ у нихъ поведенція.

«А я:

«— Да ты, говорю, ваше благородіе, лучше скажи, что̀ требуется... Для че по пустякамъ кричать!.. Кровь портишь. Печенка неравно лопнетъ...

«— А того мнѣ требуется, оретъ, чтобъ зналъ ты, мошенникъ этакій, что я твое начальство, чтобъ не смѣлъ ты, поганая бестія, изъ воли моей выходить ни на капельку.

«— Какъ же, говорю, нашему брату изъ воли начальства выходить? Всякое начальство о̀тъ Бога, это мы знаемъ.

«— То-то и есть, — говоритъ. — Ты у меня, чортова борода, гляди въ оба да ходи по стрункѣ, не то въ бараній рогъ согну. Сколько, распротоканалья ты этакая, камню поставить взялся?

«— Двадцать тысячъ, ваше благородіе.

«— Двѣ тысячи ставь, а за восемнадцать деньги мнѣ подай.

«— Какъ же такъ, говорю, ваше благородіе? Пріемка вѣдь будетъ.

«— Самъ, говоритъ, принимать стану. А умничать будешь, по-міру, каналью, пущу да въ придачу двѣ шкуры спущу.

«Что̀ станешь дѣлать? Человѣкъ хоша небольшой, а управы надъ нимъ нѣтъ. Поставилъ двѣ тысячи, разбилъ. Николай Ѳомичъ жидятамъ саженокъ изъ глины надѣлать велѣлъ да битымъ камнемъ и обложилъ ихъ. Жида на то взять, обрядитъ дѣло, иголки не подточишь. По времени изъ округа начальство наѣзжаетъ: скачетъ по шоссе сломя голову, само сажёнки считаетъ. Всѣ налицо. Говоритъ начальство Николаю Ѳомичу: «спасибо за̀ хлѣбъ за̀ соль, а шоссе у тебя исправно». Другое начальство скачетъ изъ самаго Питера, тоже сажёнки считаетъ: всѣ налицо, чинъ Николаю Ѳомичу, крестикъ въ петличку. По времени, сталъ онъ глиняны сажёнки раскидывать, а самъ отписываетъ: на ремонтъ, дескать, камень весь изошелъ. А чтобъ шоссе-то не больно портилось, круглый годъ у него полдороги бревнами заложено: чинятъ, дескать. Только и снимутъ бревна, какъ начальству проѣхать, а обозниковъ въ шею; да еще выпорютъ, коли вздумаютъ артачиться... Здѣшній-отъ мостъ видѣлъ?..

— Видѣть-то видѣлъ, а ѣздить не ѣздилъ.

— Заказанъ. Николай же Ѳомичъ заказалъ. Ему была та работа поручена, а подрядъ за мной оставался. Велѣлъ старый мостишко выстрогать, покрасить, да на старыхъ же стойкахъ и поставить. Съ городничимъ поладилъ... Вотъ теперь третій годъ ни коннаго ни пѣшаго, опричь начальства, по мосту не пущаютъ. На тотъ годъ думаютъ, слышь, пускать, ради ремонта, значитъ: ну, тогда хоть и провалится кто, ни-

чего: урочный срокъ вышелъ — значитъ, все въ порядкѣ... А по веснѣ можно наводненіе прописать: снесло, дескать, мостъ волею Божіею. Бумага все терпитъ. А послѣ того Николаю же Ѳомичу и новый-отъ мостъ строить дадутъ.

«А съ какой работы барышей нельзя получить, на ту Николай Ѳомичъ и не двинется. Гори, тони народъ, — ухомъ не поведетъ. Въ здѣшней губерніи городъ Мухинъ есть, стоитъ на горѣ надъ Волгой. Гора — страсть: стоймя стоитъ, а народъ еще сызстари ухитрился налѣпить по ней домишекъ, живетъ въ нихъ, и горя ему мало. Случается, что иной домъ въ Волгу съѣдетъ, да мухинцамъ это ни почемъ: поохаютъ, повздыхаютъ, да на томъ же мѣстѣ новы дома почнутъ лѣпить. А Мухинъ хоть на Волгѣ, а городъ безъ воды. За водой на Волгу ходить неспособно: гора крута, а родникъ во всемъ городу одинъ. Еще въ стары годы тотъ родникъ обрядили, а по улицѣ, что̀ подъ гору идетъ, деревянну трубу въ землѣ заложили, да ключъ-отъ въ нее и пустили. Чанъ врыли ведеръ ста въ три, вода-то въ него и стекала, и никогда въ томъ чану не переводилась. И на домашнюю потребу, и на случай Божія насланія, въ пожарное то-есть время, всегда было ея довольно. Такъ и жили мухинцы лѣтъ сто, коли не больше, попросту, безъ затѣй. Мало-по-малу труба засорилась: дѣло не мудреное. Видятъ мухинцы городску нужду, приговоръ составили, опредѣлили трубу починить и чанъ новый врыть на счетъ обывателей. Сдѣлали смѣту всего-то въ восемь съ полтиной. А хотя, по закону, городское общество и само можетъ такую дешевую постройку дѣлать, только этого сдѣлать невозможно, потому что начальство обижается, а обидѣвшись однимъ, на другомъ наверстаетъ. Оттого дума обо всякой постройкѣ, хотя-бъ она кусанаго гроша не стоила, губернскому правленію рапортуетъ. Такъ и въ Мухинѣ сдѣлали. Въ губернскомъ правленіи ихнюю бумагу прочиталъ регистраторъ, да и то съ налету. Видитъ, по строительной части, доложили, слушали, приказали: позаслать въ строительную комиссію. Тамъ свой журналъ слушали и приказали капитану Линквисту, отправясь на мѣсто, освидѣтельствовать происшедшую въ мухинскомъ «городскомъ водопроводѣ» порчу и представить свои соображенія о лучшемъ устройствѣ того водопровода. Посмотрѣлъ на бумагу Николай Ѳомичъ, да какъ увидалъ, что всей-то благодати на восемь съ полтиной, плюнулъ даже на нее, да еще промолвилъ: «не тому у насъ въ корпусѣ обучали, чтобъ такой дрянью заниматься».

«Проходитъ годъ, пріѣзжаетъ въ губернію мухинскій голова. Какъ водится — поклоны да подносы нужнымъ людямъ. За-

вернулъ и къ Николаю Ѳомичу, Христомъ Богомъ проситъ его дѣломъ о чанѣ поспѣшить: «Вода вѣдь совсѣмъ не бѣжитъ, ваше благородіе, оборони Господи — пожаръ, до тла сгоримъ». Какъ накинется на него Николай Ѳомичъ! Обругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ и потребовалъ триста цѣлковыхъ благодарности. «Помилуйте, — говоритъ голова: — вѣдь это дѣло плевое, всего-то восемь съ полтиной. Нельзя-ль подешевле?» Какъ зарычитъ, какъ затопаетъ Николай Ѳомичъ: насилу голова и ноги уплелъ... Еще годъ проходитъ, труба совсѣмъ засорилась, въ чану, какова есть капля воды, и той не стало... Еще годъ прошелъ — по улицѣ вода стала землю пучить, а тутъ почтовый трактъ пролегаетъ. Изрыла вода дорогу такъ, что и способу нѣтъ. До губернатора жалобы отъ проѣзжающихъ стали доходить, городского голову за нерадѣніе отъ службы удалили. Тотъ, извѣстно дѣло, радъ-радехонекъ, для того, что служба торговому человѣку хуже горькой рѣдьки. Сто цѣлковыхъ Николаю Ѳомичу свезъ, думалъ, знаешь, что отъ него это произошло. Тотъ, ничего, взялъ... Еще годъ, другой проходитъ. Мухинцы безъ воды волкомъ воютъ, а ему наплевать. Сыскались охотники изъ мѣщанъ сами трубу вычистить, въ Сибирь чуть не угодили: такую статью подвели, что еле-еле откупились. Пріѣзжалъ въ Мухинъ и губернаторъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «надо починить».

«Обыскался медвѣдь поблизости Мухина. Пали слухи въ губерніи. А Николай Ѳомичъ на медвѣдя охочъ былъ ходить: какъ заслышалъ, такъ и поскакалъ «по дѣлу о водопроводѣ». Медвѣдя застрѣлилъ, водосточной трубы въ глаза не видалъ, для того, что зима была, а изъ городскихъ доходовъ прогоны взялъ туда и обратно. И медвѣдя въ губернію на городской счетъ въ особыхъ саняхъ везъ: ѣхалъ Мишка подъ видомъ инструментовъ.

«Донесъ Николай Ѳомичъ: такъ и такъ, съѣздилъ въ городъ Мухинъ «по дѣлу о водопроводѣ», дѣлалъ нивеллировку, грунтъ нашелъ слабый, подземными ключами размываемый, рѣкою Волгой подмываемый, совсѣмъ ни на что неспособный; потому деньги за сондировку и нивелировку, полтораста рублей, въ уплату рабочимъ изъ моей собственности удержанные, покорнѣйше прошу возвратить откуда слѣдуетъ, а для благосостоянія города Мухина и для безопаснаго и безостановочнаго слѣдованія по большой дорогѣ казенныхъ транспортовъ и арестантовъ, а равно проѣзжающихъ по казенной и частной надобностямъ, необходимо мухинскую гору предварительно укрѣпить и потомъ уже устроить водопроводъ для снабженія жителей водою».

«Поваляли бумагу по разнымъ мѣстамъ, съ годъ времени

повалялн, полтораста рублей велѣли Лишквисту изъ мухинскихъ доходовъ выдать, а ему приказали смѣту составить на укрѣпленіе горы и на устройство водопровода.

«Составилъ же Николай Ѳомичъ смѣту — чуть не милліонъ насчиталъ. Десятокъ-другой такихъ городовъ, каковъ Мухинъ, со всѣми ихъ потрохами продать, такихъ денегъ не выручишь. А дѣло-то, помни, на первыхъ порахъ было въ восемь съ полтиной. Хорошо, видно, планы да смѣты сдѣлалъ Николай Ѳомичъ, награда вышла ему... А мухинцы ни водопровода ни чана съ водой до сихъ поръ и во снѣ не видали... Живи, какъ знаешь, чинить не смѣй. Дѣло заглохло, улицу совсѣмъ разрыло, дома три повалило, а какъ лѣтошный годъ на самый Петровъ день случился пожаръ: весь городъ и выдрало. Слѣдствіе сдѣлали. Вышло, что загорѣлся Мухинъ отъ воли Божіей, а виновнымъ никто не состоитъ. Въ пользу погорѣвшихъ подписку сдѣлали, и Николай Ѳомичъ чуть ли не первый два цѣлковыхъ подписалъ: губернаторша сбирала — нельзя...

«Не могу сказать, какъ по другимъ мѣстамъ, а въ нашей губерніи всякое казенно строенье дѣлается на живу нитку. Поживы-то хочется побольше, потому и желѣзца поубавятъ, и кирпичекъ непережженый поставятъ, и балку положатъ покороче. Барышъ двойной: и отъ стройки перепадетъ и ремонту по скорости потребуется.

«Вотъ отчего казенная стройка въ дорогую цѣну обходится и завсегда бываетъ непрочна. Про другія мѣста не знаю, а у насъ всѣмъ на виду, что̀ случилось. Пятнадцати лѣтъ не прошло, какъ большія работы въ губерніи были: не одинъ милліонъ въ землю засадили, городска казна до сихъ поръ кряхтитъ: городъ въ долгу, какъ въ шелку. А на все, что̀ было въ тѣ поры построено — глядѣть горько: губернаторскій домъ снизу доверху трещину далъ, скоро подъ гору поѣдетъ, казармы развалились, откосы обсыпались, съѣзды завалило, отъ набережной слѣда не осталось. Двѣ церкви стариннаго дѣла разсыпались, кремлевская стѣна свалилась, а стояла болѣе трехъ сотъ годовъ... Надо бы было въ горѣ родники отвести. Ихъ не отвели, зато у строителей деревеньки явились: солдаты, что̀ кирпичъ караулили, и тѣ домишки себѣ построили.

«А въ стары годы не такъ строили. Видѣлъ ли, баринушка, соборъ у насъ въ губерніи? Пятьсотъ годовъ стоитъ, хоть бы трещину далъ: сводъ на немъ хоть въ замо̀къ сведенъ, да завершенъ осиновымъ коломъ. И держитъ тотъ колъ церковный сводъ шестую сотню годовъ, и стоитъ тотъ сводъ ровно изъ мѣди вылитый. Въ старину-то вѣдь хитрости да умѣнья было поменьше, зато совѣсти было побольше».

НЕПРЕМѢННЫЙ.

Разсказъ.

Живя въ богоспасаемомъ градѣ Бобылевѣ, познакомился я со всѣми его обывателями, отъ городничаго и соборнаго протопопа до сапожника Абросима и коллежскаго секретаря Маурина, что̀ состоялъ подъ надзоромъ полиціи «за нѣкоторые дебоши въ одномъ изъ столичныхъ городовъ россійской имперіи», какъ онъ выражался.

Хаживалъ ко мнѣ Андрей Тихонычъ Подобѣдовъ — «непремѣнный». Это значитъ непремѣнный засѣдатель земскаго суда. По уѣздамъ, съ учрежденія становыхъ, вывелось старинное слово «засѣдатель», и непремѣннаго засѣдателя земскаго суда стали звать просто «непремѣннымъ».

Это было плѣшивенькое, коренастое созданіе, вѣчно въ форменномъ съ гербовыми пуговицами сюртукѣ и въ мухояровыхъ панталонахъ. Добрѣйшій былъ человѣкъ, всякому старался услужить, а къ службѣ до того былъ усерденъ, что хворалъ только въ табельные дни. Что̀ всего замѣчательнѣе — не пилъ.

Онъ изъ старинныхъ столбовыхъ, но захудалыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ. За отцомъ его по пятой ревизіи въ Д. губерніи было записано двѣнадцать душъ крестьянъ. Съ теченіемъ времени имѣніе его «пропало безъ вѣсти».

— Затерялось-съ, затерялось, — съ грустью и глубокими вздохами говаривалъ Андрей Тихонычъ. — А теперь, пожалуй, душъ двадцать пять народилось бы. Такое ужъ несчастье!.. Слѣдовъ отыскать не могу. Пропали души, да и все тутъ.

— А земля-то куда-жъ дѣвалась, Андрей Тихонычъ?

— И земля затерялась...

— А документы?..

— И документы затерялись... Такъ-таки все затерялось. Что̀ станешь дѣлать? Видно, ужъ на то воля Божія.

— Что-жъ вы не хлопотали?

— Два раза пробовалъ, да толку не выходило. На гербовыя только истратился. Еще, слава Богу, по манифесту простили. Не то просто бѣда — разориться бы могъ. Вотъ вы, Андрей Петровичъ, въ Петербургѣ служите, стало-быть, все знаете... Скажите Бога ради. не предвидится-ль по скорости милостиваго манифестика?

— Кто-жъ это, кромѣ государя, можетъ знать?.. А вамъ что̀?

— Да еще бы разокъ попробовалъ: авось вывезетъ. А не вывезетъ, такъ по крайности тѣмъ бы былъ спокоенъ, что гербовыхъ не привелось бы платить.

Родитель Андрея Тихоныча служилъ, по выбору дворянъ, въ земскомъ войскѣ 1807 года и потому носилъ золотую медаль на владимірской лентѣ, мундиръ съ малиновымъ воротникомъ и шляпу съ зеленымъ перомъ. Служилъ въ Бобылевѣ по выборамъ до̀ смерти, а умеръ безъ гроша. Въ наслѣдство Андрею Тихонычу, кромѣ безъ вѣсти пропавшихъ двѣнадцати душъ, достался домашній скарбъ, турецкій кинжалъ, ружье Лебеды да ста полтора книгъ екатерининскаго времени. большею частью разрозненныхъ. Тихонъ Алексѣичъ Подобѣдовъ жалѣлъ народъ, оттого и померъ нищимъ. Зато крестьяне всего Бобылевскаго уѣзда служили по немъ панихиды, записали имя его въ своихъ поминаньяхъ. Старики до сихъ поръ добрымъ словомъ его поминаютъ.

Единственный его сынъ, Андрей Тихонычъ, чуть не босикомъ бѣгалъ въ уѣздное училище, а научившись тамъ писать скорописью, былъ взятъ родителемъ изъ храма Минервы и введенъ во храмъ Ѳемиды, говоря классически, а если попросту сказать — родитель помѣстилъ его въ первое повытье *) бобылевскаго уѣзднаго суда. Тихонъ Алексѣичъ говаривалъ: «уѣздный судъ — всему начало и всему голова: тутъ молодой человѣкъ всему навыкнетъ, тутъ и тяжебныя дѣла и уголовныя, тутъ всего лучше начинать службу».

Года черезъ три Андрей Тихонычъ получалъ уже по сорока пяти копеекъ въ мѣсяцъ жалованья. Какимъ богачомъ казался онъ товарищамъ! Тѣ, получая такое же вознагражденіе, были обязаны содержать кто мать-старуху, кто вдовую сестру съ ребятишками, кто слѣпого отца, калѣку. А Андрей Подобѣдовъ живетъ у отца на готовомъ! сытъ, одѣтъ, обутъ, да еще сорокъ пять копеекъ въ мѣсяцъ... Богачъ!.. Шереметевъ!..

*) Часть канцеляріи, то же, что̀ теперь называется «столомъ».

Еще при жизни родителя Андрей Тихоныч получилъ регистраторскій чинъ и получалъ жалованья по девяноста по восьми копеекъ въ мѣсяцъ, безъ вычета на госпитали и раненыхъ. Онъ ужъ обзавелся тросточкой и важно ею помахивалъ, прогуливаясь по дырявымъ тротуарамъ Бобылева, обзавелся зелеными замшевыми перчатками и на кровныя денежки справилъ суконную шинель гороховаго цвѣта «съ семидесятью семью воротниками» — верхъ щегольства того времени.

Счастливый, довольный и собой и міромъ, двадцатилѣтній Андрей Тихоныч сталъ помышлять о подругѣ жизни. На уѣздныхъ вечеринкахъ присосѣживался къ Оленькѣ, дочери магистраторскаго секретаря, говорилъ ей про свое сердце, и хоть она ему про свое ничего не сказывала, однакожъ Андрей Тихоныч смекалъ, что и красненькую ленточку на груди Оленька для него прикалываетъ и височки колечкомъ потому приглаживаетъ, что ему такъ нравится...

Вдругъ его родитель, Тихонъ Алексѣичъ, скушавши за ужиномъ шесть сковородокъ грибовъ въ сметанѣ, къ утру лежалъ на томъ столѣ, гдѣ наканунѣ кушалъ вкусные, сочные березовики. Онъ былъ первой жертвой первой холеры въ Бобылевѣ... Остался Андрей Тихоныч одинъ на своихъ рукахъ. Еще слава Богу, что ни за нимъ ни передъ нимъ никого не было: одинъ какъ перстъ. А осталась бы обуза на рукахъ — мать, напримѣръ, аль сестры незамужнія: не та-бъ участь ему впереди была. Пустился-бъ во вся тяжкая, спился бы съ круга. Всегда такъ бываетъ.

Увидалъ, что на девяносто восемь копеекъ безо взятокъ жить нельзя. А взятки брать не выучился. Пробовалъ, да онѣ мимо его къ секретарю проскакивали. Ему работа, да на совѣсть гнеть, а секретарю денежки. Горько стало Андрею Тихонычу. Объ Оленькѣ и думать пересталъ, да и она, видя, что отъ него толку не будетъ, вышла за инвалиднаго поручика и зажила домкомъ на счетъ солдатиковъ.

Тошно стало Андрею Тихонычу въ Бобылевѣ. Хоть землю, думаетъ, буду копать, хоть воду стану носить, а переѣду въ губернію... Авось тамъ другая мнѣ линія выпадетъ».

«Экій я счастливецъ, — подумалъ онъ, когда совершенно неожиданно получилъ мѣсто въ одномъ губернскомъ присутственномъ мѣстѣ. — Жалованье хорошее, и душа спокойна, оттого что взятокъ брать ни съ кого не приходится. Знай, лупи, дери одну казну-матушку... А это развѣ грѣхъ...»

Служилъ-служилъ Андрей Тихоныч, пряжку безпорочную выслужилъ, титулярнаго получилъ. Человѣкъ смирный, покор-

ный, безотвѣтный. каждое слово начальства, ровно слово изъ Неопалимой Купины, принималъ. Оттого и начальство его возлюбило: каждый годъ Андрей Тихонычъ получалъ наградныя изъ остаточныхъ суммъ. Отъ тѣхъ наградъ да отъ крупицъ. что отъ казенной соли перепадали, составился у Андрея Тихоныча капитальчикъ тысячъ въ пять ассигнаціями.

Однажды занимался онъ въ кабинетѣ его превосходительства, господина статскаго совѣтника Александра Иваныча. И до сихъ поръ въ провинціи статскихъ совѣтниковъ зовутъ превосходительствомъ, а это было еще въ тѣ времена, когда статскимъ совѣтникамъ давали станиславскія звѣзды безъ ленты. Какъ же со звѣздой-то да не генералъ? — Сановникъ!..

Такимъ звѣздоносцемъ-сановникомъ былъ Александръ Иванычъ фонъ-Кабрейтъ. Правилъ онъ много лѣтъ казенной палатой — казенная соль, винокуренные заводы, откупщики, рекрутскіе наборы, торги на поставки и подряды, купеческія свидѣтельства, казенные лѣса, оброчныя статьи, перечисленіе душъ — все подъ его властной рукой... И, статьи-то какія все жирныя!.. На пять, на десять такихъ сановниковъ раздѣлить — всѣ бы сыты были... И раздѣлили по времени — государственныя имущества въ особую палату отвели и Василья Трофимыча надъ ними посадили. И Александръ Иванычъ доходовъ не лишился, и Василій Трофимычъ разбогатѣлъ. А пріѣхалъ въ губернію въ одной шинелишкѣ.

— А что, — сказалъ Александръ Иванычъ, когда Подобѣдовъ кончилъ работу. — Женатъ ты, Андрей Тихонычъ?

Сроду впервые начальство по имени по отчеству его назвало. У Андрея Тихоныча въ глазахъ зарябило: будто крестикъ въ петличку подвѣсили. И то опять, о чемъ спрашиваетъ его превосходительство, не по службѣ, а по дѣлу, можно сказать, партикулярному.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, — задыхаясь отъ душевнаго волненья, едва могъ проговорить Андрей Тихонычъ

— Тебѣ бы, братецъ, жениться... Ты человѣкъ ужъ степенный.

Растаялъ Андрей Тихонычъ.

— Какъ прикажете, ваше превосходительство, — чуть слышно пробормоталъ онъ.

— Приходи ко мнѣ завтра вечеркомъ... часу этакъ въ восьмомъ... Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Да одѣнься почище... Къ невѣстѣ поѣдемъ.

— Слушаю, ваше превосходительство, — не вѣря ушамъ, молвилъ Андрей Тихонычъ.

Какая милость низошла по благости Божіей! И на мысль не всладало, во снѣ не грезилось!..

Ногъ не слышалъ подъ собой, когда въ темную, дождливую осеннюю ночь крупно и спѣшно шагалъ онъ по липкой грязи, возвращаясь отъ его превосходительства въ дальній конецъ города, гдѣ нанималъ горенку у вдовой дьяконицы... «Какое счастье, какое вниманье начальства!» — думалъ онъ. Цѣлую ночь заснуть не могъ. Приходило въ головую о невѣстѣ: «Кто бы такая была?.. — раздумывалъ онъ. — И собой какова, молода-ль, не ряба ли, иль какого изъяну не имѣетъ ли?» Мысль о милости начальства вытѣсняла однако нескромныя мысли о невѣстѣ. «Ну ее совсѣмъ! Милость его превосходительства, вотъ это дѣло!. По имени по отчеству! Вмѣстѣ, говоритъ, поѣдемъ!.. Вмѣстѣ!.. Да этого онъ секретарю не скажетъ!»

На другой день разодѣтый, распомаженный Андрей Тихонычъ явился въ назначенное время. Тòтчасъ позвали его въ кабинетъ. Александръ Иванычъ одѣвался.

— Ты куришь? — спросилъ его превосходительство. — Гришка, трубку Андрею Тихонычу.

Если-бъ колѣнопреклоненное королевство, долго и тщетно отыскивая властителя, — какъ, напримѣръ, Испанія, а въ былыя времена Польша, — со слезами и съ рыданьями сказало д-ской казенной палаты столоначальнику: «Андрей Тихонычъ, бери корону, царствуй надъ нами!» — едва-ли-бъ слова будущихъ вѣрноподданныхъ настолько смутили его душу, насколько смутили ее слова Александра Иваныча. Его превосходительство трубку табаку изволитъ предлагать!.. Самъ изволитъ предлагать!.. Не сонное-ль видѣніе?.. Нѣтъ. Гришка суетъ ему въ руку длинный черешневый чубукъ съ громаднымъ янтаремъ... Дрожатъ руки у Андрея Тихоныча, отъ умиленья и слезы въ глазахъ и зѐлень туманомъ.

— Да ты садись, — молвилъ его превосходительство, застегивая помочи. — Садись вотъ здѣсь на диванѣ. Покойнѣе будетъ.

Языкъ отнялся у бѣднаго. Хотѣлъ что-то сказать, не смогъ. Въ блаженствѣ таялъ.

«Батюшка, батюшка! — думалъ онъ: — видишь ли?.. Видишь ли ты, до какой чести дожилъ твой Андрюшенька?»

Слезы градомъ лились у Андрея Тихоныча.

— Чтò съ тобой? — спросилъ Александръ Иванычъ.

— Такъ-съ, ничего, ваше превосходительство. Покойника батюшку вспомнилъ...

— Похвально, молодой человѣкъ (а молодому человѣку было за тридцать за пять). Дѣйствительно, въ столь важную минуту жизни должно призвать благословеніе родителей... Хорошо, мой другъ, хорошо!.. Похвально!.. — прибавилъ Александръ Иванычъ, цѣлуя Андрея Тихоныча.

Отъ полноты чувствъ коровой заревѣлъ Андрей Тихонычъ. Насилу отпоилъ его Гришка холодной водой.

— Садись, — сказалъ Александръ Иванычъ, когда Андрей Тихонычъ, какъ столбъ, стоялъ на крыльцѣ передъ каретой его превосходительства.

«На козлы аль на запятки?» — пришло на умъ Андрею Тихонычу. Лакей втолкнулъ его въ карету.

«Батюшка, батюшка! — чуть не вслухъ сказалъ Андрей Тихонычъ. — Видишь ли?»

Въ первый разъ въ жизни онъ ѣхалъ въ каретѣ. И съ кѣмъ?..

Пріѣхали на «дачу». Такъ въ губернскомъ городѣ Д... у великихъ людей звались домики, гдѣ цвѣли роскошные цвѣточки... Цвѣточекъ Александра Иваныча — одна изъ многочисленныхъ сестеръ Стрѣльскихъ, что, служа по крѣпостному праву князю Кошавскому, служили съ тѣмъ вмѣстѣ кто Таліи, кто Мельпоменѣ, кто Терпсихорѣ въ дощатомъ ветхомъ балаганѣ. По святцамъ Пелагея, по театру Полина Ивановна, служила Терпсихорѣ, но, отбивъ объ неровный полъ театра рѣзвыя свои ноженьки, пятый годъ вѣрно, нелицемѣрно служила Александру Иванычу. А онъ ее за то на волю откупилъ...

Видѣлъ Андрей Тихонычъ ярко освѣщенныя комнаты... Видѣлъ, какъ его превосходительство, съ словами: «вотъ твой женихъ, Поленька», подвелъ его къ грузной барынѣ въ распашномъ капотѣ. Видѣлъ, какъ она сунула ему въ губы жирную руку. Видѣлъ, какъ подали шампанское...

Какъ во снѣ. И какъ онъ съ ума не сошелъ?.. Золотые часы, серебряная табакерка, енотовая шуба, а главное — милость начальства, и супруга, кажется, не строгая!..

Сыграли свадьбу, и зажили домкомъ Андрей Тихонычъ съ Полиной Ивановной... И къ Александру Иванычу попривыкъ Андрей Тихонычъ, не съ прежней робостью говорилъ съ нимъ. А говорилъ нерѣдко, потому что господинъ фонъ-Кабрейтъ, хотя свою Полину замужъ и выдалъ, однакожъ нѣтъ-нѣтъ, да, бывало, и завернетъ къ ней вечеромъ посидѣть. О томъ, о семъ покалякаютъ, потомъ его превосходительство и скажетъ Андрею Тихонычу: «Что ты, братецъ мой, все дома сидишь? Съѣздилъ бы хоть въ театръ, что ли, аль къ кому изъ знакомыхъ. Отъѣзжай на моихъ дрожкахъ, ежели хочешь». И поѣдетъ, бывало, въ гости Андрей Тихонычъ...

Мѣсяца черезъ три послѣ свадьбы Полина Ивановна сынка принесла. Въ тотъ же день навѣстилъ молодыхъ Александръ Иванычъ: родительницѣ билетъ въ тысячу цѣлковыхъ «на зубокъ» положилъ, Андрея Тихоныча крѣпко обнялъ и разъ пять поцѣловалъ.

— Ты вѣдь дворянинъ? — спросилъ его превосходительство Андрея Тихоныча.

— Такъ точно, — робко отвѣтилъ Андрей Тихонычъ.

— Въ родословную записанъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство...

— Отецъ твой дослужился до дворянства?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Нашъ родъ старинный, столбовой, въ шестой части родословной книги. И въ бархатной книгѣ записанъ. при Симеонѣ Гордомъ наши предки на Москву выѣхали. Такъ въ нашей грамотѣ прописано...

— Очень радъ, очень радъ! — сказалъ Александръ Иванычъ. — Стало-быть, новорожденному не нужно, чтобъ у тебя Станиславчикъ въ петличкѣ висѣлъ, или чтобъ ты коллежскимъ асессоромъ былъ. Очень радъ!.. А то въ нынѣшнее время это немножко затруднительно... О сынѣ не безпокойся — Богъ дастъ, подраститъ, дорога ему будетъ.

Сунулъ въ руку Андрею Тихонычу ломбардный билетъ въ десять тысячъ ассигнаціями, еще поцѣловалъ его со щеки на щеку и уѣхалъ, говоря на крыльцѣ счастливому супругу:

— Очень радъ, что сынъ твой старинный дворянинъ, очень радъ...

Подарилъ его превосходительство Полинѣ Ивановнѣ домикъ въ Бобылевѣ. Ни на что онъ ему не пригоденъ былъ, и достался-то поневолѣ: за долгъ ли оставилъ его за собой Александръ Иванычъ, другое-ль что-то въ этакомъ родѣ было.

Подоспѣли дворянскіе выборы, его превосходительство говоритъ Андрею Тихонычу:

— Хочешь въ Бобылевъ въ непремѣнные?

Свѣта не взвидѣлъ Андрей Тихонычъ... Мѣсто, на которомъ отецъ его померъ, про которое и мечтать не смѣлъ.

— Ваше превосходительство!.. ваше превосходительство!.. только и могъ онъ выговорить, всхлипывая отъ подступавшихъ рыданій...

— Я тебя выберу.

И выбралъ.

Въ Бобылевскомъ уѣздѣ Александръ Иванычъ самъ-другъ заправлялъ всѣмъ на выборахъ. Другихъ крупныхъ помѣщиковъ не было.

Бобылевскій уѣздъ обыкновенно присоединяли къ Чернолѣсскому. Его превосходительство каждый разъ, бывало, и говоритъ чернолѣсскимъ дворянамъ: «По вашему уѣзду я буду класть, кому куда прикажете, а по «моему уѣзду» по-моему дѣлайте. Вѣдь мнѣ, а не вамъ съ выбранными чиновниками придется три года возиться. Такъ ужъ вы сдѣлайте милость».

Чернолѣсскіе по-его и дѣлали. Оттого въ Бобылевѣ губернатора не столько трусили, сколько Александра Иваныча.

Такимъ образомъ его превосходительство и сдѣлалъ Андрея Тихоныча непремѣннымъ.

И какъ былъ ему онъ благодаренъ... Того ему и въ голову придти не могло, что Полина Ивановна поизмялась, и его превосходительству свѣженькой захотѣлось, ради чего и выбралъ онъ Андрея Тихоныча въ непремѣнные.

Въ первое наше свиданье спрашиваетъ Андрей Тихонычъ меня, привставая со стула:

— Какъ въ своемъ здоровьѣ его превосходительство Александръ Иванычъ, осмѣлюсь васъ спросить?

— Какой Александръ Иванычъ?

— Его превосходительства Александра Иваныча не знаете? — съ удивленіемъ вскликнулъ Андрей Тихонычъ. Не могло у него сложиться мысли, чтобъ кто-нибудь могъ не знать его превосходительства. — Напрасно, напрасно, — говорилъ онъ, озадаченный моимъ вопросомъ: — человѣкъ извѣстный. Да вы его въ Петербургѣ должны были знать. Вѣдь онъ туда каждый годъ ѣздитъ, — прибавилъ Андрей Тихонычъ.

— Петербургъ не Бобылевъ, Андрей Тихонычъ. Мало-ль тамъ народу? Всѣхъ не узнаешь, — сказалъ я.

— Не имѣлъ счастія бывать въ Петербургѣ, а надо полагать, что такихъ людей, какъ его превосходительство Александръ Иванычъ, и тамъ не очень много, — возразилъ Андрей Тихонычъ. — Пятьсотъ душъ отличнѣйшаго имѣнія, статскій совѣтникъ, звѣзда!.. Отъ самихъ господъ министровъ почтёнъ!.. Такихъ людей немного, очень даже немного... Это ужъ позвольте вамъ доложить... Не можетъ быть, чтобъ по всей Россійской имперіи много было такихъ людей. Если бы его превосходительство продолжали службу, могли бы губернаторомъ быть, даже министромъ, потому что умъ необыкновенный.

— Отчего-жъ онъ не служитъ?

— Н-н-нельзя-съ, — немножко помявшись, отвѣтилъ Андрей Тихонычъ.

— А что?

— Непріятность въ нѣкоторомъ родѣ, — подсудность небольшая.

— А!

— Не подумайте, что за небреженіе по службѣ. Нѣтъ-съ. По злобѣ, единственно по злобѣ враговъ. У кого ихъ нѣтъ, Андрей Петровичъ? У всякаго есть!.. А дѣло его превосходительства, можно сказать, самое простое: о казенной пòставкѣ...

— А! о пòставкѣ! Что-жъ, видно, пòставка-то не поставилась?

— Правильно изволили сказать, но сами согласитесь, вѣдь соль — матеріалъ сырой. Мало-мальски водой ее хватить, тотчàсъ на утекъ и превращается, можно сказать, въ ничтожество. Его превосходительство Александръ Иванычъ объ этомъ своевременно доносили по начальству: буря, дескать, и разлитіе рѣкъ, и крушеніе судовъ. Слѣдствіе было произведено, и рѣшеніе воспослѣдовало; предать дѣло волѣ Божіей. А враги назначили переизслѣдованіе. Тутъ воли-то Божіей и не оказалось. Понимаете?..

— Что-жъ теперь подѣлываетъ вашъ Александръ Иванычъ?

— Четвертый годъ старается, нельзя ли третьяго слѣдствія выхлопотать. Авось бы опять на волю Божію поворотили...

И въ своихъ дѣлахъ Андрей Тихонычъ точенъ до самыхъ послѣднихъ мелочей. Любилъ порядокъ.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ Бобылева проживалъ въ своей деревушкѣ мелкопомѣстный помѣщикъ Чоботовъ Михайла Алексѣичъ. Разъ въ сентябрѣ пріѣзжаетъ къ нему Андрей Тихонычъ. Помѣщикъ радъ; Андрея Тихоныча всѣ любили. А все-таки членъ земской полиціи, спрашиваетъ хозяинъ: не по дѣлу-ль.

— Я ничего, сударь мой Михайла Алексѣичъ. По сосѣдству отъ васъ былъ — у Лизаветы Ивановны; и къ вамъ завернулъ «освидѣтельствовать» почтеніе.

Лизавета Ивановна, тоже мелкопомѣстная, жила въ усадебкѣ верстахъ въ трехъ отъ Чоботова.

— Ну, такъ милости просимъ. Какъ по-вашему, за чаекъ, аль прямо за водочку? — спрашиваетъ Чоботовъ.

— Благодарю покорно, Михайла Алексѣичъ, я вѣдь на минуточку. Развяжите вы меня Христа ради съ Лизаветой Ивановной... Будьте милостивы.

— Чтò такое, Андрей Тихонычъ?

— Да вотъ какое дѣло, сударь ты мой. Годъ нынче вышелъ такой: гусей нелегкая больно много уродила. Кто, бывало, прежде цыплятами снабжалъ, нынче все гуся шлетъ, кто прежде свинью привозилъ, и тотъ нынче съ гусями лѣ-

зеть. Такое, сударь мой, окаянство — просто бѣда. Гуся не охàешь, птица добрая, да расходу много проклятая требуетъ, обжорлива очень. Колоть теперь рано: и перо слабо, и потрохà не жирны, и сала немного... Откормить къ Казанской да свезти въ губернію, можно будетъ барыши имѣть, да кормить-то, сударь ты мой, чѣмъ станешь?.. Самимъ вамъ, Михайла Алексѣичъ, извѣстно, какой нынче на овсы-то урожай. Вовсе ихъ нѣтъ. И прежде-то ко мнѣ немного овса подвозили, а нынче, повѣрите ли вы Богу, воза порядочнаго не собралъ. Ей-Богу, право, не лгу... Чтò мнѣ лгать-то?.. Я человѣкъ простой.

— Такъ чтò же вамъ, Андрей Тихонычъ?.. Овса, что ли, велѣть насыпать? — спросилъ Чоботовъ.

— Какой съ васъ овесъ! — съ негодованіемъ воскликнулъ Андрей Тихонычъ. — Сохрани Господи и помилуй овсомъ отъ васъ взять!.. Какъ это можно!.. А вотъ мучки ржаной такъ пора бы прислать, Михайла Алексѣичъ. Чать, ужъ обмолотились.

— Не намололи еще, Андрей Тихонычъ.

— Ну ладно, дѣло не къ спѣху... Такъ вотъ я объ Лизаветѣ-то Ивановнѣ. Вся у меня на нее надежда была, думаю, дастъ возикъ овсеца, гуси-то у меня и откормятся. Пріѣхалъ къ ней въ Трегубово:— «Такъ и такъ, молъ, сударыня, не погуби гусей, дай овсеца». А она: — «Рада бы радешенька, говоритъ, Андрей Тихонычъ, не пожалѣла бы для тебя, да вѣдь грѣхъ-отъ, говоритъ, какой у меня случился, овсы-то еще въ бабкахъ нà полѣ, хоть самъ погляди». — «Какъ же, говорю, Лизавета Ивановна, околѣвать, что ли, гусямъ-то? Помилуйте, говорю, матушка, колоть, что ли, мнѣ ихъ спозаранокъ-то? Изубытчусь вѣдь. Пожалѣй...» А Лизавета Ивановна: — «Поѣзжай, говоритъ, къ Михайлѣ Алексѣичу, у него овсы смолочены, онъ тебѣ не откажетъ». — Я ей и такъ и сякъ... Нѣтъ, сударь, уперлась баба: поѣзжай да поѣзжай къ Михайлѣ Алексѣичу, да и все тутъ... Ужъ я ей толковалъ-толковалъ, никакъ, сударь, подъ ладъ не дается. Баба такъ баба и есть, хозяйства понимать не можетъ.

— Что-жъ, — сказалъ Чоботовъ: — коли надо, такъ я дамъ овса.

— Помилуйте, Михайла Алексѣичъ... Да какъ же это возможно? Какъ же такіе непорядки вводить? — съ сердцемъ вскрикнулъ Андрей Тихонычъ, съ мѣста даже вскочилъ.

— Какіе же непорядки, Андрей Тихонычъ?.. Не понимаю я васъ, растолкуйте, пожалуйста.

— Сдѣлать по-вашему — поля перемѣшать, хозяйство, зна-

чить, спугать. Развѣ это порядки? Скажите на милость, порядки это, али нѣтъ?

— Хоть убейте, не могу понять.

— Да развѣ вы не знаете, какъ у меня уѣздъ-отъ подѣленъ? У меня вотъ какъ заведено, сударь ты мой, — важно и серьезно началъ Андрей Тихонычъ. — По сю сторону рѣчки Синюхи всѣ господа помѣщики на ржаномъ стоять, а по ту сторону на яровомъ. Съ васъ, съ Петра Егорыча, съ Анны Никитичны беру ржаной мукой, а съ Лизаветы Ивановны, съ Егора Пантелеича — овсомъ, гречей, горохомъ. Какъ же мнѣ съ васъ овсомъ-то взять, когда вы во ржаномъ полѣ стоите? Этакъ, батюшка, и концовъ не сведешь... Поля перепутать — хозяйство сбить.

Какъ Михайла Алексѣичъ ни ублажалъ Андрея Тихоныча взять съ него овсомъ, не согласился. Уперся, какъ баранъ въ стѣну рогами, никакихъ резоновъ не принялъ. «Не спутаю хозяйства»,—да и полно...

Покончили на томъ, что Михайла Алексѣичъ послалъ Лизаветѣ Ивановнѣ овса взаймы, и она, какъ помѣщица яровая, отдала этотъ овесъ Андрею Тихонычу. Когда же, уладивъ дѣло, Михайла Алексѣичъ хотѣлъ послать овесъ на своихъ лошадяхъ въ городъ къ Андрею Тихонычу, тотъ не согласился и на томъ настоялъ, чтобъ овесъ былъ отвезенъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ, а она бы ужъ его въ городъ отправила.

Вотъ какой точный былъ человѣкъ Андрей Тихонычъ.

И всѣ въ Бобылевѣ любили его, и онъ всѣхъ любилъ. Душа у него самая мягкая, каждому былъ радъ услужить, чѣмъ только могъ. Чиновники, бывало, о немъ: — «А нашъ-отъ блаженный! Онъ ничего. Пороху не выдумываетъ, а человѣкъ тихій». Мужички въ одинъ голосъ: — «Такого барина, какъ Андрей Тихонычъ, ввѣкъ не нажить. И родитель былъ душа-человѣкъ, а этотъ и того лучше; всякому доступенъ, всякаго по силѣ-возможности милуетъ. Много за него Господа молимъ».

А былъ же и у него врагъ. При всемъ благодушіи, при всей кротости не могъ Андрей Тихонычъ говорить про него равнодушно. Это былъ бобылевскій почтмейстеръ Егорычъ.

— Отчего вы не любите Ивана Петровича? — спросилъ я однажды Андрея Тихоныча.

— Нельзя мнѣ любить его, Андрей Петровичъ... Онъ — злодѣй мой... Такую бѣду надо мной сдѣлалъ, что представить себѣ не можете. Такая по милости этого подлеца со мной конфузія случилась, что вспомнить страшно!.. Ехидный человѣкъ!.. Самый злющій, самый жадный!..

«Служеніе свое первоначально имѣлъ онъ въ гусарскомъ полку, по скорости исключенъ за пьянство. И какъ же теперь онъ злословитъ ихнюю гусарскую службу, даже вчужѣ обидно. Увѣряетъ, якобы гусары не кутятъ, и что у нихъ чуть кто выпьетъ да маленько пошутитъ, тотчасъ его вонъ изъ полка. «Хоть меня, говоритъ, взять — ну что такое я сдѣлалъ? Выпивши, голый я по базару прошелся, и за̀ это — хлопъ! — изъ полка вонъ». Всячески злословитъ. «Какіе, говоритъ, наперсточные кутилы, бабьими наперстками пьютъ». И здѣсь каждаго человѣка обидѣть готовъ.

«На что я? На весь уѣздъ пошлюсь, никто меня ни въ чемъ не примѣтилъ. Такъ нѣтъ, и меня оскорбилъ по азартной своей нравственности. Да оскорбилъ-то какъ! Безъ ножа голову снялъ.

«Покамѣстъ я по милости его превосходительства Александра Иваныча на семъ мѣстѣ «пріуставленъ» не былъ, проживаніе имѣлъ въ губерніи, а домикъ, что̀ его превосходительство Полинѣ Ивановнѣ пожертвовали, отдавалъ подъ почтовую контору. Когда-жъ переѣхалъ въ Бобылевъ, дому-то срокъ не вышелъ еще. Дѣлать нечего, и отъ своего угла безъ малаго два года въ наемной квартирѣ пришлось проживать, потому контрактъ, можно сказать, вещь священная.

«А я, осмѣлюсь вамъ доложить, хоть на мѣдныя деньги обученъ, но старшихъ уважаю и долгъ почтенія не забываю, для того что воспитанъ въ страхѣ Божіемъ. Душу имѣю памятную, къ благодарности склонную, для того, по христіанскому обычаю, передъ каждымъ праздникомъ, не имѣя возможности, за отдаленностію разстоянія, лично поздравлять его превосходительство Александра Иваныча, письменно свой долгъ исполню. Придешь, бывало, на почту: Иванъ Петровичъ письмо приметъ, гривенникъ получитъ — я и спокоенъ. И шло такимъ манеромъ дѣло безъ ма̀ла два года.

«Началъ меня «оброчнымъ» звать. Встрѣтится гдѣ, во все горло оретъ — черезъ улицу, черезъ площадь ли — все равно: «Здравствуй, оброчный! Красна Пасха на дворѣ, оброкъ неси». А иной разъ даже попрекнетъ: «Эй, ты, оброчный, къ Вознесенью-то опоздалъ, смотри, братъ, въ недоимку со штрафомъ впишу».

«А мнѣ невдомекъ, что̀ такое слова его означаютъ. Какой, думаю, я ему оброчный? Подъ начальствомъ не состою, зависимости не имѣю: какой же я ему оброчный? Разъ даже въ церкви, послѣ обѣдни, такимъ прозвищемъ меня обозвалъ. Стали ко кресту подходить... Я, исправляя долгъ почтенія, благородныхъ съ праздникомъ поздравляю, и ему подлецу сви-

дѣтельствую почтеніе... А онъ поклониться-то поклонился, да, осклабившись, при всѣхъ и бухнулъ: — «Спасибо, оброчный, за поздравленье, и за оброкъ спасибо, что не запоздалъ»... Сердце меня взяло! Какъ же это въ самомъ дѣлѣ?.. Въ храмѣ Господнемъ, при городничемъ, при исправникѣ, при дамахъ, при всѣхъ благородныхъ, вдругъ меня такимъ maнеромъ хватилъ!.. Не вытерпѣлъ, сказалъ ему: — «Милостивый государь мой, говорю, я столповой дворянинъ и потому у васъ на оброкѣ состоять не могу, а ваши слова, милостивый государь мой, для меня безчестны». Вспылилъ тутъ я самъ немножко, обидѣлъ его при всѣхъ: «милостивый государь *мой*» назвалъ. А онъ хоть бы что̀, нисколько не обидѣлся, точно не ему сказано. Да еще говоритъ: — «Хоша ты и столповой дворянинъ, а все-жъ мой оброчный»... Я отъ него въ сторону пошелъ, думаю: «Господь съ тобой, наругатель ты этакой».

«Подъ конецъ контракта слышимъ — Иванъ Петровичъ у Спиридонова домъ покупаетъ и контору къ себѣ переводитъ, чтобы, знаете, и наймомъ квартиры не харчиться, и съ казны за контору деньги получать. Меня не прижималъ, съѣхалъ даже до сроку.

«Ужъ и отдѣлалъ же онъ домъ-отъ. Хуже харчевни сдѣлалъ его: стѣны сургучомъ измазалъ, полы перегноилъ. Просто, съ позволенія вашего сказать, такая была гадость, что уму непостижимо!

«Вижу, надо поновить. Тутъ, благодаря Бога, его превосходительство Александръ Иванычъ въ свою вотчину проѣзжать изволили и по душевному своему расположенію лѣску мнѣ пожаловали, плотниковъ прислали, конопатки, гвоздочковъ и другого желѣзца, сколько требовалось. Поисчинилъ я крышу, стѣны поисправилъ; думаю, кстати ужъ и полы-то перестелю — плотники даровые. Тронули полы въ большой комнатѣ, гдѣ «пріемная» была, гляжу: половицы-то еще хороши, поосѣли только, щели въ палецъ шириной и больше. Оно, конечно, можно бы ихъ и сколотить, да ужъ видно мнѣ Божеское напоминаніе было. Заколодило въ головѣ: перестели да перестели. Что-жъ, думаю, перестелю, теплѣе будетъ, да и черный-отъ полъ заодно поисправлю, золой его забью, чтобъ не дуло.

« — Сымай, братцы, полы, — говорю плотникамъ, а самъ точно подъ какимъ-нибудь предчувствіемъ состою...

«Какъ принялись за топоры, какъ запустили ихъ подъ половицы, какъ пошла у нихъ работа, повѣрите ли?.. у меня мурашки по спинѣ. И сердце-то болѣетъ и въ головѣ-то ровно туманъ... Точно какъ будто сейчасъ растворится дверь и войдетъ губернаторъ. «А сколько дѣлъ? А покажи-ка, распорядительный!..»

«Вышелъ на дворъ освѣжиться. Слышу, плотники про бумаги толкуютъ. «Брось, — говоритъ старшо́й: — опосля все спалимъ».

«Я къ окну.

«— Что̀, молъ, у васъ тутъ такое?

«— Да вотъ, говорятъ, больно много бумаги подъ поломъ-то насовано... Надо-быть, въ эту щель совали.

«— Давай, говорю, сюда. Что̀ такое?

«Вы̀сыпали они мнѣ за окошко ворохъ страшенный... Угодники преподобные!.. Все-то письма, все-то письма!..

«Которы распечатаны, у которыхъ и печати цѣлы. Одна печать — письмо не тронуто. пять — вскрыто. На адресахъ куши не великіе: цѣлковый, два, три, къ солдатикамъ больше, въ полки.

«А плотники подкидываютъ да подкидываютъ. Сотъ пять накидали... Господи Боже мой!.. Нѣтъ же у человѣка совѣсти, и начальства не боится.

«Сталъ я ворохъ разбирать, а самого какъ лихоманка треплетъ. Думаю: «Злодѣй-отъ вѣдь безъ разбо̀ра письма по̀дъ полъ сажалъ... Ну какъ я на государственный секретъ наткнусь... Червь какой-нибудь, нуль этакой, какой-нибудь непремѣнный, да вдругъ въ высшія соображенія проникнетъ!.. Что̀ тогда?.. Пропалъ аки шведъ подъ Полтавой! Охъ, ты, Господи, Господи!..»

«А вѣдь не кто, какъ Богъ. Сказано: «На кого воззрю? Токмо на смиреннаго». Такъ иное дѣло. Государственныхъ-то секретовъ и не было!

«Батюшки!.. Мое письмо!.. Къ его превосходительству!.. Варомъ меня такъ и обдало!.. Лучше-бъ государственный секретъ узналъ!.. Злодѣй, злодѣй!

«Разъ, два, три, четыре... всѣ шестьдесятъ восемь, всѣ до единаго! Иродъ ты этакой!..

«Хоть бы одно распечаталъ! Любопытства-то даже не было. Безчувствіе-то какое вѣдь!.. Слеза меня прошибла... Вотъ оно «оброчный»-отъ!.. Гривенники-то бралъ, а письма по̀дъ полъ да по̀дъ полъ... Значитъ, я ему въ самомъ дѣлѣ передъ каждымъ праздникомъ по гривеннику оброку носилъ.

«Пропадай они гривенники!.. Его-то превосходительство, Александръ-отъ Иванычъ, что̀ могутъ про меня сказать? «Неблагодарное животное», вотъ что̀ могутъ сказать!.. Какъ же это въ самомъ дѣлѣ?.. Безъ малаго два года и ни одного почтенія!.. Господи, Господи!..

«Собралъ я письма. связалъ въ узелокъ: маршъ въ нову контору... Иванъ Петровичъ въ засаленномъ, сургучомъ зали-

тòмъ халатѣ письма принимаетъ — день-отъ почтовый былъ... Онъ было мнѣ: «здравствуй, оброчный!»

«— Свинья ты, свинья, Иванъ Петровичъ! Бога не боишься и стыдъ забылъ.

«А онъ:

«— Чѣмъ ты, оброчный, обидѣлся?

«Я письма-то на столъ, и говорю: — Это чтò?

«А онъ и въ конфузiю не пришелъ, только спросилъ:

«— Аль полы перестилаешь?..

«— Просьбу, говорю, подамъ, подъ законъ подведу тебя.

«Зло-то меня, знаете, очень ужъ взяло.

«А онъ хоть бы бровью моргнулъ.

«По маломъ времени однако заговорилъ:

«— А я, говоритъ, допрежде тебя рапортъ пошлю, что, молъ, оставилъ я, при переѣздѣ на квартиру, въ домѣ титулярнаго совѣтника Подобѣдова постъ-пакетъ съ донесенiями къ разнымъ министрамъ, пакеты съ надписью «секретно» да сто тысячъ казенныхъ денегъ... И онъ-де, титулярный совѣтникъ Подобѣдовъ, тотъ постъ-пакетъ похитилъ... Чтò тогда скажешь? А?

«Я такъ и обомлѣлъ. Вижу, дѣло-то хуже секретовъ.

«Хотѣлъ изловчиться: — У меня, говорю, свидѣтели есть.

«А онъ:

«— Плотники, что ли? Такъ я, говоритъ, ихъ отстраню, потому что они у тебя въ услуженiи. На это, братъ, статья есть.

«Вижу, нѣтъ у человѣка стыда въ глазахъ... Плюнулъ, пошелъ вонъ».

— Какъ же теперь поздравляете Александра Иваныча-то? — спросилъ я.

— Сотскихъ изъ суда гоняю.

ИМЕНИННЫЙ ПИРОГЪ.

Разсказъ.

Это было еще до крымской войны...

Въ одной изъ степныхъ губерній, въ захолустномъ городкѣ Рожновѣ, пришлось мнѣ прожить по одному дѣлу больше мѣсяца.

Однажды въ воскресный день послѣ обѣдни, когда «благородные» обыватели богоспасаемаго града Рожнова, приложась ко кресту, поздравляли другъ друга съ праздникомъ, уѣздный стряпчій Иванъ Семенычъ Хоринскій подошелъ ко мнѣ.

— Сдѣлайте такое одолженіе, — говорилъ онъ съ какими-то торжественными ужимками, — удостойте чести мой пирожокъ; Антонъ Михайлычъ будутъ, Степанъ Васильичъ, Михайла Сергѣичъ. Сдѣлайте такое одолженіе, удостойте!.. Сегодня я именинникъ.

Поздравивъ именинника, я обѣщался быть у него непремѣнно.

— Только ужъ нельзя ли пораньше, Андрей Петровичъ: мы вѣдь люди простые, не столичные, привыкли рано. Сдѣлайте милость, теперь же, прямо изъ церкви.

Затѣмъ, посуетившись среди «благородныхъ», Иванъ Семенычъ въ алтарь пошелъ приглашать духовника своего, рожновскаго протопопа, отца Симеона. Мимоходомъ тронулъ за плечо купца Дерюгина, торговавшаго бакалеями, виномъ и другими жизненными потребностями и занимавшаго въ ту пору должность городского головы. Дерюгинъ оглянулся, именинникъ что-то шепнулъ ему, и голова съ сіяющимъ лицомъ поклонился стряпчему въ поясъ.

Погода была прекрасная. «Благородные» пѣшкомъ пошли къ Ивану Семенычу. Шелъ городничій Антонъ Михайлычъ,

шелъ исправникъ Степанъ Васильичъ, шелъ судья Михайла Сергѣичъ, шелъ «непремѣнный» Егоръ Матвѣичъ, шелъ почтмейстеръ Иванъ Павлычъ, шли и другіе обоего пола «благородные». Двѣ бородки примкнули къ бритому сонму чиновныхъ людей: одна украшала красное, широкое лицо Дерюгина, другая густымъ лѣсомъ разрослась по румяному лицу касимовскаго купеческаго брата Масляникова, бывшаго прежде цѣловальникомъ, а теперь управляющаго рожновскимъ виннымъ откупомъ.

Расходившіеся изъ церкви мѣщане и разночинцы почтительно снимали шапки и низко кланялись шествующему сонму властей, но никто не удостоился отвѣтнаго поклона. Не гордость, не чванство причиной тому. Попадись благородный одинъ на одинъ любому мѣщанину, непремѣнно-бъ отвѣтилъ ему поклономъ и дружелюбно поговорилъ бы. Но, шествуя въ сонмѣ властей, какъ поклониться?.. Нельзя!..

Именинникъ встрѣчалъ гостей на крылечкѣ. Шумной толпой ввалили они въ залу, а тамъ столы ужъ уставлены яствами и питіями, задорно подстрекавшими зрѣніе, обоняніе и вкусъ нахлынувшихъ гостей.

Люди мелкой сошки: столоначальники, или, какъ звали ихъ по старинѣ, «повытчики», городской голова, магистратскій и думскій секретари, учителя со штатнымъ смотрителемъ, отецъ дьяконъ, остались въ залѣ. Чинно разсѣвшись по стульямъ, скромно, вполголоса вели они бесѣду о новѣйшихъ происшествіяхъ въ городѣ Рожновѣ: о томъ, какъ въ ушатѣ съ помоями затонула хохлатенькая курочка матушки-протопопицы, какъ бабушка-повитуха Терентьевна, середь бѣла дня заглянувъ въ нетопленую баню, увидала на полкѣ кикимору, какъ повытчика духовнаго правленія Глоріанскаго кладбищенскій дьяконъ Гервасій засталъ въ самую полночь въ своемъ огородѣ, купно съ дѣвицей Капитолиной Гервасіевной. Говорили, обсуждали, а сами съ жадностью поглядывали на предстоявшую трапезу.

Гости первой статьи, ранга высокаго: городничій, исправникъ, протопопъ, управляющій откупомъ, судья, «непремѣнный», засѣдатели уѣзднаго суда, почтмейстеръ, два секретаря изъ судовъ земскаго и уѣзднаго, казначей, винный приставъ, продолжали шествіе въ гостиную, а тамъ на диванѣ сидѣла разряженная Катерина Васильевна, супруга Ивана Семеныча, съ Анной Алексѣевной городничихой да съ Марьей Васильевной исправницей. У дивана возлѣ матери стояли два сынка Ивана Семеныча, одинъ лѣтъ девяти, другой восьми, оба въ красныхъ рубашечкахъ, обшитыхъ бѣлыми шнурками. Дико

смотрѣли мальчишки: старшій мрачно ковырялъ пальцемъ въ носу, а младшій, увидя издали протопопову бороду, разинулъ ротъ, собираясь задать исправную ревку. Онъ не замедлилъ, братишка завторилъ ему, и Катерина Васильевна, схвативъ сыновей за руки, увлекла ихъ въ дѣтскую и минутъ черезъ пять воротилась къ гостямъ, оправляя помятое платье.

Чай подали. Хоть русскій человѣкъ до чаю охочъ, но, въ ожиданіи будущихъ благъ, гости пили его не до пòту лица. Вскорѣ хозяинъ пригласилъ сидѣвшихъ въ гостиной перейти къ залу — водочки выкушать.

— Да ты бы сюда велѣлъ тащить, — молвилъ Иванъ Павлычъ почтмейстеръ, хвалившійся передъ тѣмъ, что онъ всего Вòлтера наизусть вытвердилъ. Почтмейстеръ всѣмъ говорилъ «ты», и оттого всѣ думали, что онъ вольнодумецъ и вѣруетъ не въ Бога, а въ Вòлтера. Иванъ Павлычъ гордился тѣмъ.

— Помилуйте, Иванъ Павлычъ, — съ явнымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ ему именинникъ, ткнувъ пальцемъ по направленію къ дивану.

Надъ диваномъ висѣлъ писаный масляными красками портретъ пожилого господина въ мундирѣ, съ красной лентой черезъ лѣвое плечо и съ двумя звѣздами. Длинный, горбатый носъ и глаза на выкатѣ подъ наморщенными, щетинистыми бровями сурово глядѣли изъ ярко позолоченной рамы.

— Экъ чего струсилъ! — захохоталъ почтмейстеръ. — Не живой, авось не укуситъ!..

— Все-таки подобіе, — сдержанно молвилъ именинникъ. — Вамъ чтò?.. Вы вѣдь Вòлтеръ, а мы христіане.

— Да-съ, могу сказать!.. — самодовольно отвѣтилъ, поглядывая на меня, Иванъ Павлычъ. — Могу сказать, что Вòлтера знаю... Ты бы, Иванъ Семенычъ, хоть «Оду на разрушеніе Лиссабона» раскусилъ, такъ и не сталъ бы призраковъ бояться, — продолжалъ онъ, указывая на портретъ. — Призракъ вѣдь?.. А?

— Полноте вамъ!.. — неспокойно проговорилъ именинникъ, увлекая нечèсаннаго Вòлтера къ столу съ графинами и графинчиками. — Вы бы лучше вотъ выкушали.

— Можно! — отвѣтилъ почтмейстеръ, и прошелся по водочкѣ.

— Славная икорка! — замѣтилъ городничій, набивая ротъ хлѣбомъ, вплотную намазаннымъ свѣжей зернистой икрой. — Изъ Саратова?

— Изъ Саратова,— отвѣтилъ именинникъ.

— Хорошая икра. Чтò бы тебѣ, Маркелычъ, такую держать? — сказалъ Антонъ Михайлычъ стоявшему у притолки городскому головѣ.

Почтительно подойдя къ «хозяину города», голова съ низкимъ поклономъ и плутовской усмѣшкой промолвилъ:

— Несходно будетъ, ваше высокородіе. Сами изволите знать, какой здѣсь расходъ.

— Мы бы стали брать, вотъ Степанъ Васильичъ, Алексѣй Петровичъ, Иванъ Семенычъ, всѣ...

— Нѣтъ, ужъ увольте, ваше высокородіе. Ей-Богу, несходно.

Правъ былъ голова: несходно ему было хорошую вещь въ лавкѣ держать. Икра за прилавкомъ не залежалась бы, въ день либо въ два расхватали-бъ ее «благородные» — на книжку. А это значитъ: «пиши долгъ на двери, а получка въ Твери».

— Пирогъ поданъ!.. — возгласилъ именинникъ. — Андрей Петровичъ, Антонъ Михайлычъ, милости просимъ. Иванъ Павлычъ, а повторить?

— Можно, — отвѣтилъ почтмейстеръ, и повторилъ въ пятый либо въ шестой разъ. Ученикъ Вольтера придерживался россійскаго, о виноградномъ отзывался презрительно, называя его свекольникомъ.

Гости перваго сорта вокругъ стола усѣлись, мелкая сошка пили и ѣли стоя, барыни съ Катериной Васильевной удалились въ ея комнаты. Нельзя-жъ при кавалерахъ прихлебывать настоечки да наливочки.

Зашла бесѣда о желѣзныхъ дорогахъ. Стоявшій за стульями штатный смотритель съ приличной осторожностью осмѣлился доложить, что было-бъ хорошо и даже необходимо для отечественнаго просвѣщенія провести желѣзную дорогу въ Рожновъ. Городничій закинулъ назадъ голову и, съ презрѣньемъ взглянувъ на смотрителя, молвилъ:

— Ишь чего захотѣлъ!

Штатный смотритель поперхнулся кускомъ пирога и съ глухимъ кашлемъ, наклоняясь и закрывая ротъ салфеткой, торопливо вышелъ въ переднюю.

— А что-жъ?.. Недурно бы было, — сказалъ исправникъ. — Съ Волги живыхъ стерлядей сюда бы возили.

Исправникъ, по собственному его выраженію, имѣя «характеръ гастрономическій», держалъ повара, привезеннаго изъ Москвы, и смотрѣлъ на обѣдъ какъ на цѣль человѣческой жизни.

— Часты будутъ наѣзды изъ губерніи, — отвѣтилъ городничій. — Изъ мундира не вылѣзай. Да и накладно.

— Правда, — подтвердилъ сонмъ благородныхъ. Согласился и гастрономъ-исправникъ.

По угламъ разговоры шли дѣловые. Только и слышно было:

— Къ вамъ послано было отношеніе, на это отношеніе вы отвѣчали...

— А по указу губернскаго правленія...

— Недоимка наросла страшная, хоть бы тутъ тресни, ничего не подѣлаешь...

— А казенная палата и посылаетъ указъ...

— Ну, и заключить его въ тюремный зàмокъ!

И за столомъ разговоръ съ желѣзныхъ дорогъ на дѣла перешелъ.

— Дѣятельностью могу похвалиться, — говорилъ исправникъ. — Загляните когда-нибудь къ намъ въ земскій судъ, Андрей Петровичъ, — посмотрите... Тридцать шесть тысячъ исходящихъ!.. И до этакого числа, могу сказать, я довелъ. При покойникѣ Алексѣѣ Алексѣичѣ рѣдкій годъ двадцать тысячъ набиралось. При моей бытности, значитъ, въ полтора раза дѣятельность умножилась. Дѣлъ теперь у меня... Ардаліонъ Петровичъ! — крикнулъ онъ черезъ столъ секретарю земскаго суда. — Сколько у насъ дѣлъ?

— По суду? — басомъ спросилъ секретарь.

— И по суду и у становыхъ, всего сколько?

— Тысяча восемьсотъ шестьдесятъ девять дѣлъ къ первому числу показано, — пробасилъ Ардаліонъ Петровичъ и хлопнулъ нà-лобъ рюмку хересу.

— Возьмите вы это, Андрей Петровичъ, тысяча восемьсотъ шестьдесятъ девять дѣлъ. Среднимъ числомъ хоть по двадцать листовъ на дѣло положить... вѣдь это... двадцать да шестнадцать... семнадцать... вѣдь это тридцать семь тысячъ листовъ безъ малаго. Да еще мало я кладу по двадцати листовъ на дѣло. Такъ изволите ли видѣть, какова у насъ дѣятельность...

Слова исправника просьбицу означали: когда, дескать, увидите министра, скажите ему: «есть, молъ, ваше высокопревосходительство, въ Рожновѣ исправникъ, Степанъ Васильичъ, отличный исправникъ, дѣятельный, привелъ уѣздъ въ цвѣтущее, можно сказать, положеніе».

А вечеркомъ на сонъ грядущій такъ исправникъ мечталъ: «Скачетъ отъ губернатора нарочный, скачетъ, скачетъ, прямо ко мнѣ. — «Пожалуйте, говоритъ, къ губернатору для объясненія по дѣламъ службы». Ѣду, разумѣется, немедленно, являюсь... А губернаторъ на шею ко мнѣ. — «Поздравляю, говоритъ, поздравляю, Степанъ Васильичъ, поздравляю!» А самъ крестикъ изъ пакета вынимаетъ, къ мундиру мнѣ пришпиливаетъ. Я, разумѣется, въ плечо его превосходительство, руку ловлю... Не даетъ. — «Лучше, говоритъ, я тебя въ губы»... За-

манчиво, чортъ возьми! Ей-Богу, заманчиво!.. Какой бы обѣдище задалъ!.. Какъ свиней кормятъ пареной рѣпой, такъ бы всѣхъ закормилъ я трюфелями!.. Пироговъ бы страсбургскихъ выписалъ, омаровъ... На каждаго по пирогу да по цѣльному омару!.. Такими бы дюшесами столъ изукрасилъ, что кто-бъ ни взглянулъ, такъ бы и обомлѣлъ».

Пиршество межъ тѣмъ продолжалось. Именинникъ торопливо перебѣгалъ отъ гостя къ гостю, упрашивая ровно Богъ знаетъ о какой милости побольше покушать. Напрасно онъ хлопоталъ, и безъ того гости охулки нà руку не клали. Исчезло со столовъ пять кулебякъ съ вязигой да съ семгой, исчезъ чудовищный осетръ, достойный украсить обѣденный столъ любого откупщика; исчезли бараньи котлеты съ зеленымъ горошкомъ и даровые рябчики, нашпикованные не вполнѣ свѣжимъ домашнимъ саломъ. Все исчезло въ безднѣ «благородныхъ» утробъ... Со славой тѣ утробы поспорили бы съ утробами поповскими... Про нихъ, къ общему удовольствію гостей, рожновскій Вòлтеръ, обращаясь къ отцу протопопу, сказалъ: «Сидитъ попъ надъ псалтырью, другой попъ съ нимъ рядомъ. «Что-бъ означало, — спросилъ одинъ: — бездна бездну призываетъ?» Другой отвѣчаетъ: «Это, говоритъ, значитъ: попъ попа въ гости зоветъ».

Изъ-за стола встали грузны. Вòлтеръ хотѣлъ-было домой идти, но, отыскивая картузъ, сѣлъ нечаянно на стулъ у окошка и тотчасъ заснулъ. Духовенство ушло, вслѣдъ за нимъ и мелкая сошка.

Оставшіеся завели рѣчь про губернаторскую ревизію, потомъ заговорили о портретѣ, висѣвшемъ въ гостиной именинника.

— Разскажи, Иванъ Семенычъ, про портретъ-отъ, — сказалъ городничій.

— Да вы вѣдь ужъ знаете, Антонъ Михайлычъ, — несмѣло отозвался Иванъ Семенычъ. — Зачѣмъ же повторять?

— Да вотъ нашъ гость дорогой, Андрей Петровичъ, не знаетъ.

— Эхъ, — воскликнулъ Иванъ Семенычъ, махнувъ рукою. — Не понять Андрею Петровичу!.. Мы вѣдь люди простые, степняки, не петербургскіе... Нѣтъ ужъ, Антонъ Михайлычъ, — пущай его виситъ!.. Богъ съ нимъ... Мы-жъ теперь маленько подгуляли... Нехорошо въ такомъ видѣ про такія дѣла говорить.

Неотступныя просьбы поколебали именинника. Тихо подошелъ онъ къ гостиной, осторожно притворилъ дверь и усѣлся въ кружокъ. На лицѣ его замѣтно было душевное волненіе.

Положилъ онъ широкія ладони на колѣни, свѣсилъ немного голову и, помолчавши, вполгóлоса началъ разсказывать:

— Его превосходительство Алексѣй Михайлычъ Оболдуевъ, нашъ губернскій предводитель, — его, Андрей Петровичъ, вы, конечно, имѣете честь знать, — изволили лѣтъ пять тому назадъ въ Рожновскомъ уѣздѣ съ аукціона купить заложенное и просроченное имѣніе гвардіи поручика Княжегорскаго, село Княжово съ деревнями... Въ томъ селѣ домъ былъ старый-престарый, комнаты — сараи, потолки со сводами, стѣны толстыя, ровно московскій Кремль. Въ стары-то годы, знаете, любили строиться прочно, чтобъ строенью вѣку не было. Толсто, несуразно, зато прочно выходило.

«Домъ у Княжегорскаго былъ запакощенъ хуже не знай чего. Когда въ нашей губерніи вторая бригада восьмой дивизіи стояла, онъ его подъ военный постъ отдавалъ. И стѣны, и полы, и потолки въ такомъ видѣ послѣ христолюбиваго воинства остались, что самому небрезгливому человѣку стоило только взглянуть, такъ, бывало, цѣлый день тошнитъ... И въ такомъ-то домѣ — слышимъ — его превосходительство, Алексѣй Михайлычъ желаетъ по лѣтáмъ проживать. Оченно ему понравилось мѣстоположенье Княжова.

«Съ диву пали. «Какъ же это, думаемъ, его превосходительство Алексѣй Михайлычъ, особа обращенія деликатнаго, воспитанія тонкаго, въ вертепѣ станетъ жить?» Однакожъ года черезъ полтора его превосходительство, можно сказать, восьмое чудо сотворили: изъ запакощеннаго дома такой, могу вамъ доложить, соорудили, что хоть бы въ Петербургѣ возлѣ государева дворца поставить. Зимніе сады, цвѣтныя стекла, бронзовыя рѣшетки, карнизы, изъ бѣлаго камня сѣченые. Не домъ — чертоги.

«Такъ и ахаютъ всѣ, а его превосходительство Алексѣй Михайлычъ изволятъ говорить: «подождите, то ли еще будетъ». И выписали они изъ Риги нѣмца — Карла Иваныча, чтобы онъ княжовскій домъ живописью украсилъ. Пріѣхалъ Карлъ Иванычъ, а былъ онъ нѣмецъ настоящій, ни единаго то-есть слова по-русски не разумѣлъ. Послѣ наторѣлъ, а на первыхъ порахъ ровно полоумный былъ: ты ему говоришь дѣло, а онъ выпучитъ глаза да головой мотаетъ. Смѣшной былъ нѣмецъ!

«Чего только онъ ни натворилъ: потолки расписалъ, нагихъ Венеръ, Купидоновъ и другихъ языческихъ боговъ намалевалъ, и всѣ-то они вышли у него народъ здоровенный, матерòй, любо-дорого посмотрѣть!

«Живучи въ Княжовѣ, Карлъ Иванычъ въ Рожновѣ частенько бывалъ.

«Подружился я съ нимъ, когда онъ по-русски сталъ понимать. Мастеръ наливки дѣлать и все по рецептамъ. И меня тѣми рецептами снабдилъ. Наливочки, смѣю полагать, изряднехоньки. Андрей Петровичъ, сливяночки не прикажете ли, али вотъ поляниковки!.. Деликатесъ, могу доложить!..

«Однажды пріѣзжаетъ нѣмецъ въ городъ прямо ко мнѣ.

«— Что̀, говорю, Карлъ Иванычъ, зачѣмъ Богъ принесъ?

«— Дѣльце, говоритъ, Ифанъ Симонишь, есть.

«— Какое дѣльце?

«Пошелъ нѣмецъ разсказывать.

«Дѣло вотъ какое было. Въ ихней Нѣмечинѣ, въ самой то-есть настоящей Нѣмечинѣ, въ Ревелѣ, сродникъ померъ у Карла Иваныча, и ему доводилось наслѣдство получить. А ка̀къ получить—не знаетъ. По дружбѣ взялся я ходатайствовать, довѣренность взялъ у него и пошелъ въ Нѣмечину бумаги писать. Возни много было, нѣмцы — народъ ремесленный: законовъ не разумѣютъ... И присутственны-то мѣста у нихъ не какъ у людей: «оберъерихты» да «гутманы», самъ чортъ не разберетъ!.. А Карлъ Иванычъ горячка: ему-бъ въ одинъ день наслѣдство взять безо всякой переписки. «Нѣтъ, говорю, братъ, шалишь, не въ порядкѣ будетъ, ты повремени, а я стану писать, какъ слѣдуетъ». Насилу могъ урезонить. Наставивши его на должный порядокъ, безъ малаго полтора года велъ его дѣла. Выслали напослѣдокъ Карлу Иванычу изъ ревельской Нѣмечины шестьсотъ цѣлковыхъ.

«Зарадовался. На козьихъ своихъ ножкахъ такъ и подпрыгиваетъ, ручонки такъ и потираетъ...

«— Сколько, говоритъ, надо, Ифанъ Симонишь, благодарности?

«А я ему:

«— Богъ съ тобой, Карлъ Иванычъ!.. Съ ума ты, что ли, спятилъ... Я хлопоталъ по дружбѣ, денегъ не возьму.

«А онъ:

«— Да мнѣ, говоритъ, совѣстно, Ифанъ Симонишь.

«Хорошій былъ человѣкъ, даромъ что нѣмецъ, совѣсть зналъ.

«— А коли, говорю, совѣстно, такъ подари картинку своего писанья.

«Такъ и запрыгалъ... Руку мнѣ пожимаетъ, меня же благодаритъ, что картину у него потребовалъ... Слезы даже на глазахъ выступили. А не тому радъ, что деньгами мнѣ не поплатился. — «Мнѣ, говоритъ, то дорого, что вы, Ифанъ Симонишь, искусство любите».

«А я ему:

«— Ужъ тамъ, братъ, люблю ли я, нѣтъ ли, а картинку-то мнѣ подай.

«— Есть, говоритъ, у меня «Разбойникъ венеціанскій», младенца рѣжетъ, да есть, говоритъ, «Итальянское утро», да есть говоритъ, губернаторскій портретъ.

«Разбойника взять поопасился. По должности неприлично... Стряпчій... У царскаго-то ока да вдругъ разбойникъ въ домѣ заведется?.. Хоть и не русскій, а все нехорошо... Опять же супруга каждый годъ тяжела бываетъ, неравно на послѣднихъ часахъ взглянетъ на «Разбойника» да испужается... Портретъ взять, думаю, будетъ не по чину, смѣяться бы не стали. — «Какая-нибудь, дескать, пиголица, уѣздный стряпчій, а тоже подобіе его превосходительства у себя имѣетъ». Давай, говорю, «Итальянское утро». На томъ и рѣшили.

«Добрая недѣля прошла, а «Утра» нѣтъ какъ нѣтъ... Сталъ я подумывать, не надулъ ли меня нѣмецъ, по губамъ только не помазалъ ли? Однакожъ нѣтъ, везутъ изъ Княжова ящикъ аршина два длины, полтора ширины. Вотъ оно «Утро»-то!.. Честный человѣкъ, не надулъ.

«Жену кликнулъ... Гляди, молъ, «Утро» привезли. Дѣти прибѣжали.

«— Папася, папася, — голосятъ: — это пастила, что ли?

«— Нишкните, говорю, какая тутъ пастила! Тутъ «Итальянское утро»: солнышко восходитъ, коровки идутъ, пастушокъ на свирѣлкѣ играетъ.

«Ребятишки такъ и запрыгали; одинъ кричитъ: «папася, мнѣ коловку!», другой голоситъ: «папася, пасуська!».

«Какъ вскрылъ да поставилъ я картину на столъ, такъ даже ахнулъ... Этакой ты безстыжій, Карлъ Иванычъ! Къ женатому человѣку да такую пакость!.. Утра-то на картинѣ вовсе нѣтъ: стоитъ молодая дѣвка въ одной рубахѣ, руки моетъ, рубашонка съ плечъ спущена, все наружи, рядомъ постель измятая... И другое житейское — все тутъ же!

«Жена какъ взвизгнетъ да всплеснетъ руками. Плюнула на картину, говоритъ:

«— Срамникъ ты, срамникъ этакой, Иванъ Семенычъ!.. На старости лѣтъ пакостями вздумалъ заниматься!.. Я, говоритъ, отцу Симеону пожалуюсь, задалъ бы тебѣ на духу хорошенькаго нагоняя, епитимью наложилъ бы. А меня, покамѣстъ эта мерзость въ домѣ, ты и не знай.

«Ушла и дверью хлопнула.

«А ребятишки пальцами въ картину тычутъ, кричатъ: «кормилка! кормилка!». А кучеръ Гришка, что ящикъ въ ком-

наты вносилъ, сзади стоитъ, ухмыляется да бормочетъ себѣ подъ носъ: «ровно кума Степанида».

«— Вонъ всѣ пошли! — крикнулъ я.

«Остался одинъ передъ «Утромъ», разглядывать сталъ... Бѣсъ и ну смущать... Глаза масляные, съ поволокой, зубы бѣлые, сама дородная; смугла, зато грудиста, а волосы смоль, какъ есть смоль черные.

«Гляжу-гляжу, а самъ чувствую, какъ грѣхъ-отъ на душу лѣзетъ. Мурашки по спинѣ... Дышишь — задыхаешься, въ сердце ровно горячей иглой кольнуло тебя. Разбѣжались глаза... Хорошо намалевано!.. Да гдѣ-жъ «Утро-то итальянское»?

«Вспомнилъ, что въ законѣ, въ бракѣ то-есть состою — нечего, значитъ, на чужую красоту глаза пялить... Какую Богъ послалъ — той и держись, а на чужую не смѣй зариться, грѣшныхъ мыслей не умножай!.. Такъ Господь повелѣлъ... «Грѣховодникъ ты, грѣховодникъ, Карлъ Иванычъ! Вотъ оно въ тихомъ-то болотѣ черти живутъ. Тихоня, скромникъ, бывало, на курносую, рябую стряпку взглянетъ, такъ весь зардѣетъ, а вотъ чѣмъ занимается!..»

«Жену кой-какъ усовѣстилъ, резоны ей представлялъ всякіе: даровому-де коню, матушка, въ зубы не смотрятъ, а тебѣ, говорю, опасаться нечего, дѣвка не живая.

«Степанидой попрекнула. А я ей:

«— Степанида, говорю, матушка, вещь живая, и ты сама знаешь, что я теперь — ни-ни. А это, говорю, картина, вещь бездушная, грѣха отъ нея случиться не можетъ.

«Такъ да этакъ, уговорилъ Катерину Васильевну повѣсить картину въ гостиной.

«Повѣсили. Только сталъ я замѣчать, что моя Катерина Васильевна невеселá ходитъ; каждый разъ, чтò ни пройдетъ черезъ гостиную, плюнетъ. Иной разъ всплакнетъ даже. Станешь что-нибудь говорить съ лаской, она: — «Ступай, говоритъ, въ гостиную, тамъ у тебя «Итальянское утро».

«Раздоръ семейный, несогласіе!.. Ахъ, ты, нѣмецъ окаянный!

«Рождество Христово подошло, съ визитами всѣ. Мужчины пріѣдутъ — съ «Утра» глазъ не сводятъ, а барыни — хоть святыхъ вонъ неси. «Человѣкъ вы немолодой, Иванъ Семенычъ, — корятъ меня: — малыхъ дѣтей имѣете, а такой соблазнъ въ честной домъ внесли... Бога не боитесь!..» И ни одна, бывало, мимо картины не пройдетъ, чтобы не плюнуть!.. А небось, какъ у его превосходительства Алексѣя Михайлыча въ Княжовѣ балы бываютъ, такъ изъ угольной отъ Аполлоновой статуи нашихъ барынь плетью не оттонишь.

«Житья не стало отъ окаяннаго «Утра». Отецъ Симеонъ

начались сталъ:—«Грѣхъ, говоритъ, въ одной комнатѣ со святыми иконами богомерзкое изображеніе держать».

«Жаль было картинки. Не бросить же!.. Ежели въ гостиной нельзя держать, перенесу ее въ заднюю, — маленькая тамъ у меня горенка есть, для прохлады...

«Хуже стало. Весь Рожновъ заговорилъ, что царское око въ потаенный развратъ ударился! Отецъ протопопъ заходилъ, строго выговаривалъ.

«Провались ты, думаю, окаянный нѣмецъ, со своимъ «Итальянскимъ утромъ»! — Заколотилъ его въ ящикъ, и назадъ въ Княжово. «Давай,—пишу Карлу Иванычу,—губернатора».

О ту пору, какъ я «Утро» отправлялъ, его превосходительство господинъ губернаторъ у насъ въ Рожновѣ на ревизіи былъ. Пріѣхалъ грозный и уѣхалъ грозный. Такой робости задалъ, такъ всѣхъ понастроилъ, что только Господи ты Боже... Во все самъ входилъ: и сукно на столахъ охаялъ, и коверъ, говоритъ, по закону долженъ быть... Замѣтилъ, что законы не за замкòмъ лежатъ, что стулья поломаны, на заднюю лѣстницу даже ходилъ. Всѣмъ досталось, а мнѣ изволилъ сказать: «Ты ни за чѣмъ не смотришь, ничего не видишь!» Такъ и сказалъ... Ей-Богу!

«Думаю: — «Ну какъ нѣмца да продержитъ на портретѣ... Какъ угораздитъ его, чортова сына, безъ орденовъ изобразить. Повѣсить нельзя будетъ его превосходительство. Хуже «Итальянскаго утра» выйдетъ».

«Везутъ ящикъ. Тутъ я ни жену ни дѣтей не позвалъ, вдвоемъ съ Гришкой ящикъ вскрывали... Ахъ, ты, нѣмецъ окаянный... Звѣзду намалевалъ, а ленты нѣтъ... Да еще во фракѣ изобразилъ начальника-то губерніи!.. А у фрака-то, можете себѣ вообразить, лацканъ больше чѣмъ полъ-звѣзды закрываетъ.

«А сходствія много; и смотритъ грозно и руку за жилетъ. Тàкъ вотъ, кажется, сейчасъ и скажетъ: «а ты чего смотришь, дуракъ?»

«Повѣсилъ я портретъ въ гостиной надъ диваномъ. Спервоначалу у насъ въ домѣ все посмирнѣй пошло, и жена меньше ругается и развратомъ не попрекаетъ. Кто ни придетъ, всякій, бывало, съ почтеніемъ взираетъ. Одинъ Иванъ Павлычъ, ну да онъ чтò?.. Вòлтеръ, такъ Вòлтеръ и есть.

«Заварилось той порой казусное дѣло. Окружной съ откупщикомъ не поладилъ, каши ему наварилъ. Изъ-за выставокъ дѣло пошло. Знаете, выставка пятидесятидневная, а сидятъ съ виномъ круглый годъ. Окружной взъерошился, дѣло поднялъ. Произвели слѣдствіе, въ уѣздный судъ представили, плохо

откупщику. Самъ прискакалъ... Заметался во всѣ стороны: «отцы, говоритъ, родные, выручайте». Съ окружнымъ на мировую, съ нами тоже.

«Только-что уѣхалъ онъ отъ меня, стою въ гостиной, считаю благостыню. Поднялъ глаза, варомъ меня обдало! Его превосходительство глаза такъ и выпучилъ. — «А! мошенникъ, попался!.. Въ моемъ виду берешь!.. А по Владимiркѣ хочешь?.. А?..» Руки съ деньгами я за себя, самъ думаю: — «А въ самомъ дѣлѣ, неловко въ присутствiи его превосходительства якобы благодарность получать. Оно, конечно, не въ самоличности, однакожъ подобiе».

«Да сыскоса и глянулъ на портретъ... диво, ей-Богу!.. Не страшно.

«Однакожъ, думаю, что-жъ это за оказiя? Сталъ замѣчать: — никто не боится портрета, даже и ребятишки. Старшiй-отъ у меня побойчѣе, безъ робости въ гостиную ходитъ, запрыгаетъ на одной ножкѣ передъ портретомъ, спуститъ рукава съ ручонокъ да и кричитъ во все горло: «Альмянинъ, альмянинъ, больсеносой альмянинъ!»

«— Какой, — крикну ему, — армянинъ? Это начальникъ, ты долженъ имѣть къ нему уваженiе.

«А онъ прыгаетъ да твердитъ: «Не нацяльникъ — альмянинъ!.. Не нацяльникъ — альмянинъ»... Да все на одной ножкѣ. Сѣкъ два раза — неймется.

«Цесарцы *) въ Рожновъ прiѣхали, моя Катерина Васильевна и кликни ихъ... Бабье дѣло, имъ бы хоть поглазѣть на нарядныя вещицы. Разложили цесарцы товары въ залѣ. Жена и ну приставать: купи да купи ей браслетку да брошку. Я сначала будто не слышу, а какъ надоѣла, вызвалъ ее въ гостиную, сталъ урезонивать.

«— Образумься, говорю, матушка! Пристало-ль тебѣ, говорю, браслеты да брошки носить? Вѣдь ты ужъ не молоденькая!..

«Какъ ругнетъ меня!.. Да разъ, да другой, и пошла и пошла.

«— Что ты, говорю, матушка, раскудахталась? Хоть бы его превосходительства постыдилась!

«А Катерина Васильевна какъ захохочетъ, такъ даже и покатилась.

---

*) Цесарцами назывались мелкiе торговцы, развозившiе по городамъ и помѣщичьимъ деревнямъ товары и лѣкарства. Они назывались и «венгерцами». Это были словаки, много между ними было и жидовъ, прикидывавшихся словаками. Лѣтъ сорокъ или болѣе тому назадъ, вслѣдствiе злоупотребленiй жидовъ, особенно по продажѣ лѣкарствъ, иногда даже ядовъ, торговля эта была стѣснена до того, что вскорѣ цесарцы у насъ совсѣмъ перевелись.

«— Дуракъ, говоритъ, ты, дуракъ... Какое это начальство? Это, говоритъ, тряпка малеванная! Это, говоритъ, вотъ что̀...

«Да какъ харкнетъ прямо въ носъ его превосходительства.

«Я такъ и ахнулъ... А какъ прошло время, думаю, что-жъ это въ самомъ дѣлѣ? Не похоже развѣ?

«Сталъ больше замѣчанія держать. Что̀ за шутъ, прости Господи... Никакой робости передъ портретомъ... Что̀ такое?.. До того дошло, что иной разъ послѣ пирушки голова развинтится,—тряпку съ уксусомъ приложишь, травничкомъ опохмелишься да, принеся подушку въ гостиную, положишь ее на диванъ, да въ халатѣ подъ портретомъ и ляжешь. Лежишь да посматриваешь, иной разъ даже скажешь мысленно: «Ну что̀? Ну вотъ я и пьянъ, и въ судъ не пошелъ, а ты ничего не можешь сдѣлать, даромъ что губернаторъ». То-есть, я вамъ доложу, ни малѣйшей робости. Тутъ только я догадался, что портретъ-отъ былъ привезенъ на другой день послѣ того, какъ его превосходительство намъ копоти задалъ. Со страху-то на первое время онъ грозно смотрѣлъ и уваженіе къ себѣ вселялъ, а какъ дѣло-то поулеглось и портретъ-отъ приглядѣлся, робости и не стало.

«Не ловко дѣло. Ребятишки подрастаютъ, и ежели мальчишки съ малолѣтства не будутъ уважать начальство, что̀ выйдетъ изъ нихъ, какъ выростутъ?.. Сохрани Господи и помилуй отъ такого несчастія! Взялъ я отпускъ дёнъ на четырнадцать, въ губернію поѣхалъ. Портретъ съ собой.

«Тамъ узнаю, что его превосходительство новой монаршей милостію взысканъ, Владиміра второй степени большого креста получить удостоился. Портретъ-отъ, значитъ, я и кстати привезъ, другую звѣзду надо пририсовать.

«Живетъ у насъ въ губерніи Иванъ Лазаревъ, цараповскій отпущенникъ. Живописью кормится: вывѣски по городу пишетъ и Божьимъ милосердіемъ отчасти промышляетъ, иконы то-есть пишетъ, и хоша запиваетъ, однако богомазъ изъ наилучшихъ. Портреты, окромѣ царскихъ да его превосходительства, теперь перестать писать; портретная-де работа подошла и совсѣмъ, почитай, перевелась съ тѣхъ поръ, какъ угораздило нѣмца какого-то штуку выдумать: посадитъ человѣка передъ ящикомъ, портретъ въ ящикѣ самъ готовъ. Ни дать ни взять, какъ камедіянты яичницу въ шляпѣ стряпаютъ. Нечистая-ль сила тутъ малюетъ, другое-ль что̀, только эти ящики,—говоритъ Иванъ Лазаревъ,—насущный хлѣбъ у нашего брата отбили... Вѣдь на вывѣскахъ да на Божьемъ милосердіи далеко, говоритъ, не уѣдешь.

«Я къ нему, къ Ивану Лазареву. Пріятеля-то, Карла Ива-

ныча, въ нашей губерніи тогда ужъ не было, въ Нѣмечину уѣхалъ. Говорю Лазареву: — «Вотъ, братецъ ты мой, портретъ его превосходительства, припиши ты другую звѣзду, въ мундиръ наряди и въ ленту, да въ лицѣ величія и строгости подпусти. Заодно ужъ и золотую раму спроворь».

«Поладили за тридцать цѣлковыхъ кругомъ.

«— Смотри же, говорю, не попорти, работа нѣмецкая.

«— Помилуйте, говоритъ, батюшка Иванъ Семенычъ. Намъ нѣмецка работа ни почемъ. Бывала въ нашихъ рукахъ самая даже итальянская. Не самоучкой дошли до искусства, покойникомъ бариномъ изъ годовъ Ступину въ академическую школу былъ отданъ. Десять лѣтъ, сударь, въ Арзамасѣ выжилъ! Рафаэля можемъ писать.

«— Къ тому я тебѣ говорю, Иванъ Лазаревъ, что руки-то у тебя больно трясутся.

«— Это, говоритъ, ваше благородіе, отъ пьянства. Запоемъ пью. А вы не сумлѣвайтесь; хоша рука и дрожитъ, однакожъ на губернаторскихъ портретахъ шибко набита. Такъ я ее, сударь, набилъ, что вотъ хоть сейчасъ, въ вашемъ виду зажмурюсь и портретъ напишу: въ ростъ, такъ въ ростъ поясной. Оченно много заказываютъ.

«Ждалъ я недолго. Несетъ Лазаревъ портретъ. Передѣлалъ на диво. Своимъ добромъ хвалиться не велять, а тутъ ужъ просимъ извиненія... Хорошъ! утаить нельзя.

«Какъ принесъ его Иванъ Лазаревъ — взглянулъ я и глаза опустилъ.

«— Спасибо, говорю. Вотъ твои деньги, вотъ еще полтинникъ на водку. Одолжилъ!..

«— Питеръ, не губернаторъ, — говоритъ Иванъ Лазаревъ, отступивъ шага на три и закинувши голову.

«— Именно, говорю, хоть въ Питеръ такой портретъ.

«— Громы, говоритъ, мещетъ грозный зѣвъ *).

«— Грозёнъ, говорю, дѣйствительно. И зѣвъ, говорю, у его превосходительства очень грозёнъ. Зарычитъ на ревизіи — душа въ пятки уйдетъ. Ну, говорю, можно тебѣ чести приписать, Иванъ Лазаревъ, руки у тебя золотыя. Жаль только, что руки-то золотыя, да рыло поганое. Зачѣмъ не въ мѣру пьешь?

«— Эхъ, завей горе веревочкой!.. Прощайте, батюшка Иванъ Семенычъ. Теперь за ваше здоровье запилъ Ванька, загулялъ.

*) Иванъ Лазаревъ въ Арзамасѣ у Ступина учился миѳологіи, зналъ про Зевса и Юпитера. Иванъ Семенычъ, не получивъ классическаго образованія, полагалъ, что ему онъ про Петербургъ да про губернаторскій зѣвъ говоритъ.

«Что ни знаю живописцевъ, до вина очень охочи. Хоть и Карла Иваныча взять: бывало, такъ нарѣжется, что и русскому не сумѣть! А изъ господскихъ, что отдаютъ въ ученье живописному, все давятся побольше; баринъ учитъ-учитъ человѣка, а какъ только выученный малый поступитъ въ барскій домъ, тотчасъ и задавится. Ну и убытокъ.

«Привожу домой обновленный портретъ, вѣшаю на прежнее мѣсто. Тишина райская пошла. Жена ни гугу, а дѣти разревутся — нянька прямо ихъ въ гостиную. Покажетъ на портретъ, скажетъ: «а вонъ бука-то!». Ребенокъ и стихнетъ.

«Сами изволите видѣть: и величіе, и строгость, и важность, все. И двѣ звѣзды и лента черезъ плечо.

«Случится въ судъ опоздать, такъ я изъ спальной черезъ кухню, а мимо портрета не могу. Не вынесу, ей-Богу не вынесу!

«Да не я одинъ... Помните, Антонъ Михайлычъ, какъ въ прошломъ году я полученіе безпорочной пряжки праздновалъ. Этакъ же вотъ собрались всѣ у меня, Андрей Петровичъ, только вечеромъ. Послѣ ужина подали жженку варить. Середь гостиной столъ поставили, свѣчи вынесли, зажгли жженку. Только вдругъ вотъ Антонъ Михайлычъ какъ закричитъ: «Убери, Иванъ Семенычъ, убери поскорѣй!..» Взглянули, а отъ пламени-то личико его превосходительства такъ и морщится, такъ и хмурится. Пошелъ я къ Катеринѣ Васильевнѣ, взялъ драдедамовый платокъ и съ благоговѣніемъ завѣсилъ портретъ».

— Да, сходствіе большое, — замѣтилъ, затягиваясь жуковымъ, Антонъ Михайлычъ.

— Мечта! — замѣтилъ исправникъ.

— Хороша мечта, — возразилъ городничій. — А въ прошлую ревизію какъ за мосты да за гати кого-то пудрили? Тоже мечта была?

— Нѣтъ, Степанъ Васильичъ, — подхватилъ именинникъ: — тутъ не мечта. На что Иванъ Павлычъ, и тотъ передъ портретомъ горла зря не распускаетъ. Да гдѣ онъ?

Оглянулись: Вольтеръ, сидя на стулѣ и склонивъ на окно буйную голову, спалъ богатырскимъ сномъ. Пять экстръ приди, десятка два эстафетъ пріѣзжай, — не добудятся.

— Свалило, — мотнувъ головой, замѣтилъ городничій.

БАБУШКИНЫ РОЗСКАЗНИ.

Разсказъ.

Бабушка Прасковья Петровна Печерская кончила жизнь далеко за сотню годовъ отъ роду. На старости лѣтъ хватила старушка грѣха на душу — молодилась. Бывало, бабушкѣ все восьмой десятокъ въ доходѣ. Лѣтъ двадцать пять доходилъ, — такъ и не дошелъ.

Бабушка Прасковья Петровна на самомъ-то дѣлѣ была мнѣ прапрабабушкой, да мы всѣ ее бабушкой звали. И эго старушкѣ нравилось.

Спросишь, бывало:

— Въ которомъ году родились вы, бабушка?

— А вотъ ужъ гòда-то, mon coeur, и не упомню, — отвѣтитъ. — Да ты считай: покойница матушка принесла меня въ самый тотъ день, какъ на Охтѣ попа жгли. Привозилъ того попа въ Петербургъ князь Дундукъ, а князь Дундукъ въ ту пору былъ еще некрещеный, и тотъ попъ былъ у него самый нàбольшій: по-нашему архіерей, по-ихнему, по-калмыцки, чурлама. Онъ въ Петербургѣ возьми да и помри, а по калмыцкому закону мертваго попа надо жечь. Ну и сожгли. Весь Петербургъ тогда на Охту высыпалъ: всякому лестно было поглядѣть, какъ поповъ жгутъ. И батюшка съ матушкой, дай Богъ имъ царство небесное, ѣздили. Матушку-то въ народѣ и помяли: какъ пріѣхала домой, такъ меня и принесла... Такъ-то, Андрюша!.. Ты зналъ ли, голубчикъ, что я недоносокъ?

— Бабушка! да вѣдь этому больше ста лѣтъ *).

— Полно-ка ты, — заворчитъ бабушка: — молодъ еще надо мной смѣяться!.. Сто лѣтъ!.. Экъ чтò сморозилъ!.. Перекрести лобъ-отъ, опомнись... Семьдесятъ восемь либо семьдесятъ семь — это можетъ статься, а ты ужъ гляди-ка чтò махнулъ!.. Сто годовъ!.. Прошу покорно!..

---

*) Сожженіе чурламы было въ маѣ 1736 года.

И пойдетъ, бывало, ворчать бабушка, но не надолго: добрая была старушка и меня очень любила. Съ малолѣтства былъ я ея баловнемъ. Меня, бывало, такъ и звали: бабушкинъ внучекъ да бабушкинъ внучекъ. И она очень это любила.

Глуха подъ старость стала и видѣла плохо, но память сохранила рѣдкую. И, какъ часто бываетъ съ людьми преклонныхъ лѣтъ, хорошо помнила только время молодости. Какъ начнетъ, бывало, свои розсказни про времена елизаветинскія да екатерининскія — все до подробности разскажетъ, а французскаго погрому не помнила, хоть и вывезли ее изъ Москвы за пять часовъ до вступленія Наполеона и она, крестясь и глухо рыдая, всю ночь проглядѣла изъ подмосковной на страшное зарево славнаго пожара.

— Какъ же это вы забыли, бабушка, какъ Наполеонъ-отъ въ Москву приходилъ? — спросишь, бывало, ее.

— Нѣтъ, милый Андрюша, не припомню. Не припомню, родной... И долго жила на Москвѣ, а такого не помню... Да кто онъ такой былъ? По прозвищу изъ чужестранцевъ, должно-быть?

— Французъ, бабушка

— Французъ!.. Нѣтъ, моя радость, такого не помню. И хвастать не хочу. Много вѣдь французовъ-то тогда на Москвѣ проживало... Да онъ кто таковъ? Танцовщикъ аль гуверперъ, можетъ статься?

— Императоръ, бабушка.

— Императоръ!?. Какъ такъ императоръ?.. Какой?

— Императоръ французовъ, бабушка.

— Перестань, Андрей!.. Грѣхъ надъ бабушкой смѣяться. Господь счастье отниметъ... Смотри-ка, что̀ вздумалъ. Нашелъ у французовъ императора!.. А еще учишься!.. Нехорошо... Императоровъ, mon coeur, во всѣмъ свѣтѣ только двое—нашъ да еще римскій; салтанъ турецкій тоже въ рангѣ императора состоитъ, только не совсѣмъ, для̀ того, что некрещеный. А у французовъ, mon coeur, король, roi de France et de Navarre... Да... Какъ нынѣшняго-то зовутъ? Louis seize все еще царствуетъ, аль дофинъ воцарился?

— Эхъ, бабушка, чего хватилась! Да теперь ужъ лѣтъ пятьдесятъ, какъ Людовику головку срубили.

— Жалѣю, очень жалѣю. Безподобный былъ король и къ намъ всегда былъ расположенъ. Mon cousin, князь Свибловъ, при нашемъ резидентѣ въ Парижѣ находился и разсказывалъ про Louis seize очень много хорошаго. «Il ne parle jamais de notre impératrice, — говаривалъ mon cousin: — que dans les termes du plus profond respect et de la plus haute estime». По-

тому и жалѣю его. Только вѣдь онъ былъ такой миролюбивый; съ кѣмъ же это онъ воевалъ? Съ гишпанскимъ, полагаю.

— Ни съ кѣмъ, бабушка, не воевалъ.

— Il est tué — ты сказалъ.

— Tué-то tué. Да не на войнѣ, а на эшафотѣ.

— Послушай, Андрей! Ты, должно-быть, мартинистъ... Нехорошо, милый, очень нехорошо! Ужъ ты съ Лопухинымъ не знаешься ли?.. Смотри, mon coeur, не опечаливай бабушку: мало-ль что̀ можетъ случиться! Долго-ль къ Шешковскому въ лапы попасть?.. А у него, mon pigeonneau, еще милость Божія, какъ только посѣкутъ—это еще ничего, примочилъ арникой и вся недолга,—а неровенъ часъ... хуже бываетъ... Нѣтъ, Андрюша, береги ты себя и бабушку не огорчи!.. И объ чужестранныхъ короляхъ всегда говори съ уваженіемъ... И какія вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ, несодѣянныя вещи говоришь: и король-отъ на эшафотѣ, и французскій-то императоръ въ Москву пріѣзжалъ... Стыдно, mon coeur, безпримѣрно какъ стыдно... Постой... постой, Андрюша! Вспомнила, вспомнила... Ты перепуталъ, радость моя!.. Точно, былъ на Москвѣ императоръ, только не французскій, а римскій! Жозефомъ звали. Видала его, голубчикъ, видала... На балѣ у главнокомандующаго видѣла, въ Нескучномъ — у графа Алексѣя Григорьича Орлова, въ Кусковѣ — у Шереметева на праздникѣ... Какъ теперь на него гляжу: черты такія тонкія, нѣжныя. Только онъ сохранялъ самое строгое incognito и завсегда въ трактирахъ да на постоялыхъ дворахъ приставалъ. А когда у государыни въ Царскомъ Селѣ находился, проживалъ въ банѣ. Надъ баней-то государыня трактирную вывѣску велѣла повѣсить. Онъ и повѣрилъ, да такъ и прожилъ все время въ банѣ и тѣмъ свое incognito сохранилъ... Графомъ Фалькенштейномъ прозывался, а ты и прозвище-то ему какое-то несообразное придумалъ... Наполеонъ! Что̀ такое Наполеонъ?.. Такихъ святыхъ и у католиковъ нѣтъ, не то что у насъ, правовѣрныхъ... Собачья кличка какая-то!.. Нехорошо, мой дружокъ!.. Будь умникъ, mon bijou, такихъ словъ не говори, особенно при чужихъ людяхъ... осудятъ... Нехорошо... Да...

Много испытала въ своей жизни покойница-бабушка. До замужества жила въ Петербургѣ, а выходила замужъ не очень стара: лѣтъ четырнадцати. Была при дворѣ Елизаветы Петровны и Екатерины второй, жила въ Москвѣ во время чумной заразы, въ Казани передъ пугачовскимъ разгромомъ, въ Нижнемъ, въ Архангельскѣ, въ Ярославлѣ, въ Кіевѣ и опять по нѣскольку разъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Много видѣла, много слышала, больше того испытала... Что̀ грѣха таить —

смолоду бабушка пошаливала... Да какая-жъ молодая, свѣтская женщина въ тотъ вѣкъ не пошаливала?.. Время было такое... А вотъ что̀ странно: каждая женщина, въ стары ли годы, въ нынѣшнемъ ли вѣку, ежели смолоду пошаливаетъ, подъ старость непремѣнно въ ханжество пустится, молебнами да постами молодые грѣшки поправить бы... За бабушкой не водилось этого. Печать восемнадцатаго вѣка неизгладимо сохранилась на ней до самой кончины... Бывало, съ грустью, со слезами на тусклыхъ очахъ глядитъ на свою изсохшую, желтую руку, вспоминая то время, когда напудренная молодежь любовалась ея прекрасной, пухленькой, бѣлоснѣжной ручкой... Лѣтъ съ пятидесяти въ зеркало перестала смотрѣться... Страшно стало постарѣвшей красавицѣ взглянуть на себя... Но никогда нимало не ханжила. Напротивъ, отъ нея отъ первой узналъ я про Вольтерову le sermon des cinquante, про Фобласа, про la guerre des dieux.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы жизни своей бабушка каждый день до обмороковъ замаливалась. Сотни по полторы, по двѣ земныхъ поклоновъ по вечерамъ на сонъ грядущій клала... Разыгрывалось тогда въ лотерею головинское имѣнье, бабушка взяла три билета, и ей очень хотѣлось выиграть Воротынецъ. Объ этомъ-то она и молилась, да такъ усердно, что каждый разъ, бывало, ее безъ чувствъ въ постель уложатъ... Лотерея была разыграна, бабушкѣ вынулись пустые, но она вѣрить тому не хотѣла и попрежнему молилась до обмороковъ о богатомъ Воротынцѣ, объ его садахъ, пристаняхъ, картинныхъ галлереяхъ и другихъ богатствахъ диковиннаго имѣнія.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ пришлось мнѣ бросить горсть сырого, желтаго песку на бархатный гробъ нѣжно любившей меня старушки... Я былъ очень еще молодъ, когда, бывало, сидя у изразцовой лежанки, гдѣ любила грѣть свои косточки покойница-бабушка, слушалъ разсказы ея про старые годы. Не могъ тогда оцѣнить ихъ: мимо ушей они пролетали, другіе тотчасъ забывались.

Но теперь, когда стихли порывы легкомысленной молодости и сѣдина начинаетъ въ бородѣ пробиваться, добрая бабушка, съ ея сказаньями, воскресаетъ въ памяти, и люди восемнадцатаго вѣка встаютъ передо мной, какъ о̀бразы какой-то знакомой, хоть и не прожитой жизни. Блескъ протекшей эпохи ослѣпительно бьетъ въ глаза... Все такъ величаво, такъ пышно, широко̀ и обаятельно...

Но этотъ блескъ—случайный, внѣшній.

Поднимая заповѣдную пышную завѣсу, за которую отъ пытливыхъ взоровъ грядущихъ поколѣній хоронится восем-

надцатый вѣкъ, видишь душевную пустоту, царствующую надъ вѣтренымъ поколѣніемъ, что̀, прыгая, танцуя, шутя и смѣясь, съ тріолетомъ буриме на устахъ, врасплохъ застигнутое смертью, нежданно для него и негаданно вдругъ очутилось въ сырыхъ и темныхъ могилахъ... Когда оживаютъ въ памяти разсказы милой бабушки и возстаютъ передъ душевными очами о̀бразы давно почившихъ дѣдовъ, слышатся: и наглый крикъ временщиковъ, и таинственный лепетъ юродивыхъ, и подобострастныя рѣчи блюдолизовъ, и голосъ вѣчно живущей правды изъ-подъ дурацкихъ колпаковъ. Слышатся амурный шопотъ петиметровъ и метрессъ, громкія, сочныя лобзанья дворовыхъ красавицъ, ревъ медвѣдей, глухіе удары арапника, вой собакъ и сладостныя созвучья итальянской музыки. Чудятся баснословные праздники, ледяной дворецъ Анны Ивановны, маскарадъ на московскихъ улицахъ, екатерининскій карусель, потемкинскій балъ, плаванье по Волгѣ съ переводомъ Мармонтеля, блестящая поѣздка въ Тавриду...

Все ликовало въ тотъ вѣкъ!.. И какъ было не ликовать? То былъ вѣкъ богатырей, вѣкъ, когда юная Россія поборола двухъ королей-полководцевъ, двѣ первостепенныя державы низвела на степень второклассныхъ, а третью—подѣлила съ сосѣдями... Полтава, Берлинъ и Чесма, Минихъ въ Турціи, Суворовъ на Альпахъ, Орловъ въ Архипелагѣ и геніальный, неподражаемый, великолѣпный князь Тавриды, создающій новую Россію изъ ничего!.. Что̀ за величавые о̀бразы, что̀ за блескъ, что̀ за слава!..

Но съ этимъ блескомъ, съ этой славой объ руку идутъ высокомѣрное полуобразованіе, раболѣпство, слитое воедино съ наглымъ чванствомъ, корыстныя заботы о карманѣ, наглая неправда и грубое презрѣніе къ простонародью...

Но миръ вамъ, дѣды! Спите покойно до трубы архангельской, спите до дня оправданія!.. Не посмѣемся надъ вашими могилами, какъ смѣялись вы надъ своими бородатыми дѣдами!..

I.

Сергѣй Михайловичъ.

— Куда какъ просто живали мы въ старину-то, Андрюша. Сравненія нѣтъ никакого съ нынѣшними поведеніями... Затѣйное было времечко, раздольное да привольное.

«Не ломали твои дѣдушки дворянскія головы надъ всякими науками, зато выхрапку такую задавали по ночамъ да пообѣдавши!.. Немного думали, mon pigeonneau, зато много кушали, и оттого здравы и долголѣтны бывали.

«А теперь пошли люди тщедушные и живутъ не подолгу. А отчего? Мало ѣдятъ, много думаютъ... Да... Вѣдь крѣпкая-то дума кровь портитъ, mon coeur... Да...

«А какіе здоровенные люди въ наше-то время бывали! Генералъ-аншефа Михайлу Васильича Пильнева взять... Помнишь, въ Ярославлѣ государевымъ намѣстникомъ былъ?.. Онъ тебя очень ласкать изволилъ... Какъ, бывало, ни пріѣдетъ къ намъ, тебя на колѣнки посадитъ и жалованну табакерку съ алмазами дастъ поиграть... А ты ее одинъ разъ и раскокалъ... Папенька твой за это намѣстнику сѣраго аргамака подвелъ, а тебя высѣкъ... Нѣтъ, постой, mon coeur, — перепутала я, это папеньку твоего за табакерку-то высѣкли... Такъ... Точно такъ — Петрушу, не тебя: ты еще тогда не родился... Такъ вотъ Михайла-то Васильичъ... Истинно былъ человѣкъ, можно чести приписать. Бынъ, сударь мой, быкомъ... Иначе какъ на софѣ не садился, а ежели въ бальной залѣ случится ему сѣсть, такъ на трехъ стульяхъ — меньше нельзя... Породистъ ужъ очень былъ... А когда померъ, гробовщикъ такъ и ахнулъ. «Этого барина, говоритъ, въ одномъ гробѣ не похоронишь». Косяки въ намѣстничьемъ домѣ изъ дверей выламывали, гробъ-отъ чтобъ возможно было вынести... А нынче что̀ за̀ люди?.. Мозглякъ на мозглякѣ, — смотрѣть даже непріятно.

«А ужъ простота какая была, Андрюша!.. По чести сказать, ужесть какая простота!.. Хоть бы того же Михайлу Васильича взять! Въ лѣтнюю пору, бывало, сберутся молодые, иной разъ старички, да всю ноченьку напролетъ и прокуликаютъ. А пили въ стары годы, mon coeur, безпримѣрно — не по-нынѣшнему. Пропивши ночь, подъ утро съ пѣснями да съ музыкой по улицамъ—да прямо въ Рубленый-Городъ. Тамъ у Ильи Пророка передъ намѣстничьимъ домомъ станутъ да какой-нибудь полонезъ и грянутъ. Разбудятъ, конечно, Михайлу Васильича, онъ безъ парика, въ одномъ шлафрокѣ на балконъ и выйдетъ.

«— Что̀ вы, пострѣлы, — крикнетъ: — съ пьяныхъ-то глазъ у меня весь Ярославль перебулгачили? Аль подъ караулъ захотѣли?

«А тѣ ему:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты намѣстникомъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца—
Мы въ тебѣ видимъ отца!

«И велитъ Михайла Васильичъ ключнику наливокъ корзинку-другую на площадь вынести... И самъ выйдетъ къ гулякамъ, усядется съ ними на краю горы, что̀ надъ Которостью, да до поздняго утра и прогуляютъ.

«Вотъ вѣдь и намѣстникъ былъ и генералъ-аншефъ, а изрядными людьми не брезговалъ, какъ теперь поповичъ какой-нибудь въ люди выскочившiй... Parvenu, знаешь, этакой, выскочка изъ подлости... Ухъ, какой безподобный былъ человѣкъ Михайла Васильичъ!.. Ужесть!.. Попробуй-ка нынче, mon bijou, такъ сдѣлать — въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, подъ караулъ угодишь... Какъ можно сравнивать старые годы съ нынѣшними!.. Гораздо было проще.

«Опять Сергѣя Михайлыча взять — Чурилина. Безпримѣрный былъ человѣкъ, даромъ что изъ солдатскихъ дѣтей. Штатскiй дѣйствительный совѣтникъ, отставной красногорскiй губернаторъ, аннинская лента черезъ плечо — персона, значитъ, немаловажная. Взявши абшидъ, доживалъ свой вѣкъ у насъ въ Зимогорскѣ... Покойникъ твой дѣдушка съ драгунами тогда въ Зимогорскѣ на винтеръ-квартирахъ стоялъ, тамъ и жизнь-то свою скончалъ, въ синодальномъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и погребенъ... Я ужъ вдовѣла, у Ванюши жила, когда Сергѣй-отъ Михайлычъ въ Зимогорскъ на житье переѣхалъ... Изрядный былъ господинъ, отмѣннаго ума, всѣ уважали его и боялись. У кого дѣло какое случится — ссора-ль домашняя, другое ли что̀ — первымъ долгомъ къ Сергѣю Михайлычу. И совѣтъ дастъ и помиритъ, а ежели кто виноватъ, и пожуритъ, да, глядя по винѣ и по человѣку, иного и тросточкой... Всякое дѣло устроить умѣлъ... И за то Сергѣя Михайлыча всѣ какъ родного отца любили, «дѣдушкой» звали, а онъ всѣмъ говорилъ «ты» и каждаго «собакой» звалъ — не изъ брани, а любя. Всѣ ручку у него цѣловали, и дамы, даже et demoiselles, а онъ руку цѣловалъ только у преосвященнаго, съ попами въ губы цѣловался. Безъ спроса Сергѣя Михайлыча ни единой дворянской свадьбы не бывало, сынъ ли у кого родится, дочь ли—имени младенцу отецъ съ матерью наречь не смѣли, спрашивали, какое будетъ угодно Сергѣю Михайлычу. И всѣхъ самъ крестилъ — любилъ крестить, дай Богъ ему царство небесное. Бывало, и у дворянъ, и у купцовъ, и у поповъ — у всѣхъ въ кумовьяхъ.

«И что-жъ ты думаешь, mon coeur, какая изъ этого непрiятность вышла... Подросли крестники да крестницы, хвать — анъ по всей Зимогорской губернiи ни одной дворянской свадьбы сыграть невозможно: всѣ въ духовномъ родствѣ, всѣ одного крестнаго отца дѣти. Теперь, слыхала я, такого закона ужъ нѣтъ, а тогда очень строго было... Ну, извѣстно, которые и повлюблялись другъ въ дружку, а вѣнчаться не могутъ. Досталось же тогда крестному батюшкѣ на орѣхи! Такiя поминки сердечному Сергѣю Михайлычу загибали, что не одинъ, чать,

разъ кинулось ему на томъ свѣтѣ. Дѣлать нечего: стали невѣстъ изъ другихъ губерній брать, а барышень въ Москву для замужества возили. Съ десятокъ однакожъ до того крестными братцами заразились, что съ горя да съ печали въ монастырь пошли... Дуры онѣ были, mon pigeonneau... По моему разсужденью сущія дуры!.. Не могли развѣ просто любиться?.. Не правда-ль, mon bijou?.. А одинъ изъ крестниковъ съ любви али съ горя, а думаю, оттого, что въ головѣ сквозная пустота была, въ Волгѣ утопился, другой изъ мушкетона застрѣлился... Вотъ чтò значитъ крестить-то безъ пути, Андрюша!.. Поэтому я и не крещу никого... Сохрани Господи!..

«А все-таки Сергѣй Михайлычъ отмѣнный былъ человѣкъ. Такихъ людей, радость моя, въ нынѣшнее время сыскать невозможно. Въ старину-то вѣдь, mon petit, люди бывали безпримѣрно лучше, чѣмъ теперь... Какъ можно!.. Чтò теперь!.. Важности нѣтъ. Ужесть какъ неловко всѣ выдѣланы, и такъ темны въ свѣтѣ, такая у всѣхъ тѣснота въ головѣ, что просто умора... Ужесть, просто ужесть!.. Разночинцами какими-то всѣ глядятъ... Право!.. Безпримѣрно, какъ смѣшны!..

«Не такъ, mon coeur, въ наше время живали. Бывало, ни одинъ дворянинъ лицомъ въ грязь себя не ударитъ, всякъ свою честь бережетъ строго и съ подлой сволочью якшаться ни за что, бывало, не станетъ, а теперь... Охъ-охъ-охъ-охо!.. Нынче баринъ изъ знатнаго, родословнаго рода съ мѣщаниномъ аль съ кутейникомъ на одной ногѣ себя ставитъ — онъ, дескать, ученый. Да коли онъ ученый, такъ ученость его пущай при немъ и остается, никтò у него ее не отниметъ, — да въ дворянскій-то кругъ ему подло-рожденному зачѣмъ лѣзть?.. Мѣсто, что ли, ему тамъ?.. Повѣрь ты мнѣ, mon coeur, ежели какой человѣкъ рожденъ въ подлости, будь у него ума палата, съ неба звѣзды хватай, все-таки dans la société des gentilshommes быть ему не слѣдуетъ. Дворянство тѣмъ роняется, mon cher, l'aristocratie se tombe... Ты это пойми, mon pigeonneau... Нельзя же, mon ami, объ этомъ не подумать. На этомъ все держится».

— Бабушка, да вѣдь сами вы говорите, что Сергѣй-отъ Михайлычъ изъ солдатскихъ дѣтей былъ... Какъ же вы у него ручку-то цѣловали?..

— Ахъ, Андрюша, Андрюша! Какъ ты этого, дружокъ мой, сообразить не можешь?.. Тутъ совсѣмъ иное... Сергѣй Михайлычъ — штатскій дѣйствительный совѣтникъ, отставной губернаторъ, аннинская лента черезъ плечо, двѣ тысячи душъ. Тутъ ужъ une autre position dans le monde. Мало ли чтò! И

Меншиковъ оладьями торговалъ, и Шафировъ въ лавкѣ сидѣлъ, и Разумовскій на клиросѣ пѣлъ, однакожъ какими вельможами стали... Тутъ, mon cher, милость Божія, а больше того — la faveur de la cour... Кто взысканъ и вознесенъ, къ тому, въ какой бы подлости онъ ни родился, хоть бы отъ самаго послѣдняго холопа, — подлость льнуть не можетъ... Навсегда омытъ такой человѣкъ отъ первороднаго грѣха подлости рожденія... Да... Сергѣй Михайлычъ роду хотя былъ не шляхетнаго, однакожъ въ люди вышелъ, на службѣ разбогатѣлъ, выгодно женился, дослужился до генеральства... А все умомъ. Отмѣнно умный былъ человѣкъ: во всякомъ умномъ человѣкѣ умѣлъ сыскать себѣ милостивца. Сначала самъ ручки у всѣхъ цѣловалъ, потомъ у него стали цѣловать... Вотъ это и называется умъ... Да, mon coeur, это настоящій умъ, не такой, что̀ у нынѣшнихъ умниковъ проявился... Посмотришь теперь: самъ-отъ мѣдной полушки не сто̀итъ, а рыло кверху гнетъ по-рублевому... Плеточкой бы ихъ, mon petit, по-старинному, либо кнутикомъ... На истинную дорогу безпремѣнно бы вышли. А то смотрѣть даже непріятно.

«А сталъ Сергѣй Михайлычъ въ люди выходить послѣ женитьбы. А женился въ пугачовское замѣшательство, онъ въ ту пору былъ въ Чернорѣцкѣ воеводой... Когда злодѣи на его городъ нагрянули, задалъ онъ, сердечный, тягу... Въ лѣсу схоронился и царску казну съ собой захватилъ, опричь мѣдныхъ гривенъ да пятаковъ сибирскаго дѣла — большущія были монеты — изъ гривны-то порядочную кастрюлечку можно было сдѣлать... А нынче — поневолѣ вздохнешь да поропщешь иной разъ — и денегъ-то такихъ не стало — перевелись... Все-то измельчало, все-то, mon coeur, измалодушествовалось... Прежніе-то люди какіе здоровенные были — пни дубовые, а нонѣшни — хлысты вербовые... Да... Ну такъ вотъ Сергѣй-отъ Михайлычъ тяжелу-то казну съ собой и не взялъ — захватить-то ее было не подъ силу, серебряную казну зарылъ въ землю, и въ лѣсу отъ сущихъ злодѣевъ отсидѣлся. А не уйти изъ города ему было никакъ невозможно, для того, что сила у него была невеликая, да и не больно надежная, а у государственнаго злодѣя ратной силы было видимо-невидимо. Пугачъ въ Чернорѣцкѣ недолго канальствовалъ, царицына сила по пятамъ за нимъ шла, для того и навострилъ онъ лыжи за Волгу. Только-что изъ Чернорѣцка злодѣй вышелъ, Сергѣй Михайлычъ въ городъ... Сызнова на воеводство сѣлъ, чтобъ, знаешь, настоящіе порядки вести... Тутъ его сердечнаго плетьми взодрали».

— Какъ такъ, бабушка?

— Да такъ, mon coeur, выдрали да и все тутъ... По ошибкѣ... Такое сумятное время было. — То ли еще по ошибкѣ-то случается, mon enfant!.. А съ Сергѣемъ Михайлычемъ видишь ли какъ это приключилось. Только-что онъ на воеводство-то сызнова сѣлъ, глядь, анъ съ Караульной горы конница, да все казаки. Переполохъ въ городу поднялся, думаютъ, Пугачъ воротился, бѣгутъ, кто куда, сломя голову, Сергѣй Михайлычъ въ огородъ, да въ горохѣ и схоронился. Однакожъ его отыскали и къ казацкому начальнику сердечнаго приволокли. А начальникъ-отъ еле на конѣ держится — пьянехонекъ. Спрашиваетъ Сергѣя Михайлыча:

«— Кому служишь?

«А Сергѣй Михайлычъ поглядѣлъ-поглядѣлъ на его пьяную рожу, думаетъ себѣ: — «Гусь-отъ не кто другой, какъ пугачовецъ. Дай, надую шельмеца, а то еще съ пьяныхъ-то глазъ повѣситъ, пожалуй». Да и брякнулъ:

«— Служу великому государю Петру Ѳеодоровичу.

«Только-что молвилъ онъ это слово, на кобылу его да въ плети. Ста полтора вкатили да въ тюрьму посадили. А тотъ казацкій начальникъ вовсе былъ не пугачовецъ, а царицынъ — изъ Михельсоновыхъ полковъ. И какъ онъ къ утру-то проспался да узналъ, что во хмелю царицына воеводу выпоролъ, — пошелъ къ нему въ тюрьму alléguer pour excuse... А это онъ родного дядю плетьми-то вздулъ... Слово за слово, разговорились... и вышло, что казацкой-отъ начальникъ племянникомъ роднымъ Сергѣю Михайлычу доводился... Да...

«Зато послѣ, когда Сергѣй Михайлычъ при уголовныхъ дѣлахъ находился и когда губернаторомъ былъ, какъ ни подадутъ приговоръ о кнутѣ, аль о плетяхъ, завсегда на половинку сбавитъ, да тому, кто подаетъ, безпремѣнно примолвитъ: «Тебѣ, собака, легко приговоръ-отъ перомъ на бумагѣ писать, а какъ станутъ его на спинѣ кнутомъ подписывать, такъ не тебѣ небо-то съ овчинку покажется. Ты, собака, не можешь понимать, что̀ такое кнутъ да плети, а я, по милости родного племянничка, отвѣдалъ, каково они вкусны... Не роди на свѣтъ мать сыра земля!»

«Послѣ того, какъ его высѣкли, женился онъ по скорости. Пали ему слухи, что недалеко отъ Чернорѣцка, въ селѣ Княжухѣ, молодая вдова бѣдствуетъ, Марья Семеновна Жилина, а родомъ Болтиныхъ была. Мужа-то у нея злодѣи повѣсили въ ихнемъ селѣ Енгалычевѣ, а сама она съ четверыми дѣтьми, малъ мала меньше, въ овинѣ какъ-то ухоронилась. Жилинская вотчина была немалая — дворовъ подъ тысячу, а жить Марьѣ Семеновнѣ негдѣ: барскій-отъ домъ Пугачъ спалилъ, а

у мужиковъ жить побаивалась. Очень были они тогда неспокойны... Сергѣй Михайлычъ послалъ къ ней для береженья капрала съ солдатами и звалъ ее на житье въ городъ. Пріѣхала Марья Семеновна не въ глазетахъ, не въ бархатахъ, а въ бабьей понявѣ да въ кичкѣ, дѣтки-то — Захаръ Михайлычъ, Дмитрій Михайлычъ, Сергѣй Михайлычъ да еще, кажись, Петръ Михайлычъ — всѣ въ пестрядинныхъ рубашонкахъ. Отвелъ воевода Марьѣ Семеновнѣ съ дѣтьми квартиру самую лучшую, одѣлъ ее съ ребятишками, поилъ, кормилъ на свой коштъ, покуда не затихло замѣшательство. А потомъ — женился на ней и зажилъ бариномъ. У нея и достатки хорошіе и родство хорошее; а у него мѣсто доходное, стало-быть, и можно было жить складно.

«Взявши абшидъ, Сергѣй Михайлычъ сталъ въ Зимогорскѣ жить. Тогда ужъ онъ овдовѣлъ. Жилъ одинъ, а въ домѣ завсегда было ладно... Каждый Божій день открытый столъ для званыхъ и незваныхъ и какой есть часъ, какая минута — безъ гостей Сергѣй Михайлычъ не обходился. Очень его любили... и побаивались. И нельзя было его не любить, нельзя и не бояться, — въ Петербургѣ рука была сила сильна — съ самими Орловыми смолоду въ пріятельствѣ былъ. Прежде чѣмъ фортуну они себѣ сдѣлали, по трактирамъ съ ними куликалъ да на кулачныхъ бояхъ забавлялся.

«Домъ у Сергѣя Михайлыча въ Зимогорскѣ ужесть какой большой былъ, ровно дворецъ какой... Какъ, бишь, улица-то прозывается?.. Да ты долженъ помнить, Андрюша... Тутъ еще неподалеку архіерейскій домъ, у Тихона-чудотворца въ приходѣ, помнится мнѣ».

— Да вѣдь я, бабушка, въ Зимогорскѣ-то никогда и не бывалъ.

— Чтò ты дурачишься, mon petit... Какъ это ты въ Зимогорскѣ не бывалъ?.. А забылъ, какъ у Сергѣя Михайлыча на именинахъ либо на его рожденьи, хорошенько не запомню теперь, ты съ Лизаветой Соболевой вальсъ-казакъ танцовалъ да изъ озорства робу ей разорвалъ? Тебя, раба Божія, тутъ же въ угольную свели да и высѣкли... Чтò?.. Этого, видно, не помнишь?

— Да когда-жъ это было, бабушка?.. Чтò вы?

— Давно, mon coeur... Полагаю, не въ томъ ли году, какъ графъ Каліостро въ Петербургъ пріѣзжалъ.

— Да вѣдь этому больше пятидесяти лѣтъ, бабушка, а мнѣ и двадцати нѣтъ...

— И въ самомъ дѣлѣ, mon pigeonneau, — удивилась бабушка. — Правду ты сказалъ... Такъ знаешь ли чтò?

— Что̀, бабушка?

— Это твоего папеньку высѣкли, Петрушку... Такъ, точно; вспомнила я теперь — доподлинно Петрушу... Какая однакожъ память-то у меня стала, дружокъ, — все-то я забываю... А кажись бы, какіе еще мои годы?.. Про что, бишь, я говорила, Андрюша?

— Про Сергѣя Михайлыча, бабушка.

— Да, про Сергѣя Михайлыча. Безподобный былъ мужчина, — во всемъ изрядный господинъ. Старехонекъ былъ, а любилъ съ дамами поферлякурничать, — не ставилъ того во грѣхъ, царство ему небесное!.. Ужесть какіе, бывало, гнилые взгляды кидаетъ да томные вздохи пущаетъ... Право, если-бъ маленько былъ помоложе, каждой бы изъ нашей сестры, до кого ни доведись, можно бы было съ нимъ до̀ смерти залюбиться... По чести, всѣ мы были до Сергѣя Михайлыча охотницы... Je vous assure, даромъ, что сѣдой, a les grands succès между нами имѣлъ... И какъ славенъ былъ, когда, бывало, зачнетъ съ дамами дурачиться... Ухъ! какъ славенъ!.. Безпримѣрно... Съ les demoiselles не любилъ — визгу, говоритъ, отъ нихъ очень много — все, бывало, съ дамами, съ замужними... Изъ нашей сестры каждая то̀тчасъ готова была падать и задурачиться съ нимъ до безумія... Старенекъ только былъ: бывало, и толку всего, что языкомъ поболтаетъ, да развѣ-развѣ когда рукамъ волю дастъ... Ухъ, какъ, бывало, любилъ онъ нашу сестру, tête-à-tête, конечно, de tater, de toucher, sonder... Ахъ, какъ было утѣшно!.. Помнишь, mon cœur?.. И на чужіе амуры любилъ посмотрѣть и много помогалъ... Ахъ, какъ любилъ покойникъ объ амурахъ козировать *), ахъ, какъ любилъ!.. Бывало, не токма у мужчинъ, у дамъ у каждой до единой перерспроситъ — кто съ кѣмъ «махается», какимъ вѣеромъ, какъ и куда прелестная нимфа свой вѣеръ держитъ **)... Будь молодая, будь старая, въ дѣвкахъ сиди, замужъ выдь — ему все одно... Игуменью увидитъ — и ту разспроситъ, съ кѣмъ и какъ... Dans la haute société всѣ благородныя интрижки зналъ до тонкости... Очень это было занятно Сергѣю Михайлычу.

«А радушный какой былъ, гостепріимный. Лѣтнимъ вечеркомъ, бывало, выспавшись послѣ обѣда, надѣнетъ бѣлый кам-

---

*) Causer.

**) *Махаться съ кѣмъ* въ XVIII стол. употреблялось вмѣсто нынѣшняго *волочиться за кѣмъ*. Переводъ s'éventer — обмахиваться вѣеромъ. Вѣеръ, какъ и мушки, прилѣпленныя на лицо, играли важную роль въ волокитствахъ нашихъ прадѣдовъ и прабабушекъ. Куда прилѣплена мушка, ка̀къ и куда махнула красавица вѣеромъ — это была цѣлая наука.

чатный шлафрокъ, звѣзду къ нему пришпилитъ, кавалерственную ленту черезъ плечо, да за ворота на улицу и выйдетъ. Тамъ на лавочкѣ, что у калитки, усядется... И тросточка при немъ, никогда съ ней не разлучался, потому что на всякомъ мѣстѣ приводилось поучить того, кто въ умѣ развязенъ *). Самъ знаешь, mon coeur, дураку и въ алтарѣ не велѣно спускать.

«Идетъ, бывало, по улицѣ кто-нибудь de la noblesse, промемадъ, понимаешь ты, дѣлаетъ. Еще издали Сергѣю Михайлычу решпектъ, потомъ шляпу подъ мышку и подойдетъ къ нему. Сергѣй Михайлычъ весело, привѣтно комплиментъ ему скажетъ:

«— Здорово, собака!.. Сядемъ рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ.

«Тотъ, разумѣется, къ ручкѣ, и рядышкомъ съ Сергѣемъ Михайлычемъ на лавочкѣ усядется... Самъ посуди, mon plaisir, до кого ни доведись — всякому честь съ генераломъ бокъ-о-бокъ посидѣть!.. Хотя-бъ и не долгое время — а все-таки честь. Малочиновные дворяне и недоросли нарочно по угламъ улицы изъ своихъ холопей вершниковъ ставили — и только тѣ вершники завидятъ, бывало, Сергѣя Михайлыча у калиточки, тотчасъ сломя голову къ своимъ господамъ и скачутъ. Сѣлъ, дескать. Тѣ въ перегонышки къ Тихону-чудотворцу въ приходъ. За угломъ изъ каретъ выйдутъ да пѣшечкомъ, будто для-ради променада, къ генеральской калиточкѣ и пробираются... А другъ друга для того упреждали. чтобы прежде чиновныхъ поспѣть и хоть одинъ бы моментъ съ Сергѣемъ Михайлычемъ рядышкомъ посидѣть. Случалось, mon coeur, что за угломъ-то и до кулаковъ дѣло доходило, потому что каждому желательно было первому у Сергѣя Михайлыча ручку поцѣловать. А на глазахъ у него браниться не смѣли: бывало, и тросточкой...

«Кто сядетъ рядкомъ съ Сергѣемъ Михайлычемъ, тому онъ, вынувши изъ кармана табатерочку, понюхать поднесетъ. Гость возьметъ съ благодарностью понюшечку віолэ. Въ наше время, mon pigeonneau, всѣ люди de la société безпремѣнно нюхали; иной, ежели табакъ очень ужъ противенъ, ѣдучи въ гости нарочно кружевную манишку и манжеты табакомъ посыпàлъ, а сидючи въ гостяхъ то и дѣло, бывало, въ рукахъ табатерку вертитъ, чтобъ зазору отъ другихъ не принять — онъ-де не нюхаетъ... И дамы нюхали, et demoiselles при табатерочкахъ ходили. Маленькія такія табатерочки у нихъ были, voiture de l'amour прозывались, для того что изъ нихъ безпримѣрно какъ спо-

---

*) Глупый.

собно было аматерамъ les billets doux передавать. А нынче и табатерки, mon enfant, переводятся — на курево бросились всѣ... Нехорошо!..

«Снабдивши себя генеральскимъ віолэ, пойдетъ дворянчикъ Сергѣю Михайлычу комплиментировать съ должной политикой и съ отмѣннымъ учтивствомъ.

«— Удостойте, дескать, сказать, ваше превосходительство, въ какой позиціи драгоцѣнное ваше здоровье находить изволите?

«— Ничего, — молвитъ Сергѣй Михайлычъ: — живемъ да хлѣбъ жуемъ твоими святыми молитвами. А ты, собака, какъ себя перевертываешь?

«— Досконально доложу вашему превосходительству, что такая ваша атенція раскрываетъ всѣ мои сентименты и объявляетъ нелестную преданность къ персонѣ вашего превосходительства.

«— Загаланилъ, пустилъ въ ходъ мельницу!.. Полно-ка ты, собака, попусту чепухи у меня не мели, а изволь по всей откровенности разсказывать, съ кѣмъ махаешься, на кого гнилые взгляды кидаешь?

«Не успѣетъ дворянчикъ Сергѣю Михайлычу про свои амурныя цѣпи путемъ доложить, какъ изъ-за угла другой господчикъ вывернется, починовнѣе. Подойдетъ къ калиточкѣ, отдастъ решпектъ Сергѣю Михайлычу, ручку у него поцѣлуетъ, Сергѣй Михайлычъ и скажетъ ему:

«— Здорово, собака, здорово... Садись поближе... А ты долой, по тому резону, что этотъ постарше тебя.

«И велитъ первому сѣсть на тротуарную надолбу, либо холопямъ прикажетъ стулъ ему изъ хоромъ принести.

«Такимъ маперомъ, одинъ по одному, да весь le grand monde зимогорскій къ калиточкѣ Сергѣя Михайлыча, бывало, и соберется: старые, молодые, женатые, холостые, дамы, барышни — всѣ тутъ. И драгунскій генералъ, и комендантъ, и намѣстникъ съ намѣстничихой, заслышавъ, что у Сергѣя Михайлыча гости на улицѣ, всѣ туда же. Иной разъ по сосѣдству и владыка пѣшечкомъ придетъ, очень былъ друженъ онъ съ Сергѣемъ-то Михайлычемъ. Изъ дома всѣ стулья, всѣ канапе повытаскаютъ, а по угламъ улицы полиція, — подлымъ людямъ ѣзду воспрещаетъ по той причинѣ, что la haute société забавляется.

«Горячее вынесутъ, подаютъ, что̀ кому на потребу: пуншъ, взварцы, глинтвейны, а дамскому полу—чай, оршадъ, фрукты, заѣдки и всякія закуски... Втихомолочку, mon pigeonneau, потчевали нашу сестру и наливочкой, только не при людяхъ, а въ заднихъ горницахъ либо въ кладовой... Марья Михай-

ловна — арапка крещеная — тѣмъ дѣломъ у Сергѣя Михайлыча заправляла. Славная дѣвка была, даромъ, что раба... Ежели погода тихая, на тротуарахъ столы поставятъ, за карты сядутъ. Кто постепеннѣй да поскупѣе — въ ломберъ, въ ламушъ, въ тентере, а кто помоложе да потароватѣе — въ фараонъ *), въ квинтичъ и въ рокамболь. Дамы et demoiselles въ наше время тоже охотницы были въ картишки-то перекинуться, иныя фараонъ даже метали... А молоденькія дѣвицы — больше въ марьяжъ, въ тресетъ, въ басетъ да въ никитишны.

«Разгуляются очень, велитъ Сергѣй Михайлычъ музыкантамъ играть да архіерейскимъ пѣвчимъ пѣть. Тогда въ Зимогорскѣ публичный театръ ужъ былъ: князь Кошавской, тамошній помѣщикъ, цѣлу деревню во сто дворовъ въ актеры поворотилъ, музыкѣ обучалъ ихъ, танцамъ и всему другому. Пятнадцать лѣтъ бился съ сиволапыми, а на своемъ поставилъ-таки: всякія пьесы мужики да дѣвки стали у него безподобно разыгрывать... Музыканты у Сергѣя Михайлыча бывали театральные, князя Кошавскаго: аріи и рондо всласть разыгрывали — изъ «Дидоны», изъ «Рѣдкой вещи», изъ «Діанина древа», а пѣвчіе духовные канты, бывало, поютъ да хохлацкія пѣсни... Самъ владыка, съ пуншикомъ въ рукахъ, иной разъ, бывало, имъ подтягиваетъ... Ужесть какъ было весело!.. И то случалось, что на улицѣ-то полонезъ почнутъ водить да менуэты танцовать. Хоть не больно гладко, да не бѣда — весело-то зато какъ, смѣху-то что!.. Ахъ, какъ утѣшно живали мы въ старые годы, mon coeur... Безпримѣрно, какъ утѣшно!.. Можно чести приписать, ужъ истинно можно...

«Ужину, бывало, подадутъ тоже на вольномъ воздухѣ. На дворѣ у Сергѣя Михайлыча, возлѣ кухни, нарочно для этого случая палатку разбивали. Поужинавши, кто постарше, въ палаткѣ останутся и пьютъ тамъ мертвую вплоть до утра, а молодые въ садъ, съ дамами да съ барышнями променадъ пойдутъ дѣлать. Садище у Сергѣя Михайлыча десятинахъ на пяти былъ — отдѣланъ незатѣйно, зато для утѣхъ и веселья очень былъ способенъ: аллеи темныя, деревья высокія, шпалеры изъ акацій да изъ сирени густыя, а за шпалерами куртины съ вишеньемъ, съ малинникомъ да съ смородиной... Бывало, послѣ ужина нарочки по̀ саду разбредутся... Тамъ шепчутся, тутъ вздыхаютъ, да то и дѣло чмокъ да чмокъ, чмокъ да чмокъ... Всего бывало, mon pigeonneau!.. Ухъ, чего ни бывало, mon coeur!.. И все-то прошло, все-то миновалось!..

*) Банкъ.

«А дамы тогдашнія и барышни не того калибра были, что̀ нынѣшнія. Что̀ нынче? Дрянь! Очень ужъ не въ мѣру лебедки разсентиментальничались. Такими innocentes хотятъ себя казать, что смотрѣть даже гадко... А все притворство одно, лицемѣріе... Ей-Богу! Не вѣрю я имъ, mon coeur, и ты не вѣрь — это онѣ такъ только, дурь одну на себя накладываютъ. Вся эта ихняя modestie, вся эта ихняя pudicité — одна только умора, — онѣ одинъ только вздоръ посадили себѣ въ голову. Повѣрь, mon petit, что никакая женщина безъ мужчины дня одного прожить не можетъ... Совсѣмъ напрасно онѣ жеманятся и кажутъ себя inaccessibles... Мы это понимали, и оттого въ наше время все было просто, къ натурѣ ближе... А теперь?.. Не переродились же онѣ, наши же внучки,— отъ насъ же родились!.. Притворство одно, лицемѣріе!.. То же самое творятъ, что̀ и мы въ свои годы, втихомолочку только... А это, по-моему, ужъ гадко... N'est-ce pas, mon petit?.. Опять теперь эта la sensibilité — одинъ вздоръ, mon petit, безотмѣнно одинъ вздоръ. Ну на что это похоже? Иная словно по кровномъ покойникѣ разрюмится, какъ хо̀дя по̀ лугу цвѣточекъ помнетъ аль бабочку раздавитъ... Фу, ты, пропасть, какіе сентименты!.. Да насъ, бывало, мужчины-то самихъ мяли да давили, а вѣдь не плакали же мы... А это что̀ за мода такая?.. Одно только безуміе, mon petit... Объ чемъ, бишь, я говорила, Андрюша?»

— Объ вашемъ кумирѣ, бабушка, объ Сергѣй Михайлычѣ.

— Oui, mon cher, c'est vrai... Certainement il était notre idole, il était idole de nos âmes... Ухъ, какой безподобный былъ!..

— Однако скажите, бабушка, неужели всѣ до единаго передъ нимъ такъ низкопоклонничали?..

— Ахъ, mon coeur, какъ ты говоришь!.. Тебя даже слушать непріятно... Ты мартинистъ — я это вижу... Ахъ, Андрюша, Андрюша — не опечаль бабушку-старуху!.. Долго ли, mon petit, къ Шешковскому угодить?.. Низкопоклонство, говоришь... Да развѣ можно такъ называть это... уваженіе, это... это... высокопочитаніе, это... cette consideration et deférence que nous avions à Сергѣй Михайлычъ... Стыдно, mon petit, нехорошо... Ты то̀ не забудь, что Сергѣй Михайлычъ былъ штатскій дѣйствительный совѣтникъ, а вѣдь это не quelque chose des vétilles, mon coeur. Тогда же генералы-то не то, что̀ теперь — въ диковинку бывали... А главное, то̀ вспомни, mon bijou, что Сергѣй Михайлычъ большую фортуну имѣлъ и у него прѝ самомъ дворѣ были сильные милостивцы... Самъ князь Григорій Александрычъ съ руки ему былъ; не разъ

изъ Молдавіи за солеными огурцами адъютантовъ къ нему присылать!.. А ты — низкопоклонство!.. Стыдись, радость моя!..

— Да какъ же, бабушка? И ручку-то у него, точно у архіерея, цѣловали, и палкой-то онъ всякаго билъ...

— А зато, mon cher, кромѣ пользы ничего нельзя было и получить отъ Сергѣя Михайлыча. Вездѣ у него были благопріятели, все могъ сдѣлать, что̀ только душѣ его угодно. Къ мѣстечку-ль доходному кого пристроить, тяжба-ль у кого, подъ судъ ли кто угодитъ — всякаго Сергѣй Михайлычъ выручитъ, изъ глубины морской сухимъ вытащитъ, умѣй только подойти къ нему. Надежнѣй его засту̀пы и быть не могло; захочетъ, говорю, со дна моря вытащитъ... Ему, бывало, сто̀итъ только перомъ черкануть — все въ твое удовольствіе будетъ. Въ коллегіяхъ ли дѣло, въ сенатѣ ли — ему все равно, потому что вездѣ рука... А ужъ, бывало, кто подъ гнѣвъ къ нему попадетъ, тотъ лучше ложись да помирай... Бывали случаи...

— Какіе-жъ это случаи, бабушка?

— Какихъ ни было, радость моя! Всякихъ бывало, mon coeur... И всегда такъ выходило, что кто ни вздумаетъ супротивничать Сергѣю Михайлычу, къ нему же потомъ съ повинной придетъ, у него же заступы да милостей станетъ просить. Человѣкъ былъ — сила. Да помнишь, я думаю, какъ онъ смирилъ Боровкова, Ивана Никитича, когда тотъ за наслѣдствомъ Настасьи Петровны въ Зимогорскъ пріѣзжалъ?..

— Какъ же мнѣ помнить, бабушка? Я тогда еще не родился.

— Точно, точно, родной — правду ты говоришь. Да, правду. Такъ видишь ли, mon petit. Боровковъ и самъ не мелкой руки дворянинъ: четыреста дворовъ крестьянъ у него, вѣкъ свой въ Питерѣ жилъ, ко двору пріѣздъ имѣлъ, даже по воскресеньямъ на куртагахъ бывалъ... А какъ вздумалъ не уважить Сергѣя Михайлыча, такъ онъ его въ бараній рогъ согнулъ... Иванъ Никитичъ послѣ того ползалъ-ползалъ передъ нимъ, прощенье просивши...

«А зла не помнилъ; добрый былъ человѣкъ, незлобивый... Боровкову всѣ вины отдалъ и все къ его удовольствію сдѣлалъ... Да... Кромѣ должнаго, Сергѣй Михайлычъ ничего отъ другихъ не требовалъ: отдай ему аттенцію да поцѣлуй ручку, такъ онъ удавиться готовъ за тебя».

— Что-жъ такое съ Боровковымъ-то онъ сдѣлалъ?..

— А видишь ли, радость моя, Боровковъ, Иванъ Никитичъ, роднымъ племянникомъ доводился кеславской помѣщицѣ, вдовѣ премьеръ-майора, Настасьѣ Петровнѣ Соколовой... Да постой, Андрюша, я лучше тебѣ про Настасью-то Петровну про самое разскажу... C'était une femme remarquable, mon coeur.

Много говорить о себѣ заставила... Только вотъ что̀, не пора ли тебѣ баиньки, ангелъ мой?.. И у меня глаза что-то слипаются... Лучше завтра про Настеньку-то я разскажу тебѣ... А теперь поди-ка съ Богомъ — усни со Христомъ, mon enfant... Дай-ка я тебя перекрещу... Христосъ съ тобой, пріятный сонъ!.. А мнѣ еще помолиться надо... Молчи ты у меня, Андрюша, — будешь богать, mon coeur, — вымолю тебѣ Воротынецъ.

II.

Настенька Боровкова.

— Бабушка!

— Что̀, голубчикъ?

— А что-жъ вчерашнее-то обѣщаніе?..

— Какое обѣщаніе, mon petit?

— А про Настасью-то Петровну разсказать.

— Про Настеньку-то? Да развѣ я тебѣ обѣщала, Андрюша?

— А развѣ вы забыли, бабушка?

— Не помню, голубчикъ. Хоть убей — не помню. Память-то у меня, не знаю съ чего, какая-то стала короткая. Отъ чего бы это, mon petit?..

— Отъ старости, бабушка.

— Полно-ка ты... Озорникъ этакой... Все бы надъ бабушкой ему потѣшаться... Молодъ еще — материно молоко на губахъ не обсохло... Отъ старости!.. Развѣ годы мои великіе?.. Шестьдесятъ восемь либо шестьдесятъ семь — развѣ это большіе годы?.. Вотъ бабушка моя покойница, княгиня Марья Юрьевна Свиблова, царство ей небесное, жила — такъ ужъ можно сказать, что жила... Большіе годы имѣла!.. Ста десяти годовъ померла, — царя Алексѣя Михайловича помнила... Когда великій государь овдовѣлъ, по скорости началъ онъ вдовствомъ своимъ скучать и указалъ со всего царства шляхетскихъ дѣвокъ въ Москву свозить, которы были покрасовитѣе. И обиралъ царское величество изъ тѣхъ дѣвокъ себѣ въ царицы. И бабушку на смотръ привозили, а смотрѣлъ ее великій государь въ постели сонную — на Спиридона-поворота, двѣнадцатаго значитъ декабря. А была бабушка-то изъ роду князей Сонцевыхъ... И великому государю угодна не явилась — сталась царицей Наталья Кирилловна Нарышкиныхъ... Въ молодыхъ своихъ годахъ сидѣла бабушка у царицы Агаѳьи Семеновны въ верховыхъ боярыняхъ, а когда царица отъ временнаго царствія въ вѣчный покой преставилась, старая ца-

ревна Татьяна Михайловна бабушку въ мастерскую свою палату взяла и къ шитью архіерейскихъ шапокъ приставила... Чего-то, бывало, ни поразскажетъ покойница! И про стрѣльцовъ, какъ они Москвой мутили, и про капитоновъ *), и про нѣмцевъ, что на Кокуѣ **) проживали... Не жаловала ихъ бабушка, — ухъ, какъ не жаловала: — плуты, говоритъ, были большіе и всѣ сплошь урѣзные пьяницы... Францъ Яковличъ Лефортъ втѣпоры у нихъ на Кокуѣ-то жилъ, и такіе онъ тамъ пиры задавалъ, такіе «кумпанства» строилъ, что на Москвѣ только крестились да шепоткомъ молитву творили... А больше все у винпаго погребщика Монса эти «кумпанства» бывали — для того, что съ дочерью его съ Анной Францъ Яковличъ въ открытомъ амурѣ находился... Самолично покойница-бабушка княгиня Марья Юрьевна ту Монсову дочь знавала. — «Что это, говоритъ, за красота такая была, даромъ, что дѣвка гулящая. Такая, говоритъ, красота, что и разсказать не можно...» А дѣвка та, Монсова дочь, и сама фортуну сдѣлала и родныхъ всѣхъ въ люди вывела. Сестра въ штатсъ-дамахъ была, меньшой братъ, Васильемъ звали, въ шамбеляны попалъ, только-что передъ самой кончиной перваго императора ему за скаредныя дѣла головку передъ сенатомъ срубили... Долго торчала его голова на высокомъ шесту... Молчи, Андрюша, будь умникъ, а я тебѣ когда-нибудь на досугѣ все разскажу, что бабушка-покойница про эти дѣла мнѣ разсказывала... Затѣйныя исторіи, mon pigeonneau, оченно затѣйныя — есть чего поразсказать, есть чего и послушать... А теперь-то про что бишь я говорила?

— Про Настасью Петровну хотѣли, бабушка, говорить...

— Такъ, точно такъ, mon bijou, про Настасью Петровну, про Соколиху то-есть — а по батюшкѣ-то она Боровкова — генералъ-поручика Петра Андреича Боровкова дочь... Знавала я ее, mon coeur, до тонкости знала съ самаго ея малолѣтства. Помоложе меня была... Годами, я полагаю, шестью либо семью, однакожъ въ куклы вмѣстѣ игрывали. Я-то, признаться, ужъ замужемъ втѣпоры была, а Настенькѣ седьмой либо восьмой годокъ пошелъ... Молодехонька вѣдь я замужъ-отъ шла, Андрюша, всего по четырнадцатому годочку, и для того, года три замужемъ живши, все еще ребячье въ разумѣ-то держала... Покойникъ твой прадѣдушка Ѳедоръ Андреичъ, дай Богъ ему царство небесное, къ каждому, бывало, Божьему празднику безотмѣнно куколку мнѣ купитъ... «На-ка, молвитъ,

---

*) *Капитонами* называли раскольниковъ.

**) *Кокуемъ* называлась нѣмецкая слобода въ Москвѣ.

женушка-нежёнушка, побалуй, позабавься»... Дай Богъ ему царство небесное — любилъ меня покойникъ... И какія куклы-то покупалъ онъ, Андрюша!.. Нюрембергскія!.. Такія были затѣйныя, такія утѣшныя, что, кажись бы, вѣкъ въ нихъ играла... Безпримѣрныя куклы!.. А нынче, mon coeur, и ихъ ужъ не видно — нюрембергскихъ-то... Все, что ни было въ старые годы хорошаго — все перевелось!.. О, охъ, охъ, охъ!.. Про что бишь я говорила, Андрюша?

— Про Настасью Петровну, про Боровкову, бабушка.

— Да... да... Про Настеньку... Знала ее, mon coeur, самымъ короткимъ маперомъ знала... И въ малолѣтствѣ знала, и при дворѣ государыни Екатерины Алексѣевны, въ тў пору, какъ самые первые царедворцы, ровно огня, ея язычка стали бояться...

«Спервоначалу рѣдкостная и премилая особа была: генеральская дочь, съ немалымъ достаткомъ, а изъ себя столь пригожа, что, бывало, какой ни на есть петиметръ только взглянетъ на нее, такъ и заразится до безумія... Ухъ, какъ много отъ нея господчиковъ терзалось! По чести красавица была отмѣнная... Одѣвалась, какъ надо быть щеголихѣ первой руки... Какъ теперь гляжу на нее, когда ее въ первый разъ въ свѣтъ вывезли... Было это на балѣ у принцессы курляндской, у той, что отъ отца съ матерью изъ Ярославля сбѣжала и въ нашу вѣру перекрестилась. Государыня Елизавета Петровна за это за самое замужъ ее за барона Черкасова выдала... Горбатенька была и съ лица не больно казиста... Ухъ, какъ славна была въ тотъ вечеръ Настенька!.. Диковинно какъ пригожа... Сама государыня въ тотъ вечеръ изволила ей первую свою аттенцію сдѣлать — къ ручкѣ пожаловала... Было тогда на Настенькѣ фурро-ферме изъ бланжеваго транценеля съ черными брабантскими кружевами, фижмы съ крылышками, на головѣ пудра, конечно, и прическа à la crochet, съ локонами по плечамъ. Личико бѣленькое, нѣжное, улыбочка умильная, брови — соболь сибирскій, и мушки. Одна мушка надъ лѣвой бровью налѣплена, другая на лбу у самаго виска. Петиметры отъ тѣхъ мушекъ въ дезеспуарѣ были, для того, что мушка надъ лѣвой бровью непреклонность означаетъ, а на лбу, у виска — sangfroid.

«Танцовала Настенька прелестно и, по чести сказать, всѣмъ на удивленье. Въ полонезѣ павой, бывало, такъ и выплываетъ, талію маленько на-бокъ перегнетъ, вѣеръ къ губамъ приложитъ... Прелесть!.. Ростъ опять какой!.. Стройность какая!.. Одно слово... une taille svelte et bien proportionnée. Королева, по чести — королева!.. У Ланде первой ученицей была... Ахъ,

нѣтъ — постой, Андрюша, постой, — это у Ланде-то я училась. Первый былъ maitre de ballet при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ — у него и государь Петръ Ѳедорычъ обучался и государыня Екатерина Алексѣевна, когда еще на Москвѣ въ невѣстахъ проживала... Настенька къ Ланде не попала для того, что онъ на ту пору, какъ ей танцамъ пришла пора обучаться, — померъ... Значитъ, она училась у Гранже — тоже знатный былъ maitre de ballet... Изрядные балеты строилъ въ эрмитажномъ театрѣ: le Faune jaloux, Apollon et Daphnys. Безпримѣрно, какъ прекрасно!.. И танцовать Гранже обучалъ отмѣнно, ну, то возьми, что Панинъ къ государю Павлу Петровичу для выучки танцамъ его приставилъ, значитъ, хорошій maitre de ballet былъ... У него-то Настенька и училась, и такъ изрядно ее Гранже обучилъ, что не разъ ее на шляхетный театръ въ Зимнемъ дворцѣ Галатею представлять наряжали... Ухъ, какъ славна была Настенька, какъ, бывало, Галатею представляетъ!.. Съ золотымъ papillon въ рукѣ pas de trois съ графинями Чернышевыми пойдетъ... Да вотъ тебѣ, Андрюша, одно слово — ужъ какъ безпримѣрно танцовала Глѣбова падчерица — Софья Николавна Чоглокова, знаешь, которую государь Петръ Ѳедорычъ la fraile de la cour сдѣлалъ. Хоть и кривобока маленько была, а весь свѣтъ собой восхищала, однакожъ Настенька Боровкова и ее, бывало, за поясъ заткнетъ. Манимаску да матрадуры непримѣръ лучше Чоглоковой она танцовала. Та, бывало, чуть не лопнетъ съ досады, на нее глядя. И въ менуэтахъ Настенька ни разу въ грязь лицомъ себя не ударила... Да...

«И такая была скромница, такая добрая, кроткая, безотвѣтная... По чести, mon coeur, когда было ей шестнадцать либо семнадцать лѣтъ — ангеломъ небеснымъ всѣ ее почитали. Да... C'était une personne compatissante et sensible.

«Отецъ съ матерью души въ ней не чаяли: была у нихъ Настенька одна единственная дочь — дѣтище молёное, прошеное. Такъ въ глаза и глядѣли ей... Тѣмъ дѣвку и попортили, что смолоду полную волю ей дали во всемъ. Не знавала Настенька грознаго слова родительскаго, не слыхивала слова запретнаго — на волѣ да въ холѣ жила, какъ хотѣла... Ну и сдурилась... Совсѣмъ сбилась съ похвей! . Тккъ сдурилась, mon petit, что въ двадцать лѣтъ ее узнать было невозможно...

«А все книги... Книгъ зачиталась — и зашелъ у ней умъ за разумъ. Читала все, чтò ни попало, безъ толку, безъ разбору — а отецъ съ матерью не запрещали: «читай, молъ, все, чтò полюбится». И набралась Настенька дури да чепухи, — тѣмъ и себя погубила...

«Еще въ ребячьихъ годахъ много была начитана — въ нюрембергскія, бывало, забавляется, а сама наизусть Расиновы трагедіи да «Генріаду» такъ и чешетъ... Разставитъ куклы на столѣ да и почнетъ изъ «Медеи» декламировать...

«Это бы ничего — книги хорошія... А какъ было ей лѣтъ шестнадцать либо семнадцать, попадись ей Лашоссеева книга «L'Enfant prodigue». Прочитала ее Настенька да въ comedies larmoyantes и втянулась... Изсентиментальничалась, конечно, а потомъ къ Жанъ-Жаку Руссо пристрастилась. Натура, видишь, больно ей по нутру пришлась, да еще не знай какія-то тамъ les droits de l'humanité... И зачала дурить.

«По-моему, mon bijou, ужъ если разобрала ее охота книги читать, романы читала бы... Невпримѣръ пріятнѣе, и сдуриться никакъ невозможно... А въ старые-то годы, Андрюша, какіе безподобные романы печатали... Ужесть какіе затѣйные! Теперь, я такъ полагаю, mon pigeonneau, что такъ и печатать не умѣютъ. Лесажевы романы взять на прикладъ — «Жильблазъ де-Сантильянъ» или «Хромоногаго бѣса»... Ухъ, какіе знатные романы!.. Читалъ ли ты ихъ, Андрюша?»

— Читалъ, бабушка.

— Очень хорошіе романы. Ты мнѣ почитай ихъ когда-нибудь. Мнѣ бы это очень было пріятно, потому что эти романы безпримѣрные... А то еще въ другомъ родѣ были у насъ книжечки — это ужъ самыя затѣйныя... Читалъ ли, голубчикъ, Боккачіо?.. А?..

— Читывалъ, бабушка.

— А сказочки Лафонтеновы читалъ? Не Fables de Lafontaine, а сказочки, сказочки?

— Читывалъ и сказочки, бабушка.

— Э!.. плутишка!.. Ужъ успѣлъ!.. А, небось, мнѣ никогда не почитаешь!.. Лѣнь, видно, бабушку-то старуху потѣшить?.. А не правда ли, mon coeur, какія утѣшныя сказочки?.. Самыя затѣйныя!.. По чести, всѣ мы были до нихъ охотницы... А Настенька ихъ не читала и ни до какихъ романовъ склонности никогда не имѣла... Къ философіи, видишь ли, пристрастилась: — все бы ей Монтескьё, да Дидро, да Жанъ-Жакъ... Оно правда, въ ту пору и при дворѣ это въ модѣ было: — сама государыня съ Вольтеромъ въ перепискѣ была, оттого и метнулись всѣ въ философію, только не надолго, для того, что философія-то намъ не къ лицу пришлась... Въ самую ту пору и сдурилась моя дѣвка. «Теперь, говоритъ, пришелъ золотой вѣкъ Астреи — свободнымъ языкомъ можно обо всякой пользѣ говорить»... И пошла и пошла, да по скорости и договорилась до сибирскихъ городовъ... Вотъ тебѣ и Астрея!..

— Что-жъ съ ней сдѣлалось, бабушка?

— Извѣстно что — съ ума спятила. Перво-наперво за то всѣхъ начала шпынять, что дурокъ да шутовъ при себѣ держать. Это, говоритъ, звѣрскій обычай, варварамъ подобный... Поди вотъ ты съ ней...

— Да развѣ не правда, бабушка?..

— Правда?.. Хороша правда!.. Признаюсь!.. А почему это, позвольте васъ спросить, не держать дворянину при себѣ дурака?.. Это очень забавно!.. Ты то вспомни, mon pigeonneau, что не только у знатнаго шляхетства, а при всѣхъ даже королевскихъ дворахъ шуты и дураки не переводились... И у насъ, въ Питерѣ, при дворѣ императрицы Анны Іоанновны бывали шуты, да еще какіе!.. При государынииной собачкѣ князь Волконскій въ нянькахъ состоялъ, князю Квасннку-Голицыну въ жены не то калмычку, не то камчадалку дали и въ ледяномъ дворцѣ ихъ пристроили... И у перваго императора шутомъ былъ Балакиревъ — человѣкъ тоже родословный, да еще цѣлая коллекція кардиналовъ, а при нихъ князь-папа, а княземъ-папой спервоначалу учитель государевъ Зотовъ былъ, а послѣ него Бутурлинъ... Вонъ какіе люди!.. Да и сама государыня Екатерина Алексѣевна дурку держать при себѣ изволила — Матрену-то Даниловну. Дурка та городскіе слухи ей приносила... Всѣ знатные очень боялись ея. Помню я, какъ на моихъ глазахъ въ ней заискивали. Рылѣевъ, оберъ-полицеймейстеръ, къ каждому, бывало, празднику Матренѣ Даниловнѣ и куръ, и утокъ, и гусей шлетъ, чтобы язычокъ-отъ на его счетъ покороче держала... Знала я и Матрену Даниловну, самолично знала.

«Опять то не по нутру Настенькѣ пришлось, что у знатныхъ персонъ блюдолизы проживали. Паразитами ихъ называли тогда... У всякаго человѣка по десяти такихъ бывало, а у иныхъ и больше. Всякими манерами они милостивцевъ своихъ потѣшали: кто плясать гораздъ — пляши, кто стихи мастакъ сочинять — оды пиши, а кто во хмелю забавенъ — поятъ, бывало, того винищемъ каждый Божій день, ровно свинью... А за то, что они знатнаго человѣка тѣшатъ, каждый день имъ столъ открытый и ко всякому празднику кафтанъ съ плеча... Что-жъ тутъ дурного, mon petit?.. Христіанское братолюбіе — больше ничего... Да... любили тогдашніе вельможи бѣднымъ людямъ помощь оказывать. И сами жили и другимъ давали жить. А что иной разъ, не разбирая ранга, выпороть велятъ паразита — такъ спина-то у него вѣдь не купленная — остались бы кости, а тѣло наживное дѣло — наростетъ... Отчего-жъ знатному и не потѣшить себя?.. Ну, а Настенька не въ ту

сторону гнула — все это, говоритъ, татарское рабство... Вонъ куда метнула!.. Безпримѣрно какъ дурила!..

«Да пущай бы еще у себя дома, въ четырехъ стѣнахъ такую чепуху городила — такъ нѣтъ, все, бывало, норовитъ при людяхъ дичь нести. Не разбирая никого, такъ, бывало, и рѣжетъ: и на куртагахъ, и у Локателлія *), и на банкетахъ... И горюшка ей мало, хоть самъ князь Григорій Григорьичъ тутъ сиди. Да что̀ Григорій Григорьичъ! Онъ и самъ подчасъ любилъ такъ же поговорить, какъ и Настенька — за подлый народъ всегда засту̀пу держалъ... А другіе-то, другіе-то! Люди почтенные, сановники — обижались вѣдь!.. А петиметры, заразившись Настенькиной красотой, бѣгутъ, бывало, къ ней, ровно овцы къ соли, а она и почнетъ имъ свои рацеи распѣвать, а тѣ слушаютъ развѣся уши-то, да еще поддакиваютъ... Иной, въ угоду Настенькѣ, и самъ гдѣ-нибудь на сторонѣ такую же чепуху почнетъ городить... Всю молодежь дѣвка перепортила — такая зловредная стала... И посты и все отбросила... Разъ посовѣтовала ей на кофею судьбу узнать — и кофею не вѣритъ, mon petit... Вотъ что̀ значатъ философскія-то книги!.. Ты ихъ не читай, Андрюша!..

«Потомъ на воспитанницъ накинулась. Что̀ онѣ ей сдѣлали — до сихъ поръ ума приложить не могу. Въ стары годы, дружокъ, во всякомъ почти шляхетскомъ домѣ, мало-мальски достаточномъ, воспитанницъ держали. Особливо охочи были до нихъ бездѣтныя барыни да старыя дѣвки. Въ Питерѣ еще не такъ, а на Москвѣ такъ счету этимъ воспитанницамъ не было. Набирали нищихъ дѣвчонокъ въ подьяческомъ рангѣ либо у шляхетства мелкопомѣстнаго. Которая барыня штуки двѣ держитъ, которая пятокъ, а очень знатная и десятокъ либо полтора. Учатъ дѣвчонокъ, воспитываютъ себѣ на утѣху, а имъ на счастье...

«А старыя дѣвки да барыни бывали охочи до воспитанницъ для того, что съ ними въ домѣ люднѣй и отъ того веселѣе. Къ старью-то петиметры не больно охотно ѣздили: съ праздничной визитой, аль въ именины поздравить, да на званый обѣдъ, а запросто никто ни ногой... А привыкши смолоду въ большомъ свѣтѣ съ аматерами возиться, старушкамъ-то и скучненько... Вотъ онѣ для приманки щегольковъ — молодыхъ-то дѣвокъ, бывало, и держатъ... Коли воспитанницы изъ себя пригожи, отбою отъ петиметровъ нѣтъ — такъ и льнутъ, какъ мухи къ меду... А старушкѣ-то весело: глядитъ на молодежь да свою молодость и вспоминаетъ...

*) Локателли прежде балетмейстеръ былъ, а потомъ содержатель дома для баловъ и маскарадовъ.

«Настенька и супротивъ этого во всю ивановскую кричать зачала: это, говоритъ, рабство, это, говоритъ, татарское иго, развратъ, говоритъ, одинъ, а не доброе дѣло. Воспитанницъ, говоритъ, къ себѣ набирать — все едино, что вольныхъ людей въ холопство закрѣплять... Такъ при всѣхъ этими самыми словами, бывало, и ляпнетъ... И ужъ какъ на нее старыя-то злились. Брякнетъ, бывало, Настенька такое слово гдѣ-нибудь въ большомъ société, а старыя дѣвки, сидя въ углу либо за картами, таково злобно на нее взглянутъ да и за табачокъ. И промывали-жъ онѣ ей косточки: какихъ сплетокъ ни выдумывали, чего про Настеньку ни разсказывали — да все вѣдь норовили, чтобъ какъ-нибудь доброе имя ея опорочить... Злы вѣдь старыя-то дѣвки бываютъ, голубчикъ мой!..

«Станешь, бывало, говорить Настенькѣ:

«— Помилуй, мать моя, что̀ это ты себѣ въ голову посадила? Какъ же это возможно сказать, что воспитанницъ нехорошо въ знатномъ домѣ держать? Сироту самъ Богъ призрѣть повелѣлъ...

«А она:

«— Хорошо, говоритъ, призрѣніе!.. Нечего сказать!.. Наберутъ бѣдныхъ дѣвочекъ да тиранятъ ихъ вѣкъ свой.

«— Да какое-жъ, говорю, тиранство, mon ange? Развѣ не фортуна для какой-нибудь голопятой дворяночки, что она и танцамъ у придворнаго maitre de ballet учится, и по-французски у выписной мадамы, и всему другому, что̀ нужно? Развѣ это не фортуна, что какая-нибудь голь перекатная — съ княжнами, съ графинями вмѣстѣ учится, и послѣ того les dames de la cour ее своей подругой называютъ? Развѣ это не фортуна, говорю, что подьяческому отродью либо мелкопомѣстной дряни такіе петиметры, что̀ еще въ колыбели гвардіи сержантами служатъ, — декларасьоны въ амурахъ объявляютъ?.. Помилуй, говорю, Настенька, вѣдь это умора... Съ ума ты спятила, радость моя!.. Не по-дворянски разсуждаешь, ma délicieuse.

«А она:

«— Не въ томъ, говоритъ, мать моя, фортуна человѣческая. Хороша, говоритъ, фортуна выпала воспитанницамъ княжны Дуденевой!.. Одна за моськами нянькой ходитъ, другая съ утра до̀ вечера по гостиному двору да по мадамамъ рыщетъ, а вечеромъ на кофеѣ ворожитъ либо чети-минею вслухъ читаетъ. Сегодня, завтра — весь вѣкъ одно да одно... Да всѣ капризы княжны переноси, всѣ брани ея и ругательства слушай: она бѣситься начинаетъ, а ты ручку цѣлуй у нея... Не рабство это, не кабала по-твоему?.. А тутъ еще племян-

ничекъ какой-нибудь станетъ подъѣзжать съ своей гнусной любовью — и сохрани тогда Богъ дѣвочку, ежели она не дозволитъ ему далекò забираться: — нагишомъ со двора сгонитъ.

«А это точно было, Андрюша. Случилось это у старой у дѣвки, у графини Тумавской. Ея племянникъ, голштинской арміи поручикъ баронъ фонъ-Ледерлейхеръ, примазываться сталъ къ тетушкиной воспитанницѣ. Отецъ-отъ ея, майоръ, въ прусской войнѣ былъ убитъ, а мать съ горя да отъ бѣдности померла, потому графиня изъ христіанскаго милосердія и взяла сироту, ихнюю дочку, къ себѣ на воспитанье... Какъ началъ баронъ къ майорской дочери примазываться, она сỳпротивъ его на дыбы — не хочу, говоритъ... Онъ и такъ и сякъ — не поддается дѣвка. Къ тетушкѣ, — а графиня души не чаяла въ племянникѣ, баловень ея былъ. Стала и она майорскую дочь усовѣщевать — покорилась бы барону, а та и слышать не хочетъ — пущай, говоритъ, женится... Губа-то не дура — въ баронессы захотѣла... Много билась съ ней бѣдная графинюшка: и лаской, и грозой, и косу рѣзала, и въ подвалѣ голодомъ маленько поморила, — ничѣмъ взять не могла — такая была упрямица... Нечего дѣлать — сослала со двора съ тѣмъ имѣньемъ, что̀ послѣ родителей осталось. А родительскаго-то благословенія — тѣльной крестъ да материно кольцо обручальное...

«По времени сказывали, что во вся тяжкая пустилась, въ вольномъ домѣ даже проживала... Ну не дура ли, mon pigeonneau? Невпримѣръ бы ей пристойнѣе бароновой метреской быть, чѣмъ такимъ манеромъ графиню срамить — вѣдь всѣ знали, что она ея воспитанница... Вотъ какъ за хлѣбъ-отъ да за̀ соль заплатила!.. Много слезъ пролила бѣдная графиня отъ такого сраму...»

— На ней взыщется грѣхъ майорской дочери, бабушка...

— Слышите!.. Слышите!.. Распутную дѣвку къ графинѣ приравнялъ!.. Какъ не стыдно тебѣ, mon coeur!.. Стыдно, mon petit, безпримѣрно стыдно такъ непочтительно о знатныхъ персонахъ говорить... Не тебѣ объ нихъ судить: — ты еще молодъ и не столь знатенъ — это завсегда ты долженъ помнить... Вотъ этакъ же, бывало, и Настенька... Что-жъ вышло?.. Сгибла сударка — и слѣдъ простылъ... За такія неподобныя рѣчи часто я ее бранивала — какъ тебя вотъ теперь браню... Дуришь, бывало, говорю, ma délicieuse: вздоръ одинъ сажаешь себѣ въ голову... Держать, говорю, воспитанницъ — дѣло христіанское. А она: — ты, говоритъ, мой свѣтъ, хоть и замужемъ, хоть и постарше меня, а этого тебѣ не понять. А чего не понять-то?.. Дурила голубка, просто дурила...

«Отцу съ матерью таки-таки и не попустила держать воспитанницъ. Покамѣсть росла, были у Боровковыхъ три: секретарская дочь да двѣ мелкопомѣстныя дворяночки... А коль скоро Настенька въ годы вошла, родительскій домъ на свои руки приняла, для того, что съ матерью съ ея кровяной ударъ приключился — ни рукой ни ногой двинуть не могла. И какъ стала хозяйкой, скоро пошла докучать, не держали-бъ родители воспитанницъ. Такъ вѣдь и выжила ихъ изъ дома.

«И не разобрать: со зла ли такъ поступала Настенька, аль прямымъ дѣломъ дѣвкамъ хотѣла добра. Да вотъ какой случай выпалъ. Въ самое то время, какъ она докучала отцу съ матерью, чтобъ изъ дому всѣхъ трехъ воспитанницъ вонъ, одна изъ нихъ возьми да оспой и захворай... Болѣзнь страшная: либо помрешь, либо на вѣкъ рябой останешься, къ тому же болѣзнь прилипчивая... Докторъ приказалъ положить больную въ особомъ флигелѣ и тѣмъ, у кого оспы не было, близко къ тому флигелю не подходить... Что-жъ ты думаешь?.. Истинно ума лишилась, — сама за больною ходить вздумала... За оспенной-то!.. Отецъ съ матерью ей и такъ и сякъ, не дается дѣвка подъ ладъ. Однакожъ Петръ Андреичъ на своемъ поставилъ. Стихла моя Настасья Петровна!..

«Что-жъ? Ночью, бывало, только-что въ домѣ всѣ улягутся, она тихонько башмачки на босу ногу, кунтышъ *) на плечи да черезъ дворъ à petit bruit во флигель, да тамъ за воспитанницей и почнетъ ухаживать... И представь ты себѣ, Андрюша, — оспа-то вѣдь къ ней не пристала... Зато, когда дошло до княжны Дуденевой — расцыганила-жъ онъ Настеньку. Всѣми богами божилась, что не къ больной, а къ любовникамъ во флигель она бѣгала...

«Гораздо спустя, говоритъ Боровковъ Настенькѣ, отецъ-отъ ея:

«— Скучно тебѣ свѣтикъ мой, одна ты у насъ одинёшенька, а дѣло твое дѣвичье, подругу бы надо тебѣ. Вотъ вчерась у Локателлія на вольномъ балѣ довелось мнѣ про одного армейскаго капитана слышать... Заѣхалъ сюда въ Питеръ съ кучей ребятишекъ да въ одночасье и померъ. Шестеро сиротъ малъ мала меньше, ни отца ни матери, ни роду ни племени. пить-ѣсть нечего... Разбираютъ теперь сиротокъ по знатнымъ домамъ. Не взять ли и намъ хоть одну капитанскую дочку? Сказываютъ, есть одна годковъ въ пятнадцать — дѣвка-то была бы къ тебѣ подходящая...

«А Настенька:

*) Въ родѣ нынѣшнихъ салоновъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, батюшка, не берите въ домъ... Горька жизнь сироты, а горче всего въ ея жизни — чужой хлѣбъ. Нѣтъ, батюшка, ради Господа, не дѣлайте этого. А вотъ что: поѣзжайте-ка вы къ Бецкому, къ Ивану Иванычу, попросите, чтобъ онъ въ Смольный сиротокъ пристроилъ, а коль комплекту нѣтъ, продайте мои брильянты, отдайте деньги за сиротъ... Въ воскресенье на куртагѣ сама я княжну Катерину буду просить и къ Делафоншѣ съѣзжу *).

«И что же? По Настенькинымъ хлопотамъ да по ея просьбамъ взяли вѣдь въ Смольный-отъ двухъ капитанскихъ дочекъ, а когда онѣ отучились, Боровковы замужъ ихъ выдали... И какое приданое Настенька имъ сдѣлала!..

«Да такъ ли еще она куролесила, mon pigeonneau, то ли еще дерзкимъ своимъ языкомъ говорила!.. Выгляпь-ка за дверь, Андрюша, комнатныхъ дѣвокъ тамъ нѣтъ ли. Не подслушали бы... Про это знать имъ не годится.

«До того подъ конецъ дошла, — шопотомъ продолжала бабушка: — что вездѣ, гдѣ ни бывала, зачала ровно въ трещетку трещать, будто бы благородному шляхетству ни крестьянами ни дворовыми владѣть не должно... Они, говоритъ, такіе же люди, что и мы... Слышишь, mon petit?.. Самоё себя къ холопямъ приравняла!.. Никто, говоритъ, не волёнъ съ своего человѣка за провинность взыскать... Понимаешь, голубчикъ, куда клонила?.. А все философія да поганыя книги, что по цѣлымъ ночамъ читала!.. Все, бывало, у нея Жанъ-Жакъ да Жанъ-Жакъ - вотъ тебѣ и Жанъ-Жакъ!.. Подлымъ вольности захотѣла!.. Да вѣдь вольность-то дана, mon pigeonneau, шляхетству, дворянскому корпусу за службы дѣдовъ и прадѣдовъ, а Настасья Петровна моя хамовой породѣ захотѣла вольности!.. Знатныя персоны за то очень на нее сердились и грозились укоротить язычокъ Настенькѣ — значитъ, либо въ монастырь на смиренье, либо въ сумасшедшій домъ за рѣшетку... Испужалась, надо думать — перестала... Ну самъ посуди, mon coeur, пристойно ли дѣвкѣ такимъ маперомъ разсуждать! Ничуть не славно и совсѣмъ даже неловко!.. Завсегда у нея въ головѣ безпорядокъ былъ!.. Потому и звали ее «порченой».

«А то какая еще у нея дурь въ головѣ была. Лѣтомъ Боровковы жили на дачѣ, а прежде, когда Настенькина мать здорова еще была, въ подмосковную они ѣздили. Въ деревнѣ-то, какъ ты думаешь, что она? Съ бабами да съ дѣвками дере-

*) Княжна Катерина Долгорукова — первая начальница Смольнаго монастыря, Делафонъ — ея помощница.

венскими была за панибрата... Вотъ до какого безобразія дошла!.. И что̀ еще выдумала — стала къ отцу съ матерью приставать, чтобъ наняли дьячка деревенскихъ ребятишекъ грамотѣ учить... Умора!.. Ну съ какой стати мужику грамотѣ умѣть? Крестьянское-ль это дѣло? Мужикъ знай пахать, знай хлѣбъ молотить, сѣно косить — а книги-то ему зачѣмъ въ руки. Да дай-ка ему книгу-то — пропьетъ ее въ первомъ питейномъ... Ну, Боровковъ Петръ Андреичъ на такую глупую причуду любезной дочки не согласился однако... А тутъ по скорости съ женой его ударъ приключился, въ деревню ѣздить перестали, такъ Настенькины затѣи и не пошли ни во что...

«Было ужъ ей тридцать годовъ, а попрежнему была изъ себя хороша, кажется, краше еще съ лѣтами-то дѣлалась... А замужъ не шла и выходить не хотѣла... Много петиметровъ изъ самыхъ знатныхъ персонъ по ней помирало, однакожъ она тому не внимала и мушекъ съ виска да съ лѣвой бровки ни для кого не сняла... А охотниковъ до нея было много, отбою отъ жениховъ не было. Оно и понятно: дѣвка не бесприданница — въ Кесславлѣ съ деревнями въ Зимогорской губерніи тысячи полторы домовъ, красота на рѣдкость. Придворные кавалеры и гвардіи офицеры декларасьоны ей объявляли, только Настенька рѣчи ихъ межъ ушей пропущала и хоть бы разъ для кого на правой сторонѣ губки мушку прикленла:—осмѣлься, дескать, и говори...

«Иные господчики, по старому обычаю, свахъ засылали... Однакожъ не было имъ ни привѣту... ни отвѣту... А тѣхъ, которымъ, по женихову сродству и по его position dans le monde, можно было наругаться маленько, Петръ Андреичъ съ репримандами со двора спускалъ.

«Кого ждала Настенька — какого царевича, какого королевича—не знаю. А и то надо сказать, mon coeur, что вѣдь и на самомъ дѣлѣ царевичъ къ ней разъ присватался — не пошла. Нѣтъ, говоритъ, очень, да носъ больно великъ. Изъ выѣзжихъ былъ: изъ грузинскихъ, не то изъ имеретинскихъ—много тогда этакихъ царевичей на Прѣснѣ въ Москвѣ проживало. Только ужъ дураковаты были, да на придачу горькіе пьяницы и драчуны.

«По времени всѣ возненавидѣли Настеньку. Всѣ стали ей косые взгляды казать: старыя дѣвки и дамы за то, что про воспитанницъ неумно говорила да сплетни ихнія на чистую воду выводила, молодыя красотѣ ея завидуючи, петиметры за ея sang-froid, а благородное шляхетство за неподобныя рѣчи насчетъ холоповъ... Самыхъ что̀ ни на есть знатнѣйшихъ людей супротивъ себя поставила. Можешь себѣ вообразить,

mon pigeonneau, сановниковъ-то самыхъ, опору-то престола, ворами да казнокрадами въ публикѣ безо всякаго конфуза зачала обзывать. Не безумная ли?.. Имени, бывало, не помянетъ, а про чьи дѣла брякнетъ, у того сй-ой какъ подъ тунеемъ зачешется. За то больше и не взлюбили ее. Всякая, дескать, дрянь, дѣвчонка какая-нибудь, да въ великія государственныя дѣла соваться вздумала! А пуще всего опасались, чтобъ грѣхомъ государыня столь здовредную дѣвку приблизить къ себѣ не соизволила, конфиденткой не сдѣлала бы, въ камеръ-фрейлины не взяла бы... Государыня и то на куртагахъ и въ Эрмитажѣ безпримѣрную аттенцію Настенькѣ оказывала, а однажды поутру даже про важныя дѣла съ ней говорить изволила... Княгиня Катерина Романовна даже надулась за это на Настеньку... Оно и понятно, mon petit, — всякому вѣдь до себя... Ну, и боялись...

«До поры до времени однакожъ терпѣли Настеньку. Пущай, дескать, дѣвка досыта наругается, дѣвичья брань на вороту не виснетъ. А какъ подвела Настенька Мякинина Гаврилу Петровича подъ гнѣвъ государыни, такъ и зачали знатныя персоны промышлять — какими бы судьбами неспокойную дѣвку спровадить изъ Петербурга, духу-бъ ея въ столицѣ не осталось, въ воду бы канула, заглохла бы гдѣ-нибудь въ деревенской глуши, а ежели поможетъ Господь, такъ гдѣ-нибудь и подальше — куда, значитъ, Макаръ и телятъ не гонялъ.

«А подвела Настенька подъ гнѣвъ и опалу Гаврилу Петровича Мякинина вотъ какимъ манеромъ. На петергофской дорогѣ у отца у ея, Петра Андреича, дача была. По лѣтамъ, съ той поры какъ заболѣла сама-то Боровкова, они живали на самой той дачѣ... Ходила тутъ къ Настенькѣ изъ ближней деревни крестьянская женка, грибы къ столу носила, ягоды, овощъ всякій. Аграфеной звали, а была изъ экономическихъ. Переѣхали одинъ годъ Боровковы на дачу — нейдетъ Аграфена: сморчки прошли — нейдетъ, земляника прошла — нейдетъ, малина зачалась — Аграфены нѣтъ какъ нѣтъ. Думала Настенька, что она померла. И очень жалѣла, къ подлому-то народу ужъ очень пристрастна была.

«Лѣто за половину поворотило, какъ однажды рано поутру заслышала Настенька знакомый голосъ: «зелены хороши, огурчики-голубчики зелёненькіе, бобики турецки, картофель молодой!» Кликнула Настенька бабу, зачала ее разспрашивать, куда это она запропастилась, по какому резону половину лѣта у нихъ не бывала.

«Заголосила бабенка:

«— Ахъ, ты, милая моя барышня! Вѣдь Господь Своимъ

праведнымъ судомъ намъ несчастьице послалъ. Самое горемычное дѣло до насъ грѣшныхъ дошло. Должны въ разоръ разориться, по міру пойти.

«— Что̀ такое?—спрашиваетъ Настенька.

«— Хозяина-то моего, седьма недѣля, какъ въ тюрьму посадили.

«— Какъ какъ?

«— Да такъ же, родная, посадили, да и все тутъ.

«— Да что-жъ онъ сдѣлалъ?

«— Охъ, ужъ дѣло-то его, матушка, такое, что не знаю, какъ разсказать тебѣ. Провѝнился, моя любезная, мой Трифонычъ, провинился и не запирается — точно, говоритъ, моя бѣда до меня дошла — виноватъ. Люди говорятъ, въ Сибирь его сошлютъ, да и меня, слышь, съ нимъ. А я къ тому дѣлу нисколько не причастна, только-что печку топила да хлѣбы пекла...

«— Да что-жъ онъ сдѣлалъ? Въ душегубствѣ попался, аль въ разбоѣ?

«— Ой, нѣтъ, моя хорошая! Такой ли человѣкъ мой Трифонычъ? Ему Господь и грамоту даровалъ — божественныя книги читаетъ, — сдѣлать ли ему такое дѣло!.. А ужъ по правдѣ сказать тебѣ, бѣлая ты моя барышня, такъ я, грѣшный человѣкъ, частенько подумываю: невпримѣръ бы лучше было Трифонычу въ разбоѣ аль въ душегубствѣ попасться... Для того, что по убійственнымъ и по разбойнымъ дѣламъ хоть не зачастую, а все-же-таки изъ тюрьмы люди выходятъ, а Трифонычъ-отъ мой, по своей простотѣ да по глупости, въ такое дѣло втюрился, что и повороту нѣтъ изъ него...

«— Да что-жъ онъ сдѣлалъ такое?

«— Охъ, матушка моя, большое дѣло онъ сдѣлалъ: орла двѣнадцать лѣтъ жегъ.

«— Какъ орла жегъ? Какого орла?

«— Орла, матушка, точно орла. Въ печкѣ двѣнадцать годиковъ жегъ... Это въ прямое дѣло, что жегъ. Двѣнадцать лѣтъ, сударыня!..

«— Да говори толкомъ — что̀ такое?

«— Да видишь ли, бѣлая моя барышня — въ печкѣ-то у насъ въ самомъ поду̀ орелъ былъ, и это точно, что на немъ каждый день дрова горѣли — и хлѣбы завсегда пеклись на немъ. Жегъ, родная моя, точно что жегъ.

«Толку добиться Настенька не могла, а дѣла не покинула. Стала развѣдывать, по скорости вотъ что̀ узнала, mon coeur.

«Когда выстроили Зимній дворецъ, государю Петру Ѳедо-

рычу захотѣлось безпремѣнно къ Свѣтлому Воскресенью на новоселье перебраться. Весь Великій постъ тысячи народа во дворцѣ кипѣли, денно и нощно работали, спѣшили, значитъ, покончить, записабашили только къ самой заутренѣ. А лугъ передъ дворцомъ очистить не могли: весь онъ былъ загроможденъ превеликимъ множествомъ домовъ и хибарокъ, гдѣ рабочіе жили, и всякимъ хламомъ, что̀ отъ постройки оставалось. Смекнули — полгода времени надо, чтобъ убрать весь этотъ хламъ, и немалыхъ бы денегъ та уборка стоила, а государю угодно, чтобъ къ Свѣтлому Воскресенью лугъ безпремѣнно чистехонекъ былъ. Какъ быть, что̀ дѣлать? Генералъ-полицеймейстеромъ въ тѣ поры Корфъ былъ — онъ и доложи государю — не пожертвовать ли, молъ, ваше императорское величество, всѣмъ этимъ дрязгомъ петербургскимъ жителямъ, пущай, дескать, всякъ, кто хочетъ, невозбранно идетъ на дворцовый лугъ и безданно-безпошлинно беретъ, что̀ кому приглянется: доски тамъ, обрубки, бревна, кирпичи. Государь Петръ Ѳедорычъ на то согласился... Поскакали драгуны по̀ городу — въ каждомъ домѣ повѣщаютъ — идите, молъ, на дворцовый лугъ, да что̀ хотите, то и берите безданно-безпошлинно. Петербургъ ровно взбѣленился: со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ концовъ побѣжали, поѣхали на̀ лугъ... И вообрази ты себѣ, mon pigeonneau, въ одинъ день вѣдь все убрали. А было это въ самую Великую пятницу. И отъ насъ изъ дому на дворцовый лугъ людей съ лошадьми посылали — полтора года, mon petit, послѣ того дровъ мы не покупали. Хорошій былъ распорядокъ — всѣ очень довольны остались.

«Савелій Трифоновъ, Аграфенинъ-отъ мужъ, въ самое то время въ Петербургѣ съ подводой былъ. Услыхавши, что полиція народъ ко дворцу сбиваетъ, и онъ, сердечный, туда поѣхалъ, набралъ цѣлый возъ кафелей со полѝвами да голландскаго кирпичу. А у него въ дому на ту пору печь плоховата была: онъ ее жалованнымъ-то кирпичомъ и поправилъ... Да на грѣхъ угораздило его кафель-отъ съ орломъ въ самый подъ положить.

«Двѣнадцать лѣтъ прошло — Трифоныча въ то время, какъ монастырщину государыня Екатерина Алексѣвна поворотила на экономію, въ волостные головы міромъ изобрали. Тутъ не возлюбилъ его управитель ихній, что̀ отъ коллегіи экономіи къ монастырскимъ крестьянамъ былъ приставленъ, Чекатуновъ Якинфъ Сергѣичъ. Какъ теперь на него гляжу: старичокъ такой былъ сѣденькой и плутоватъ, нечего сказать... Смолоду еще при государынѣ Аннѣ Ивановнѣ былъ въ армей-

скихъ офицерахъ и. сказываютъ, куда какъ жестоко хохловъ прижималъ, когда по недоимочнымъ дѣламъ въ малороссійской тайной канцеляріи находился. Трифонычъ, должно-быть, какъ-нибудь не ублаготворилъ его, онъ и взъѣлся... Однакожъ, какихъ подкоповъ ни подводилъ подъ Трифоныча, не могъ поддѣть. Времена-то не тѣ уже были, не бироновщина.

«Пріѣзжаетъ Чекатуновъ въ волость, гдѣ Трифонычъ въ головахъ сидѣлъ, прямо къ нему, разумѣется. для того, что на хозяина хоть и волкомъ глядитъ, а угощенья ему подай... Напушникъ Аграфена на столъ положила: «рушьте, молъ, сами, ваше благородіе, какъ вашей милости будетъ угодно».

«Чекатуновъ сталъ рѣзать напушникъ — глядь, а на нижней-то коркѣ орелъ.

«— Это что? — крикнулъ онъ грознымъ голосомъ.

«— Орелъ, — говоритъ Трифонычъ: — орелъ, ваше высокородіе.

«— Да у тебя царскій, что ли, хлѣбъ-отъ? Изъ дворца краденый?.. А?

«— Какъ это возможно и помыслить такое дѣло, ваше высокородіе? — отвѣчаетъ Трифонычъ. — Глядь-ка что выдумалъ! Изъ царскаго дворца краденъ!.. Я вѣдь, чать, русскій!.. Изволь въ печку глянуть, тамо въ поду кирпичъ съ орломъ вложенъ, на хлѣбѣ-то онъ и вышелъ.

«Посмотрѣлъ въ печку Чекатуновъ, видитъ — точно орелъ.

«— А гдѣ, говоритъ, ты взялъ такой кирпичъ?

«— А на дворцовомъ лугу, — отвѣчаетъ ему Трифонычъ: — въ то самое время, какъ по царскому жалованью народъ послѣ дворцовой стройки хламъ разбиралъ.

«— Такъ это ты двѣнадцать лѣтъ царскаго-то орла жжешь, — закричалъ Чекатуновъ, схвативъ Трифоныча за воротъ. — А? Да понимаешь ли ты, злодѣй, что за это Сибирь тебѣ слѣдуетъ.

«Трифонычъ въ ноги. А Чекатуновъ расходившись — въ желѣза Трифоныча, да въ острогъ за жестокимъ карауломъ.

«А Чекатунову такія дѣла не впервые творить приходилось. При Биронѣ въ Малой Россіи онъ за жженаго орла людей мучилъ.

«Дѣло повели крутенько. А было это въ самое пугачовское замѣшательство. Чекатуновъ главному своему начальнику Гаврилѣ Петровичу Мякинину такимъ манеромъ дѣло Трифоныча представилъ, что будто онъ съ государственнымъ злодѣемъ былъ заодно и въ самомъ Петербургѣ хотѣлъ народъ всполошить. Трифонычъ былъ мужикъ домовитый, зажиточный, въ ларцѣ у него цѣлковиковъ немало лежало: тутъ все прахомъ пошло.

«Разузнавши доподлинно дѣло, Настенька, не молвивши отцу ни единаго слова, приказала заложить карету, одѣлась en grand toilette и въ Царское Село... А тамъ государыня завсегда изволила лѣтнюю резиденцію имѣть. Поѣхала Настенька съ дачи ранымъ-ранехонько и въ саду на утренней прогулкѣ улучила государыню. А ея величество завсегда въ семь часовъ поутру изволила свой променадъ дѣлать. Остановилась Настенька у той куртины, гдѣ сама государыня каждый день изъ своихъ рукъ цвѣты поливала. Видитъ, бѣгутъ двѣ рѣзвыя собачки, играютъ промежъ себя; а за ними государыня въ легкомъ капотѣ пюсоваго цвѣта, въ шляпѣ и съ тросточкой въ рукѣ. Марья Савишна Перекусихина съ ней, позади егерь.

«Увидала ее Настенька, тотчасъ на колѣни.

«— Что съ вами, милая? Отчего такъ встревожены? — спрашиваетъ ее государыня.

«— Правосудія и милости у вашего величества прошу.

«Государыня улыбнулась.

«— За того прошу, ваше императорское величество, за кого просить некому, — молвила Настенька. — За простого мужика, за невинную жертву злобы и лихоимства. Въ тюрьмѣ сидитъ, домъ разоренъ... Честный Савелій Трифоновъ изъ богатаго поселянина навѣкъ нищимъ сталъ.

«Только-что Настенька эти рѣчи проговорила, государыня внезапно помрачилась, румянецъ на щекахъ такъ и запылалъ у ней. А это завсегда съ ней бывало, mon coeur, когда чѣмъ-нибудь недовольна дѣлалась.

«— Не знаете, за кого просите! — съ гнѣвомъ проговорила государыня. — Трифоновъ — воръ, соумышленникъ государственнаго злодѣя.

«— Ваше величество, беззащитнаго поселянина оклеветали... Опричь Бога да васъ, никто его спасти не можетъ... Разсмотрите дѣло его.

«Ни слова не промолвя, государыня отвернулась и пошла въ боковую аллею... Настенька осталась одна на колѣняхъ.

«Недѣли черезъ три Трифоновъ былъ на волю выпущенъ и все добро его назадъ было отдано. Чекатунова отрѣшили. Гаврилѣ Петровичу Мякишину было сказано: жить въ подмосковной.

«Въ перво же воскресенье Настенькѣ велѣно было на куртагѣ быть. Государыня съ великой аттенціей приняла ее. При многихъ знатныхъ персонахъ обняла, поцѣловала.

«— Благодарю васъ за то, что избавили меня отъ величайшаго несчастія царей — быть несправедливой, — сказала ей

государыня.—Мы основали нашъ престолъ въ человѣколюбіи и милосердіи, но по навѣту злыхъ людей я едва не осудила невиннаго. Богъ васъ наградитъ.

«И всѣ зачали увиваться вкругъ Настеньки. На другой же день весь grand monde перебывалъ у Боровковыхъ съ визитами — даромъ что кому двѣнадцать, кому двадцать верстъ надо было ѣхать до ихней дачи... Только и рѣчи у всѣхъ, что про Настеньку да про злодѣйство Мякишина съ Чекатуновымъ.

«А про себя не то думали, не то гадали знатныя персоны... Подкопы подводить зачали подъ Настеньку.

«Въ то время, mon enfant, самымъ важнымъ вельможей былъ Левъ Александрычъ Нарышкинъ... Нраву отмѣнно веселаго, на забавныя выдумки первый мастеръ. Какъ пойдетъ, бывало, всѣхъ шпынять, такъ только держись, а все какъ будто спросту. Государыня его очень жаловала. Когда еще великой княгиней была, большую довѣренность къ нему имѣла—и когда воцарилась, много жаловала. Человѣкъ былъ, что̀ называется, на всѣ руки... Ежели на куртагѣ бывало невесело, а Нарышкина нѣтъ, государыня всегда, бывало, изволитъ сказать: «видно, что Льва Александровича нѣтъ». По чести сказать — мертваго, кажется, умѣлъ бы разсмѣшить, а праздники задавалъ — не то что намъ: — чужеземнымъ, иностраннымъ на великое удивленье бывали.

«Давалъ онъ балъ у себя на дачѣ. Знатная дача была у Льва Александровича по петергофской дорогѣ. Какіе онъ на ней фейверки дѣлалъ, люминаціи съ аллегоріями *) — сказать, mon bijou, невозможно. Самъ Галунин музыкой, бывало, правитъ — старый человѣкъ былънастарый, а зачнетъ музыкантами командовать, глаза у сѣдого такъ разгорятся, ровно у молодого петиметра, когда своей dame de l'amour ручку пожимаетъ... Сады какіе у Нарышкина были, фонтаны!.. По чести сказать, какъ войдешь, бывало, въ его люминованные сады — ума лишишься: рай пресвѣтлый, царство небесное — больше ничего... Parole d'honneur, mon petit.

«Разъ, какъ теперь помню, наканунѣ Ильина дня, пріѣзжаетъ къ намъ Настенька.

«— Ты, говоритъ, къ Нарышкину завтрашній день на праздникъ поѣдешь?

«— Нѣтъ, говорю, ma délicieuse, не поѣду... Для того, что инвитасьоны не получили.

«А меня досада такъ и разбираетъ... Какъ такъ? Боровковы

*) Фейерверки, иллюминація.

будутъ, мы не будемъ!.. Обидно!.. Была я тогда молода, къ тому-жъ не изъ послѣднихъ... Мужъ въ генеральскомъ рангѣ— какъ же не досадно-то?.. Самъ посуди, mon pigeonneau...

«— Поздравляю, говорю, поздравляю, ma délicieuse, что къ Нарышкину поѣдешь... А мы люди маленькіе, незнатные... Куда ужъ намъ къ Нарышкину?..

« — Особливо мнѣ то чудно, — говоритъ межъ тѣмъ Настенька: — что на праздникѣ будутъ только самыя первыя персоны. Изъ дѣвицъ: Веделева Анета, Шереметевыхъ двѣ, Панина, Полянская, Хитрово... Все les frailes de la cour... Какими судьбами меня пригласили — ума приложить не могу.

«— Значитъ, ma douceur, и тебѣ la fraile de la cour скажутъ... Будешь, говорю, во времени—и насъ помяни.

«Захохочетъ Настенька, да такъ и залилась.

«— Нашла, говоритъ, la fraile de la cour! По чести сказать, къ лицу мнѣ будетъ!..

«А сама охорашивается, стоя передъ зеркаломъ... Нельзя же, mon coeur—женская натура... Кто изъ молодыхъ женщинъ мимо зеркала пройдетъ не поглядѣвшись? Ни одна не пройдетъ, mon pigeonneau, повѣрь, что ни одна... Потому что у каждой о всякую пору одно на умѣ — какъ бы мужчинку къ себѣ прицѣпить... Ты, mon couer, не гляди, что онѣ молчатъ да кажутся les inaccessibles. Повѣрь бабушкѣ, голубчикъ мой, что у каждой женщины лѣтъ съ четырнадцати одно на умѣ: какъ бы съ мужчинкой слюбиться... Ей-Богу, mon cher... Притворству не вѣрь!.. Которая тебѣ по мысли придется, смѣло приступай... Рано ли, поздно ли, будетъ твоя... Повѣрь, mon bijou—я вѣдь опытна... Смѣлости только побольше, голубчикъ, а будетъ къ концу дѣло подходить,—дерзокъ будь... На визги да на слезы вниманія не обращай. Для проформы только визжатъ да стонутъ... Видишь, mon petit, какъ бабушка-то тебя житейской мудрости учитъ... Послѣ сколько разъ помянешь, поблагодаришь меня, старуху, за мои les instructions... Вѣрь, mon agneau, и въ стары годы и въ нынѣшніе pour chaque femme et pour chaque fille ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ объятья мужчины... Изо всей силы, mon petit, къ себѣ прижимай, мни, кости ломи—тѣмъ пріятнѣе... Про что, бишь, я говорила, Андрюша?»

— Да все про Боровкову, бабушка... Какъ она къ Нарышкину сбиралась и охорашивалась, стоя у васъ передъ зеркаломъ...

— Точно, голубчикъ, точно... Изогнула она этакъ на бокъ талію, ручкой подбоченилась, а глазенки такъ и горятъ... Ухъ,

какъ отмѣнно была хороша, ухъ, какъ славна!.. А близиру ради тоже прикидывается—я, дескать, дурнушка.

«И вдругъ пригорюнилась она:

«— Нѣтъ, говоритъ, Параша — какая я fraile de la cour?.. Вотъ если-бъ государыня взяла меня замѣсто Матрены Даниловны.

«— Христосъ съ тобой, говорю я, Настенька. Сама не знаешь, что мелешь!.. Въ дурки захотѣла!.. Какой тутъ промѣнъ, ma délicieuse?

«— Большой, говоритъ, промѣнъ! Родись я мужчиной—генералъ-прокуроромъ захотѣла бы быть, всякій бы часъ государынѣ докладывать, какъ болѣетъ народъ, какъ ищетъ суда и правды, а найти не можетъ!.. А родилась женщиной — въ дурки хотѣла-бъ, въ шутихи... Эхъ, какъ бы мнѣ надѣть чепчикъ съ погремушками... Сколько бы правды тогда разсказала царицѣ!..

«— Дуришь, Настенька! То говоришь—шутовъ не надо, то сама въ дурки лѣзешь.

«А она:

«— Не понимаешь ты ничего, говоритъ.

«Тѣмъ и кончили.

«На томъ нарышкинскомъ праздникѣ государыня изволила добрыя вѣдомости объявить, — съ туркой миръ былъ заключенъ. Съ тѣми вѣдомостями присланъ былъ премьеръ-майоръ Соколовъ. И того Соколова Нарышкинъ позвалъ на праздникъ; государыня такъ приказала. А премьеръ-майоръ Соколовъ dans la grande société былъ совсѣмъ темный человѣкъ, и никто изъ знатныхъ персовъ не зналъ его. Пріѣхавши къ Нарышкину, ровно въ лѣсу очутился, бѣжать такъ въ ту же пору. Прижался въ уголку, думаетъ: «ахти мнѣ, долго-ль въ мукѣ быть».

«Настенька, замѣтивши Соколова не въ своей тарелкѣ, подошла къ нему, зачала про Молдавію разспрашивать, про тамошніе нравы и порядки... Премьеръ-майоръ растаялъ, глядя на ея красоту—съ перваго взгляда заразился.

«Говорятъ они этакъ въ уголку—какъ вдругъ зашумѣли, забѣгали. Александръ Львовичъ съ женой на крыльцо, Галуппи стукнулъ палочкой, и грянулъ полонезъ. Государыня пріѣхала... Соколовъ съ Настенькой въ парѣ пошелъ, и когда полонезъ окончился, къ нему подошелъ князь Орловъ Григорій Григорьичъ *). А пріѣхалъ онъ съ государыней.

«— Ба, ба, ба! — говоритъ. — Здравствуй, Соколенко, какими судьбами ты здѣсь?

*) Анахронизмъ, какихъ много въ «Бабушкиныхъ росказняхъ». Много путала покойница.

«Соколовъ низко кланяется, доноситъ князю Григорью Григорьичу, что съ мирными вѣдомостями присланъ.

«— Какъ я радъ, что нахожу тебя здѣсь и вижу здоровымъ и благополучнымъ,—сказалъ князь Григорій Григорьичъ и сталъ цѣловать премьеръ-майора.—Ко мнѣ пожалуй, братецъ! Не забудь, Соколенко...

«Тотчасъ всѣ гурьбой къ Соколову. Въ знакомство себя поручаютъ.

«Государыня, замѣтивши ласки князя Григорья Григорьича къ Соколову, спросила, какъ онъ его знаетъ...

«— Нашъ кёнигсбергскій,—говоритъ князь. — Въ прусскую войну мы съ Соколенкой на одной квартирѣ стояли... Старый пріятель!

«А Соколенкой любя премьеръ-майора князь Орловъ называлъ. Такая привычка была у него: русскихъ кликалъ по-хохлацки, а хохловъ по-русски.

«Примѣтилъ князь Григорій Григорьичъ, что Соколовъ съ Настеньки не спускаетъ глазъ.

«— Аль заразился?..—спрашиваетъ.

«Молчитъ премьеръ-майоръ, а краска въ лицо кинулась.

«— А вѣдь она пригляднѣе чѣмъ Лотхенъ будетъ?..—говоритъ князь.—Помнишь Лотхенъ?

«Соколовъ ни живъ ни мертвъ. Придворнаго этикету не разумѣетъ, что̀ отвѣчать на такія затѣйныя рѣчи — не придумаетъ.

«— За ней тысячи полторы дворовъ, — говоритъ князь. — А сама столь умна, что всѣхъ кёнигсбергскихъ профессоровъ за поясъ заткнетъ... Хочешь?..

«Молчитъ премьеръ-майоръ.

«— Постой, — говоритъ ему князь: — я тебя съ отцомъ познакомлю.

«И, взявши Соколова подъ руку, подвелъ къ Боровкову, къ Петру Андреичу, и говоритъ ему:

«— Вотъ, ваше превосходительство, мой искренній другъ и закадычный пріятель Антонъ Васильичъ Соколенко... Прошу любить да жаловать.

«Познакомились. Не шутка, — самъ Григорій Григорьичъ знакомитъ.

«Утромъ премьеръ-майоръ къ Боровковымъ на дачу, черезъ два дня опять... И зачастилъ.

«Недѣли съ двѣ такимъ манеромъ прошло. Вдругъ повѣстку отъ камеръ-фурьерскихъ дѣлъ Петръ Андреичъ получаетъ — быть у государыни въ Царскомъ Селѣ.

«Когда онъ оттуда домой воротился — лица на немъ нѣтъ.

Прошелъ въ спальню, гдѣ больная жена лежала... Настеньку туда же по скорости кликнули...

«— Знаешь ли, — говоритъ Петръ Андреичъ: — свѣтикъ мой, зачѣмъ государыня меня призывать изволила?

«Молчитъ Настенька. А въ лицѣ ни кровинки — чуяло сердце.

«— Жениха сватаетъ...

«— Кого? — спросила Настенька.

« Соколова Антона Васильича, того самаго премьеръ-майора, что̀ изъ Туречины съ миромъ пріѣхалъ.

«Молчитъ Настенька.

«— Человѣкъ, казалось бы, хорошій. Съ самимъ княземъ Григорьемъ Григорьичемъ въ дружбѣ, опять же и матушки государыни милостью взысканъ...

«Ни слова Настенька.

«— Призвавши меня, изволила сказать государыня: — «Я къ тебѣ свахой, Петръ Андреичъ, у тебя товаръ, у меня купецъ». Я поклонился, къ ручкѣ пожаловала, сѣсть приказала. — «Знаешь, говоритъ, премьеръ-майора Соколова, что̀ съ мирными вѣдомостями присланъ? Человѣкъ хорошій — князь Григорій Григорьичъ его коротко знаетъ и много одобряетъ». Я молчу... А государыня, весело таково улыбаясь, опять мнѣ ручку подаетъ... J'ai fait le baisement. а ея величество, отпуская меня, говоритъ: — «Сроду впервые въ свахи попала, ты меня ужъ не стыди, Петръ Андреичъ». Я было-молвилъ: — «Не мнѣ съ нимъ жить, ваше величество, дочь что̀ скажетъ...» А она: — «Скажи ей отъ меня, что много ее люблю и очень совѣтую просьбу мою исполнить»...

«Ни гу-гу Настенька. Смотритъ въ окно и не смигнетъ.

«Обернулась. Перекрестилась на святыя иконы и столь твердо отцу молвила:

«— Доложите государынѣ, что исполню ея высочайшее повелѣніе...

«Суета въ домѣ поднялась: шьютъ, кроятъ, приданство готовятъ. Съ утра до ночи и барышни и сѣнныя дѣвки свадебныя пѣсни поютъ.

«А женихъ еще до свадьбы себя показалъ: разъ, будучи хмеленъ, за ужиномъ вздумалъ посудой представлять, какъ Румянцевъ Силистрію бралъ, а послѣ ужина Петра Андреичева камердинера въ ухо.

«Свадьбу во дворцѣ вѣнчали... Я въ поѣзжанахъ была, mon pigeonneau, и государыня тогда со мной говорить изволила... Очень была я милостями ея обласкана... А какой изрядный фермуаръ Настенькѣ она пожаловала!.. Брильянты самые круп-

ные, самой чистой воды, караты по три по четыре въ каждомъ, а въ середкѣ прелестный изумрудъ, крупнѣе большой вишни, гораздо крупнѣе...

«Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, на самый Покровъ, Соколову сказано: быть воеводой въ сибирскомъ городѣ Колывани.

«По первому пути и поѣхала въ Сибирь Настенька.

«А уладилъ ту свадьбу и выхлопоталъ Соколову сибирское воеводство — вовсе не князь Григорій Григорьичъ и не Нарышкинъ Александръ Львовичъ, а тѣ знатныя персоны, что̀ Настенькина язычка стали побаиваться... Это ужъ мы послѣ узнали...»

НА СТАНЦІИ.

Разсказъ.

Надвигалась грозовая туча; изрѣдка сверкала молнія, порой раскатывался громъ въ поднебесьѣ... Сталъ накрапывать дождикъ, когда пріѣхалъ я на Рѣкшинскую станцію.

Станціонный домъ сгорѣлъ, на постройку новаго третій годъ составляется смѣта: пришлось укрываться отъ грозы въ первой избѣ.

Крестьяне въ полѣ на работѣ. Въ избѣ восьмилѣтняя дѣвчонка качаетъ люльку, да сѣдой старикъ шлею чинитъ.

— Богъ на помочь, дѣдушка!

— Спасибо, кормилецъ!

— Что̀ работаешь?

— Да вотъ шлею чиню. Микешка, мошенникъ, намедни съ исправникомъ ѣздилъ, да песъ его знаетъ, въ кабакъ ли въ Еремннѣ заѣхалъ, въ городу-ль у него на станціи озорникъ какой шлею изрѣзалъ... Что̀ станешь дѣлать!.. На̀-смѣхъ, извѣстно, что на̀-смѣхъ. Видятъ, парень хмельной, ну и потѣшаются, супостаты... Шибко сталъ зашибать Микешка-то, больно шибко. Бѣда съ нимъ да и полно.

— Что̀ онъ тебѣ?.. Сынъ али внукъ?

— Какое сынъ! Въ работникахъ живетъ.

— Зачѣмъ же ты пьяницу въ работникахъ держишь?

— А какъ же его не держать-то?.. Его дѣло сиротское — сгинуть можетъ человѣкъ... А у меня въ дому все-таки подъ грозой. У него же мать старуха, вонъ тамъ на задахъ въ кельёнкѣ живетъ. Ей-то какъ же будетъ, коль его прогоню?.. Она, сердечная, только сыномъ и дышитъ.

Пережидая грозу, долго толковалъ я съ Максимычемъ — такъ звали старика. Зашла рѣчь про исправника. Максимычъ его расхваливалъ.

— Исправникъ у насъ баринъ хорошій, самый подходящій, — говорилъ онъ. — Не то чтобы драться, какъ покойникъ Петръ Алексѣичъ, — царство ему небесное! — словомъ никого не обидитъ. Славный баринъ — дай Богъ ему здоровья, — все творитъ по закону. А покойникъ Петръ Алексѣичъ — лютой былъ, такой лютой, что не приведи Господи. Звѣрь, одно слово, звѣрь. А нынѣшній, Алексѣй-отъ Петровичъ, баринъ тихій, богобоязненный: вотъ третій годъ доходитъ — волосомъ никого не тронулъ. А самъ весь въ кавалеріяхъ, а на правой рученькѣ двухъ перстиковъ нѣтъ: на войнѣ, слышь, отсѣкли.

«Вотъ ужъ третій годъ сидитъ онъ у насъ въ исправникахъ и все по закону поступаетъ. Уложенна книга завсегда при немъ. Чуть какую провинность за мужикомъ примѣтитъ, тотчасъ ему ту провинность въ Уложенной сыщетъ и дастъ вычитать самому, а коли мужикъ неграмотный, пошлетъ за грамотеемъ, не то за дьячкомъ, аль за дьякономъ, аль и за попомъ... Велитъ статью вслухъ прочитать, растолкуетъ ее, да что по статьѣ слѣдуетъ, то и сдѣлаетъ, а каждый разъ маленько помилуетъ. Вѣдь во всякой статьѣ и большой есть взыскъ и маленькій: такъ Алексѣй Петровичъ, дай Богъ ему здоровья, все маленькій кладетъ... И всегда судитъ на людяхъ, сотскіе каждый разъ всю деревню собьютъ, чтобы всѣ видѣли, чтобъ всѣ слышали, какъ онъ судъ и расправу даетъ. «Терпѣть, говоритъ, не могу творить судъ втайнѣ, пущай, говоритъ, весь міръ знаетъ, что я сужу по правдѣ, по закону, по совѣсти...» И точно... Всегда взыскъ дѣлаетъ, какъ въ Уложенной книгѣ батюшка царь написалъ... И завсегда маленько посбавитъ взыску-то... Отецъ родной, не баринъ... Всѣ имъ довольны остаются, Бога благодарятъ за такого исправника.

«Спервоначалу, какъ наѣхалъ, мужички, какъ водится, сложились-было всей вотчиной: хлѣбъ-соль ему поднесли и почесть. Хлѣбъ-соль принялъ: «отъ хлѣба отъ соли, говоритъ, грѣхъ отказываться, и потому я, по Божьему велѣнью, его принимаю, а взятокъ и посуловъ брать не могу, а потому и вашего мнѣ не надо. Не такой, говоритъ, я человѣкъ, служилъ, говоритъ, Богу и великому государю вѣрой и правдой, на войнѣ кровь проливалъ и не одинъ разъ жизнь терялъ. Стало-быть, взятками мнѣ заниматься нельзя, мундира марать я не долженъ. А законъ, говоритъ, буду надъ вами наблюдать строго: у меня, говоритъ, чтобы все какъ по стрункѣ ходило. Напередъ приказываю, чтобы въ каждомъ домѣ весь законъ исполнялся. Не то, говоритъ, держите ухо востро. Напередъ говорю: строго взыщу, какъ по закону слѣдуетъ, взыщу. Мнѣ, говоритъ, что? Притѣснять мужика и отъ Бога грѣхъ, и по

своей душѣ не могу, потому что вѣкъ свой въ военной службѣ служилъ. А что̀ законъ предписываетъ, содержать буду крѣпко и су̀противъ закона ни единому человѣку поноровки не дамъ».

«На такія рѣчи осмѣлились мужички спросить Алексѣя Петровича: про какіе же это законы изволитъ онъ рѣчь вести. «Про всѣ, баетъ, законы говорю, сколько ихъ ни на есть, чтобы всѣ исполнялись до единаго».

«Мужики опять осмѣлились доложить:

«— Мы-де, ваше высокоблагородіе, законовъ не разумѣемъ. Люди мы не мятые, грамотѣ не знаемъ, законовъ не читали, и въ острогѣ мало которые изъ нашей вотчины сидѣли... Тамъ, слышь, законамъ-то старые тюремные сидѣльцы всѣхъ обучаютъ...

«На это слово молвилъ Алексѣй Петровичъ:

«— Милые вы мои мужички! Есть въ нашемъ Россійскомъ государствѣ такой законъ, что невѣдѣніемъ законовъ отрицаться не можно: стало-быть, вы, ничего еще не видя, передо мной супротивность закону сдѣлали, коли говорите, что законъ вамъ неизвѣстенъ... На первый разъ прощаю... Суди меня Богъ да великій государь — беру грѣхъ на душу; а впередъ держите ухо востро̀. Да помните у меня: ежели кто осмѣлится ко мнѣ со взятками подойти аль съ почестью, такъ я распоряжусь по-военному: до полусмерти запорю. Слышите ли?

«Замялись мужички. Обидно, знаешь, стало: перво дѣло — почестью побрезговалъ, а они сто цѣлковенькихъ со всякимъ-было усердіемъ; другое дѣло, больно ужъ темныя рѣчи загибаетъ. Сразу-то разумныхъ его рѣчей и вдомекъ взять не могли.

«Шлетъ онъ по маломъ времени напередъ себя разсыльныхъ... Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ!..» — торопливо крестясь, прервалъ рѣчь свою Максимъ, когда яркая молнія чуть не ослѣпила насъ, и въ ту-жъ минуту съ трескомъ и будто съ пушечными выстрѣлами загрохоталъ громъ надъ нашими головами.

— Ай, Господи, батюшка! Въ полѣ-то кого не зашибло ли, — скорбно проговорилъ Максимычъ, немножко оправившись... И, мало помолчавъ, вполголоса продолжалъ рѣчь свою про исправника.

— Шлетъ Алексѣй Петровичъ по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ вотчинамъ повѣстить, новый, дескать, исправникъ ѣдетъ, въ каждомъ бы дому по закону все было. А что̀ такое по закону — ни бумагой ни рѣчью того не приказываетъ. Пріѣзжаетъ къ намъ въ деревню Рѣшкино... Дѣло-то было зимой,

передъ масленицей; чуть ли въ саму широку субботу *). Во всякомъ дому побывалъ, на что келейны ряды, и тѣ исходилъ, ни единой кельёнки не проминовалъ. А у самого въ рукахъ Уложенная.

«Къ первому зашелъ къ Захару Дмитричу: изба-то у него съ краю. Вошелъ, какъ слѣдуетъ, только въ шапкѣ, и, снявши ее, на столъ положилъ. По-нашему, по-крестьянскому, это бы грѣшно, а по вашему закону, по-господски то-есть, можетъ, такъ и надо. У Захара дѣдушка слѣпенькій есть — лѣтъ девяносто слишкомъ старичку. Сидѣлъ онъ той порой на кутѣ. И съ нимъ поговорилъ Алексѣй Петровичъ, про стары годы разспросилъ и про то, уважаютъ ли его внучата, доволенъ ли ими. Съ хозяйкой поговорилъ, за досужество въ избѣ похвалилъ и все нашелъ по закону, въ порядкѣ. Да, выходя изъ избы, сталъ на голбецъ **) и заглянулъ на печку.

«— Зачѣмъ, говоритъ Захару, рогожа-то на печи?

«— А вотъ, батюшка, ваше высокоблагородіе Алексѣй Петровичъ, слѣпенькій-отъ дѣдушка-то спитъ на эвтомъ самомъ мѣстѣ. Ему рогожка-та и подослана.

«— Ну,—говоритъ Алексѣй Петровичъ:—это дѣло не ладно, этого законъ не позволяетъ.

«— Да вѣдь, батюшка, ваше высокоблагородіе,—проговорилъ Захаръ: — на печи-то горячо живетъ, безъ рогожки-то старецъ спину сожжетъ... Безъ рогожки никакъ невозможно.

«— Пущай, говоритъ, дѣдушка на полатяхъ спитъ, а рогожу на печи держать законъ не дозволяетъ.

«— Да ему, батюшка, ваше высокоблагородіе, на полати-то и не взлѣзть. И на печку-то съ грѣхомъ лазитъ. Намедни упалъ, сердечный, да таково расшибся, что, думали, рѣшится совсѣмъ, за попомъ даже бѣгали. Дѣло-то его вѣдь больно старое.

«— На полати не взлѣзетъ, такъ на лавкѣ вели ему спать, а рогожи на печи не держи: законъ запрещаетъ.

«— Какъ же это возможно, ваше высокоблагородіе, — сказалъ Захаръ. — Гдѣ-жъ это видано? Гдѣ-жъ слѣпому старцу и быть, какъ не на печи? Дѣло его старое: на лавкѣ холодно. Да и нельзя, батюшка Алексѣй Петровичъ. По-нашему, по-крестьянскому — старшему въ семьѣ на печи мѣсто. Какъ же самъ-отъ я съ женой на печи развалюсь, а дѣдушку на лавку положу? Такое дѣло сдѣлать: и въ здѣшнемъ свѣтѣ отъ людей покоръ, и на страшномъ судѣ Христосъ отвѣта потребуетъ.

---

*) Суббота передъ масленицей. Самые большіе базары по селамъ.
**) Деревянный пристѣнокъ у печи.

«— А когда такъ, — говоритъ Алексѣй Петровичъ: — такъ постели дѣдушкѣ на печь тюфякъ, да только чтобъ не сѣномъ былъ набитъ, не соломой, не мочалой, потому что все это запрещено. Набей его конской гривой либо пухомъ.

«— Съ нашими ли достатками, батюшка, ваше высокоблагородіе, такіе тюфяки заводить?.. Чѣмъ пуховый тюфякъ справлять, лучше на тѣ деньги другу лошаденку купить.

«— Какъ знаешь, — говоритъ Алексѣй Петровичъ: — я вѣдь тебя не неволю. Только смотри у меня; впередъ берегись. Теперь я съ тебя по закону невеликое взысканіе возьму, а ежели вдругорядь на печи рогожу найду, взысканіе будетъ большое. Помни это. Было вѣдь, кажется, вамъ всѣмъ приказано, чтобы всѣ готовы были, что законы я буду содержать крѣпко. Разсыльнаго нарочно присылалъ... А вамъ все ни почемъ! Не пеняйте же теперь на меня... Грамотѣ знаешь?

«— Господь умудрилъ, — говоритъ Захаръ.

«Алексѣй Петровичъ ему Уложенную въ руки.

«— Читай вотъ въ этомъ мѣстѣ,—говоритъ.—Читай вслухъ.

«Вычитываетъ Захаръ: «кто порохъ да сѣру, селитру да солому, аль и рогожу на печи держать будетъ, съ того денежное взысканіе отъ одного до ста рублей».

«Взвылъ Захарушка, увидавши такой законъ. Самъ видитъ, что надо будетъ разориться. Все заведеніе продать и съ избой вмѣстѣ, такъ развѣ-развѣ сотню цѣлковыхъ выручишь. Вотъ-тѣ и рогожка!

«Повалился въ ноги Алексѣю Петровичу, хозяйка тоже, ребятишки заголосили, а дѣдушка хотѣлъ-было поклониться, да сослѣпа лбомъ на ведро стукнулся, до крови расшибся. Лежитъ да охаетъ.

«— Помилосердуйте, батюшка, ваше высокоблагородіе, — голоситъ Захаръ: — вѣдь это выходитъ, что мнѣ за рогожку надо всѣмъ домомъ рѣшиться... Будьте милостивы!.. Мы про такой законъ, видитъ Богъ, и не слыхали... Отъ простоты... Ей-Богу, отъ одной простоты, ваше высокоблагородіе.

«Алексѣй Петровичъ на то кротко да таково любовно промолвилъ:

«— Невѣдѣніемъ закона, братецъ ты мой, отрицаться не повелѣно. На это тоже законъ есть.

«— Да гдѣ-жъ я,—вопитъ Захаръ:—сто цѣлковыхъ-то возьму? Люди мы неисправные, всего третій годъ, какъ съ братовьями раздѣлились.

«Такъ вѣдь вотъ какой добрый баринъ-отъ, дай Богъ ему доброе здоровье! Другой бы не помилосердствовалъ, сказалъ бы: «вынь да положь сто цѣлковыхъ», и говорить бы много

не сталъ; а онъ только десятью цѣлковыми удовольствовался... Добрая душа, правду надо говорить!

«Пошелъ Алексѣй Петровичъ отъ Захара къ Игнатію Зиновьеву. Изба-то рядомъ. Ну и тамъ все этакъ же. Обошелся чинно, ласково, безобидно... Святъ, святъ святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля величества славы Твоея!..»

Опять ярко-синяя молонья, опять страшный громовой ударъ. Старикъ со страхомъ крестился, ребенокъ визжалъ, дѣвчонка со страху подъ лавку запряталась.

Оправившись, Максимычъ такъ продолжалъ рѣчь свою:

— А хоша у Игнатья тоже рогожка на печи была, да, услышавши про бѣду у сосѣда, на дворъ ее выкинулъ. Алексѣй Петровичъ противнаго у него не примѣтилъ, да, выйдя изъ избы, полѣзъ на чердакъ.

«— А гдѣ, говоритъ, у тебя кадка съ водой, гдѣ, говоритъ, швабра?

«— Какая кадка, батюшка, ваше высокоблагородіе? — спрашиваетъ Игнатій.

«— А ради пожарнаго случая, говоритъ, которую велѣно ставить. Гдѣ она?

«Игнатій ему:

«— Мнѣ, батюшка, ваше высокоблагородіе, по разводу, на пожаръ съ ухватомъ ходить. И на доскѣ, что̀ у воротъ прибита, ухватъ намалеванъ. Про кадку да про швабру впервой слышу.

«— Какъ впервой? Да вѣдь у тебя должна же быть кадка съ водой на чердакѣ?

«— А на что-жъ она потребуется, осмѣлюсь спросить васъ, батюшка Алексѣй Петровичъ? Дѣло теперь зимнее: вода въ кадкѣ замерзнетъ, какая-жъ отъ нея польза будетъ? А шваброй-то что̀ тутъ дѣлать, когда Божьимъ гнѣвомъ грѣхъ случится? Теперь на крышѣ снѣгу-то на аршинъ. Да и лѣтомъ, коли за грѣхи несчастный случай доведется, не со шваброй мнѣ на крышѣ сидѣть, а скорѣе бѣжать на пожаръ съ ухватомъ. И на доскѣ намалевано, что съ ухватомъ. А ежель по сосѣдству загорится, такъ ужъ тутъ, батюшка, ваше высокоблагородіе, не до швабры, не до ухвата: тутъ скорѣй за свое добришко хватишься, чтобъ на задворицу его для бережья повытаскать.

«— Да ты много-то, милый мой, не раздабаривай, — говоритъ Игнатію Алексѣй Петровичъ. — Не я выдумалъ, чтобъ кадка да швабра у тебя на чердакѣ была. Царское повелѣніе, закономъ предписано. На-ка вотъ, читай.

«— Да я, батюшка, слѣпой человѣкъ: грамотѣ не обученъ.

«Велѣлъ грамотника призвать. Тотъ же сердечный Захаръ пришелъ. Подалъ ему спервоначалу Алексѣй Петровичъ двѣнадцатый томъ... Такъ, кажись, законъ-отъ прозывается.

«— Читай, говоритъ, вслухъ.

«Вычитываетъ Захаръ, что у всякаго крестьянина на чердакѣ надо быть кадкѣ съ водой и швабрѣ.

«— Фу, ты, прорва какая! А мы и не вѣдали.

«Послѣ того Алексѣй Петровичъ Захару Уложенпу въ руки. Показываетъ статью.

«— Читай, говоритъ, да погромче, чтобы всѣ слышали.

«Вычитываетъ Захаръ:

«Коли у хозяевъ домовъ нѣтъ въ готовности на случай пожара сосудовъ съ водой, съ того брать по закону отъ пятидесяти копеекъ до пяти рублей».

«У всѣхъ руки такъ и опустились, для того, что ни у кого на чердакахъ ни кадокъ съ водой, ни швабры и даже никакой посуды, про какую Захаръ вычиталъ, съ роду не бывало... Ко всякому мужику Алексѣй Петровичъ потрудился на чердакъ слазить. Всѣ передъ закономъ остались виноваты.

«Что-жъ ты думаешь, кормилецъ? Вѣдь добрый-отъ какой! Законъ ужъ велитъ пять цѣлковыхъ за ту провинность взять, а онъ, дай Богъ ему добраго здоровья, только по зелененькой со двора справилъ... Такой баринъ, такой добрый, что весь свѣтъ выходи — другого не найдешь. Дай Господи ему многолѣтняго здравія и души спасенія!.. Хорошій, хорошій человѣкъ...»

— Лошади готовы, — сказалъ вошедшій мужикъ. — За смазочку бы старостѣ надо...

— Прощай, дѣдушка!..

— Прости, родной, прости!.. Дай Богъ тебѣ благополучно!

— Такъ хорошъ у васъ Алексѣй Петровичъ? — спросилъ я его еще разъ по выходѣ.

— Расхорошій-хорошій, — отвѣчалъ Максимычъ: — такой хорошій, что не надо лучше.

Гроза промчалась... Свѣжо, благовонно... Стрѣлой летѣли добрые кони вдоль по уѣзду, что̀ такъ благоденствовалъ подъ отеческимъ управленьемъ добраго Алексѣя Петровича.

ГРИША.

Изъ раскольничьяго быта.

Давно то было... Лѣтъ пятьдесятъ и побольше того въ уѣздномъ городѣ Колгуевѣ жило богатое семейство Гусятниковыхъ.

Въ дальнемъ углу городка, на самомъ на вспольѣ, строенья Гусятниковыхъ цѣлый кварталъ занимали: тутъ были и кожевня, и салотопня, и свѣчной заводъ, и клееварня. До сихъ поръ стоятъ развалины большого каменнаго ихъ дома; отъ другихъ строеній слѣда не осталось — все вычистило въ большой пожаръ, когда въ два часа погорѣло полгорода.

И теперь есть въ Колгуевѣ Гусятниковы, но люди захудалые, обнищалые! Изъ купцовъ давно въ мѣщане переписались: старики только-что не съ сумой ходятъ, молодые — въ солдатство по найму ушли. Сгибъ, пропалъ богатый домъ, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ былъ онъ славенъ въ Казани и въ Астрахани, въ Москвѣ и въ Сибири... Какіе были богачи!.. Сколько добра было въ домѣ, какую торговлю вели!.. Все прахомъ да тлѣномъ пошло!

Держался домъ Гусятниковыхъ матерью теперешнихъ обнищалыхъ стариковъ. Покамѣстъ жива была Евпраксія Михайловна, жили въ богатствѣ и почетѣ; не стало ея — все на иную стать пошло, — унесла она съ собой и прежнюю честь, и прежнее довольство, и прежнее житье-бытье Гусятниковыхъ. Какъ схоронили ее, такъ и зачали сыновья путаться; путались они, путались, да лѣтъ черезъ десятокъ и спать не ужинавши стали ложиться. А не были ни воры ни бражники: люди тихіе, обходительные, и не дураки... И никакого послѣ материной смерти Божьяго насланія не было — ни пожара, ни потопа, ни суда, ни иного какого разоренія. И въ казен-

ные подряды не вступали и откуповъ не держали... Такова ужъ судьба.

Правда, передъ смертью Евраксіи Михайловны было горе у нихъ. Но, кажись бы, отъ того горя нельзя было въ конъ разориться. Судьба, одно слово — судьба!..

Отецъ Гусятниковыхъ, мужъ Евпраксіи Михайловны, торговалъ бойко, но дѣла не совсѣмъ въ порядкѣ держалъ. Когда померъ, а померъ-то онъ въ одночасье, на чужой сторонѣ, — въ Саратовѣ никакъ, — чуть-было не пришлось дѣла закрывать. Евпраксія Михайловна молодой вдовой осталась, на рукахъ семья: пять сыновей, двѣ дочери — малъ-мала меньше. Седьмымъ ребенкомъ на сносяхъ ходила, какъ пали къ ней вѣсти, что сожитель побывшился. — «Порѣшились Гусятниковы», — заговорили по купечеству... Родила Евпраксія Михайловна, справилась, сорочины по мужѣ справила и сама за дѣло взялась. — «Куда молодой бабенкѣ съ такими дѣлами возиться, — заговорили купцы: — отъ такихъ дѣлъ и у стараго купца затрещитъ голова! Куда ей?»

Въ немощахъ человѣческихъ Господь силу являетъ: молодая вдова въ три-четыре года дѣла на лучшую ногу поставила, кожевенный заводъ, при мужѣ чуть не заброшенный, такъ подняла, что сдѣлался онъ первымъ по губерніи, и на Макарьевской ярмаркѣ гусятниковская юфть стала всѣмъ знаема. Сыновей Евпраксія Михайловна вырастила, выучила, переженила, дочерей за хорошихъ людей замужъ повыдала: одну въ Казань, другую въ Муромъ, третью чуть ли не въ Арзамасъ. Сыновья не дѣлились, всѣ при матери жили даже и тогда, какъ своихъ дѣтей переженили. Одно слово — такъ хорошо да ладно устроила все Евпраксія Михайловна, что и мужчинѣ не всякому такъ удастся. И наградилъ ее Господь многолѣтіемъ: видѣла Евпраксія Михайловна внуковъ женатыхъ, пяньчила, холила правнуковъ, ото всѣхъ людей почтена была за жизнь строгую, подвижную. Правдой жила: много потаеннаго добра творила она, много раздала тайной милостыни, и на смертномъ одрѣ поднесла Господу три дара: первый даръ — ночное моленье, другой даръ — постъ-воздержанье, третій даръ — любовь-добродѣтель.

Страннолюбіе поревновала Евпраксія Михайловна. Кто ни приди къ ея дому, кто ни помяни у воротъ имя Христово — всякому хлѣбъ-соль и теплый уголъ. Съ краю обширной усадьбы, недалеко отъ маленькой рѣчки, на самомъ на вспольѣ, сердобольная вдовица ставила особую келью ради пристанища людей странныхъ, ради трудниковъ Христовыхъ, ради переходящихъ богомольцевъ. Много тутъ странниковъ привитало, много

бѣднаго народа упокоено было, много къ Господу теплыхъ молитвъ пролито было за честную вдовицу Евпраксію.

Женскаго пола странніе люди у Евпраксіи Михайловны въ самомъ дому привитали; сама она съ дочками, покамѣстъ замужъ ихъ не повыдала, да со снохами за странницами, ради Бога, ходила... Мужской полъ по старому уставу долженъ жить особо, послужить старцу долженъ мужчина, — того ради ставила Евпраксія Михайловна на усадьбѣ особую келью, а потомъ искала человѣка, смотрѣлъ бы онъ за келейкой денно-нощно, былъ бы при ней неотходно, приносилъ бы старцамъ и перехожимъ богомольцамъ горячую пищу; служилъ бы не изъ платы, а по доброму хотѣнью, плоть да волю свою умерщвлялъ бы, творилъ бы дѣло свое ради Бога. Въ страхѣ Господнемъ вспоенные, вскормленные сыновья сами на то дѣло позывались, но Евпраксія Михайловна имъ на то говорила:

— Полноте-ка вамъ, дѣтки! Развѣ вамъ того неизвѣстно, что каждому человѣку отъ Бога своя дорога, каждому человѣку отъ Господа забота? Вамъ дана забота — вести торгъ честный, на келейное дѣло вы, мои ребятки, не сгодились. Семъ-ка присмотримъ сироту такого, былъ бы смирный да богобоязный, Бога ради работящій, Бога ради терпѣливый. По силѣ помощь ему подадимъ: барскій, такъ выкупимъ; вольный, рекрутску квитанцію выправимъ — станетъ онъ у насъ старцевъ покоить да Бога молить объ отпущеньи нашихъ согрѣшеній... Ладно, что ли, ребятки?

Сыновья матери ни въ чемъ не перечили, а по такому дѣлу и подавно. Рѣшили искать сироту. По скорости отыскали такого.

Послѣ колгуевскаго мѣщанина Аверьяна Самохинскаго, горькаго пропойцы, что̀ возлѣ кабака и жизнь скончалъ, оставался сынъ Григорій. Не было у него ни роду ни племени; какъ есть — круглый сирота. Было ужъ ему лѣтъ тринадцать, а мальчишка все межъ дворовъ мотался: гдѣ съѣстъ, гдѣ изопьетъ, гдѣ въ банькѣ попарится, а все именемъ Христовымъ. Только и праздникъ, бывало, Гришуткѣ, какъ иная бабенка, сжалившись надъ нимъ горемычнымъ, обносокъ подастъ ему. И пойдетъ сиротѣ тотъ обносокъ за нову рубаху. Паренекъ былъ смирный, тихій, послушный: — нужда да сиротство чему не научатъ? И открылъ ему Господь разумъ: выучился Гришутка грамотѣ самоучкой, ходя по домамъ безграмотныхъ мѣщанъ, читалъ имъ псалтирь да чети-минею. И возлюбилъ Гриша божественныя книги, и ужъ такъ хорошо пѣлъ онъ духовныя пѣсни, что всякій человѣкъ, что̀ въ суетѣ вѣкъ свой проводитъ, заслушается, бывало, его поневолѣ. А былъ онъ

изъ раскольниковъ, изъ «записныхъ» — изъ самыхъ, значитъ, коренныхъ — дѣды, прадѣды его двойной окладъ платили, указанное платье съ желтымъ козыремъ носили, браду свою пошлиной откупали. Это было съ руки Евпраксіи Михайловнѣ: и сама она съ дѣтками «по древлему благочестію» пребывала. Только были они не злой какой секты, а по бѣглому священству — по Рогожскому, значитъ, кладбищу.

И взяла къ себѣ въ домъ Евпраксія Михайловна бездомнаго сироту Гришу. Обмыли его, одѣли, рекрутскую квитанцію купили и, по доброй его волѣ, по его благому хотѣнью, приставили къ богадѣльной кельѣ. Тамъ, за кафельной печкой-голанкой, устроили ему особую каморку. Въ той каморкѣ, объ одномъ маломъ оконцѣ, сталъ жить и подвизаться молодой келейникъ, а въ свободное время, когда въ келейкѣ ни скитскихъ старцевъ ни перехожихъ богомольцевъ не бывало, читалъ книги о житіи пустынномъ, о подвижникахъ Христовыхъ, что̀ въ Палестинѣ, и во Египтѣ, и въ Ѳиваидскихъ пустыняхъ труднымъ подвигомъ, ради Господа, подвизались.

Живетъ Гриша у Евпраксіи Михайловны годъ, живетъ другой, живетъ третій, старцамъ и страннимъ людямъ служитъ, божественныя книги читаетъ.

Отверстою душою, умомъ нераздвоеннымъ внимаетъ онъ древнимъ сказаньямъ о подвигахъ отцовъ преподобныхъ. Съ жаромъ, съ любовью читаетъ «Повѣсть объ индѣйскомъ царевичѣ Асафѣ». Вотъ думаетъ, бывало, Гришутка: «Вотъ — и царевичъ былъ, и царствомъ владалъ, жилъ въ бѣлокаменныхъ палатахъ, было у него золотой казны несмѣтно, всякихъ сокровищъ земныхъ неисчетно... Промѣнялъ же царскія брашна на гнилую колоду, сладкіе меда на болотну водицу...» И западала въ юную голову Гриши крѣпкая дума — какъ бы ему въ дебряхъ пустынныхъ постомъ и молитвой спасать свою душу... Разрасталась, расширялась у него та дума, и, глядя на синеву дремучаго лѣса, что̀ за рѣчкой виднѣлся на краю небосклона, только о томъ и мыслилъ Гриша, какъ бы въ томъ лѣсу келейку поставить, какъ бы тамъ въ безмятежной пустынѣ молиться, какъ бы дикіимъ овощемъ питаться, честнымъ житіемъ вѣкъ свой подвизаться, столпъ ради подвига себѣ поставить и стоять на томъ столпѣ тридесять лѣтъ несходно, не ложась и колѣнъ не преклоняя, отъ персей рукъ не откладая, очей съ неба не спуская...

Стоитъ, бывало, стоитъ юный келейникъ, вперя вдаль свои очи, стоитъ, ничего не слышитъ, по душѣ у него сладость разольется, и, самъ не знаетъ отчего, онъ заплачетъ;

заструятся по впалымъ, блѣднымъ ланитамъ горючія слезы, и запоетъ онъ тихонько стихъ въ похвалу пустынѣ:

О, прекрасная мати-пустыня!
Самъ Господь тебя, пустыню, похваляетъ:
Отцы во пустынѣ скитались,
И ангелы имъ помогали...
Прекрасная ты пустыня,
Прекрасная ты раиня,
Любимая моя мати!
Прими ты меня, мать-пустыня,
Отъ юности моей прелестной!
Научи меня, мати-пустыня,
Жить и творить Божье дѣло!

И долго - долго, бывало, тихимъ, тоскливымъ напѣвомъ поетъ Гриша свою пѣсню, глядя на синеву лѣсную. Спустится на землю вечерняя тѣнь, черной полосой вытянется лѣсъ по закраю неба, а онъ все поетъ да поетъ любимую пѣсню... Яркія звѣзды одна за другой загораются въ небѣ, полный мѣсяцъ выкатится изъ-за лѣса, серебристымъ лучомъ обольетъ онъ широкіе луга и сонную рѣчку, бѣлоснѣжные песчаные берега и темныя, нависшія въ воду ракиты, а Гриша, ни голода ни ночного холода не чуя, стоитъ босой на покрытой росой луговинѣ и поетъ-распѣваетъ про прекрасную мать-пустыню...

Подвизался Гриша житіемъ строгимъ; въ великіе только праздники вкушалъ горячую пищу, опричь хлѣба да воды ничего въ ротъ онъ не бралъ. Строгій былъ молчальникъ, празднаго слова не молвилъ, только, бывало, его и слышно, когда распѣваетъ свои духовные псалмы... И что ни дѣлаетъ, гдѣ ни ходитъ, все молитву Господню онъ шепчетъ.

На усадьбѣ Евпраксіи Михайловны много жило народу: тутъ стояли заводы кожевенный, салотопный, свѣчной, клееварный, тутъ же кошму изъ шерсти валяли, овчины выдѣлывали, — однихъ работниковъ что тутъ жило! А кромѣ того по торговой части приказчики да артельщики и другіе наемные люди — и всѣ-то жили въ особыхъ избахъ, каждый со своимъ семействомъ. Такъ устроила своихъ домочадцевъ добрая, заботливая обо всемъ Евпраксія Михайловна. По задворью, по огороду, по всему широкому усаду день-денской народъ такъ и снуетъ, такъ и кишитъ, такъ и носится роемъ. Съ ранняго утра до поздней ночи стономъ стоятъ голоса... На такомъ-то великомъ многолюдствѣ, на такой-то суетѣ шумной слова ни съ кѣмъ не молвилъ Гриша-келейникъ... Ходитъ, опустя очи долу, ничего не видя, ничего не слыша, и беззлобно, безотвѣтно переноситъ злыя насмѣшки рабочихъ, щипки да рывки маль-

чишекъ. Но глумленья, укоризнъ и всякой досады отъ нихъ Гриша-келейникъ не боялся, всѣ озлобленья суетныхъ людей принималъ съ весельемъ, почитая ихъ за благодѣянья... Зато пуще огня, пуще полымя боялся онъ женскаго пола. Наслушался отъ перехожихъ старцевъ и самъ въ книгахъ начитался, что женская лѣпота горше всякаго другого соблазна, что самыхъ строгихъ подвижниковъ врагъ человѣческаго рода, дьяволъ, всегда искій кого поглотити, уловляетъ въ геенскія сѣти женской грѣховной красотою...

А молодыя дѣвчата — десятковъ до трехъ ихъ жило на усадѣ — изловятъ, бывало, Гришу на огородѣ либо на вспольѣ, хвать его за руки, да и ну — вкругъ себя вертѣть, тормошить, обнимать бѣлыми, какъ молоко, полными, упругими руками... А сами звонкими, смѣющимися голосами страстно, любовно ему напѣваютъ:

Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ,
Мы тебя, монашекъ, поцѣлуемъ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ...
Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ.

Молитву за молитвой творитъ бѣдный Гришутка, крѣпко защуривъ глаза, чтобъ не встрѣтиться взоромъ съ свѣтлыми, пуще огня палящими дѣвичьими очами... Дня по̀ два, по̀ три послѣ того искушенья бывалъ онъ самъ не въ себѣ... И накладывалъ онъ постъ втрое строже, насыпалъ въ каморкѣ кремней и битыхъ стеколъ, ходилъ по нимъ босыми ногами, клалъ тысячи по три поклоновъ, налагалъ на плечи желѣзны вериги и прилежно читалъ книгу Аввы Дороѳея. Хочется заглушить въ душевномъ тайникѣ память о жгучемъ, томительномъ, захватывающемъ дыханье чувствѣ, что̀ сладко-огненной струей пробѣгало по всѣмъ его суставамъ и, ровно пламенной иглой, насквозь кололо его бѣдное сердце, когда бѣлолицыя, полногрудыя озорницы, изловивъ его, сжимали въ своихъ жаркихъ объятьяхъ, обдавали постное лицо горячимъ, сладострастнымъ дыханьемъ... Стоитъ Гриша на кремняхъ, на битыхъ стеклахъ, передъ книгой Аввы Дороѳея, громкимъ голосомъ истово и мѣрно ее читаетъ, а все слышится ему звонкій хохотъ Дуняши, самой озорной изо всѣхъ усадскихъ дѣвокъ... Завсегда, бывало, эта Дуняша первая подуститъ на келейника дѣвокъ, первая подманитъ подругъ на вспольѣ, первая затащитъ Гришу въ кругъ дѣвичій, первая заведетъ игры, первая успѣетъ обвить шею постника жаркими руками и съ громкимъ, далеко разносящимся въ вечерней тиши смѣ-

хомъ успѣетъ прижать отуманенную голову его ко груди своей лебединой...

Стоитъ Гриша, борзо, истово лѣстовку перебирая, безсчетно кладетъ земные поклоны, а потомъ читаетъ «Скитское покаянье»: «Согрѣшилъ есмь душею, и умомъ, и тѣломъ, сномъ и лѣностью, во омраченіяхъ бѣсовскихъ, въ мыслѣхъ нечистыхъ». Такъ шепчетъ Гриша, глядя въ «Скитское покаянье», но слова звучатъ безъ участья ума — помыслы мятежнаго, полнаго прелестей міра возстаютъ передъ нимъ въ обольстительныхъ образахъ, и таинственный голосъ несется изъ глубины замирающаго сердца... Сладко, соблазнительно онъ говоритъ ему: «Помнишь Дуню молодую?.. Помнишь, какъ глаза у ней горѣли?.. Помнишь, какъ грудь колыхалась?..»

Вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ Гришутка, вырвется отчаянный вопль изъ души его. Самъ себя пугается, торопливо ограждаетъ себя крестнымъ знаменьемъ и, судорожно схвативъ съ налоя «Скитское покаяніе», громко барабанитъ, не спуская глазъ съ книги:

«Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борютъ мя страсти и помыслы мятежны. Помилуй, Господи, раба окаяннаго, сквернаго, безумнаго, неистоваго, злопытливаго, неключимаго, унылаго, вредоумнаго, развращеннаго...»

А голосъ свое:

«Вспомни, какъ горѣли очи ясныя, какъ рдѣлись багрецомъ щеки маковъ цвѣтъ... Вспомни, какъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, изнывая въ сердечной истомѣ, она обняла тебя... какъ прильнула къ тебѣ алыми устами, какъ прижала тебя къ бѣлоснѣжной груди...»

«Изми мя отъ врагъ моихъ, — громко читаетъ по книгѣ келейникъ: — и отъ востающихъ на мя; изми мя отъ руку діаволю; отжени отъ мене омраченіе помысловъ, духъ нечистъ и лукавнующій; избави мя отъ сѣти ловчи, не вниди въ судъ съ рабомъ Своимъ...»

А голосъ сердечный:

«Брось молитву!.. Вонъ изъ кельи!.. Къ ней поди!.. Посмотри, какъ въ свѣтелкѣ она спитъ одна у окна... Высоко поднимается грудь, и раскрыты уста, и дыханье ея горячо...»

— О, Господи!.. падаю... — шепчетъ келейникъ: — спаси...

А голосъ:

«Какъ бы сладко прильнуть къ красотѣ молодой!»

Послѣднія силы собралъ Гришутка, прогнать бы только лукаваго бѣса... И крѣпко ухватилъ онъ лѣстовку, хочетъ молитву читать на прогнанье бѣсовскихъ мечтаній... Но сухія, дрожащія уста нехотя вторятъ тайному, сердечному голосу:

«Какъ бы сладко припасть къ ея персямъ щекой огневой...»

А гдѣ она огневая?.. Всю въ постѣ изсушилъ...

Вдругъ стукнуло оконце... растворилось. Въ бѣлыхъ рукавахъ, въ бѣломъ передникѣ, въ блѣдно-розовомъ сарафанѣ, съ распущенными длинными темно-русыми волосами, въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ васильковъ, вся облитая сіяньемъ мѣсяца, лукаво улыбаясь и прищуря искрометные глазки, глядитъ на постника бѣлотѣлая, полногрудая красавица Дуня. Страстью горячей, ничѣмъ несдержимой, страстью любви пышетъ она...

— Здравствуй, Гриша, голубчикъ!.. Здравствуй, дорогой мой, желанный!..— яснымъ голоскомъ крикнула и, заливаясь рѣзвымъ хохотомъ, кошечкой прыснула къ подругамъ на всполье. И въ тиши ночной раздается надъ рѣчкой дѣвичья пѣсня:

Мы посѣемъ, дѣвки, ленъ, ленъ, ленъ,
Мы посѣемъ молодой, молодой...

Стоитъ Гриша босой на кремняхъ, на стеклахъ, какъ вкопанный,— лѣстовка изъ рукъ выпала, «Скитское покаянье» на полу валяется, давятъ плечи тяжелыя вериги. Тихо шепчетъ келейникъ:

— Ахъ, ты, Дуня, моя Дуня!..

А съ поля несутся веселые звуки ночного хоровода:

Какъ во городѣ было во Казани,
Сдуннай-най-най — во Казани.
Молодой чернецъ постригался,
Сдуннай-най-най — постригался.

А свѣжій воздухъ майской ночи теплымъ, душистымъ потокомъ такъ и льется черезъ отворенное Дуней оконце въ душную келью стоящаго на кремняхъ и стеклахъ постника. Тихо рыдаетъ отшельникъ, по распаленному лицу его обильно струятся слезы, но онѣ не такъ ему сладки, какъ тѣ, что̀ лились прежде, когда, глядя на зеленый лѣсъ, въ самозабвеніи, пѣвалъ онъ пѣсню въ похвалу пустыни.

Идутъ день за день, годъ за годомъ — Гриша все живетъ у Евпраксіи Михайловны. Темнѣютъ бревенчатыя стѣны и тесовая крыша богадѣльной кельи, — поднимаются, разрастаются вкругъ нея кудрявыя липки, рукой отрока-келейника посаженныя, а онъ все живетъ у Евпраксіи Михайловны. И самъ сталъ не таковъ, какимъ пришелъ — и ростомъ выше, и на видъ возмужалъ, и русая бородка обросла блѣдное, исхудалое лицо его.

Много всякаго народу перебывало на глазахъ Гриши: раскольники ближніе и дальніе, каждый трудникъ, каждый пе-

рехожій богомолецъ, идутъ, бывало, къ Евпраксіи Михайловнѣ о всяку пору, ровно подъ родную кровлю. Кто ни брякнетъ желѣзнымъ кольцомъ о дубовую калитку страннолюбивой вдовицы, кто ни возвѣститъ о себѣ именемъ Христовымъ, всякому готовъ теплый уголъ, будь раскольникъ, будь единовѣрецъ, будь церковникъ — все равно, отказу никому не бывало. «Всѣ люди — Христовы человѣки», — говорила Евпраксія Михайловна, когда скитскія матушки иль читавшія негасимую «канонницы» зачнутъ, бывало, началить ее: сообщаешься-де со еретики, даешь всякому пристанище — и покрещеванцу, и никоніанину, и Богъ вѣсть какимъ инымъ сектамъ.

Много разнаго народа видалъ Гриша; но еще не случилось видать такихъ подвижниковъ, про какихъ писано въ Патерикахъ и Прологахъ. «Неужли,— думаетъ онъ, бывало:— неужли всѣхъ человѣковъ грѣховная. мірская суета обуяла?.. Неужели всѣ люди работаютъ плоти? Чтò за трудники, чтò за подвижники?.. Я и младъ человѣкъ и страстями боримъ, а правила постничества и молитвы тверже ихъ сохраняю».

Поднимала въ тайникѣ его души змѣиную свою голову гордость треклятая. И немало старался онъ разогнать лукавыя мысли, яко врагомъ внушенныя, яко помыслъ гордыни, отъ нея же — читывалъ онъ — и великіе подвижники съ высоты ангелоподобнаго житія падали... Тщетны труды, напрасны усилія — самообольщеніе и гордость смиреніемъ, гордость многотруднымъ своимъ подвигомъ, неслышно и незримо подтачивали душу его... «И въ самомъ дѣлѣ,—думывалъ онъ:—чтò за постники, чтò въ богоданной моей келейкѣ привитаютъ? Днемъ нà людяхъ, только у нихъ и слòва, какъ Христову рабу довлѣетъ жить на вольномъ свѣтỳ: сладко не ѣсть, пьяно не пить, тѣлеса свои грѣшныя не вынѣживать, не спѣсивому быть, не горделивому, не копить сокровищъ и тлѣнныхъ богатствъ земныхъ, до сирыхъ, убогихъ быть податливу, — а ночью, какъ люди поулягутся и уйду я въ каморку — честные старцы по вечерней трапезѣ не на прàвило ночное становятся, а, дѣломъ не волоча, къ пуховику на боковую. Иной, бывало, всю ноченьку насквозь деньги просчитаетъ, чтò собралъ у христолюбцевъ и дателей доброхотныхъ: другой съ полштофчикомъ дò свѣту пробесѣдуетъ; а двое сойдутся — того и жди, что вмѣсто душеспасительныхъ словесъ про бабъ да про дѣвокъ рѣчь поведутъ... Что-жъ это за трудники, чтò за подвижники?..»

Сидитъ, бывало, Гриша притаившись въ каморкѣ, сидитъ, а самъ въ щелочку смотритъ, съ трудниковъ глазъ не спускаетъ, глядитъ, сколь добрымъ подвигомъ иной старецъ въ

тиши ночной подвизается. Но, глубоко проникнутый духомъ суевѣрія, не вѣритъ Гриша тѣлеснымъ очамъ, силится прозрѣть очами духовными, гонитъ отъ мятущагося ума мысль о непотребствѣ старца и на то свой помыслъ простираетъ: «врагъ-де это, лукавый духъ, бѣсовское мечтаніе грѣшнымъ очамъ моимъ представляетъ»... И зачнетъ творить молитву отъ дьявольскаго навожденія, а самъ все смотритъ, какъ старецъ съ водочкой бесѣду ведетъ либо деньги считаетъ.

Насилуя себя, держа умъ въ такомъ напряженьи, и день и ночь воображаетъ себя окруженнымъ темною силой демоновъ, что̀, являясь въ соблазнительныхъ о̀бразахъ, силятся уловить его въ сѣти, совратить съ тѣснаго пути, увлечь въ шумный, полный суеты, многопрелестный міръ... Увѣрился Гриша и въ томъ, что по ночамъ не Дуняша въ оконце постукиваетъ, не она съ нимъ на рѣчкѣ заигрываетъ, но нѣкій отъ эѳіопъ, сирѣчь бѣсъ преисподній, въ дѣвичьемъ образѣ выходитъ изъ геенны смущати его... «Окаянный-отъ, думаетъ, все больше во образѣ жены съ трудниками борется; и въ книгахъ писано, что въ древнія времена въ киновіяхъ и великихъ лаврахъ синайскихъ, въ пустыняхъ египетскихъ и онвандскихъ преподобнымъ отцамъ бѣси въ женскомъ образѣ все больше являлись... Такой ужъ у нихъ, у проклятыхъ, обычай! А все на пакость человѣку».

Приходили разъ къ Евпраксіи Михайловнѣ двое старцевъ, оба раскольничьи мнихи. Одинъ сказался изъ Чернолѣсскаго скита, другой — бродячимъ инокомъ... Такихъ немало по захолустьямъ. Наскучитъ жить въ скитѣ, гдѣ надо правиламъ подчиняться, настоятелю повиноваться, иль будучи изгнаны изъ обители за безчинство, непутные старцы пускаются бродить по бѣлу свѣту. У одного добраго человѣка поживутъ, у другого, да этакъ бродя изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, вѣкъ свой межъ людей и проколотятся. И такіе есть, что не только въ скитахъ не живали, не видывали ихъ. Надѣлъ изволомъ манатейку съ кафтыремъ и пошелъ странствовать да слыть за инока честна̀го.

Скитскій старецъ — звали Мардаріемъ — пріѣхалъ въ Колгуевъ на монастырской подводѣ съ просительнымъ письмомъ къ «благодѣтельницѣ» Евпраксіи Михайловнѣ отъ чернолѣсскаго игумена Пафнутія: прислать на монастырскую потребу ржицы да пшенички, маслица да рыбки, а будетъ милость — и деньжонками не оставить. Былъ тотъ Мардарій старецъ тучный, красная рожа, плѣшь во весь лобъ, рыжая борода, широкая, круглая, чуть не по̀ поясъ. Отдавъ жирную скитскую лошадь на попеченье работникамъ Евпраксіи Михайловны,

онъ зашелъ сначала въ батрацкую избу, снялъ мѣховой треухъ съ головы, распоясалъ красный гарусный кушакъ, нагольный тулупъ, и обрядился во весь иноческій чинъ: свиту надѣлъ, камилавку съ кафтыремъ, въ лѣвую руку лѣстовку взялъ и сталъ какъ надо быть иноку. Въ пути такой одежды носить не дерзалъ: въ уѣздѣ — исправникъ да становой, въ городѣ — городничій. Какъ разъ за такую одежду, какъ за внѣшнее оказательство ереси, угодишь за рѣшетку. Войдя къ Евпраксіи Михайловнѣ, Мардарій положилъ уставной, семипоклонный началъ и, поклонясь въ поясъ во всѣ стороны, подошелъ къ хозяйкѣ. Евпраксія Михайловна, какъ ни богата, въ какомъ почетѣ ни жила, творитъ по уставу метанія, къ стопамъ Мардарія припадая, говоритъ ему:

— Прости, честный отче! благослови, честный отче!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — отвѣчаетъ Мардарій и, вручая вдовицѣ просительное письмо игумена, заводитъ рѣчь уставную.

— Христіанскія жизни доброжелательнице, ко смиренымъ, бѣднымъ, убогимъ скорая помощнице, крѣпкая хранительнице святоотеческаго преданія, добродѣтелями, яко солнце, сіяющая, смиреніемъ, яко бисеромъ многоцѣннымъ, украшенная, честная вдовице, Божія раба Евпраксія! Ко твоей любви, убогіе, притекаемъ, отъ твоихъ великихъ щедротъ обильныя милости чаемъ. Се же и письмо просительное отца нашего игумена Пафнутія и всей о Христѣ честнои братіи. Обнищахомъ, госпоже, оскудѣхомъ: озлоблени суще въ обители нашей, гладу и хладу и всякой тѣснотѣ и угнетенію, нищетѣ и нагохожденію предани бяша къ тебѣ вопіемъ, многомилостивая вдовице Евпраксія! Отверзи щедрую руку твою, благоволи отъ праведныхъ трудовъ своихъ нѣкое подаяніе нищенствующей братіи учинити, да узриши сыны сыновъ своихъ и да сподобишися велія и богатыя милости отъ самого Царя Небеснаго въ сей вѣкъ и въ будущій.

— Садиться милости просимъ, честный отче, — отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна: — рада по силѣ по мощи. Чѣмъ васъ потчевать, батюшка? Дѣвицы. кликните Гришу! Здоровъ ли, батюшка, отецъ Пафнутій?

— Здравъ тѣлесне, въ душеспасительныхъ подвигахъ обрѣтается, — отвѣчалъ Мардарій, садясь.

Это было въ моленной горницѣ. Вся передняя стѣна уставлена древними, богато украшенными иконами; подъ ними висятъ дорогія пелены: парчевыя, бархатныя, золотомъ шитыя, жемчугомъ низанныя. Передъ иконами ослопныя свѣчи, негасимыя лампады... На скамьяхъ три невѣстки Евпраксіи Ми-

хайловны да съ полдюжины скитскихъ матерей и канонницъ, а у притолоки бродячій старецъ отецъ Варлаамъ — здоровенный, долговязый парень лѣтъ тридцати пяти, искрасна-рыжій, съ прыгающими глазками и рѣдкой бородкой длиннымъ клинышкомъ. Поклонился Мардарій Варлааму, тотъ ему «метанія» сотворилъ и сѣлъ на свое мѣсто... Оба ни гугу; сами другъ на дружку поглядываютъ.

Закусочку подали. Изобильна была предложенная трапеза на утѣшеніе иноковъ: икра паюсная, стерлядь вислая, вязига въ уксусѣ да тавранчукъ осетрій, грузди да рыжики, пироги да левашники, ерофеичу графинчикъ, виноградненькаго невеликая бутылочка.

— Благословите, отцы честные, откушайте, — потчуетъ иноковъ гостепріимная вдовица.

— Можно, — порывисто молвилъ Мардарій и чинно, положивъ три поклона, принялся за вязигу, Варлаамъ рыбнаго употреблять не дерзаетъ. «По обѣту пятый годъ на сухоядѣніи обрѣтаюсь», — говоритъ. Опричь хлѣба да груздочковъ ни къ чему не приступилъ.

— Водочки-то, отцы честные, водочки-то откушать?

— Не подобаетъ, — такъ же порывисто отвѣтилъ Мардарій. А Варлаамъ даже повѣсть отъ Пандока *) разсказалъ, откуда взялось хмельное питіе и какъ оно человѣка отъ Бога отводитъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводитъ.

Не нарадуется, глядя на воздержныхъ и подвижныхъ гостей, Евпраксія Михайловна. И она, и келейницы, и канонницы проникись чувствомъ высокаго къ нимъ уваженья, а у Гриши, что, войдя по призыву хозяйки въ горницу, сталъ смиренно у притолки, сердце такъ и распаляется: привелъ-де наконецъ Господь увидѣть старцевъ благочестивыхъ, строгихъ, столь высокихъ подвижниковъ. Духъ у Гриши занимается, творитъ онъ мысленную молитву, благодаря Бога, что приводится ему послужить столь преподобнымъ старцамъ.

— Побесѣдуйте межъ себя, честные отцы, — низко кланяясь Мардарію и Варлааму, говоритъ Евпраксія Михайловна, когда кончили они трапезу: — просвѣтите насъ, скудоумныхъ, разумной бесѣдой своей.

И велѣла канонницѣ сыновей кликнуть, и они бы насладились отъ духовныя трапезы, отъ премудрой бесѣды святоподвижныхъ отцовъ.

Пришли. Усѣлись. Глянули старцы другъ другу въ очи и,

---

*) Раскольничье новосоставленное (въ XVIII вѣкѣ) сочиненіе, наполненное вздорами о картофелѣ, табакѣ, чаѣ и пр.

нахлобучивъ камилавки, опустивъ главы долу, повели благочестную бесѣду.

— Рцы ми, брате,—началъ Мардарій:—кто умре, а не истлѣ?

— Лотова жена — та умре, но не истлѣ, понеже въ столпъ сланъ претворися — соль же не истлѣваетъ. И доднесь тотъ сланый столпъ стоитъ во странѣ Палестинской, на святой на рѣцѣ Іорданѣ.

Вздыхаетъ Евпраксія Михайловна, охаютъ и отираютъ слезы келейницы, а Гриша дивится скорому и столь мудрому отвѣту честнаго отца Варлаама.

— Что есть, брате, — продолжаетъ Мардарій: — ключъ древянъ, замокъ воденъ, заяцъ убѣже, ловецъ утопе?

— Ключъ древянъ — жезлъ Моисеевъ, замокъ воденъ — Чермное море, заяцъ убѣже — Моисей со израильтяны, ловецъ потопе — Фараонъ зломудрый, царь египетскій.

Подумалъ малое время Мардарій, еще вопросъ предложилъ:

— Что есть, брате, стоитъ градъ на пути, а пути къ нему нѣту; идетъ посолъ нѣмъ, несетъ грамоту неписанную?

— Градъ на пути — то Ноевъ ковчегъ, понеже плаваше по непроходному пути, сирѣчь по потопнымъ водамъ; посолъ нѣмъ — то есть чистая голубица, а грамота неписана — то есть сучецъ масличный, его же принесе въ ковчегъ голубица къ Ною на увѣреніе познанія, что есть суша. Ной праведный, зря той сучецъ, съ сынами и дщерями, со скотомъ и со птицы и со всякимъ гадомъ, бывшимъ въ ковчегѣ, едиными усты и единымъ сердцемъ прославиша благодѣющаго Бога.

— А осмѣлюсь, отецъ Мардарій, васъ спросить, — вмѣшалась хозяйка: — всякіе ли скоты были у Ноя въ ковчегѣ?

— Всякіе, матушка Евпраксія Михайловна, всякіе были; одной твари не было...

— Какой же это, батюшка?

— Рыбы! — во все горло закричалъ Варлаамъ и, схвативъ обѣими руками осетрій тавранчукъ, пошелъ уписывать его за обѣ щеки. Всѣ переглянулись. А отецъ Варлаамъ къ ероѳеичу десницу простираетъ.

— Прорвало! — сквозь зубы прошепталъ Мардарій и еще ниже опустилъ главу свою.

— Батюшка!.. Отецъ Варлаамъ! — съ ужасомъ вскочивъ съ лавки, вскрикнула одна изъ канонницъ: — не сквернись ради Господа!

— Не замай его, Матренушка, — молвила тихонько Евпраксія Михайловна, удерживая за рукавъ канонницу. — Не видишь развѣ? — Христа ради юродствуетъ...

А Гриша ногъ подъ собой не слышитъ. Не понимаетъ, что

вкругъ него дѣлается. И бесѣда мудрая, и безобразіе немалое. «Что-жъ это такое, — думаетъ онъ: — прямымъ ли дѣломъ отецъ Варлаамъ юродствуетъ, иль это врагъ лукавое мечтаніе очамъ моимъ представляетъ?»

Мардарій приширился — ни гу-гу, только лѣстовку перебираетъ. А отецъ Варлаамъ стаканчикъ на лобъ, да еще, да еще. И псальму запѣлъ:

Прошу выслушать мой слогъ,
Что̀ въ печали сложить могъ,
Во темныихъ во лѣсахъ...

— Подтягивай, Мардарій!

— Провидецъ, провидецъ! — зашептали матушки-келейницы. — Съ роду не видывалъ отца Мардарія, а узналъ ангельское имя его.

Однакожъ Мардарій не подтягиваетъ, опустя голову смотритъ внизъ да половицы считаетъ. А Гриша шепчетъ молитву на отогнаніе бѣсовскихъ мечтаній и думаетъ: «Чесо ради бысть знаменіе сіе?» А Варлаамъ-то заливается:

А вотъ наша вся отрада:
Хлѣбъ, вода — и вся награда —
Живи да не тужи...

— Да подтягивай же, Мардашка!.. Хвати стариной!.. А ты, раба Божія Евпраксія, водочки-то подлей!

— Винограднинькаго не соизволите ли, батюшка? — отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна, наливая въ рюмку сантуринскаго.

— Не подобаетъ!.. Настойки давай!.. Мать твою какъ звать?

— Евдокіей, отче, Евдокіей.

— Ладно, я ужо по ней канонъ за единоумершаго справлю... Съ поклонами!.. А водочки-то подлей... Ну, пой же, Мардашка; подтягивай и вы, красавицы-дѣвицы, скитскія бѣлицы... Валяй!

Щи да кашу поставляютъ,
За велико почитаютъ —
Изрядной вотъ обѣтъ.
Пирожка кусокъ дадутъ,
То подумаешь и тутъ,
Какъ-то его съѣшь.

— Валяй, матери!.. Катай, канонницы!

И пѣвецъ сладкогласный, оглянуться не успѣли, какъ поѣлъ всѣ пироги и левашники.

Вмѣсто водокъ, сладкихъ винъ —
Поставляютъ квасъ одинъ:
И то за гостя чти.

— Да подлей же настойки-то, Михайловна!

По обѣдѣ всѣ по кельямъ
И какъ будто отъ бездѣлья
Правило несемъ.
Тогда съ горя и досады
Поискать пойдешь отрады —
Во деревню, за лѣсокъ...

— А на деревнѣ-то пташечки-сударушки! Вотъ такія-жъ красотки, какъ вы!

И пошелъ канонницъ хватать да щупать.

— Юродствуетъ, — шепчутъ онѣ: — юродствуетъ.

А Варлаамъ допѣваетъ пѣснь душеспасительную:

Лишь пойдешь за монастырь
Да возьмешь въ руки костыль,
Вслѣдъ уже бѣгутъ.
Какъ злодѣи набѣжали
И какъ вора сохватали,
Тутъ же цѣпію грозятъ.
Вина хотя не видалъ,
А игуменъ закричалъ:
„Протрезвить должно его“.

— А я ни капельки не пьянъ. Дьяволъ пьянъ, а инокъ никогда не бываетъ пьянъ: это бѣсъ...

Приведутъ въ келью, запрутъ,
Ключъ игумну отдадутъ,
А тутъ хоть умри!
Сутки двое такъ томятъ,
Ничего не говорятъ,
Глядятъ, аки звѣрь!

Да какъ пустится въ присядку. И пошелъ иную псáльму припѣвать:

Эй, ты, калина-малина.
Валяй, старцы, на Бисериху!
А дѣвки да молодки
На Купалу на Ивана,
Да на самого болвана,
Эй, на Ярилу-молодца!
Ужъ и я ли не Ярила?
Ужъ и я ли не Гаврила?
Эхъ, вы, голубки,
Глядите-ка старцу сюда!

И цапъ-царапъ молодую хозяйкину невѣстку за рукава бѣломиткалевые... Запустилъ десницу зá воротъ...

— Чтой-то за безобразіе?.. Господи! — закричала невѣстка, недавно взятая изъ Москвы и еще не знавшая такихъ подвиговъ преподобныхъ отцовъ.

— Юродствуетъ, матушка, юродствуетъ! — шепчутъ ей. — Это онъ плодъ чрева твоего благословляетъ.

Спровадили кой-какъ блаженнаго юроду въ Гришину келью. Не обошлось безъ грѣха: дорогой на усадѣ двухъ работниковъ искровянилъ... Добравшись до мѣста, не разоблачась, повалился на пуховикъ и тотчасъ захрапѣлъ во всю ивановскую.

Не разъ случалось Гришѣ видать безчиніе старцевъ; но такого и онъ еще не видывалъ. Когда, бывало, они ночью, въ келейной тиши, тихомолкомъ безчинствуютъ, всю бѣду на дьявола онъ сваливалъ. «Извѣстно,—думаетъ:—окаянный силёнъ; горами качаетъ. Представить человѣку сонное мечтаніе либо неподобное видѣніе — ему ни почемъ». Но сколь ни вспоминалъ юный келейникъ изо всего прочтеннаго имъ — въ «Патерикахъ», въ «Прологахъ», въ «Книгѣ о Старчествѣ» и въ разныхъ «Цвѣтникахъ» и «Сборникахъ», — нигдѣ нѣтъ того, чтобы бѣсъ, вселясь въ инока, при двадцати человѣкахъ такія дѣла творилъ... «Развѣ что въ самомъ дѣлѣ юродствуетъ?» — Объ юродахъ же Гриша читалъ и слыхалъ немало, самому-жъ видать ихъ еще не случалось... «Юродъ — отецъ Варлаамъ,— думаетъ онъ: — иначе какъ же можно, чтобъ иноку при мірскомъ народѣ, въ камилавкѣ, въ кафтырѣ, грибезовскимъ горломъ скаредныя пѣсни пѣть, плясать бѣсовски и непотребства чинить».

Но когда ночью услыхалъ Гриша бесѣду проспавшагося Варлаама со стариннымъ пріятелемъ его Мардаріемъ, когда узналъ онъ, что Варлаамъ за пьянство изъ десяти скитовъ былъ выгнанъ, а за непотребство два раза въ острогѣ да въ рабочемъ домѣ сидѣлъ, а одинъ разъ своя же братья, раскольники, ему за безчинство на дѣвичьихъ посидѣлкахъ бороду спалили, — смекнулъ тогда юный подвижникъ, что Варлаамово юродство на иную стать уложено.

«Что-жъ это за старцы, что̀ за столпы правой вѣры? — размышляетъ Гриша. Гдѣ-жъ тѣ искусные старцы, что̀ меня бы, грѣшнаго, правиламъ пустынной жизни научили? Гдѣ-жъ тѣ люди, что̀ правую бы вѣру уму моему раскрыли?.. Неужли кромѣ меня нѣтъ на свѣтѣ человѣка, чтобъ истиннымъ подвигомъ подвизался и сый боримъ дьяволомъ устоялъ бы въ прельщеньяхъ, не поругался бы святому своему обѣщанью?»

Шире и шире разрастались горделивыя думы въ распаленной головѣ Гриши. Высокоуміе въ конецъ его обуяло. Еще поглядѣлъ онъ на нѣсколькихъ старцевъ, еще послушалъ ихъ разговоръ — и сказалъ Богу на молитвѣ:

«Господи: есть ли человѣкъ праведенъ паче мене?»

Съ ранней молодости наслушался Гриша о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ, о томъ, что народился антихристъ и

пустилъ по землѣ несчастіе: стали люди брады брити, латинску одежду носити, чай, треклятую траву, пити, табачное зеліе курити, пачпорты съ бѣсовской печатью при себѣ держати.

Куда дѣваться отъ него? Смотритъ въ книги, видитъ, что отъ злобы антихриста истинные Христовы рабы имутъ бѣжати въ горы и вертепы, имутъ хорониться въ пропасти земныя; а кто не побѣжитъ изъ смущеннаго міра, тотъ будетъ уловленъ въ бѣсовскія сѣти и погибнетъ погибелью вѣчной... Ключомъ кипитъ горячая кровь — только то и держитъ на умѣ Гриша, какъ бы найти ему искуснаго старца, жителя пустыни, чтобъ бѣжать съ нимъ въ дебри лѣсныя. И распалялось злобой Гришино сердце на всѣхъ, кого считалъ онъ антихриста слугами. Лелѣялъ онъ въ душѣ своей правило раскольничьихъ ревнителей: «съ табашникомъ, со щепотникомъ и бритоусомъ и со всякимъ скобленнымъ рыломъ — не молись, не дружись, не бранись». И дошелъ до убѣжденья, что «никоніанина пришибить — семь пятницъ молока не хлебать». И не дрогнула-бъ рука у него, если-бъ зло сотворить кому изъ церковниковъ... Евпраксія Михайловна и тѣни не имѣла такой нетерпимости, не разъ журила она Гришу за вырывавшіяся у него подъ часъ злобныя словеса, но журьба доброй хозяйки его не трогала. Мрачно молчитъ, слушая рѣчи ея, и душою болѣетъ: «вотъ, дескать, и добра и милостива, а вдалась же въ суету грѣховную: совсѣмъ обмірщилась».

Глядя на безчинство старцевъ, на безобразіе перехожихъ богомольцевъ, не думаетъ больше Гриша, что бѣсы его смущаютъ, гордыня въ конецъ обуяла его. Безъ грусти, безъ сердечной истомы смотритъ онъ въ щелочку изъ своей каморки, какъ честные отцы со штофомъ бесѣдуютъ, иной разъ и курочкой не брезгуютъ. Безчинство старцевъ, ихъ разговоры о вещахъ непотребныхъ радуютъ его. Насмотрѣвшись на нихъ, спѣшитъ онъ босыми ногами на кремни да битыя стекла, налагаетъ вериги, кладетъ земные поклоны сотню за сотней. Уста шепчутъ кичливую молитву о прощеніи безчинныхъ старцевъ, а въ душѣ тайный голосъ твердитъ: «Господи! да есть ли же гдѣ-нибудь человѣкъ праведенъ паче мене?»

Пересталъ Гриша на рѣчку ходить, пересталъ отъ зари до зари воспѣвать прекрасную мать-пустыню, забылъ про сладкія слезы, что̀ во время былое по цѣлымъ часамъ текли изъ глазъ его, устремленныхъ на чернѣвшую вдали полосу лѣса.

Зато сильнѣе прежняго мучило Гришу другое. Многаго онъ начитался, многаго онъ наслушался отъ привитавшихъ въ его кельѣ. Не разъ слыхалъ, какъ поповщинские раскольники спорили межъ себя насчетъ новаго австрійскаго священства;

много разъ слыхалъ, какъ поморцы хулятъ поповщину за поповъ, ѳедосеевцы поморцевъ за браки, филипповцы ѳедосеевцевъ за то, что не по уставу кладутъ поклоны, а бѣгуны сопѣлковскіе всѣхъ проклинаютъ, кто въ своемъ домѣ живетъ. И всѣ-то другъ друга обзываютъ еретиками, всѣ-то чужому толку наносятъ укоры, всѣ хвалятъ одну свою вѣру...

И день и ночь размышляетъ Гриша: «Гдѣ-жъ правая вѣра, гдѣ истинное ученіе Христово?» И молится Гриша со многимъ воздыханьемъ и со многими слезами, да пошлетъ къ нему Господь человѣка, что̀ указалъ бы ему правую вѣру.

— —

Разъ, позднимъ вечеромъ, ранней весною, звякнуло желѣзное кольцо калитки у дома Евпраксіи Михайловны. Тихимъ, слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ кто-то сотворилъ Іисусову молитву. Привратникъ отдалъ обычный «аминь» и отперъ калитку. Вошелъ древній старецъ высокаго роста. Преклонныя лѣта, долгіе подвиги сгорбили станъ его; пожелтѣвшіе волоса неровными, всклоченными прядями висѣли изъ-подъ шапочки. На старцѣ дырявая лопатѝнка, на ногахъ протоптанные корцовые лапти; за плечами невеликій пещуръ.

— Что̀ тебѣ, дѣдушка? — спросилъ привратникъ.

— Охъ, родименькой! — зашамкалъ беззубый старикъ, задыхаясь и тяжело опускаясь на прикалитную скамью: — указали мнѣ боголюбцы путь въ домъ сей ко благочестивой вдовицѣ, къ Евпраксіи Михайловнѣ.

Привратникъ, не впервы̀е принимавшій странниковъ, впустилъ его.

— Одинъ, что ли, старче, аль еще кто есть съ тобой? — спросилъ онъ его.

— Одинъ, родимой ты мой, одинъ.

— Пойдемъ, старче.

И повелъ его въ домъ. Евпраксія Михайловна вечернее правило тогда съ канонницами справляла. Велѣла старца̀ ввести.

— Миръ дому сему, — сказалъ онъ, уставно, истово помолясь передъ облитыми лампаднымъ свѣтомъ, сребропозлащенными иконами, и до самой земли поклонился хозяйкѣ.

— Садись, старче Божій, садись, обогрѣйся! Вишь у тебя лопатѝночка-то какая ветхая *). А на дворѣ-то морозно, время-то погодливое... Сядь-ка вотъ здѣсь, старче... Да велите-ка, матери, Гришеньку кликнуть, «Господь, молъ, гостя даровалъ».

*) Лопать, лопатинка—рубище (въ восточныхъ и приволжскихъ губерніяхъ), верхняя одежда (въ Сибири и на Сѣверѣ).

Сними пещуръ-отъ, старче; ишь какъ умаялся. Принесите горячаго кушанья, матери. Да топлена-ль у Гриши келейка-то? Пустошничать что-то зачалъ, Христосъ съ нимъ. Да и старцы давно не привитали—третья никакъ недѣля. Не диво—непогодь такая, распутица. Сними-ка ты, старче Божій, пещуръ-отъ.

И, не дожидаясь отвѣта, сама стала снимать со старца ношу его, но, коснувшись плечъ, отшатнулась и прошептала молитву. Она тронула плохо прикрытыя рубищемъ, вросшія въ тѣло старца желѣзныя вериги.

Старецъ снялъ пещуръ. Евпраксія Михайловна бережно, творя молитву, поставила его подъ образа̀.

Вошелъ Гриша. Полузамерзшій старецъ маленько поотдохнулъ въ жарко натопленной моленной.

— Господа ради, сокрый меня грѣшнаго на малое время въ стѣнахъ твоихъ, боголюбивая матушка, — тихо проговорилъ онъ.

— Рада всей душой, старче. А можно-ль святое имя твое узнать?

— Грѣшный инокъ Досиѳей...

— Ахъ, батюшка, отче Досиѳее! Что-жъ ты не повѣдалъ ангельскаго своего чина?

И, творя «метанія» — какъ она, такъ и бывшія съ нею въ моленной, уста̀вно покланялись старцу по дважды, приговаривая: «Прости, честный отче! благослови, честный отче».

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — отвѣчалъ Досиѳей. И самъ сотворилъ всѣмъ «метанія».

— Откуда грядешь, куда путь держишь? — заговорила Евпраксія Михайловна послѣ уставнаго обряда.

— Града настоящаго не имѣю, грядущаго взыскую, — отвѣчалъ старецъ: — путь же душевный подобаетъ намъ, земнымъ, къ солнцу правды держати, аще тако Отецъ Небесный устроитъ. Тѣлесный же путь кто исповѣсть?

«Бѣгунъ сопѣлковскій», — думаетъ Гриша, давно наметавшійся середь перехожихъ богомольцевъ.

— Праведны рѣчи твои, отче Досиѳее, праведны твои рѣчи, — полушопотомъ, набожно говорила Евпраксія Михайловна.

Нѣсколько минутъ молчанья. Старецъ сидитъ, тяжело опустившись; движеньемъ губъ творитъ онъ молитву, а словъ не слышно. Радостнымъ ликомъ, свѣтлыми очами смотритъ вдовица на прохожаго трудника и тоже тайно молитву творитъ. Безмолвно сидятъ келейницы, истово перебирая лѣстовки. Мѣрно чикаетъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, что̀ висѣли у входа въ моленную.

— Въ пустынѣ жилъ я, матушка, — тихой рѣчью заговорилъ обогрѣвшійся старецъ. — Въ пустынѣ я жилъ — недалеко отсюда — въ Поломскихъ лѣсахъ. Немалое время провождалъ, грѣшный, въ пустынѣ... Келейку своими руками построилъ, печку сложилъ ради зимняго мраза; помышлялъ тутъ и жизнь свою грѣшную кончить... А вотъ — двѣ недѣли тому — на самое Сборное воскресенье попущеніе Божіе было. Отлучился азъ, грѣшный, ради тѣлесныя нужды, дровишекъ набрать изъ буреломника. Подхожу къ келейкѣ — только дымокъ отъ головешекъ мало-мало курится... Сгорѣла!.. Немалое время жилъ я въ той келейкѣ, матушка, сорокъ лѣтъ, и не было ко мнѣ ни ѣзду ни ходу; сорокъ лѣтъ людей не видалъ... Сгорѣла!.. Привыкъ я къ келейкѣ, матушка, чаялъ въ ней помереть, домовину выдолбилъ—думалъ въ ней лечь, въ келейкѣ стояла у меня... Сгорѣла!.. Годы мои старые, а плоть немощна. Не снести безъ келейки зимняго мразу — треба нову поставить... И вотъ, слыша отъ боголюбцевъ про твои великія добродѣтели, добрелъ я до тебя, Евпраксія Михайловна, — дай пережить у тебя дò лѣта; не оставь меня, грѣшнаго. ради Христа. А лѣтомъ, Богу изволющу, побрелъ бы я опять въ свою пустыньку, опять бы кельеночку поставилъ, домовинушку бы сдѣлалъ... Не оставь Христа ради!

И дряхлый Досиѳей палъ къ ногамъ Евпраксіи Михайловны. А она его поднимаетъ, сама земное поклоненіе творитъ, а слезами такъ и обливается.

— Слышала, говоритъ, старче, слышала про ваше несчастье. Пала и къ намъ вѣсть, что исправникъ въ Поломски лѣса выѣзжалъ — старцевъ ловить, келейки жечь. Экій злорадный какой, прости Господи!

— Не кори его, Евпраксія Михайловна, — сказалъ на то Досиѳей. — Не моги корить. Аль не знаешь завѣта: «твори волю пославшаго»?.. Послушаніе паче поста и молитвы... Тутъ не злорадство его, а Божія воля... Безъ воли-то Господней власъ со главы человѣка не падаетъ. И то надо памятовать, что житіе дано намъ тѣсное, путь узкій, терніемъ, волчцами покрытый. Терпѣть надо, матушка, терпѣть, Евпраксія Михайловна: въ терпѣніи надо стяжать душу свою... Слава Христу, Царю Небесному, что посѣтилъ и меня Своимъ посѣщеніемъ... Вотъ чтò!

— Праведны, старче, рѣчи твои, — сказала Евпраксія Михайловна:—правда во устахъ твоихъ! Но за что-жъ они на насъ такъ лютуютъ? Вѣдь и они во Христа Бога вѣруютъ. За что же?

— На то Господне смотрѣніе. Стало-быть, надо такъ. Не испытуй Сотворшаго!.. — строго промолвилъ старецъ.

Досиѳея напоили, накормили: Гриша въ келью его проводилъ.

— Богъ спасетъ, родименькой, Богъ спасетъ, — говорилъ старецъ на усердныя послуги Гриши, когда тотъ, затепливъ лампадку передъ иконами, къ мѣсту прибралъ старцевъ пещуръ, закрылъ ставни, а потомъ съ обычными «метаніями» простился и благословился по чину.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — отвѣтилъ Досиѳей. — Охъ, ты, мой любезненькой!.. Спасибо тебѣ... Поди-ка ты, малецъ, подь-ка, рабъ Божій, спокойся.

Ушелъ Гриша въ каморку за печку-голанку. И тотчасъ къ щелкѣ.

И видитъ: оставшись въ манатейкѣ и въ келейной камилавкѣ, хотя и былъ истомленъ труднымъ путемъ, непогодой, на великое ночное правило старецъ остановился, читаетъ положенныя по уставу молитвы. Часъ идетъ, другой, третій... Гришу сонъ клонитъ, а старецъ стоитъ на молитвѣ... Заснулъ келейникъ, проснулся, къ щелкѣ тотчасъ — старецъ все еще на правилѣ стоитъ.

Дожилъ Досиѳей у Евпраксіи Михайловны до той поры, какъ рѣки спали и можно стало лѣсомъ ходить. Никуда не выходилъ онъ. Кромѣ Евпраксіи Михайловны да ея сыновей, никого къ себѣ не пускалъ. Не только въ Колгуевѣ, на самомъ усадѣ Гусятниковыхъ мало кто зналъ о прохожемъ старцѣ... Гриша былъ при немъ безотлучно.

Не видалъ еще онъ такихъ старцевъ... Смирилъ въ себѣ гордыню, увидѣвъ, что Досиѳей невпримѣръ строже его правила исполняетъ, почти не сходитъ съ молитвы, ѣстъ по сухарику на день, а когда подкрѣпляетъ сномъ древнее тѣло свое — Господь одинъ знаетъ.

Собрался Досиѳей въ путь-дорогу. Евпраксія Михайловна денегъ давала — не взялъ; новую свиту, сапоги — ничего не беретъ; взялъ только ладану горсточку да пятокъ восковыхъ свѣчъ. Ночью, передъ отходомъ старца, сѣлъ Гриша у ногъ его и просилъ поучить его словомъ. Въ шесть недѣль, проведенныхъ Досиѳеемъ въ кельѣ, не удалось Гришѣ изобрать часочка для бесѣды. То на правилѣ старецъ стоитъ, то «умную молитву» творитъ, то въ безмолвіи обрѣтается.

— Скажи, отче, повѣдай рабу своему, въ коей пустынѣ спасалъ ты душу свою, гдѣ подвигомъ добрымъ подвизался? Меня тоже въ пустыню влечетъ, на безмолвное, трудное житіе... Повѣдай же, отче, повѣдай, гдѣ такая пустыня?

— Нѣтъ моей красной пустыни!.. Нѣтъ ея больше!.. — съ грустью отсовѣтовалъ старецъ: — сгорѣла моя келейка, домо-

винушка въ ней сгорѣла... Пришелъ, анъ только однѣ головешки...

— Слышалъ, отче, слышалъ... Ироды!.. Пилаты!..

— Гдѣ Ироды, гдѣ Пилаты? — вставъ съ лавки и во весь ростъ выпрямляясь, строго Гришу спросилъ Досиѳей.

— А твои лиходѣи?.. Никоніане!.. Укажи мнѣ ихъ, отче, укажи твоихъ злодѣевъ... Я бы зубами изъ нихъ черева повыталскалъ.

— Во Христа ты вѣруешь? — спросилъ старецъ Гришу, строго глядя на него.

— Вѣрую, отче святой — по-старинному вѣрую.

И перекрестился истово двуперстнымъ знаменіемъ.

— А слыхалъ ли ты, друже, какъ Христосъ на Лобномъ мѣстѣ, на крестѣ за жидовъ молился?

— Читалъ, отче... Господь грамотѣ сподобилъ меня, самъ про это читалъ.

— А читалъ ли, что̀ передъ тѣмъ отъ нихъ Онъ терпѣлъ?.. И заушенія, и заплеваніе, и по ланитамъ біенія... А не было за Нимъ грѣха ни единаго... И все-таки за мучителей молился... А намъ-то что̀ повелѣлъ Онъ творити? Самую-то первую заповѣдь какую Онъ далъ?.. Помнишь ли?.. Любить враговъ повелѣлъ... Читалъ ли о томъ?

— Читывалъ, отче.

— А читалъ ли, что всякая кровь взыщется?

— Читывалъ... Да ихъ вѣдь не грѣхъ. Они вѣдь еретики.

— Они люди, Гришенька. Всякъ человѣкъ кровью Христовой искупленъ. Кто проливаетъ кровь человѣка — Христову кровь проливаетъ. Таковый съ богоубійцами жидами равную часть пріемлетъ.

Быстро подскочилъ Гриша ко старцу... Смиренія какъ не бывало. Глаза горятъ, кулаки стиснуты.

— Да ты какого согласу самъ-отъ будешь? — спросилъ онъ Досиѳея нахальнымъ тономъ.

— Христіанинъ.

— Хвостомъ-то не виляй, не отлынивай! Не напоганилъ ли ты у меня своимъ еретицкимъ духомъ келейку?.. Не по никоновой ли тропѣ идешь?

— Держуся книгъ филаретовскихъ и іосифовскихъ...

— А говоришь, что никоніанинъ такой же человѣкъ, какъ и мы, старымъ крещеньемъ крещенные? По-твоему, пожалуй, и въ пищѣ и въ питіи общеніе съ ними можно имѣть?

— Можно, Гришенька... Мало того что можно, — должно.

— Да ты въ своемъ ли умѣ?

— Должно. Знай, что споры о вѣрѣ — грѣхи передъ Го-

сподомъ. Всѣ мы братья, всѣ единаго Христа исповѣдуемъ. Не помнишь развѣ, что Господь, по землѣ ходивши, и съ мытарями ѣлъ и съ язычниками — никого не гнушался? Какъ же мы-то дерзнемъ?.. Святѣе, что ли, мы Его?..

— Да вѣдь они щепотники, въ три перста молятся.

— А сколькими перстами повелѣлъ Господь самарянынѣ молиться?.. Читалъ ли ты, что Богу надобно кланяться духомъ и истиной?.. А два ли, три ли перста сложишь... это ужъ самое послѣднее дѣло...

— Уйди отъ меня!.. Уйди, окаянный! — отскакивая отъ старца, закричалъ Гриша. — Исчезни!..

«Это бѣсъ лукавый; черный эѳіопъ въ образѣ старца пришелъ меня смущати», — думаетъ Гриша и, почасту ограждая себя крестнымъ знаменьемъ, громко читаетъ молитву на отогнаніе злыхъ духовъ.

— Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, дьяволе... Не блазни мя мерзкими и лукавыми мечтаніями, отступи оть мене и отыди отъ мене, проклятая сила непріязни, въ мѣсто пусто, въ мѣсто безплодно, въ мѣсто безводно, идеже огнь и жупелъ и червь неусыпающій...

А старецъ въ ноги Гришѣ... Слезами обливаясь, молитъ не убивать души своей человѣконенавидѣніемъ... Долго молилъ, наконецъ всталъ, положилъ на путь грядущій семипоклонный началъ.

— Самъ Господь да просвѣтитъ умъ твой и да очиститъ сердце твое любовію, — сказалъ Досиѳей заклинавшему бѣсовъ келейнику и тихо вышелъ изъ кельи.

Гриша самъ не въ себѣ. Вѣритъ несомнѣнно, что цѣлыя шесть недѣль провелъ онъ съ бѣсомъ... Не одной молитвой старался онъ очистить себя отъ невольнаго оскверненія: возложилъ вериги, чтобъ не скидать ихъ до смерти, голымъ тѣломъ ложился на кремни и битыя стекла, цѣлый день крохи въ ротъ не бралъ, обрекая себя на строгій, безъядный постъ на столько же дней, на столько ночей, сколько пробылъ онъ съ Досиѳеемъ.

Но цѣлый день и весь вечеръ чудятся ему разныя мечтанья: стуки въ столѣ, бѣсовскіе звуки въ стѣнахъ, топоты ножные, скаканія, свистъ и толкъ, страшные кличи и нелѣпыя грезы, гудѣнія свирѣли, волынки и бубновъ. И чѣмъ больше склонялся день къ вечеру, чѣмъ гуще и темнѣй становился сумерки, тѣмъ громче и громче слышались Гришѣ бѣсовскіе звуки. Вотъ и молодой мѣсяцъ блеснулъ въ небѣ золотымъ краемъ, звѣздочки вспыхнули на востокѣ, а заря вечерняя блѣднѣетъ. Стихъ людской гомонъ, настала теплая, благовон-

ная майская ночь, а Гриша все борется съ бѣсами, все читаетъ молитвы...

И слышитъ: издали, съ рѣчки, изъ-за зеленыхъ ракитъ несутся звуки волынки, гудка, новорощенной свирѣли и громкой пѣсни семиковской:

Покумимся, кума, покумимся.
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидъ-Ладо! честному Семику,
Ой Дидъ-Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ, да голубушкѣ: —
Покумимся!
Покумимся!
Не сваряся, не браняся!
Ой Дидъ-Ладо! березка моя!

— Иждену-жъ я тебѣ, душе проклятее... Иду брань сотворить со дьяволомъ! — воскликнулъ Гриша и, выбѣжавъ быстро изъ кельи, устремился на всполье.

И видитъ: многое множество красныхъ дѣвицъ поетъ и пляшетъ у надрѣчныхъ ракитъ. Всѣ въ бѣломъ, у всѣхъ на головахъ вѣнки, у всѣхъ въ рукахъ березовыя вѣтки. Одаль молодые парни сидятъ — кто съ сурной, кто съ волынкой, кто съ новорощенной свирѣлью. Въ полночный дѣвичій семиковый хороводъ имъ мѣшаться не слѣдъ... И слышитъ Гриша ясные, веселые голоса живого семиковскаго хоровода:

Въ Арзамасѣ, въ Арзамасѣ, — на украсѣ
Соходилися молодушки въ единъ кругъ,
Онѣ думали крѣпку думу за-едино:
Ужъ мы сложимтесь, молодки, по алтыну,
Мы пойдемте къ арзамасскому воеводѣ.
— Охъ, ты, батюшка нашъ, арзамасскій воевода!
Ты прими, сударь, пожалуйста, не ломайся,
Дай намъ волю, дай намъ волю надъ мужьями!

Бодро, твердымъ шагомъ, съ поднятымъ вверхъ двуперстнымъ крестомъ, бѣжитъ Гриша на борьбу съ бѣсовскою силой. Громко, истово читаетъ заклятья:

— Запрещаю вамъ, стихійныя силы и всякія порожденія дьявола!.. Заклинаю васъ страшнымъ и престрашнымъ, неприступнымъ...

А семиковскій хороводъ все громче да громче:

Какъ возговоритъ арзамасскій воевода:
„Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля надъ мужьями,
Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля на недѣлю“...
Что̀ за воля, что̀ за воля на недѣлю?
Все едино, все едино, что неволя“.

— Исчезни и отыди въ злосмрадный огнь геенскій, княже

бѣсовскій, со аггелы своими!.. Отыди въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно, въ мѣсто безплодно, — заклинаетъ Гриша.

А у ракитъ игра своимъ чередомъ. Другую пѣсню запѣваютъ:

Дай намъ шильцо да мыльцо,
Бѣлое бѣлильцо
Да зеркальцо,
Копейку да денежку —
За красную дѣвушку!
Ой Дидъ-Ладо!
Семика честнаго яичницу!

— Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, проклятый Сатано!.. — говоритъ Гриша, приближаясь къ бѣсовскому полку.

Но дѣвицы, завидя его, разомъ встрепенулись. Съ гикомъ, съ гамомъ завели старую пѣсню:

Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ!
Мы тебя, монашекъ, поцѣлуемъ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ.

И вереницей кинулись на Гришу. И ну его цѣловать, миловать, къ сердцу прижимать... А онъ, все-таки видя не дѣвъ земныхъ, но бѣсовъ преисподнихъ, знай читаетъ свое, посылая ихъ «въ мѣсто пусто, мѣсто безводно, мѣсто безплодно»...

И невѣдомо какъ то случилось, — но нѣкій отъ черныхъ ѳіопъ, во образѣ полной жизни и огня, высокогрудой Дуняши, смутилъ строгаго постника, строгаго молчальника, строгаго веригоносителя, что̀ недавно съ полнымъ сознаньемъ говорилъ на молитвѣ: «Господи, есть ли человѣкъ праведенъ паче меня»...

И сотвори ему бѣсъ пакость велію...

Встало солнце. Цѣлый день Гриша отплевывался, вспоминая, что̀ сталось съ нимъ. Хочетъ молитву читать, но бѣсъ, во образѣ Дуни, такъ и лѣзетъ ему въ душевныя очи. Все-то мерещится Гришѣ — ракитовый кустикъ надъ сонною рѣчкой, бѣлоснѣжная грудь, чуть прикрытая миткалевой сорочкой.

Лишь на третій день пришелъ въ себя Гриша. И, вспомня про ночь, про ракиты, про рѣчной бережокъ — залился онъ горючими слезами: «Погубилъ я житіе свое подвижное!.. Къ чему былъ этотъ постъ, къ чему были эти вериги, эти кремни и стекла?.. Не спасли отъ искушенья, не избавили отъ паденья... Загубилъ я свою праведную душу на вѣки вѣковъ...»

На другой день послѣ того, какъ бѣсъ, во образѣ Дуни, сотворилъ Гришѣ пакость велію, попросился къ Евпраксіи

Михайловнѣ на ночлегъ инокъ, какихъ въ кельѣ у нея еще не бывало. Сухой, невысокаго роста, съ живыми, черными, какъ уголь горящими глазами, былъ онъ одѣтъ въ суконное полукафтанье, плотно застегнутое на мѣдныя, шарообразныя, невеликія пуговки. Рѣденькая бородка была тщательно расчесана; недлинные, но гладко примазанные волосы спускались съ головы кудрявыми, черными какъ смоль прядями. Поступь тихая, степенная, осторожная — ни дать ни взять, кошачья. Инокъ былъ такой чистенькій, такой гладенькій, рѣчь была такая томная, сладостная, вкрадчивая. Былъ не старъ, звалъ себя Ардаліономъ.

Дня три онъ прожилъ у Евпраксіи Михайловны, и не было еще никого, кто бы такъ по сердцу пришелся Гришѣ, какъ этотъ постникъ и молчальникъ. Хотя, по его словамъ, и держалъ онъ странствіе только по такимъ людямъ, что̀ сами древнихъ обычаевъ держатся, а все-таки ѣлъ и пилъ изъ своей посудины; воды, бывало, не зачерпнетъ изъ общей кадки, самъ сходитъ на рѣчку, самъ почерпнетъ водицы въ берестяный свой туесокъ. И къ вареву, что̀ принесетъ, бывало, ему Гриша съ поварни Евпраксіи Михайловны, пальцемъ не коснется, окомъ даже не взглянетъ, пока не очиститъ молитвой, не положитъ сотни земныхъ поклоновъ: столь доброопасную строгость въ общеніи съ малознаемыми людьми имѣлъ... Сперва все допытывался онъ у Гриши объ Евпраксіи Михайловнѣ, да не про то, какъ душу спасаетъ, какого держится толку, изъ какихъ старцевъ у нея отецъ духовный, а въ какомъ капиталѣ, каковы у нея дѣла по торговлѣ, воротились ли изъ Москвы сыновья, за наличныя ли деньги товаръ они продали... И все будто стороной, мимоходомъ. Говоритъ ему Гриша, что̀ знаетъ, про что услыхалъ ненарокомъ; а отецъ Ардаліонъ тяжко вздыхаетъ: «Охъ, суета, суета! — говоритъ: — какъ-то за эту суету на страшномъ Христовомъ судищѣ отвѣтъ давать? Всякимъ людямъ, чадо, уготована часть въ царствіи небесномъ; внидутъ въ селенія праведныя и тати, и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрымъ покаяніемъ, постомъ и молитвою очистятъ грѣхи свои; не внидутъ же токмо еретикъ и богатый... Нѣтъ имъ части въ славѣ Божіей!..»

Ночью съ правила не сходитъ Ардаліонъ — лѣстовокъ по сту стоитъ.

По душѣ пришелся Гришѣ такой строгій, суровый, а проклятія на впадшихъ въ суету такъ и льются потокомъ изъ устъ его. На третью ночь, когда ужъ все стихло, и Ардаліонъ, поставивъ въ особомъ углу мѣдные обра̀за свои, — чужимъ

иконамъ онъ не поклонялся, — хотѣлъ становиться на правило, — робко, всѣмъ тѣломъ дрожа, подошелъ къ нему Гриша. Кладетъ передъ нимъ уставныя «метанія», къ ногамъ припадаетъ.

— Жаждетъ душа моя, говоритъ, учительнаго словеси твоего, отче святый, стремится къ тебѣ духъ мой... Не отвергни меня, грѣшнаго!

— Чего ты хочешь, чадо, отъ меня неискуснаго? — тихо спрашиваетъ Ардаліонъ, сидя на скамьѣ.

— Дай мнѣ часть въ молитвахъ твоихъ праведныхъ, дозволь съ тобою на правило стать... А потомъ учи меня... До смерти готовъ служить тебѣ, до смерти готовъ отъ тебя поучаться.

— Добръ изволъ твой, чадо!.. Добръ твой изволъ... Но на общеніе въ молитвѣ съ тобой дерзать не могу.

— Отче святый, — я правой вѣры, я старой вѣры — никоея ереси нѣтъ во мнѣ... Великій я грѣшникъ передъ Господомъ; но ни еретикомъ... ни идоложерцомъ не былъ.

И градомъ катились слезы по щекамъ восторженнаго Гриши.

— Въ нынѣшнія, послѣднія времена, — тихой, вкрадчивой рѣчью заговорилъ Ардаліонъ: — міръ преисполненъ ересей... Благодать взята на небо, и стадо избра̀нныхъ вѣрныхъ Христовыхъ рабовъ малѣетъ день ото дня. Да, чадо, вселенная стала пуста, нѣтъ въ ней больше истиннаго благочестія, темный обликъ злолютыхъ ересей всю землю мракомъ покры. Пустилъ врагъ - дьяволъ по̀ людямъ многопрелестную власть свою. Все осквернено: и грады, и сёла, и домы, и стогны — смрадъ Сатаны дышитъ повсюду. Какъ волки въ овчіихъ кожахъ, являются слуги его, глаголя: «я правой вѣры, я старой вѣры». Всѣ старообрядцами нарицаются — и тѣ, что̀ зовутся поповщиной, а вѣра ихъ пестра, и тѣ, что̀ поморцами прозваны, ѳедосеевцами, филипповцами — но всѣ они единаго порожденья, геенской ехидны. Крещеніе ихъ — нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе... Всякъ имѣяй часть съ ними — еретикъ и отъ Бога отверженъ... Какую-бъ строгую жизнь ни повелъ онъ въ трудахъ, въ постѣ, въ молитвѣ, въ милостыни, въ нищелюбіи и страннолюбіи — всуе трудится. На челѣ и на деснѣй руцѣ его — антихриста печать... Уготованъ онъ дьяволу и аггеломъ его, того ради, что онъ — еретикъ.

— Гдѣ-жъ правая вѣра, отче святый? Скажи... Выведи меня на истинный путь.

— Вѣра истинная — въ пещерахъ, въ вертепахъ, въ пропастяхъ земныхъ. Теперь все въ мірѣ растлено прелестью антихриста, — и земля, нечестіемъ людей на тридцать саженъ

оскверненная, вопіетъ къ Богу, проситъ попалить ее огнемъ и очистить отъ скверны человѣческой. Кто спасенія ищетъ, все долженъ оставить — и отца, и мать, и родныхъ, и друзей, ото всего отрещись и бѣгать въ пустыню. Не слѣдуетъ жить подъ одною кровлей — твоя ли она, чужая-ль, все равно — бѣги и странствуй по землѣ, дондеже воззоветъ тя Господь. Свой кровъ имѣть — грѣхъ незамолимый, никакими молитвами его не избудешь, никакими поклонами его не загладишь, никакимъ дѣломъ душевнаго спасенія отъ него себя не очистишь. Буди, яко птица небесная, — тогда вся вселенная будетъ твоя!.. Бѣги и брань твори со антихристомъ!..

— А гдѣ онъ, отче? И какъ съ нимъ брань творити?..

— Брань со антихристомъ — противленіе заповѣдямъ его. Прехвальнѣе того подвига и спасительнѣе для души нѣтъ ничего.

— Я готовъ, отче, — порывисто вскрикнулъ Гриша, вскочивъ на ноги.

До того онъ сидѣлъ при ногахъ Ардаліона.

И мигомъ сіявшее душевнымъ восторгомъ лицо его омрачилось. Снова припалъ онъ къ стопамъ Ардаліона и, обливаясь слезами, заглушая слова рыданьями, молвилъ:

— Недостоинъ я, отче святый, недостоинъ такой благодати. Отъ юности моей бороли мя страсти, не устоялъ, окаянный... Не устоялъ супротивъ сѣтей дьявольскихъ: осквернилъ тѣло и душу. Палъ я, отче святый... Погубилъ цѣломудріе!..

— Что̀ такое? повѣдай мнѣ, чадо, безъ всякой утайки, — какъ отцу духовному, повѣдай.

И сказалъ ему Гриша повѣсть дней своихъ отъ того дня, какъ взятъ былъ въ келейку Евпраксіи Михайловны, сказалъ, какъ думалъ онъ подвигомъ молитвы и изможденіемъ плоти спасти душу, и какъ съ нимъ боролся дьяволъ... Все, все повѣдалъ ему до самой той ночи, какъ на праздникѣ Семика онъ, въ умѣ иль внѣ ума, соблазненъ былъ нѣкіимъ отъ эѳіопъ...

— Встань, чадо, — кротко, съ любовію отвѣчалъ Ардаліонъ на его слезы и рыданья. — Сіе есть плотское токмо прегрѣшеніе, сіе есть не грѣхъ, но токмо паденіе. И велико твое паденіе, но всякъ грѣхъ, — опричь еретичества, — таково оплаканный, не токмо прощается, но покаяніемъ паче возвышаетъ душу павшаго. Есть грѣхи тѣлесные горше того, тѣ слезами не очищаются... Таковъ бракъ... Сіе есть смертный грѣхъ, потому что въ бракѣ человѣкъ каждый день падаетъ и не кается, и даже грѣхъ свой вмѣняетъ въ правду. То грѣхъ незамолимый — прямо ведетъ онъ во тьму кромѣшную!.. А кто

падетъ, какъ ты палъ, и покается — чистъ отъ грѣха. Хочешь ли очиститься отъ всякія скверны?

— О! хочу, отче святый! Но какъ?.. Научи, наставь!..

— Должно креститься въ правую вѣру и имя другое принять... Паспорты и всякія бумаги откинуть, ибо на нихъ антихриста печать. И податей не платить: — то служеніе врагу-антихристу. И ни къ какому обществу не приписываться: — то вступленіе въ сонмище антихриста и сѣденіе на сѣдалищахъ губителей. И ежели вопросятъ тебя: кто ты и коего града? — отвѣтствуй: «града настоящаго не имѣю, а грядущаго взыскую». И твори брань со антихристомъ... Повлекутъ тебя на судилище — молчи... Претерпи раны и поношенія, претерпи темничное заточеніе, самую смерть, но ни единаго слова отвѣтствовать не моги и тѣмъ сотвори крѣпкую брань со антихристомъ. Помни то, что первые мученики съ людьми препирались — и сколь свѣтлые вѣнцы получили; ты же со антихристомъ, сирѣчь съ самимъ дьяволомъ, боротиться имешь, и аще пострадешь доблественно, паче всѣхъ мучениковъ вѣнецъ получишь, начальнѣйшимъ надъ ними будешь, понеже не съ простымъ человѣкомъ, но съ самимъ дьяволомъ добіешися... Хощеши ли креститися въ правую вѣру?

— Хочу, отче святый, хочу...

— А знаешь ли, чадо, какимъ узкимъ, какимъ труднымъ путемъ, волчцами и терніемъ покрытымъ, входятъ избранники въ сію область спасенія?.. Вѣдаешь ли, какимъ подвигомъ ищущіе правой вѣры достигаютъ свѣтлаго собора вѣрныхъ, ихъ же имена писаны въ книгѣ животной?.. О, сколь труденъ подвигъ!.. Сколь неудобоносимо то иго!

— Повѣдай мнѣ о томъ подвигѣ, отче!.. Я готовъ...

— Ни постъ, ни вериги, ни иные твои подвиги, ими же добрѣ подвизался еси, не спасутъ тебя, чадо, не введутъ во область спасенія, куда, яко елень на потоки водные, столь жадно стремится душа твоя!.. Всуе трудился, ни во что примѣнились молитвы твои, денноnощныя стоянья на правилѣ, постъ, воздержаніе, отъ людей ненавидѣніе... Всуе трудился еси!.. А сколь свѣтлы селенія земныхъ ангеловъ, праведниковъ во плоти, сколь неизреченныя радости въ ихъ избранномъ соборѣ!.. И я знаю путь къ тому собору и могу показать оный путь!..

— Скажи мнѣ, отче!.. Скажи путь, въ онь же пойду!.. — всѣмъ тѣломъ дрожа и лобзая ноги Ардаліона, съ изступленіемъ говорилъ Гриша. — Отдамъ тѣло на раздробленіе: узнать бы лишь тотъ путь и хоть на часъ единъ войти въ райскія

свѣтлицы земныхъ ангеловъ!.. Что нужно мнѣ, отче, чтобы достигнуть свѣтлаго собора избранныхъ?..

— Смиреніе и послушаніе... Слышишь ли? — послушаніе!

— Готовъ, отче, тебѣ и всѣмъ въ правой вѣрѣ сущимъ оказать всякое послушаніе...

— Не простое то послушаніе, но совершенное отсѣченіе своей воли, совершенная смерть всякаго помысла, всякаго пожеланія... Ты долженъ будешь дѣлать только то, что велятъ, своей же воли отнюдь не имѣть... Можешь ли принять на себя столь тяжкое иго?

— Могу, отче!

— Иго неудобоносимо, другъ... Тяжелѣ того подвига нѣтъ на землѣ и никогда не бывало... Воистину ли можешь снести его?.. Вѣдь ты долженъ будешь творить всякую волю наставника, отнюдь не разсуждая, но паче вѣруя, что всякое его велѣнье — есть даръ совершенъ, свыше сходяй... Что-бъ ни повелѣлъ онъ тебѣ — все твори... И хотя-бъ твоему непросвѣщенному уму и показалось его велѣніе соблазномъ, хотя-бъ духъ гордыни, гнѣздящійся въ сердцѣ, и сказалъ тебѣ, что повелѣнное — грѣховно и богопротивно, — не внемли глаголу лестну — твори повелѣніе... Твори безъ думы, безъ разсужденія, но только помни, что буее Божіе — премудрость есть человѣкомъ.

— Какъ же это, отче? — слегка поколебавшись, спросилъ Гриша. — А ежель, примѣромъ сказать — повелятъ молоко въ постъ хлебать?

— Хлебай безъ разсужденія!.. Мало того — велятъ человѣка убить — твори волю пославшаго...

— Еретика!.. готовъ!.. Не скверню рукъ, паче же омыю ихъ окаянною кровію!.. Какъ пророкъ Илія вааловыхъ жрецовъ — перепластаю еретиковъ, сколько велишь!

— Не одного еретика, врага Божія... Велѣлъ бы я тебѣ: послушанія ради — самому въ срубѣ сгорѣть, гладомъ смерть пріять, засыпать себя рудожелтыми песками, въ пучину морскую кинуться: твори волю мою... И если хоть единъ помыслъ грѣховнаго сомнѣнія, хоть одна мысль сожалѣнія внидетъ въ душу твою — всуе трудился — уготованъ ты антихристу и аггеломъ его...

Вздрогнулъ Гриша.

— Можешь ли ходить путемъ вѣрныхъ? Хощеши ли, да имя твое вписано будетъ въ книгу животную?

— О, хочу, хочу!

— Пляши и пой пѣсню бѣсовскую! — прищуря глаза и зорко глядя на Гришу, сказалъ Ардаліонъ.

Ровно варомъ обдало Гришу. Отпрянулъ отъ старца на другой конецъ кельи, ужасомъ покрылось лицо его. Поднявъ руку съ крестнымъ знаменьемъ, задыхаясь отъ внутренняго волненія, читаетъ онъ:

— Заклинаю тебя страшнымъ именемъ Господа Бога живаго — отыди въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно...

— О, маловѣръ! — съ укоромъ, качая головой, сказалъ Ардаліонъ. — О, несмысленный Галатъ!.. Гдѣ-жъ твое послушаніе?.. Гдѣ же отсѣченіе воли?.. Гдѣ отриновеніе помысловъ гордыни?.. Нѣтъ, друже, неудобоносимо для тебя иго... Не можешь подъяти его празднымъ и раздвоеннымъ умомъ твоимъ... Сего малаго испытанія не могъ снести — внялъ глаголу духа лестна и лукава... Всуе трудился!.. Нѣтъ тебѣ части въ свѣтломъ сонмѣ избранныхъ!.. Влачи жизнь въ сѣтяхъ антихриста!.. Погибай погибелью вѣчною, буди тамъ, идеже смола кипящая, огнь неугасимый, червь неусыпающій... Говорилъ я, что ты долженъ творить всякую волю наставника, не смущатися духомъ, паче же вѣровать, что буее Божіе — премудрость есть человѣкомъ?.. Поди отъ меня!.. Что мнѣ и тебѣ?.. Кое общеніе свѣту ко тьмѣ?.. Маловѣръ несмысленный!.. Не видать тебѣ горъ Кирилловыхъ...

— Чего?

— Горъ Кирилловыхъ, что у Малаго Китежа *). Стоятъ онѣ надъ Волгой-рѣкой, рядомъ съ горой Оползень... Когда по Волгѣ плыветъ сплавная расшива мимо тѣхъ чудныхъ горъ Кирилловыхъ и на той расшивѣ всѣ люди благочестивые. — Кирилловы горы разступаются, какъ врата великія растворяются, и выходятъ оттуда старцы лѣпообразные, единъ по единому... Процвѣли тѣ старцы въ пустыни невидимой, яко крини сельные и яко финики, яко кипарисы и древа не старѣющія; просіяли тѣ старцы, яко каменіе драгое, яко многоцѣнные бисеры, яко звѣзды небесныя... Выходятъ старцы лѣпообразные, въ поясъ судоходцамъ поклоняются, просятъ свезти ихъ поклонъ, заочное цѣлованье братьямъ Жигулевскихъ горъ... И когда расшива проходитъ мимо тѣхъ Жигулевскихъ горъ, должны судоходцы исполнить приказъ старцевъ горъ Кирилловыхъ, должны крикнуть громкимъ голосомъ: «Охъ, вы, гой еси, старцы жигулевскіе!.. Привезенъ вамъ поклонъ отъ горы Кирилловой: — кирилловы старцы съ вами прощаются, прощаются они, благословляются»... Разступаются тогда высокія горы Жигулевскія, растворяются врата великія, бѣлымъ алебастромъ объ ину пору забранныя, и выходятъ на берегъ

---

*) Городецъ на Волгѣ — Нижегородской губерніи, Балахонскаго уѣзда.

старцы лѣпообразные, единъ по единому... И, поднявъ паруса бѣлые, вольной птицей полетитъ расшива на Низовье... Не насвистывай вѣтра, бурлакъ, лежа на брюхѣ — безъ свиста паруса легкіе наѣдятся вѣтра могучаго — понесутъ расшиву куда надобно... А забудь судоходцы исполнить завѣтъ горы Кирилловой — возстанетъ буря великая, разверзутся хляби водныя и поглотятъ расшиву съ судоходцами... Таковы блаженные старцы горы Кирилловой, таковы лѣпообразные старцы Жигулевскихъ горъ...

— Гдѣ-жъ тѣ горы? Гдѣ-жъ тѣ старцы? — спросилъ вполголоса Гриша...

— Туда ходу нѣтъ маловѣрамъ... Къ нимъ можетъ пройти только истинный рабъ Христовъ, воли своей не имѣющій, въ душѣ помысловъ нечистыхъ не питающій, волю пославшаго творящій безъ разсужденія... И не только въ Жигуляхъ и на горѣ Кирилловой процвѣтаютъ крины райскіе, во иныхъ во многихъ пустыняхъ невидимыхъ просіяли свѣтомъ невечернимъ свѣтила богоизбранныя... Путь же ихъ правъ, вѣра истинна; имена ихъ въ книгѣ животной написаны... И сіяютъ тѣ свѣтила отъ древнихъ лѣтъ... Тамъ, за Керженцемъ — пролегаетъ дорога, давнымъ-давно запущенная. Нѣтъ по ней ѣзду коннаго, нѣтъ пути пѣшеходнаго, а не зарастаетъ она ни лѣсомъ ни кустарникомъ... То — «Батыева тропа»... Проходили тутъ татары поганые отъ стольнаго града Володиміра въ чудный Китежъ-градъ. И тотъ чудный градъ доселѣ невидимо стоитъ на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ... Лѣтнимъ вечеромъ, когда гладью станутъ воды озера, ни вѣтеръ рябью не кроетъ ихъ, ни рыба, играючи, не пускаетъ широкихъ круговъ, — сокровенный градъ кажетъ тѣнь свою: въ водномъ лонѣ виднѣются церкви Божьи златоглавыя, терема княженецкіе, хоромы боярскія... Живутъ въ томъ градѣ люди блаженные, пустынные жители преподобные... Тамо жизнь безпечальная; жизнь безъ воздыханія, день немерцаемый, утѣхи райскія... И всякъ человѣкъ, иже смирилъ душу свою послушаніемъ, увѣдаетъ путь въ чудный градъ тотъ и вкуситъ отъ блаженныя жизни живущихъ тамо земныхъ ангеловъ.

— Скажи тотъ путь...

— Послушаніе безъ разсужденія... Кто возжелаетъ всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ помышленіемъ оставить сей многопрелестный міръ; кто нераздвоеннымъ умомъ, несомнѣнно, безъ разсужденья, обѣщается идти въ благоутѣшное пристанище, тому чудныя врата сокровеннаго града отворятся... Никому въ мірѣ не повѣдавши, ни отцу ни матери, ни роду ни племени, творя лишь послушаніе наставника, ступай тро-

ной Батыевой — иди. тщетнаго въ себѣ не помышляя и о томъ, чтобъ вспять возвратиться, не думая... Будешь терпѣть лютый гладъ, будешь терпѣть мразный хладъ, — иди тропой Батыевой — пролагай стезю ко спасенію. направляй стопы въ чудный Китежъ-градъ... Нападутъ звѣри лютые, наскочитъ на тебя змѣя подколодная. — иди тропой Батыевой. пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ-градъ... Возстанетъ буря великая. хлынутъ на тебя ручьи дождевые. заскрипятъ по лѣсу сосны столѣтнія. повалятся деревья бурломныя. — иди тропой Батыевой. пролагай стезю ко спасенію. направляй стопы въ чудный Китежъ-градъ... Накинутся лютые демоны, нападутъ на тебя змѣи огненныя. окружатъ тебя эѳіопы черные, заградитъ дорогу сила преисподняя. — а ты все иди тропой Батыевой — пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ-градъ...

— Скажи мнѣ путь, въ онь же пойду!.. Хоть бы денёкъ тамъ пробыть.

— Тамо — жизнь безконечная. Часъ единъ — здѣшнихъ сто годовъ... И не одинъ таковой сокровенный градъ обрѣтается: много ихъ по разнымъ мѣстамъ и пустынямъ Господомъ Богомъ ради избранныхъ поставлено... Ради тѣхъ. что̀ бѣгаютъ отъ антихриста въ горы. вертепы и пропасти земныя. по реченному Ефремомъ Сириномъ... Тамъ же, за Волгой. на озерѣ Нестіарѣ другой сокровенный градъ... А подальше въ лѣсу невидимая церковь стоитъ. Въ стары годы стояла она въ Василь-городѣ, на Сурѣ на рѣкѣ... Былъ праздникъ Господень — Преполовеньевъ день, пошелъ крестный ходъ на Суру воду святить. — двинулась за крестами и церковь Божія... Сура-рѣка разступалася, какъ ворота растворялася. принимала людей, что̀ за крестами шли. принимала и церковь Божію... И перенеслась церковь за Суру за рѣку, за Волгу-рѣку, за Ветлугу-рѣку, и доселѣ стоитъ невидимо — въ лѣсахъ... а въ какихъ — повѣдать тебѣ. маловѣру, нельзя... Стоятъ въ ней люди васильгородскіе и будутъ стоять до втораго Христова пришествія... Бысть единъ мужъ благочестивъ и боголюбивъ, житель единыя веси. неподалеку стоящей. Изыде той мужъ въ лѣса, ловитву звѣрямъ дѣюще, и Божіимъ изволеніемъ открылась ему церковь васильгородская. Пошелъ рабъ Христовъ, слышитъ: восьмой ирмосъ канона на святую Пасху поютъ: «Сей нареченный и святый день»... Сладко райское пѣніе, вкругъ церкви благоуханіе, свѣтъ лучезарный окрестъ сіяетъ... Мужъ тотъ не знаетъ — во снѣ онъ или въ восторгѣ... Прослушалъ одинъ только ирмосъ и пошелъ обратнымъ путемъ во-свояси. славя и благодаря Бога за видѣнную столь

чудную вещь... И егда пріиде въ весь свою — ни единаго знаемаго обрѣте, и ни единъ житель тоя веси его не позналъ. И бысть молва велія и многое разсужденіе въ людѣхъ... Мужъ же той имя свое повѣдалъ имъ, глаголя, что лишь накануне отыде изъ веси той въ лѣсъ, звѣриныя ради ловитвы, жену и дѣтей своихъ называя и домъ свой указуя... И дивляхуся вси... По малѣ времени обрѣтоша по сосѣдству мужа древня, ему же бѣ вящше ста лѣтъ. И повѣда той старецъ: «Бывшу мнѣ во отрочествѣ, слыхалъ азъ, многогрѣшный, отъ родителей, былъ-де въ ихъ веси человѣкъ добродѣтельный и благочестивый, имя то самое имѣяй, каковымъ пришлецъ сей чудный себя нарицаетъ... Тотъ человѣкъ во едино время отыде въ лѣсъ, звѣриныя ради ловитвы, и не возвратися»... И повѣда людемъ чудный мужъ, како видѣлъ онъ въ дебряхъ лѣсныхъ церковь васильгородскую и слышалъ ангелоподобное пѣніе. И егда повѣда, испусти духъ и преселился въ жизнь вѣчную... И познаху люди, что егда блаженный единъ ирмосъ: «Сей нареченный и святый день» слушалъ — сто годовъ протекло, и болѣе. И восхвалиша Господа и рекоша другъ ко другу: «дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ!»... И азъ знаю путь къ церкви васильгородской и могу указать тотъ путь несомнѣнно спасенія имущему...

— Отче, отче! скажи мнѣ...

— Имѣешь ли послушаніе?

— Имѣю, отче... Я сейчасъ... — И, взирая распаленными глазами на Ардаліона, подперъ руки въ боки, готовый пуститься въ плясъ. Запѣлъ-было:

„Какъ во городѣ было во Казани...“

— Довольно... — сказалъ Ардаліонъ. — Больше не надо. Благо твое послушаніе... Аще всегда будеши таково творити волю мою безъ разсужденія — узриши благая Іерусалима... Можешь ли теперь же творить брань со антихристомъ?

— Могу, отче... Гдѣ?.. Покажи треклятаго, да брань сотворю.

— Антихристъ, чадо, многоглавенъ, многоуменъ и многоязыченъ. Все, что̀ не нашей вѣры — антихристъ. Вся эта пестрая поповщина, хромыя души, какъ бывшая хозяйка твоя со всѣмъ своимъ мерзкимъ отродьемъ — антихристъ!

— Иду — задушу и ее и всѣхъ!..

— Щука умретъ — зубы останутся... Не тронь... Зубы вырви у ней.

— Какіе зубы?..

— Зубы ада — его сила... Сила нынешняго антихриста —

деньги. Ими все творится пагубы ради человѣческой... Можешь ли вырвать зубы изъ мерзкихъ челюстей его, окаяннаго?

— Могу, отче. Знаю, гдѣ сундукъ. Въ моленной. Хожу туда по ночамъ лампадки поправлять. Могу, отче!.. Иду...

И пошелъ-было къ двери.

— Постой, — сказалъ Ардаліонъ. — Время не упріспѣ... Часъ не пришелъ... Хощеши ли креститися въ правую вѣру?

— Хочу, отче... Гдѣ же?

— Идемъ на рѣчку — время благопріятно.

Пошли... И въ ночной тишинѣ перекрестилъ Ардаліонъ Гришу подъ той ракитой, гдѣ сжималъ онъ въ объятіяхъ Дуню... Полная луна блѣднымъ свѣтомъ обливала обнаженное тѣло юнаго изувѣра, когда троекратно подъ рукой Ардаліона погружался онъ въ свѣжія струи рѣчки. Ночь благоухала, небесныя звѣзды тихо, безмолвно мерцали, въ лѣсу и въ прирѣчныхъ ракитахъ раздавалось громкое пѣнье соловьевъ.

И нарекъ Ардаліонъ имя ему — Геронтій.

— Благослови, отче! — съ изступленнымъ жаромъ сказалъ Геронтій наставнику, когда воротились они въ келью.

— Благословенъ грядый во имя Господне!..

Безъ ума, со всѣхъ ногъ бросился Геронтій... Ардаліонъ сталъ поспѣшно сбирать въ пѣщуръ пожитки, чутко слушая, не зашумѣли-ль. Печку потомъ затопилъ.

Принесъ Геронтій сундукъ. Насилу дотащилъ.

Сундукъ разбили. Деньги вынули, бумаги въ печь покидали.

— Въ пустыню! — молвилъ Ардаліонъ.

И, нàскоро положивъ семипоклонный «начàлъ», вышли на всполье, рѣчку въ бродъ перешли и бѣгомъ пустились къ лѣсу.

Дня черезъ три хоронили Евпраксію Михайловну — умерла въ одночасье.

Запутались съ той поры Гусятниковы.

ВЪ ЧУДОВѢ.

Быль *).

Быть въ Нижнемъ-Новгородѣ и не видать Ивана Кондратьича Рыбникова было все равно, что̀ быть въ Римѣ и не видать папы. А видѣть Ивана Кондратьича можно было каждый Божій день: поутру въ депутатскомъ дворянскомъ собраніи, а вечеромъ въ дворянскомъ клубѣ. Тридцать три года прослужилъ онъ депутатомъ и чуть ли не пятьдесятъ лѣтъ былъ членомъ клуба.

Бывало, усядемся съ нимъ возлѣ бильярдной; человѣка два-три изъ неиграющихъ въ карты подсядутъ, и пойдутъ у насъ нескончаемыя розсказни. Разъ зашла бесѣда за̀-полночь; говорили про старинныя псарни, про медвѣжью охоту. Кто-то разсказалъ о нечаянной встрѣчѣ одного помѣщика съ лѣснымъ бояриномъ, Михайлой Иванычемъ Топтыгинымъ. Помѣщикъ, совсѣмъ безоружный, чудомъ спасся отъ когтей разъяреннаго звѣря. Толковали о томъ, что̀ долженъ былъ испытать помѣщикъ въ обществѣ Мишеньки... Иванъ Кондратьичъ молча прошелся разъ-другой по комнатѣ и, остановясь передъ нами, молвилъ:

— Со мной хуже было!

Всѣ знали, что Иванъ Кондратьичъ не охотникъ. Удивились.

— Гдѣ-жъ это, Иванъ Кондратьичъ?

— Въ Чудовѣ, Новгородской губерніи.

— Какъ же это случилось? Разскажите, пожалуйста!

— Пожалуй — теперь можно.

— Пожалуйста, пожалуйста, Иванъ Кондратьичъ!

— Я еще молодъ былъ, — началъ Иванъ Кондратьичъ: — двадцать съ небольшимъ мнѣ тогда было. Теперь, по новымъ

*) Дѣйствительный разсказъ покойнаго Ивана Кондратьича Рыбникова.

порядкамъ, человѣкъ въ двадцать лѣтъ — совершенный, умнѣе стариковъ, а въ наше время — молокососомъ считался... Да... Однако я ужъ тогда и дворянству послужилъ и въ отставку выйти успѣлъ. Завелись лишнія деньжонки — дай слетаю въ Москву, погляжу, что̀ за Москва бѣлокаменная... А она въ ту пору отстраивалась послѣ французскаго разоренья... Собрался, поѣхалъ. И встрѣтился я въ Москвѣ съ нашимъ помѣщикомъ, съ Андреемъ Петровичемъ Приклонскимъ. Онъ тогда въ откупа вошелъ; сначала дѣла у него пошли хорошо, своя винокурня была, а потомъ спуталось какъ-то: взысканія пошли, споры да иски — скверное дѣло. Оттого и жилъ онъ въ Москвѣ: въ сенатѣ хлопоталъ.

«Встрѣтились мы съ нимъ, обрадовались... Обѣдалъ я какъ-то у него. Вдвоемъ обѣдали. Андрей Петровичъ и сталъ мнѣ откровенно про свои дѣлишки разсказывать.

«— Вотъ бѣда-то, говоритъ: здѣсь у меня все на мази, а въ Петербургъ до-зарѣзу надо съѣздить — справки тамъ пособрать да барашка въ бумажкѣ кой-кому сунуть. Самому отлучиться нельзя, пожалуй, все дѣло испортишь. А вѣрнаго человѣка нѣтъ. Хоть волкомъ вой!

«Толкуемъ этакъ, того, другого перебираемъ, кого бы можно въ Петербургъ послать. Тотъ тѣмъ не годится, другой другимъ, а ѣхать — послѣзавтра.

«— Знаешь ли что̀, Иванъ Кондратьичъ? — говоритъ Андрей Петровичъ.

«— Что̀? — спрашиваю.

«— Сдѣлай дружбу — съѣзди!

«— Легко сказать: съѣзди, — отвѣчаю ему. — Да какъ ѣхать-то?

«— Не твоя бѣда: на мой коштъ поѣдешь.

«— Не въ коштѣ сила, говорю. Деньги что̀! Я и самъ думалъ на Петербургъ посмотрѣть. А то̀ возьмите, что въ Петербургѣ я не бывалъ, пріѣду, какъ въ лѣсъ: никого не знаю, за дѣло взяться не умѣю. Чтобъ не испортить какъ-нибудь.

«— Объ этомъ, говоритъ, не безпокойся. Дамъ письма къ пріятелямъ, все у тебя пойдетъ, какъ по маслу. Мнѣ нуженъ ты только для вѣрности... А на тебя во всемъ полагаюсь: дѣло сосѣдское.

«— Сосѣдское-то оно сосѣдское. Только вѣдь я въ откупахъ никакого толку не смыслю. Особенно по заводу, тутъ ужъ ни бельмеса не понимаю. Испортить боюсь. Вотъ что̀.

«— Ицку пошлю съ тобой.

«А это — жидъ былъ, на заводѣ винокуромъ служилъ. Жи-

дамъ строго было тогда запрещено въ столицахъ проживать.

«— Развѣ, говорю, онъ здѣсь? Вѣдь запрещено...

«— Мало-ль что̀ запрещено! Не одна сотня жидовъ на Москвѣ живетъ, хоть и запрещено.

«— Безъ паспорта?

«— Зачѣмъ безъ паспорта? Съ паспортомъ, только паспортъ-отъ у него припрятанъ. Не на виду, значитъ...

«— Какъ же въ полиціи-то?

«— Мой дворовый человѣкъ — и вся недолга̀.

«— А въ Петербургѣ-отъ какъ же его? Тамъ вѣдь насчетъ паспортовъ еще строже московскаго.

«— Здѣсь Ицка мой, въ Петербургѣ будетъ твой.

«— Не досталось бы?

«— Не ты первый, не ты и послѣдній.

«Поладили. На другой день поутру привели лошадей. Ицка на облучокъ, а я въ дормезъ Андрея Петровича. Отличный дормезъ: вѣнской работы. Покатили шестерикомъ. Бариномъ ѣхалъ.

«Въ Петербургѣ прожилъ больше мѣсяца. Что̀ нужно было, обдѣлалъ хорошо. Поѣхалъ съ Ицкой въ обратный путь.

«Вечеркомъ пріѣхали на Чудовскую станцію. Ямщикъ лихо подкатилъ дормезъ къ подъѣзду «путевого дворца», — такъ назывались тогда станціи по новой, только-что выстроенной шоссейной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Домъ большой, каменный, у подъѣзда фонари горятъ. Проѣзжающихъ нѣтъ, только парная телѣжка стоитъ. Лошади, значитъ, будутъ.

«Былъ октябрь на исходѣ; я прозябъ, даромъ что въ дормезѣ сидѣлъ; сильно подмораживало. Вышелъ изъ экипажа, иду по лѣстницѣ — освѣщена. Вотъ, думаю, какъ бы вездѣ такія станціи были, ѣздить бы споло̀горя. А то по нашимъ мѣстамъ избушки на курьихъ ножкахъ: тѣсныя, грязныя, а клоповъ да таракановъ видимо-невидимо.

«Вхожу въ комнату — большая, мебель прекрасная. У притолки смотритель въ струнку вытянулся... «Экій порядокъ!» — думаю.

«— Лошадей! — приказываю смотрителю, а самъ подаю ему подорожную. — Шестерикомъ! Да дормезъ надо подмазать. Распорядись, любезный, а я покамѣстъ у тебя чаю напьюсь.

«Тогда просто было: станціоннымъ смотрителямъ благородные «ты» говорили.

«Смотритель подорожную взялъ, а самъ ни съ мѣста. Иду дальше. Передъ диваномъ — большущій столъ. На немъ маленькій самоварчикъ. Пьетъ чай какой-то старикашка, сухой,

сердитый, съ кудреватыми волосами, въ сѣренькомъ сюртукѣ. Такой неприглядный. «Должно-быть, изъ земскаго суда», — думаю... Подошелъ я къ столу, шапку положилъ, шарфъ съ шеи размоталъ — тоже на столъ. Обернулся, вижу: смотритель стоитъ, какъ вкопанный.

«— Лошадей, говорю.

«Молчитъ смотритель, ровно солдатъ во фрунтѣ.

«Я опять къ столу. Поворотился задомъ къ старику, опять иду къ смотрителю.

«— Что-жъ, говорю, оглохъ ты, что ли?

«Смотритель налѣво кругомъ и скорымъ шагомъ маршъ за дверь.

«— Что̀, молодой человѣкъ? Откуда ѣдешь? — сердито прогнусилъ старикъ.

«Въ наше время старые люди молодыхъ тыкали: это обиднымъ не считалось. Сухо отвѣтилъ я:

«— Изъ Питера.

«— Что-жъ, ты, мой другъ, самъ-отъ петербургскій?

«— Нѣтъ!

«— Откуда-жъ?

«— Изъ Нижегородской губерніи.

«— Помѣщикъ?

«— Помѣщикъ.

«— Гм!.. Богатый?

«— Съ меня станетъ.

«— То-то: шестерикомъ ѣздишь!.. Въ карманѣ-то, видно, густо.

«— Чахотка.

«— Не по-чахоточному ѣздишь. Здѣсь вѣдь прогоны большіе.

«— Это ужъ мое дѣло, говорю, — а самъ думаю: «что̀ это онъ присталъ ко мнѣ?»

«— Чайку не хочешь ли? — спрашиваетъ.

«— Да вотъ смотритель, каналья, до сихъ поръ не распорядился. Я самъ хотѣлъ здѣсь чай пить.

«— Пьемъ вмѣстѣ: у меня пареной травки въ чайникѣ много. Выпьютъ же даромъ.

«— Пожалуй... — сказалъ я. — Да вотъ прежде смотрителя надо хорошенько повернуть.

«Подойдя къ окошку, отворилъ я форточку и крикнулъ: «смотритель!»

«Разъ крикнулъ, два крикнулъ, три крикнулъ: ни духу ни послушанія. Ровно всѣ вымерли. А слышно: чуть-чуть копошатся.

«— Что̀ горячишься? — гнусить старикъ. — Аль крѣпко надо спѣшить? Зазноба, что ли?

«— Некуда мнѣ спѣшить, а досадно, что смотритель порядка не знаетъ: проѣзжающихъ нѣтъ, а онъ лошадей не даетъ... Вамъ вѣдь парочку?

«— Да, парочку. Я все на парочкѣ ѣзжу.

«— Что-жъ это онъ? И глазъ не кажетъ! — съ досадой говорю я про смотрителя.

«— Не кипятись. Успѣешь, мой другъ. Выпей-ка лучше чайку стаканчикъ.

«И, вынувъ изъ обитаго тюленьей шкурой погребца граненый стаканъ, налилъ чаемъ и придвинулъ ко мнѣ.

«— Съ прикуской пьешь, али въ накладку?

«— Въ накладку.

«— Какъ же тебѣ не въ накладку? Богатъ! Помѣщикъ! — И положилъ сахару въ мой стаканъ.

«— А что̀, мой другъ, — спросилъ онъ, немного помолчавъ: — служишь, что ли?

«— Теперь не служу.

«— Что-жъ такъ?

«— Да такъ, по грамотѣ о вольности дворянства. «Хочемъ — служимъ, хочемъ — нѣтъ».

«— Гм! Что-жъ подѣлываешь?

«— Да ничего не дѣлаю.

«— Ужъ будто и ничего? Въ Петербургъ-отъ зачѣмъ ѣздилъ?

«— Не по своему дѣлу, — отвѣчаю, прихлебывая чай.

«— По чьему же?

«— Сосѣда по деревнѣ — Приклонскаго Андрея Петровича.

«— Что̀ же у него за дѣла?

«— Самыя поганыя, говорю: по откупамъ да по заводу винокуренному.

«— Гм! Что-жъ за дѣла такія?

«— Хорошенько-то и не знаю. Мое дѣло было справки взять да кой-кому руки смазать.

«— Что-жъ, смазалъ?

«— Смазалъ.

«— И пошло дѣло?

«— Еще какъ пошло-то!

«— Гм! А гдѣ смазывалъ?

«— Извѣстно гдѣ! — И сказалъ, гдѣ смазывалъ.

«— Гм! И взяли?

«— Еще бы не взять!

«— И не поморщились?

«— Не ежа, чать, въ руки-то совалъ, а деньги. Зачѣмъ же морщиться?

«— Гм! Выпей еще стаканчикъ.

«— Выпью. А сами-то вы откуда будете? — спрашиваю я у него.

«— Недальный. Тоже помѣщикъ.

«— Новгородскій?

«— Новгородскій. Вотъ недалеко отсюда деревнюшка у меня есть.

«— А ѣдете откуда?

«— Неподалеку отсюда по дѣлишкамъ ѣздилъ... А какъ твое имечко святое?

«— Иванъ.

«— По батюшкѣ-то какъ звать?

«— Кондратьичъ.

«— А фамилія какая?

«— Рыбниковъ.

«— Какъ же это ты, другъ мой, Иванъ Кондратьичъ, дѣльцо-то сладилъ? Говорятъ, винное дѣло мудреное. Развѣ самъ прежде кабацкой частью занимался?

«— Не бывалъ я по кабацкой части и не буду... Не дворянское дѣло... Да что̀ это однако здѣсь за смотритель? Вотъ я поверну его по-своему!

«И пошелъ-было къ дверямъ.

«— Да ты крикни опять его въ форточку. Авось услышитъ, — гнуситъ старикъ.

«— И въ самомъ дѣлѣ, — молвилъ я.

«Кричалъ-кричалъ я въ форточку, и грозилъ смотрителю, и ругался — отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ. А подъ окномъ шушукаютъ.

«— Ицка! — крикнулъ я.

«Молчатъ.

«— Ицка! Ицка!

«— Что̀ у тебя тамъ за Ицка такой? — спрашиваетъ старикъ.

«— Жиденокъ.

«— Какъ жиденокъ?

«— Да такъ жиденокъ. Жидомъ родился, такъ и значитъ жидъ.

«— Гм! Что-жъ онъ тутъ дѣлаетъ?

«— Да со мной ѣдетъ.

«— И въ Петербургѣ былъ?

«— И въ Петербургѣ былъ.

«— Жидъ-отъ?

«— Да! А что̀?

«— Паспорта развѣ не спрашивали?

«— Зачѣмъ паспортъ? Ицка у меня за крѣпостного двороваго человѣка.

«— Гм! Какъ же это ты, Иванъ Кондратьичъ, на такое дѣло рѣшился?

«— Отчего-жъ не рѣшиться? Не я первый, не я послѣдній. А я бы еще стаканчикъ выпилъ.

«— Пей, Иванъ Кондратьичъ, пей, мой другъ!

«И старикъ налилъ мнѣ еще стаканъ чаю.

«— Ну что, какъ у васъ въ губерніи?

«— Ничего, слава Богу!

«— Урожай хорошій?

«— Порядочный.

«— Въ вашей губерніи народъ зажиточный, мужики богатые?

«— Исправный народъ, — отвѣтилъ я. — Не то, что здѣсь.

«— А здѣсь развѣ тебѣ не нравится?

«— Нѣтъ, не нравится.

«— Чѣмъ же не нравится?

«— Да какъ же это! Всѣхъ мужиковъ въ солдаты хотятъ поворотить. Штабовъ да казармъ вокругъ Новгорода настроили — одно только стѣсненіе... Мужику дай просторъ, онъ и будетъ исправенъ. А это на что похоже?

«— Что-жъ тутъ нехорошаго? — спросилъ старикъ, немножко насупившись. — Молодъ еще ты, сударь, такъ разсуждать!.. Надъ этимъ дѣломъ работали умы государственные.

«— Чорта съ два!.. Государственные умы!.. Еще здѣшній, а не знаете, что тутъ Аракчеевъ всѣмъ ворочаетъ.

«— Такъ Аракчеевъ, по-твоему, не государственный человѣкъ? — глухо и какъ бы съ одышкой прогнусилъ старикъ.

«— Далеко кулику до Петрова дня!.. Да что объ этомъ дьяволѣ толковать! Налейте-ка лучше еще стаканчикъ. А я васъ за то отличной пуляркой угощу. Вотъ только Ицку кликну.

«— Не суетись, мой другъ. Подожди — успѣешь. Вѣдь намъ съ тобой торопиться некуда. Потолкуемъ пока.

«— Зачѣмъ же изъ пустого въ порожнее переливать да время даромъ терять?.. Закусимъ и маршъ: вы въ деревню, я въ Москву бѣлокаменную.

«— А что-жъ, Иванъ Кондратьичъ, въ вашей-то губерніи, безъ Аракчеева, развѣ легче житье-то?

«— У насъ, батюшка, свои Аракчеевы есть... Чинами только не выше, а то-бъ и почище его были.

«— Кто-жъ это такіе?

«— А хоть исправники, напримѣръ... Что они теперь творятъ!.. У мертваго волосъ дыбомъ станетъ.

«— Что-жъ такое?

«— Да хотя бы насчетъ березокъ. Какому-то чорту пришло въ голову березками дороги обсаживать.

«— Эта мысль тоже графа Аракчеева!

«— Должно-быть, что такъ... Хорошему человѣку придетъ ли на умъ такая штука? Теперь мужикъ лѣтомъ, чѣмъ бы на пашнѣ работать, береги каждую березку, окапывай ее, очищай; подсохнетъ — новую сади... Листъ на которой чуть пожелтѣетъ — поливай ее, либо новую сади. Одна покормка земской полиціи чего станетъ?.. Березки-то, извѣстно дѣло, не выростутъ, а по двадцати копеекъ съ дерева ужъ собрано.

«— Куда же?

«— Извѣстно куда! Не намъ съ вами.

«— Земска полиція?

«— А то кто же?

«— Гм! Сильно берутъ?

«— Да какъ же и не брать-то?.. Свѣтъ на томъ стоитъ. Всѣ берутъ.

«— Неужли всѣ?

«— Да кто-жъ врагъ себѣ, кто откажется? Въ Петербургѣ самъ царь живетъ, да съ меня взяли же; а у насъ вдалекѣ и Богъ проститъ.

«— Гм! Такъ ты, другъ мой Иванъ Кондратьичъ, давеча сказалъ, что у васъ въ губерніи свои Аракчеевы есть. Значитъ, по-твоему, и Аракчеевъ взятки беретъ?

«— Взятокъ не беретъ, зато съ мужиковъ по три шкуры деретъ.

«— Гм! Не хочешь ли еще чайку-то?

«— Нѣтъ. Я вотъ за пуляркой схожу. Спитъ мой жидъ, должно-быть.

«Накинулъ я шинель, шапки не взялъ: оставилъ ее на столѣ, возлѣ старика. Вышелъ я изъ комнаты, сошелъ внизъ.

«— Гдѣ, говорю, смотритель?

«— Здѣсь, ваше благородіе, — отвѣчаетъ онъ.

«Смотрю: подлѣ телѣжки стоитъ. А въ телѣжку лошади заложены отличнѣйшія.

«— Что-жъ лошадей?

«— Сейчасъ, ваше благородіе. Позвольте только графа отправить.

«— Какого графа?

«— А графа Аракчеева.

«— Гдѣ онъ?

«— А чаемъ-то васъ потчевалъ.

«Поднимаюсь наверхъ тихохонько. Отворилъ дверь, сталъ у притолки. Руки по швамъ.

«Аракчеевъ попрежнему сидитъ на диванѣ, погребецъ запираетъ. Взглянулъ на меня.

«— Аль со смотрителемъ поговорилъ? — спрашиваетъ.

«Открылъ я ротъ. Хвать, языкъ-отъ не ходитъ.

«— Подь сюда, Иванъ Кондратьичъ!

«И ноги не дѣйствуютъ.

«Самъ подошелъ ко мнѣ, положилъ руку на плечо и гнуситъ:

«— Вотъ тебѣ, молодой человѣкъ, урокъ. Съ незнакомыми языка не распускай. Говори подумавши. Чего хорошо не знаешь, про то судить не берись... Да и жидовъ въ столицы не вози... Прощай, другъ мой!.. Да заруби на носу: про что мы съ тобой говорили, про то знаютъ только ты да Аракчеевъ. Помни же это!

«И ушелъ. Слышу, телѣжка покатила по шоссе. Тотчасъ крикъ да говоръ пошелъ на улицѣ.

«До самой смерти Аракчеева никому не смѣлъ я заикнуться про нашу встрѣчу. Твердо помнилъ, что велѣно было на носу зарубить. Съ Аракчеевымъ шутить было нельзя — Сибирь не своя деревня».

Раздался клубный звонокъ.

— Ну, прощайте, господа! звонокъ. Штрафа платить не намѣренъ, — сказалъ Иванъ Кондратьичъ и ушелъ изъ клуба.

Оглавленіе

I ТОМА.

